

МАЛЬЧИК-МЕНЕСТРЕЛЬ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

А. ДЖ.

КРОНИН

МАЛЬЧИК-МЕНЕСТРЕЛЬ

А. ДЖ.

КРОНИН

В ПЕРВЫЕ НА РУССКОМ
РОМАН ОБО ЕМОЦИОНАЛЬНОМ
БЕЛЕТРИСТИКА, АВТОРА СТАВЛЯЮТ
КЛАССИЧЕСКИМ КНИЖ «ЗВЕЗДЫ
СМОТЯТ ВНИЗ», «ЦИТАДЕЛЬ»,
«ЗАНКО БРОУД» И ДРУГИХ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЧИТАЕТ ВСЕ! АМР

А. Дж. Кронин

Мальчик-менестрель

Часть первая

I

В один ветреный мартовский день, в середине двадцатых годов, я сидел в приемной префекта по учебной работе иезуитской школы Святого Игнатия, чему был несказанно рад после семи нелегких лет, проведенных в учебных заведениях, которые находились в ведении муниципалитета города Уинтон. Сразу же после моего появления на свет отец мой, питая самые радужные надежды относительно своего будущего, а также в приливе отцовских чувств записал меня в Стоунихерст[1]. Когда же шесть лет спустя после тяжелой и продолжительной болезни он скончался, его достойные похвалы амбиции так и не были удовлетворены: оставленных им денег едва хватило, чтобы рассчитаться с докторами и оплатить похороны.

И все же Святой Игнатий был неплохой заменой заведению в Ланкашире, выбранному для меня моим родителем. Школа с примыкающей к ней церковью располагалась на холме недалеко от центра города и предназначена была для взращивания отпрысков католической буржуазии, а кроме того, благодаря умеренным ценам — и сыновей рабочих; преподавали в школе священники-иезуиты, воспитанные, как правило, по строгим церковным канонам и отличающиеся свойственной этому ордену надменностью, что пугало меня до крайности, а потому, когда за моей спиной открылась дверь, я вскочил на ноги как ошпаренный.

Но в комнату непринужденно вошел какой-то незнакомый мальчик, явно чувствующий себя здесь как дома. Я снова сел на место, а он с легкой полуулыбкой расположился рядом. Одет он был несравненно лучше меня: в прекрасно скроенный костюм из темной фланели, белоснежную рубашку с галстуком в черно-зеленую полоску — явно цветами частной школы. Из нагрудного кармана пиджака высовывался льняной носовой платок, а в петлице вызывающе красовался маленький василек. Более того, мальчик — с его благородной бледностью, мягкими белокурыми волосами и голубыми глазами — был настолько хорош собой, что я еще больше застеснялся не только своих огненно-рыжих волос, веснушек и длинного носа, но и убогой одежды: старых фланелевых штанов, синей шерстяной кофты, связанной матерью, трещины на облезлом носке правого ботинка, которая возникла в результате неудачного удара по вылетевшему со школьного двора мячу. В результате я сразу же возненавидел мальчишку и решил при первой же возможности как следует ему наkostenить.

Неожиданно, к моему величайшему удивлению, мальчик нарушил торжественную тишину уставленной фолиантами комнаты.

— Надо же, как скучно. Похоже, пунктуальность не входит в число достоинств иезуитов, — сказал он и вдруг пропел: — «В церкви тихой и пустой оказались мы с тобой...» — а потом продолжил уже нормальным тоном: — Спорим, Бошамп сейчас завтракает в буфетной. Наверно, он жуткий обжора. Хотя ужасно образованный. Выпускник Итона. Новообращенный, естественно. — Мальчик снова затянул свою песню, теперь уже громче: — «В церкви тихой и

пустой оказались мы с тобой...»

В этот момент дверь распахнулась, и моим глазам предстала массивная величественная фигура в сутане, впрочем, не способной скрыть хорошо заметную дородность ее обладателя. В правой руке человек нес тарелку с большим двойным сэндвичем с сыром. Вошедший водрузил тарелку на письменный стол, предварительно аккуратно застелив его салфеткой, которую достал из верхнего ящика. Затем тяжело уселся за стол и произнес то ли в виде извинения, то ли просто в воздух буквально следующее:

— *Edere oportet ut vivas.*

— *Non vivere ut edas*[2], — вполголоса отозвался сидевший возле меня маленький сноб.

— Хорошо, — кивнул прелат, который, вне всякого сомнения, был не кем иным, как отцом Бошампом. — И хотя ты и цитируешь Цицерона, о чем тебя, впрочем, не просили... — Здесь святой отец остановился, перевел взгляд с мальчика на меня и только потом продолжил: — Но когда я подходил к храму науки, то услышал весьма нестройный напев...

— Есть у меня дурацкая привычка, — честно признался мой сосед. — Когда я нервничаю или жду того, кто опаздывает, непроизвольно начинаю петь...

— Да уж! — мрачно заметил Бошамп. — Тогда встань и пой. Но только очень тебя прошу, ничего вульгарного.

Я с трудом подавил злорадный смешок. Сейчас этот маленький задавака выставит себя круглым дураком. Он медленно поднялся со стула. Пауза явно затянулась. Затем, устремив взгляд куда-то вдаль, мимо отца Бошампа, мальчик запел.

Он исполнял «*Panus Angelicus*» — один из наиболее сложных церковных гимнов на латыни. И когда сладостные и трогательные слова гимна, наполнив комнату, начали постепенно подниматься к небесам, глупая ухмылка исчезла с моего лица. Никогда прежде я не слышал столь чудесного и искреннего исполнения и такого голоса — чистого и чарующего. Я был совершенно покорен и полностью отдался во власть музыки. Когда стихли последние звуки, в комнате воцарилась гробовая тишина.

Я был ошеломлен и долго не мог прийти в себя от потрясения. И хотя в те времена мои музыкальные познания были крайне ограничены, я не мог не понять, что этот расфранченный вундеркинд действительно обладает редким — прекрасным и пленительным — голосом. Бошамп был тоже потрясен.

— А... Хмм... — только и смог выдать он. — А... Хммм... Нам непременно следует поговорить о тебе с нашим хормейстером, добрейшим отцом Робертсом. — И после непродолжительной паузы добавил: — Ты, должно быть, юный Фицджеральд.

— Да, я Десмонд Фицджеральд.

— Ну что ж, очень хорошо, — неожиданно мягко произнес отец Бошамп. — Я много лет переписывался с твоим отцом. На редкость эрудированный человек. Выдающийся ученый. Именно его стараниями я получил «Апокалипсис» из библиотеки Колледжа Троицы, очень ценное и редкое издание, выпущенное Роксбургским клубом[3]. — И, помолчав, продолжил: — Но из его письма, полученного мною за несколько месяцев до его смерти, я понял, что ты собираешься в Даунсайд[4].

— Материнские чувства не позволили моей матушке отпустить меня далеко от дома, сэр. А потому она решила возложить на вас бремя ответственности за меня. Полагаю, к величайшему облегчению бенедиктинцев.

— Значит, теперь ты живешь в Уинтоне?

— Моя мать — шотландка. И овдовев, решила вернуться на родину. Она сняла дом в Овертаун-Кресцент.

— Прелестно. Чудный вид на парк. Надо будет обязательно ее навестить... Возможно, она угостит меня чаем. — Лицо Бошампа приняло мечтательное выражение, и он облизал губы.

— Как настоящая жительница Шотландии, она, должно быть, умеет печь эти восхитительные глазированные французские пирожные, которыми так славится наш город. Безусловно, пережиток Старого союза[5].

— Сэр, я обязательно позабочусь о том, чтобы к вашему визиту в доме был приличный запас, — серьезным тоном ответил Десмонд.

— Очень хорошо. Очень. А... Хммм... — Тут Бошамп повернулся ко мне и стал внимательно меня изучать, сосредоточенно нахмутив кустистые брови. — Ну, а ты кто такой?

Уязвленный до глубины души столь задушевым обменом любезностями, невольным свидетелем которого стал, я почувствовал себя здесь еще более чужим, а потому невнятно пробормотал сквозь зубы:

— А я просто Шеннон.

Похоже, ему понравились мои слова. На его лице появилась благодная улыбка.

— Ах да! Тебя приняли учиться как кельвинского стипендиата. — Бошамп наклонился и заглянул в лежащую на столе папку. — Несмотря на свой рост, ты похож на «скромный маленький цветок»[6], но, может быть, я сумею повысить твою самооценку, если сообщу, что твоя экзаменационная работа признана исключительной? Именно такую характеристику дал отец Джагер, который ее проверял. Ну что, ты доволен?

— Моя мать будет довольна, когда я ей об этом сообщу.

— Хорошо сказано! Теперь ты больше не «просто Шеннон», а великолепный Шеннон. — Бошамп внимательно оглядел меня сверху вниз, явно не обойдя вниманием и злополучную трещину на ботинке. — А теперь, если тебе удобно, можешь зайти к казначею и договориться о перечислении первого взноса из суммы твоей стипендии. Канцелярия открыта с двух до пяти.

К этому времени аромат свежего хлеба уже успел проникнуть за пределы салфетки, на которой лежали сэндвичи, и распространился по комнате. От аппетитных запахов у меня даже слюнки потекли, и я понял, что добрейшему префекту не терпится наконец разделаться со своим бутербродом. Бошамп торопливо проинформировал нас, что мы зачислены в старший четвертый класс[7], объяснил, где находится классная комната, и с облегчением отпустил.

Однако когда мы проходили мимо письменного стола, префект протянул свою здоровенную лапищу и, ни слова не говоря, вытащил цветок из петлицы Фицджеральда.

— С твоего позволения, во время занятий — никаких флористических украшений.

Десмонд вспыхнул, но возражать не стал, а лишь молча кивнул. Уже в коридоре мой новый товарищ сказал с улыбкой:

— В этом весь Бошамп. Золотая голова! Ненасытное брюхо! Спорим, он пустит мой василек на салат?! А я еще и пел ему, как последний идиот. Теперь меня непременно засунут в очередной хор. Хотя я и так целых три года играл роль чертовой примадонны в

подготовительной школе!

— Наверно, у тебя скоро начнет ломаться голос? — попытался утешить я нового знакомца.

— Уже сломался. Причем очень рано. Теперь я обречен быть Доном Оттавио, Каварадосси, проклятым Пинкертоном![8] — Тут Десмонд взял меня за руку и тихо добавил: — Надеюсь, я тебе понравлюсь, так как нам все равно придется быть вместе. Думаю, ты мне тоже понравишься. Твое «просто» прозвучало довольно мило. Ты играешь в шахматы?

— Я играю в футбол, — ответил я. — А ты?

— Ни разу в жизни не гонял мяч. Но обязательно приду поболеть за тебя. А теперь почему бы нам, прежде чем приступить к трудам праведным, не пропустить по стаканчику имбирного лимонада? Я видел неподалеку неплохую кондитерскую.

— Я на мели, — холодно произнес я.

— Ты что?! Это же я тебя пригласил. Пошли!

И он повел меня через улицу к заведению, которое оказалось кондитерской при школе. Внутри было удивительно уютно. Мы сели за столик.

— Два имбирных «швепса», пожалуйста. И похолоднее. С кусочком лимона, если, конечно, у вас имеется такая вещь, как лимон.

Женщина, стоящая за прилавком, как-то странно посмотрела на Десмонда, но уже через несколько секунд перед нами стояли два стакана с пенным напитком, и в каждом плавало по кружочку лимона.

— Благодарю вас, мэ. Могу я с вами рассчитаться?

Боже, как давно я не пил имбирного лимонада!

Я сделал большой глоток приятно охлаждающей жидкости.

— Правда, хорошо? — улыбнулся Десмонд. — Лимон здорово улучшает вкус. А теперь расскажи о себе. Оставим в стороне забивание голов. Чем ты вообще хочешь заняться?

Я рассказал ему, что мечтаю получить университетскую стипендию и, если повезет, заняться медициной, а потом в свою очередь задал ему тот же вопрос.

— Я хочу стать священником, — ответил моментально посерьезневший Десмонд. — И мама будет довольна. Она у меня очень славная и очень набожная. Так что к тому времени, как ты обоснуешься на Харли-стрит, я уже буду кардиналом в Риме. Думаю, мне пойдет красная шапочка.

И мы оба покатались от хохота. Устоять против обаяния Десмонда было невозможно. А ведь еще каких-то полчаса назад у меня руки чесались задать ему хорошую трепку! Но теперь он меня покорила. И стал мне даже нравиться.

— Ну что, еще по кружечке? — осушив стакан, спросил Десмонд.

Я почувствовал, как кровь прилила к щекам. Но взял себя в руки и твердо сказал:

— Извини, Фицджеральд. Но я не могу ответить тебе тем же. А поскольку быть прихлебателем вовсе не входит в мои планы, я должен сообщить, что мы — я и моя мама — находимся сейчас в крайне стесненных обстоятельствах.

Десмонд что-то сочувственно проворботал. Я видел, что ему ужасно хочется задать мне вопрос, но дальнейшее просвещение нового друга вовсе не входило в мои планы. А он, естественно, был слишком хорошо воспитан, чтобы давить на меня.

— Все самые почитаемые святые были бедны и предпочитали нищету богатству.

— Их дело, — парировал я.

— В любом случае, — улыбнулся Десмонд, — Господь свидетель... я не хочу, чтобы это помешало нашей дружбе. — А пять минут спустя, когда мы вышли из кондитерской, он взял меня за руку и сказал: — Возможно, еще не время, но ты не возражаешь, если мы будем обращаться друг к другу по имени? Я терпеть не могу, когда меня называют Фицджеральд. Все Фицы, как известно, являются потомками незаконнорожденных отпрысков Карла Второго. Он швырнул им приставку «Фиц» вместе с *baton sinister*[9]. Даже думать об этом противно. Нет, я предпочитаю, чтобы ты звал меня Десмонд, но никогда, заруби себе на носу, никогда не называй меня Дес. А как мне тебя называть?

— Ну, у меня совершенно ужасное имя. Меня назвали Александром в качестве искупительной жертвы, принесенной моему дедушке, причем абсолютно напрасно. А второе имя я получил в честь святого Иосифа. Но друзья обычно зовут меня просто Алек.

Мы вошли в классную комнату. Увидев, что наши парты рядом, Десмонд бросил на меня довольный взгляд. II

Отец Десмонда был книготорговцем. Но ни один современный роман не мог попасть в пределы обшитой ромбовидными панелями маленькой пыльной лавки, приткнувшейся в уголке дублинской гавани и широко известной в Англии и за ее пределами как хранилище редких фолиантов, художественных альбомов, исторических буклетов, трудов ученых мужей и тому подобных вещей, за которыми охотятся просвещенные коллекционеры, желающие приобрести что-нибудь особенное, но по цене гораздо ниже той, что бесстыдно запрашивают в Лондоне или в Нью-Йорке.

И хотя Фицджеральд и не нажил особого богатства — о чем охотно сообщал своим клиентам при заключении сделки, — он достаточно прочно стоял на ногах и, будучи на двенадцать лет старше жены, весьма предусмотрительно сохранил и удвоил ее состояние путем денежных вложений на ее имя, что после его кончины — события, не заставившего себя долго ждать, — обеспечило ей приличный годовой доход.

Его жена Элизабет была родом из Шотландии, а именно из Ланакшира, и потому на берегах полноводной Лиффи[10] чувствовала себя не совсем уютно. И вот, выждав положенное приличиями время, что позволило ей продать дом и получить вполне разумную сумму за материальные и нематериальные активы фирмы, она переехала в Уинтон, где с оборотистостью репатриантки очень скоро нашла прелестный дом на холме, о котором упомянул Десмонд в разговоре с отцом Бошампом, когда тот напросился на чай. При такой матери, которая души не чает в единственном сыне, Десмонд получал все, что только мог пожелать: красивую одежду, карманные деньги без ограничения, новый велосипед, чтобы ездить в школу...

Я же находился в совершенно другом положении. Моя мать была дочерью преуспевающего фермера из графства Эршир, но семья отреклась от нее, когда она убежала из дому с моим отцом-ирландцем, совершив при этом еще более тяжкий грех, а именно, перейдя в лоно Римско-католической церкви. После смерти отца упорная приверженность матери новой вере не оставила ей ни малейших шансов на примирение с семьей. Но мою отважную матушку было не так-то легко сломить. Пройдя короткий курс обучения, она получила должность патронажного работника при уинтонском муниципалитете. Служебный долг привел ее в печально известный район под названием Андерсон — мрачные трущобы, где беднота

плодила себе подобных, — золотушных и рахитичных детей. Эта замечательная, но достаточно обременительная работа вполне подходила матери — женщине энергичной и жизнерадостной. Заработная плата, отнюдь не соразмерная затрачиваемым усилиям и полученным результатам, составляла два фунта в неделю. За вычетом двух шиллингов и шести пенсов в пенсионный фонд и еще семи шиллингов и шести пенсов в качестве еженедельной платы за нашу так называемую двухкомнатную квартиру, на все про все — то есть на еду, одежду и наше с мамой содержание — оставалось лишь тридцать шиллингов, и это до следующего дважды благословенного дня маминой зарплаты. Но не думайте, что мы влачили унылое и голодное существование в скудно обставленных «кухне и комнате» на четвертом этаже, куда я взбегал по бесконечной лестнице, твердо зная, что наконец-то возвращаюсь домой, где проголодавшемуся мальчишке всегда найдется что поесть. Овсянка на завтрак, а если придется, то и на ужин, иногда как вариант бесподобное шотландское кушанье — гороховая каша на пахте, густой перловый суп с овощами на мозговой косточке, домашние ячменные или пресные лепешки, а по выходным — говяжьих голяшки, которые после воскресенья превращались в мясное рагу или картофельную запеканку с мясом. А еще я никогда не забуду мешка картошки, который каждый август нам тайком присылал старый работник с фермы маминых родителей. И хотя я прекрасно знал, что она ворованная, для меня не было ничего вкуснее больших рассыпчатых картофелин «Король Эдуард», которые мама запекала в духовке и подавала на стол с кусочком масла. Я съедал все, даже кожуру.

И тем не менее мой образ жизни так разительно контрастировал с приятной легкостью бытия Десмонда, что было нечто странное в нашей крепнувшей день ото дня дружбе. Мы встречались радостно, как старые друзья после долгой разлуки, и вместе с тем в наших отношениях не было ни малейшего намека на превосходство с его стороны или зависти с моей, хотя он приезжал в школу на новеньком велосипеде фирмы «Роли», а я тащился две мили пешком, поскольку у меня не было даже полпенса на трамвай.

В большинстве учебных заведений под руководством иезуитов близкая дружба между мальчиками не только не приветствуется, но и порицается. Но так как в дальнейшем нам с Десмондом предстояло разойтись по разным классам, на нашу взаимную привязанность смотрели сквозь пальцы, без тени сомнения или подозрения. Я никак не годился на роль партнера для любовных утех, поскольку практически сразу же был принят в футбольную команду, где меня заметили и оценили по достоинству благодаря резкой манере игры в качестве центрального полузащитника, в то время как Десмонд, несмотря на обаяние и кажущуюся беззаботность, проявил себя как достойный кандидат в священники, твердо решивший следовать избранной стезе. Он ни разу не пропустил мессы или причастия и каждое утро, еще до начала занятий, уже был в церкви. Он уговаривал меня присоединиться к священному братству, о котором у меня были самые смутные представления. А поскольку учащиеся принимали участие в церковной службе на Пасху и во время Страстной недели, я, стоя на коленях подле Десмонда, не раз видел, как из его глаз, устремленных на крест над алтарем, катятся слезы.

Десмонд ходил в любимчиках у святых отцов, и особенно у отца Роберта, который считал его талант даром Небес. Но Десмонд настолько выделялся из общей массы, что не пользовался особой популярностью у соучеников, одни из которых считали его снобом, а другие — просто странным. Здесь следует признаться, что если бы не я, ему пришлось бы вынести еще больше унижений от самых задиристых членов нашего маленького сообщества.

Однако при всей своей чувствительности Десмонд отнюдь не был трусом. Как-то раз, когда Десмонда загнала в угол группа хулиганов, которые, глумясь и осыпая его оскорблениями, предложили ему защищаться, он как ни в чем не бывало сунул руки в карманы и, приветливо улыбаясь, повернулся к ним лицом со словами: «Я не могу с вами драться, но если вам так уж не терпится расквасить мне нос, не стесняйтесь!»

От неожиданности хулиганы на секунду остолбенели и так и остались стоять с отвисшей

челюстью, потом послышалось невнятное бормотание на жутком уинтонском диалекте: «А он того, не сдрейфил... Не трожь его, Вилли... Отстань от него», затем раздался дикий гогот, причем не издевательский, а одобрителный, даже лестный для Десмонда, который невозмутимо кивнул и, не вынимая рук из карманов, спокойно пошел своей дорогой. Но я не сомневаюсь, что, когда он усаживался на низкую каменную ограду спиной к спортплощадке, сердце его колотилось как сумасшедшее. Это было его любимое место отдыха. Он никогда не участвовал в наших грубых и буйных забавах, поскольку так и не научился управляться с мячом или бить по нему. Нет, сидя на своей жердочке, он с некоторой долей высокомерия читал трэбник или своего любимого Тита Ливия. Однако основной его заботой было следить за внутренней жизнью узкой улочки, бросать время от времени монетку тому нищему, кто официально был признан таковым и особенно его донимал, а помимо всего прочего, во время сильных ветров, которые были не таким уж редким явлением здесь, на крутом холме, бдително следить за девочками в соломенных шляпках и синей форменной одежде, направлявшимися в соседнюю школу при женском монастыре или, наоборот, выходявшими оттуда.

Этих благовоспитанных девочек из хороших семей учащиеся школы Святого Игнатия считали незванными гостями и старались совершенно игнорировать, а потому, проходя мимо, отводили взгляд или опускали глаза долу. Десмонд же не устанавливал себе подобных запретов: он изучал девочек отстраненно и беспристрастно, словно они были туземцами, существами другой расы, и его замечания, подчас иронические, но очень смешные, были абсолютно лишены налета нечистых помыслов.

«Надо же, какая коротышка! Смотри, как ковыляет! А вот пай-девочка, мамина любимица! Только посмотри, какие локоны! А ленточки, ленточки-то, Господи помилуй! Ну и ну! Гляди, какая дылда белобрысая! Просто красotka, разве что ноги слегка великоваты!»

Конечно, все это был невинный мальчишеский треп, но в очень ветреные дни, когда внезапно налетевшие порывы срывали соломенные шляпки и, как парус, раздували непослушные юбки, выставляя на всеобщее обозрение девственно чистые голубые саржевые панталоны, мне начинало казаться, что мой друг слегка заигрался и его поведение свидетельствует о неосознанном влечении к противоположному полу. Так или иначе, но по сдавленным смешкам девочек и их взглядам исподтишка было件нятно, что они тоже не обошли вниманием юного аполлона, который с самым невозмутимым видом сидел на ограде и время от времени доставал из кармана запрещенный василек, чтобы вставить в петлицу.

И только один человек в школе, похоже, откровенно не любил Десмонда — отец Джагер, который был наставником в пятом классе, а кроме того, тренером школьной футбольной команды, им же и организованной. Это был коренастый, пышущий здоровьем, очень активный человек, которому я вскоре стал предан душой и телом и который, в свою очередь, проявлял ко мне определенный интерес. И вот как-то раз, когда я вошел к нему в кабинет, он неожиданно заметил:

— Похоже, вы с Фицджеральдом очень сблизились?

— Да, мы хорошие друзья.

— Не люблю тьюфяков! Ты заметил, как он, сидя на ограде, пялится на девочек из школы при женском монастыре?

Я старательно обдумал свой ответ, потому что надо было быть полным идиотом, чтобы перечить отцу Джагеру.

— Это просто игра такая, — осторожно ответил я. — Он ужасно хороший. И каждый день причащается...

— Что делает ситуацию еще более опасной. Яблочко-то с гнильцой. Чует мое сердце, твоего красивого и набожного друга ждут большие неприятности, — сказал отец Джагер.

Положив конец дискуссии, отец Джагер долго полировал свою вересковую трубку — единственную слабость, которую себе позволял, — рукавом старой сутаны, а потом зажал ее в зубах, но зажигать не стал — ввиду Великого поста — и пустился в пространные рассуждения на свою любимую тему о том, что в здоровом теле здоровый дух.

Он страстно верил в силу физического оздоровления, а потому неизменно принимал на заре ледяные ванны, после чего делал гимнастику по системе Юджина Сэндоу[11] и так заразил меня своим энтузиазмом, что я перенял его привычку ежедневных физических упражнений. Ходили слухи, что в молодости отец Джагер играл за футбольный клуб «Престон Норт Энд». Несомненно, он был помешан на футболе, не жалея сил, работал с командой, присутствовал на всех матчах и лелеял безумную мечту, что в один прекрасный день школа Святого Игнатия завоюет вождеденный приз — Щит шотландских школ. III

И все же даже непреклонный отец Джагер, похоже, сменил гнев на милость, поскольку Десмонд искупил свои грехи, когда, изменив себе, стал заядлым болельщиком школьной футбольной команды. Каждое субботнее утро Десмонд встречал меня на углу Рэднор-стрит; там мы садились на трамвай, чтобы доехать до окраины города, где находилось футбольное поле. Во время игры он обычно стоял за линией ворот наших соперников и, когда сия цитадель оказывалась пробитой, в частности, благодаря удару моей безжалостной ноги, пускался в пляс, исполняя нечто даже более эмоциональное, ирландскую джигу.

Отец Джагер обычно приглашал меня в свой маленький кабинет на втором этаже, чтобы обсудить тактику игры до и после каждого матча. Еще задолго до того, как это стало обычной практикой в профессиональной лиге, он настаивал на том, чтобы центральный полузащитник, то есть я, выполнял функции защитника и одновременно старался играть нападающего на половине соперника, чтобы забить мяч в его ворота. И именно благодаря советам отца Джагера мне удалось не только радовать своими голами Десмонда, но и приводить команду к победе в заведомо проигрышной ситуации.

После матча — независимо от того, победили мы или проиграли, — Десмонд приглашал меня на ланч к себе домой, где я нередко сталкивался со своей мамой. Десмонд со свойственным ему тактом постарался свести наших вдовых матерей вместе, что, впрочем, было не так уж и трудно, поскольку обе ходили к воскресной торжественной мессе в церковь при школе Святого Игнатия и явно симпатизировали друг другу. А кроме того, у меня имелись все основания полагать, причем без излишней самонадеянности, что миссис Фицджеральд одобряла дружбу своего сына со мной.

Что это были за чудесные встречи! Бесподобная еда, изысканно сервированный стол в чудесной, прекрасно обставленной комнате, из окон которой открывался вид на парк. И какое наслаждение для моей дорогой матушки, которая знавала лучшую жизнь и которой так не хватало всех этих красивых вещей! После кофе женщины усаживались у окна, чтобы поболтать или заняться шитьем, поскольку уж чем-чем, а шитьем миссис Фицджеральд, трудившаяся на благо церкви, всегда могла обеспечить их обеих, а мы с Десмондом отправлялись через парк в традиционное паломничество в муниципальную картинную галерею — красивое современное здание из красного песчаника неподалеку от Уинтонского университета. Мы знали галерею как свои пять пальцев, а потому сегодня мне была сделана уступка, и мы сразу же направились в зал французских импрессионистов, сели на скамью и погрузились в созерцание двадцати роскошных образчиков живописи этого периода. Больше всего мне нравился Гоген: две туземки, сидящие на берегу, на фоне буйных тропических зарослей.

— Написано во время его первой поездки на Таити, — прошептал Десмонд.

Но я уже перевел взгляд на восхитительную картину Сислея — набережная Сены в Пасси, — затем на не менее восхитительное полотно Вьюара — светло-желтое и багровое, — потом на Утрилло — обычная улица на парижской окраине, абсолютно пустая, но полная, да, полная Утрилло.

— Его лучший период, — прошептал мой наставник. — Ранний, когда он добавлял в краски гипс.

Однако я его не слушал: я жадно впитывал в себя дух этих полотен, которые так хорошо знал и которые как магнитом притягивали меня к себе.

Тогда Десмонд встал, решив, что на сегодня импрессионистов с меня довольно, и направился в коридор. Я последовал за ним в последний зал, где были представлены картины итальянских мастеров Раннего и Высокого Возрождения. Однако флорентийские и сиенские религиозные композиции не слишком меня интересовали. Я уселся на скамью в центре зала, а Десмонд стал медленно обходить овальный зал, останавливаясь у любимых полотен, пристально вглядываясь в них, тяжело дыша от восторга и время от времени обращая глаза к небесам.

— Десмонд, ты слишком драматизируешь, — заметил я.

— Нет, Алек. Эти изумительные сокровища прошлого, с их духовным воздействием и такой простой, но возвышенной идеей, порождают во мне божественное ощущение бытия. Посмотри на эту картину Пьеро дела Франческа и на эту божественную Мадонну, которая, несомненно, была центральной частью триптиха флорентийской школы, года примерно тысяча пятисотого, или вот эту Пьету[12]... А вот и моя любимая картина. «Благовещение» кисти Бартоломео делла Порта.

— А почему делла Порта?

— Он жил неподалеку от Порта-Романа. В тысяча четыреста семьдесят пятом. Дружил с Рафаэлем. Мне она так нравится, что я даже раздобыл небольшую репродукцию.

Я с похвальным терпением внимал его восторгам, пока не услышал, как в концертном зале этажом ниже оркестр начал настраивать инструменты. Тогда я решительно поднялся и сказал:

— Маэстро, музыку!

Десмонд улыбнулся, кивнул и, взяв меня за руку, спустился по широкой каменной лестнице в роскошный театр, который городские власти Уинтона от щедрот своих предоставили в пользование местным жителям и в котором днем, по субботам, можно было бесплатно послушать хорошую музыку в исполнении шотландского оркестра. Когда мы входили в зал, Десмонд взял отпечатанную на машинке программку.

— Черт побери! — воскликнул он, когда мы уселись в конце полупустого зала. — Ни Вивальди. Ни Скарлатти. Ни Керубини.

— Зато будет прославленный Чайковский и несравненный Римский-Корсаков.

— Твои проклятые русские!

— Они порождают во мне божественное ощущение бытия!

Десмонд рассмеялся, но потом сразу притих. Появился дирижер, которого приветствовали сдержанными аплодисментами, он взмахнул палочкой — и в зал полились первые звуки музыки из балета «Лебединое озеро».

Для провинциального города наш оркестр был очень неплох: он даже начал приобретать определенную известность в Европе и Соединенных Штатах. Оркестр великолепно исполнил Чайковского, а после перерыва — на том же высоком уровне — музыку к балету «Шахерезада».

После того как стихли последние аккорды, мы какое-то время приходили в себя, не в силах произнести ни слова. Молчание нарушил Десмонд, уныло заметивший:

— Боюсь, на этой неделе в Кингз ничего интересного для нас не предвидится.

— А что там будет?

— Одна из этих идиотских музыкальных комедий. «Девушка с гор». Кажется, так. Каких гор? Эвереста? Канченджанги? Волшебных холмов? Мамины друзья из Дублина сообщили, что в Уинтон приезжает Карл Роса.

— Прекрасно!

Это было еще одной нашей страстью, секретом, который мы тщательно оберегали от школьных товарищей, чтобы они не подняли нас на смех. Мы оба любили оперу и всякий раз, как оперная труппа приезжала в наш город, обязательно покупали шестипенсовые билеты на галерку на спектакли в субботу вечером в театре Кингз. Шестипенсовые билеты мы брали исключительно по моему настоянию, поскольку дорогие были мне не по карману, но время от времени Десмонд, ненавидевший сидеть на галерке, предлагал мне места в партере, уверяя, будто это бесплатные билеты, которые иногда получает его мать.

— Карл Роса был удивительно хорош в прошлом месяце, — заметил я. — Мне действительно понравился Доницетти.

— «Лючия ди Ламмермур», — улыбнулся Десмонд. — Тебе, как истинному шотландцу, он не мог не понравиться!

— А певица была выше всяких похвал. Ведь ария невесты чертовски трудная!

— Я рад, что ты сказал «ария невесты». Было бы грубо назвать ее «арией сумасшедшей». Да, Джеральдина Мур — кумир Дублина.

— Она просто изумительная! Такая молодая и такая красивая!

— Алек, я непременно передам ей твои комплименты, — мрачно заметил Десмонд. — Когда увижу, конечно.

И при этих словах мы оба дружно рассмеялись. Могли ли мы тогда предполагать, что эта прелестная и одаренная женщина в будущем сыграет важную, причем весьма активную, роль в судьбе и карьере Десмонда?

Большая часть публики уже успела покинуть зал — обычно мы ждали, пока все выйдут, поскольку Десмонд терпеть не мог «ломиться в дверь вместе с толпой».

— Может быть, чаю? — вопросительно посмотрел я на Десмонда.

— С удовольствием, Алек, — просиял он.

С самого начала нашей дружбы с Десмондом мама как-то сказала мне: «Мы не нахлебники. И по возможности должны платить добром за добро». — «Конечно-конечно... Но мы почти не...» — «Да, мы бедны, — яростно перебила мама. — Но нам никогда, слышишь, никогда не следует этого стыдиться».

И теперь Десмонд по субботам пил чай у меня в гостях, хотя первое посещение нашего скромного жилища, несомненно, потрясло его. Когда мы вышли из парка и свернули в не самый престижный район под названием Йоркхилл, Десмонд с нескрываемым отвращением разглядывал дешевые лавки и принюхивался к чудовищным запахам жареной рыбы с жареной картошкой, доносившимся из открытых дверей заведения Антонио Мосено, который, уже облаченный в передник, стоял на пороге и призывно махал мне рукой.

— Здрасьте, здрасьте, мистер Шеннон! Зеленый горошек готов. Картошка поспеет минут через десять.

— Друг? — осторожно поинтересовался Десмонд.

— Да, и очень хороший. Если я прихожу за жареной картошкой на пенни, он всегда дает мне двойную порцию.

Когда мы проходили мимо лавки мясника в конце улочки, хозяин, одетый во что-то сине-полосатое, перепоясанное кушаком, приветственно мне помахал.

— Еще один друг, — поспешил я предупредить вопрос Десмонда. — Он шотландец. И если мама зайдет в его лавку в субботу перед самым закрытием, то обязательно получит первоклассный товар.

Десмонд как-то странно притих, и, когда мы вскарабкались на крутой холм, на котором стоял наш многоквартирный дом, я понял почему. Так вот, после того как мы вошли в дом и не без труда преодолели четыре лестничных марша до нашей квартиры на верхнем этаже, он остолбенел рядом со мной, запыхавшись и явно потеряв дар речи.

— Послушай, Алек, — наконец выдохнул он. — Высоковато вы забрались!

— Глупости, Десмонд, — отрезал я. — Утром после холодной ванны и трех кругов вокруг дома, что составляет около мили, я птицей взлетаю по ступенькам.

— Правда? — бесцветным голосом спросил Десмонд.

Я достал ключ, открыл дверь и провел своего друга на кухню, где мама, перед тем как деликатно удалиться, сервировала кухонный столик под чистой белой скатертью всем, что требуется для чаепития, и даже поставила большую тарелку с песочным печеньем.

Десмонд рухнул на один из двух стульев, стоявших у стола, и принялся молча наблюдать за тем, как я зажигаю газ, кипячу воду в чайнике, со знанием дела завариваю чай и разливаю его по чашкам.

Затем, судорожно сглотнув, сказал:

— Замечательно, Алек. Очень бодрит.

Я долил ему чаю и придвинул поближе тарелку с печеньем. Десмонд взял одно, осторожно надкусил, и лицо его просияло:

— Послушай, Алек, печенье просто восхитительное!

— Домашнее. Угощайся.

И мы принялись за дело. В скором времени Десмонд практически опустошил тарелку, хотя, конечно, и не без моей помощи.

— Я еще хуже, чем старина Бошамп с его французскими пирожными, — извиняющимся тоном

заметил Десмонд, прежде чем взять девятое по счету, и последнее, печенье.

В ответ я в третий раз наполнил его чашку чаем.

Восстановив силы и слегка ожив, Десмонд стал рассматривать обстановку, и взгляд его остановился на занавешенном алькове за моей спиной.

— Алек, ты что, здесь занимаешься?

Я ногой отдернул занавеску, открыв нашему взору аккуратно застеленную узкую железную кровать под серым покрывалом.

— Мамина спальня, — сказал я. — Хочешь посмотреть мою?

В ответ Десмонд только молча кивнул. Я провел его через крошечную прихожую и распахнул дверь в комнату.

— Вот мои владения, — улыбнулся я. — Здесь я сплю, работаю и занимаюсь гимнастикой.

Оторопевший Десмонд последовал за мной. Комната была практически пустой. Из всей обстановки только узкая кровать на колесиках у стены и ветхое бюро с задвигающейся шторкой, уцелевшее только потому, что при распродаже нашего имущества его сочли непригодным для продажи на аукционе.

Так как Десмонд упорно продолжал молчать, я взял с каминной полки каучуковый мячик и бросил его так, чтобы он ударился о стену, а когда тот отскочил под острым углом, поймал.

— Моя, так сказать, настенная игра. Если удастся поймать мяч пятьдесят раз подряд, значит, я выиграл.

Но Десмонд, который в ответ не проронил ни слова, вдруг подошел ко мне все с тем же странным, взволнованным выражением на лице и, взяв меня за руку, к моему крайнему смущению, опустился передо мной на одно колено.

— Алек! — подняв на меня глаза, воскликнул он. — Ты такой благородный. Воистину благородный, так же как и твоя дорогая матушка. Жить, как вы живете, так скромно и так аскетично, и при этом сохранять жизнерадостность и высоту духа, могут только святые. Дорогой Алек, когда я смотрю на тебя, мне просто стыдно за себя, — сказал он и дрогнувшим голосом добавил: — Осени меня крестным знамением и дай мне свое благословение.

Чувствуя жуткую неловкость, я уже готов был сказать: «Ради бога, не будь идиотом!» — но по какой-то неясной причине все же сдержался и, пробормотав: «Во имя Отца, Сына и Святого духа», перекрестил его лоб.

Десмонд тут же расслабился, вскочил на ноги и стаи яростно трясти мою руку.

— Теперь я чувствую, что у меня хватит смелости следовать твоему примеру. Я не должен потакать своим слабостям. И я начну прямо сейчас. До моего дома отсюда пара миль, — после секундного размышления произнес Десмонд. — Причем все время в гору, если идти через парк.

— Даже чуть-чуть больше, — заметил я.

— Прекрасно. Начну прямо сейчас, и если пойду быстрым шагом, то обещаю тебе, что уже через двадцать минут буду дома.

— Тебе придется здорово попотеть! — предупредил я Десмонда.

— Ну, тогда я пошел, — сняв фуражку с крючка, заявил Десмонд и направился к двери. — Спасибо тебе за чудесный чай... и за то, что ты есть.

Я стоял, прислушиваясь к его шагам, гулко отдававшимся на каменной лестнице, а затем подошел к окну. Верный своему слову, Десмонд быстро шагал вперед, наклонив голову и размахивая в такт ходьбе руками. Но постепенно шаг его замедлился, словно мой друг неожиданно выдохся. Хотя что ж тут удивительного, если учесть, сколько печенья умял Десмонд! Вот он остановился и, достав белоснежный носовой платок, вытер лоб, а потом пошел дальше, но уже медленнее, гораздо медленнее. Теперь он уже был на главной улице. Там он остановился, чтобы пропустить поток транспорта, и, увидев пустой кэб, призывно махнул правой рукой. Кэб остановился, дверь открылась, и Десмонд нырнул внутрь.

— Домой, Джеймс, — пробормотал я себе под нос. — И не жалея лошадей! — Но он хотя бы попытался!

Солнце медленно заходило за Дамбартонские холмы вдалеке, озаря розовым светом верхушки крыш и заливая мою пустую комнату волшебным сиянием. Устремив взгляд на закатное небо, я невольно задумался, какое будущее ждет Десмонда... и меня тоже. IV

Десмонд, который не слишком утруждал себя учебой, от природы обладал ясным умом, а благодаря покойному отцу и таким преимуществам, как знание трех языков. Он свободно говорил по-французски и по-испански и даже мог, хотя и с некоторыми затруднениями, вести беседу на латыни. Десмонд объяснил мне почти извиняющимся тоном, что отец каждый вечер брал его на прогулку в Феникс-парк в Дублине, предварительно строго предупредив, на каком языке они будут общаться. Перейти на английский было серьезным проступком, не наказуемым, но явно не одобряемым его высокообразованным родителем — известным ученым, которого приглашали подбирать и каталогизировать библиотеки в лучшие дома Европы.

К последнему году обучения в школе уже заранее стало понятно, что Десмонд станет обладателем всех языковых призов, тогда как я, приложив максимум усилий, смогу преуспеть в математике, естественных науках и, если повезет, в английском. Уже было решено, что Десмонд продолжит обучение в семинарии в Торрихосе, в Испании, а я попытаю счастья получить стипендию Маршалла, которая с учетом моих финансовых обстоятельств была единственно возможным для меня пропуском в Уинтонский университет и медицинский мир.

Мои шансы на получение стипендии, как ни странно, уменьшались в связи с тем обстоятельством, что наша школа одержала череду беспрецедентных побед в чемпионате за Щит шотландских школ. Сей заветный приз еще ни разу не доставался школе Святого Игнатия, и когда мы прошли отборочные матчи четверти финала, оставив за спиной поверженных противников из других школ, отец Джагер, который год назад сделал меня капитаном команды, стал сам не свой от волнения и желания победить.

Мы чуть ли не через день отправлялись в спортзал на продолжительные тренировки, а перед каждой игрой я проходил короткий инструктаж в кабинете отца Джагера.

«Алек, мне кажется, мы вполне способны это сделать, — возбужденно говорил мне отец Джагер, который, будучи не в силах усидеть на месте, мерил шагами крошечный кабинет. — Мы, конечно, команда молодая, очень молодая, но многообещающая, да, весьма многообещающая. И у нас есть ты, Алек, который, как никто другой, умеет провести мяч вперед, к воротам противника. А теперь запомни...»

Десмонд ходил со мной на все матчи, а потом с видом триумфатора возвращался домой, в Овертаун-Кресцент, на наши традиционные ланчи, во время которых несказанно радовал мою маму рассказами о моих подвигах, явно преувеличивая мои заслуги.

Теперь, когда его переход в семинарию был делом решенным, он развлекался сам и развлекал всю школу на свой особый лад. Для начала он узнал дату рождения отца Бошампа, заглянув в справочник «Кто есть кто», и специально к этому памятного дню сочинил, а потом перепечатал на машинке великолепное письмо от лица матери-настоятельницы соседней монастырской школы — почтенной немолодой дамы, редко появляющейся на людях.

Письмо было следующего содержания: Мой дорогой, дорогой отец Бошамп!

Если бы мне достало смелости, то я назвала бы Вас по имени, произнесла бы Ваше чудесное имя Харолд, поскольку теперь хочу признаться, что уже очень давно питаю к Вам глубокое, трепетное и страстное благоговение. Да, я часто наблюдаю из окна, как Вы стремительной походкой идете по нашей мощеной дорожке, люблюсь Вашей благородной, величественной и дородной фигурой и с замиранием сердца вспоминаю дни нашей юности, так как знаю Вас со времен своей молодости. Когда Вы, увенчанный научными наградами, покидали Итон, я была простой девушкой, учащейся расположенного неподалеку исправительного заведения под названием Борстал[13]. Какие совместные радости сулило нам будущее! Увы, Господь распорядился иначе. И вот сейчас, приняв постриг, я могу невинно и безгрешно поведать Вам о своей тайной страсти. И в ознаменование дня Вашего чудесного рождения я набралась смелости послать Вам праздничный торт. Интуиция — а может быть, и слухи — подсказывает мне, что, несмотря на строжайшие ограничения в еде, предписываемые Вашим орденом, Вы не отказываете себе в удовольствии полакомиться сладеньким.

Благослови Вас Господь, мой ненаглядный.

Я всегда буду воссылать за Вас молитвы — как утешение моей любви.

Обожающая Вас Кларибел.

Этот шедевр, передаваемый из рук в руки учениками школы и каждый раз встречаемый взрывами хохота, был наконец приложен к перевязанной ленточками коробке с огромным шоколадным тортом.

Затем коробку передали веселой маленькой толстушке из школы при монастыре, которую Десмонд привлек к осуществлению своего замысла. Именно она раздобыла для него листок фирменной монастырской бумаги, на котором и было напечатано письмо, и именно она в назначенный день позвонила в дверь школы Святого Игнатия и вручила подарок отцу Бошампу лично. Коробка была передана на глазах у всей школы, и вся школа затаила дыхание в предвкушении развязки.

Целый день все шло как всегда, то есть никакой реакции не последовало, но в пять часов, когда ученики собрались на вечернюю молитву, появился отец Бошамп, который должен был вести службу. Но прежде чем начать, он произнес, почти рассеянно:

— Фицджеральд, окажи мне любезность, встань, пожалуйста.

Десмонд смиренно повинился.

— Ты — Десмонд Фицджеральд?

— Я всегда полагал, что так, сэр. Если я заблуждаюсь, можете меня поправить.

— Довольно! Фицджеральд, ты действительно считаешь меня «дородным»?

— Дородным, сэр? Это понятие включает множество значений — от избыточного веса до легкой благородной полноты, которая вполне пристала достойному прелату вашего ранга.

— Ах! Полагаю, ты знаешь или по крайней мере слышал о достопочтенной матери-настоятельнице соседней монастырской школы?

— Кто о ней не слышал, сэр?

— Ты можешь хоть на секунду поверить, что юные годы она провела в исправительном заведении под названием Борстал?

— Сэр, вы ведь, должно быть, и сами прекрасно знаете, что многие наши святые, являющиеся образцом благочестия и набожности, в далекой молодости были нечестивцами и правонарушителями, что не помешало их канонизации. Итак, даже если наша почтенная мать-настоятельница и попала по молодости в Борстал, кто осмелится первым бросить в нее камень?!

По нашим рядам прокатился сдержанный смешок. Мы прямо-таки упивались происходящим.

— Довольно, Десмонд! — По мягкости тона Бошампа было видно, что он не меньше нашего наслаждается словесной дуэлью. — Довольно, сэр. Даже если оставить тему Борстала в стороне, неужели вы считаете возможным, что такая почтенная и безгрешная дама способна лелеять тайную страсть к мужчине?

— Я ни в коем случае не стал бы отрицать такой возможности, сэр!

— Что!

— Слово «страсть», так же как и ваша дородность, — тут вся школа, более не в силах сдерживаться, прямо-таки полегла от хохота, — имеет множество значений. Оно подразумевает вспышку не только любви, но и страстей, то бишь гнева, который может вас охватить, Боже упаси, если я, паче чаяния, осмелюсь вам досаждать. И тогда я вернулся бы к своей дражайшей матушке в слезах и воскликнул бы: «Любезная моя матушка, я вызвал у нашего дорогого отца Бошампа, нашего всеми любимого префекта по учебной работе, вспышку страстей, то бишь гнева!» — Тут Десмонд сделал театральную паузу, чтобы смысл его речи дошел до присутствующих, которые от смеха уже бились в истерике, а потом продолжал: — Или же, сэр, слово это весьма употребительно в случае, когда молодая очаровательная женщина гордо входит в комнату с корзиной роз и говорит своему другу: «Дорогой, у меня какая-то страсть к розам. Я их просто обожаю». Или же, напротив, когда муж-подкаблучник заявляет своей супруге: «У тебя прямо-таки страсть к обновкам, будь ты проклята! Только полюбуйся на счет от модистки!» А вот еще...

— Довольно, Десмонд! — Отец Бошамп взмахом руки утихомирил разошедшихся учеников.

— Скажи, это ты написал письмо, приложенное к тарту?

— Наводящий вопрос, сэр. И даже в зале суда мне непременно предоставили бы определенное время, чтобы поразмыслить и хорошенько его обдумать либо при необходимости посоветоваться со своим адвокатом... — Неожиданно Десмонд замолчал. Он почувствовал, что извлек из ситуации все, что мог, чтобы позабавить аудиторию, и если вовремя не остановиться, можно только испортить полученный эффект. А потому он склонил голову и смиренно произнес: — Да, это я прислал вам торт, сэр. И я же сочинил письмо. Я сделал это ради забавы, сэр. Если мой поступок рассердил вас, я приношу свои извинения и готов понести заслуженное наказание. Я уверен, что каждый из нас, кто принимал участие в глупой шутке, сейчас искренне раскаивается. Смею только надеяться, что вам понравился торт.

В зале наступила мертвая тишина. Казалось, было слышно, как муха пролетит. Затем Бошамп начал говорить.

— Десмонд, я с большой долей уверенности и без тени сомнения могу предсказать, что ты, если, конечно, не собьешься с пути, закончишь свои дни принадлежащим к ближнему кругу кардиналом в Ватикане. Ты обладаешь необходимым для этого умением дипломатично уходить от прямого ответа, что чрезвычайно приветствуется в сем августейшем органе управления. Тем не менее поскольку ты, как ученик, все еще находишься под моим началом, то заслуживаешь наказания. Твое наказание будет заключаться вот в чем... — Тут Бошамп сделал драматическую паузу, и зал замер. — В следующий раз пришлешь мне вишневый торт. Мне он нравится больше, чем шоколадный.

Это был мастерский ход. Бошамп знал, как держать в руках мальчишек. Мы в едином порыве повскакали с мест и по знаку Десмонда наградили префекта по учебной работе бурными аплодисментами.

В преддверии близких каникул и учителя, и ученики были в прекрасном расположении духа. Мы только что выиграли полуфинал у известной школы «Аллан Гленс», славящейся своей сильной командой, встречи с которой изрядно опасались. С каким удовольствием я вспоминаю ту памятную игру, проходившую на поле прославленного Кельтского клуба солнечным погожим вечером на коротко подстриженной гладкой зеленой лужайке, так хорошо подходящей для нашей стремительной игры, во время которой каждый член нашей команды демонстрировал прекрасную форму; помню радость победы и приветственные крики, когда мы шли в раздевалку, где ликующий отец Джагер стиснул меня в крепких объятиях.

Самое большое наше препятствие было устранено, мы вышли в финал; нашим противником должна была стать малоизвестная команда из начальной школы, так что ни у кого не оставалось сомнений, что желанный приз у нас в руках. Я тогда был в большом фаворе, и даже отец Бошамп, человек далекий от спорта, при встрече в школьном коридоре одаривал меня широкой улыбкой.

Экзамены уже были позади, результаты вывешены на доске объявлений. Как и ожидалось, Десмонд прекрасно сдал все экзамены, завоевав половину наград, тогда как вторая половина досталась мне, скромному трудяге. Более того, на доске висело официальное сообщение из университета о том, что я получил, к превеликой радости моей дорогой мамы, да и моей тоже, стипендию Маршалла. И, наконец, на доске висело приглашение мальчикам из старшего шестого принять участие в ежегодном танцевальном вечере, который устраивали старшеклассницы монастырской школы под строгим контролем матери-настоятельницы. Такой обычай, заведенный для двух соседних школ, был направлен, вне всякого сомнения, на организацию встреч мальчиков и девочек, принадлежащих к католической вере, хорошо образованных и обладающих высокими моральными качествами; считалось, что подобные встречи могут возыметь спасительное и даже благотворное воздействие на подрастающее поколение именно теперь, когда молодым людям — незащищенным и неподготовленным — предстояло столкнуться лицом к лицу с мирскими соблазнами. Мы, естественно, восприняли приглашение как потрясающую шутку.

День решающей финальной встречи неотвратимо приближался: матч был назначен на пять вечера и должен был состояться в Хэмпден-парке, всемирно известной игровой площадке, и для события школьного масштаба зрителей оказалось на удивление много. Даже сейчас мне трудно без боли описывать событие, воспоминание о котором до сих пор ранит мне сердце. Начали мы очень неплохо и полностью владели мячом, так что в течение примерно семи минут вели в игре и чуть было не забили два гола. А затем произошел неприятный инцидент.

Наш левый защитник, мальчик лет пятнадцати, не больше, имел неприятную привычку бегать — и даже ходить — растопырив локти, и вот сейчас, во время игры, он случайно заблокировал одного из нападающих противника. Локоть нашего игрока лишь слегка коснулся корпуса того мальчика, который, увы, тем не менее поскользнулся и упал. И сразу же раздался свисток судьи. Пенальти!

Удар по мячу, гол в наши ворота — и наша молодая команда утратила контроль над игрой. А потом пошел дождь и мы промокли до нитки, порывы ветра неумолимо стегали по лицу, из-за безжалостного ливня поле раньше времени окутала тьма, так что ни разметки, ни самого мяча практически не было видно. Нашим соперникам было не легче, чем нам, но на их счету ведь уже был забитый гол. Время неумолимо бежало вперед. На последних минутах игры я получил мяч на боковой линии, вне зоны пенальти. И предпринял отчаянную попытку вслепую забить гол в ворота противника. Мои усилия должны были увенчаться успехом, так как мяч летел прямо в верхний угол ворот, но неожиданно, подхваченный сильным порывом ветра, он изменил траекторию, ударился о стойку, взмыл в воздух и исчез.

И тут же прозвучал финальный свисток, мы были разгромлены, причем ни за что, ни про что. В раздевалке бедный отец Джагер, пепельно-серый от волнения и внутреннего напряжения, тотчас же пресек поток наших проклятий в адрес судьбы.

— Мальчики, вы сделали все, что могли. Нам помешал ливень и... — с горечью произнес он, — то, что на нас были зеленые футболки[14]. А теперь живо переодеваться, автобус ждет!

У меня не было душевных сил присутствовать на организованном для нас обеде, и я спрятался в душевой, выйдя оттуда, только когда шум мотора нашего автобуса стих где-то вдалеке. Тогда я взял свою сумку и вышел под дождь, прекрасно понимая, что мне предстоит сначала долго плестись до трамвайной остановки, а потом еще дольше трястись в трамвае.

Неожиданно я почувствовал чью-то руку на своем плече.

— Дорогой Алек, нас ждет такси. Мне удалось поймать его за воротами на стадион. Давай свою сумку. Я не буду обсуждать игру и доставлю тебя домой в лучшем виде.

Он подвел меня к машине и помог забраться внутрь. И в этом был весь Десмонд, который в очередной раз продемонстрировал свои лучшие качества. Я благодарно откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Когда мы выехали за ворота и уже направлялись к дому, Десмонд прошептал:

— Алек, ты спишь?

— К несчастью, нет.

— Я не собираюсь обсуждать игру, Алек, но хочу, чтобы ты знал, что я весь матч молился как сумасшедший и чуть не умер, когда сорвался твой гол.

— Рад, что тебе удалось выжить.

— Послезавтра я уезжаю в Торрихос, в семинарию, — немного помолчав, произнес Десмонд.

— Уже?

— Да. Мама жутко расстроена. Она поедет со мной в Мадрид, но я смогу увидеть ее только тогда, когда приму духовный сан.

— Как жестоко.

— Да, насколько я понимаю, у них там ужасно строгие правила. — В салоне такси снова стало тихо, а затем Десмонд наклонился ко мне и прошептал: — Алек, ты ведь знаешь, что я люблю тебя.

— Десмонд, слово «любить» слишком многозначно.

— Ну, тогда я очень-очень люблю тебя и хочу, чтобы ты обещал мне не терять со мной связь. Там, где я буду, письма не запрещены, и я собираюсь часто писать тебе. Не возражаешь?

— Вовсе нет, и я постараюсь отвечать тебе, если, конечно, меня вконец не доконает квейновская анатомия.

— Спасибо, спасибо тебе, дорогой Алек.

Итак, соглашение было заключено. И именно благодаря этому я могу продолжить свое повествование, не упуская даже малейших деталей, несмотря на то что иногда мы с Десмондом не виделись годами.

Такси остановилось. Мы подъехали к моему дому.

— Десмонд, спасибо тебе, что ты такой хороший! Иначе я добирался бы сюда больше часа, — сказал я и пожал ему руку. Мне показалось, что когда я вылезал из машины, он хотел поцеловать меня в щеку, но не успел. — Спокойной ночи, Десмонд. И еще раз большое спасибо.

— Спокойной ночи, мой дорогой Алек. V

Я так вымотался — и морально, и физически, — что на следующее утро встал очень поздно и даже пропустил привычную пробежку по парку. И хотя вручение школьных наград должно было состояться только ближе к вечеру, мама отпросилась с работы на весь день. Чтобы побаловать меня, она принесла мне завтрак в постель; на подносе, кроме обычной овсянки, были горячие тосты с маслом и тарелка яичницы с беконом. Она ни словом не обмолвилась о вчерашнем матче, хотя я без труда догадался по ее лицу, что она огорчена, хотя и пытается спрятать свои истинные чувства под нарочитой веселостью.

Пока я расправлялся с завтраком, она сидела рядом, а потом со словами: «Дорогой, у меня для тебя сюрприз» — вышла в прихожую и вернулась с большой картонной коробкой в руках. Она сняла крышку, и я увидел новый, чрезвычайно красивый темно-синий костюм.

Не веря своим глазам, я уставился на костюм.

— Где ты его раздобыла?

— Не имеет значения, дорогой. Ты ведь понимаешь, что в университете тебе понадобится приличный костюм. А теперь вставай и скорее примерь.

— Где ты его раздобыла? — уже строже повторил я вопрос.

— Ну... помнишь ту дурацкую серебряную брошку...

— С жемчужным ободком?

— Мне она не нужна. Да и вообще она мне надоела, бесполезная старая вещь... Я продала ее... одному очень приличному еврею, здесь, в нашем районе.

— Но ты ведь любила эту брошку. Ты еще говорила, что она досталась тебе от матери.

Мама пристально на меня посмотрела и, немного помолчав, сказала:

— Пожалуйста, дорогой. Не стоит поднимать столько шума по пустякам. Тебе необходим новый костюм для церемонии награждения и особенно для танцев, которые будут после.

— Не хочу я идти ни на какие танцы. Мне там не понравится.

— Тебе обязательно надо пойти, обязательно... У тебя совсем нет ни развлечений, ни светской жизни, — грустно улыбнулась мама и добавила: — Сегодня утром школьный служитель принес мне письмо, которое касается тебя. От отца Джагера.

— Покажи письмо.

— Не покажу. Письмо адресовано мне, и я оставлю его у себя. Кроме того, я вовсе не собираюсь еще больше раздувать твое самомнение. — Она замолчала, и мы уставились друг на друга, с трудом сдерживая смех. — Он только упомянул, что ты, как он очень надеется, жив и здоров, поскольку тебя не было на обеде. И он хотел бы, если у тебя найдется минутка, чтобы ты заглянул к нему до его отъезда в понедельник.

— Он что, уезжает?

— Похоже на то.

Я застыл в задумчивости, ошарашенный этим известием. Хотя что зря гадать, ответ я смогу получить уже сегодня.

— Дорогой, ну давай же, примерь костюм.

Я неуклюже поднялся, чувствуя себя каким-то одеревенелым, и с трудом заставил себя залезть в ванну с ледяной водой. Рядом с костюмом лежали чистая белая рубашка и новый голубой галстук. Я стал тщательно одеваться, время от времени не без удовольствия проверяя результаты, так как уже очень давно — по крайней мере, не меньше пяти лет — не выглядел таким нарядным.

Моя дорогая мама оглядела меня с головы до ног, медленно обошла вокруг и снова посмотрела на меня. От нее не последовало никаких взрывов восторга, преувеличенно одобрительных восклицаний, никакого сюсюканья типа «о, мой любимый сыночек», но глаза ее говорили больше всяких слов, когда она обняла меня и спокойно заметила:

— Сидит замечательно. Вот теперь ты похож на самого себя.

Весь день я слонялся без дела, зализывая раны и постоянно путаясь у мамы под ногами, но уже в пять часов мы сидели с ней в актовом зале, практически заполненном выпускниками, которые пришли в сопровождении родителей и друзей. Десмонда я заметил сразу, но, как он нам объяснил, его мама не смогла присутствовать, поскольку была занята последними приготовлениями к отъезду. Однако открыл торжественную церемонию именно Десмонд: он запел школьный гимн, новую версию которого написал отец Робертс. Правда, эффект был несколько подпорчен разговорами опоздавших и шумом отодвигаемых стульев. И тут на сцене появился отец Бошамп. После короткой молитвы, во время которой зал встал, отец Бошамп отчитался о проделанных за год успехах и приступил к раздаче наград. Родители отличившихся мальчиков сияли от гордости, те же, кому повезло меньше, не могли скрыть досады. Я слышал, как женщина за нашей спиной злобно шептала своему соседу: «А наш-то, наш Вилли был пятым по богословию. И чо ж тогда его не наградили-то?»

Наконец, уже более медленно, отец Бошамп стал называть имена лучших из лучших, и очень скоро Десмонда пригласили на сцену. Под сдержанные аплодисменты мой друг принял положенные ему в награду книги и, грациозно поклонившись, удалился. Затем настал мой черед. И мне было ужасно приятно, в первую очередь потому, что мама может гордиться мной, когда меня встретили шквалом аплодисментов, которые продолжались до тех пор, пока отец Бошамп, подняв руку, не утихомирил зал. Он начал говорить, предположительно обо мне, поскольку в зале снова раздались аплодисменты, и хотя я уловил фразу: «наш великолепный Шеннон», но больше практически ничего не слышал, так как взгляд мой был прикован к лежащему на стопке книг конверту.

Наконец пытка кончилась, отец Бошамп неловко пожал мне руку, я пробрался обратно на свое место, и мама, пунцовая от гордости, сжала мою ладонь и подарила мне взгляд, который я никогда не забуду; память о нем помогла мне выдержать все испытания, выпавшие затем на мою долю.

После еще одной молитвы нас отпустили, и толпа устремилась к выходу. Я проводил маму до трамвайной остановки у подножия холма, но, перед тем как посадить на трамвай, вручил ей заветный конверт.

— Здесь пять гиней наличными, мой приз за победу в конкурсе на лучшее эссе на английском языке. Не могла бы ты оказать мне любезность — сходить к своему еврейскому другу и выкупить у него брошь?

Мама и рта не успела открыть, как уже была в отъезжающем трамвае, а я, чувствуя прилив сентиментальных чувств и стеснение в груди, стал медленно подниматься обратно на холм.

Башенные часы на здании школы показывали двадцать минут седьмого. Я сразу же направился в кабинет отца Джагера. Он был на месте, сидел в своем любимом кресле и явно ничем не был занят, но выглядел, как мне показалось, непривычно задумчивым.

— Алек, я ждал, что ты придешь. Твоя мама получила мое письмо?

— Да, сэр, получила. Но решительно отказалась раскрыть мне его содержание.

— Хорошо, — сказал отец Джагер и улыбнулся. — Я действительно хотел видеть тебя, Алек, но не для того, чтобы обсуждать игру — это все в прошлом, а потому, что я, возможно... очень скоро уеду. — И, посмотрев на свои наручные часы, озабоченно спросил: — А тебе разве не пора уже быть на танцах?

— Чем больше я пропущу, тем лучше для меня, сэр. Я действительно ужасно вам благодарен за приз за лучшее эссе. Вы ведь знали, что я нуждаюсь в деньгах.

— Не говори ерунды! Твое эссе было на два порядка лучше остальных. У тебя в этой области особый дар.

— Хорошо, сэр, — засмеялся я. — Он пригодится мне, когда я буду выписывать рецепты. Но, ради бога, скажите, вы что, уезжаете в отпуск?

— Не совсем так. Но я буду далеко.

В комнате повисла неловкая тишина. Заметив, что он не курит свою любимую трубку, я спросил:

— Может быть, набить вам трубку, сэр?

Я частенько оказывал ему эту услугу во время наших бесед о футболе. Однако на сей раз он только покачал головой.

— Алек, мне пока стоит повременить с курением, — сказал он и, замявшись, добавил: — У меня на языке появилось какое-то странное пятно, которое может представлять определенный интерес для твоих будущих коллег.

— Что, очень беспокоит?

— Терпеть можно, — улыбнулся он. — Но в понедельник, когда приеду за результатами обследования, смогу узнать больше.

Я словно лишился дара речи. Мне не слишком понравилось то, что я услышал.

— И что, вас могут оставить в больнице, чтобы убрать пятно?

— Это выяснится на следующей неделе. Возможно, потом я переберусь на нашу базу в Стоунихерсте. В любом случае я хотел сказать тебе до свидания и пожелать дальнейших успехов в университете. Я в тебя верю, потому что у тебя кое-что есть здесь, — тут отец Джагер приложил руку ко лбу, — и здесь, — произнес он, ткнув кулаком себя в грудь. — Однако у меня нет той же уверенности относительно будущего твоего друга, — продолжал он. — У Фицджеральда в характере есть одновременно и хорошее, и дурное. Больше хорошего, очень хорошего, но в остальном... — пожав плечами, покачал он головой. — Ну ладно, Алек, тебе действительно пора бежать. Тебе уже давно пора быть на танцах, а то еще подумают, что ты уклоняешься от этого мероприятия. Я тебя провожу. Хочу зайти в церковь и побыть там немного.

Когда мы вместе подошли к дверям школы, он остановился и, крепко сжав мою руку, посмотрел мне прямо в глаза.

— До свидания, Алек.

— До свидания, сэр.

Отец Джагер повернулся и направился в сторону церкви, в то время как я медленно, нога за ногу, перешел через дорогу и грустно поплелся в гору, по направлению к женскому монастырю. Я не мог не заметить, каким трагическим было выражение глаз отца Джагера. И на то были все основания.

У него нашли рак языка с метастазами в гортани и дальше. Шесть месяцев спустя, после трех операций и адских мучений, он умер. И хотя он вел жизнь аскета, придерживаясь во всем суровых ограничений, единственная слабость, которую он себе позволял, убила его.

Должно быть, предчувствие беды возникло у меня уже тогда, когда я входил в женский монастырь. Танцы были в самом разгаре, пары сонно кружились под бдительным взглядом группы немолодых монахинь, восседавших на сцене. Десмонд выделял замысловатые коленца, изо всех сил стараясь оживить праздник.

Танцы не входили в программу моего обучения, и все же я выбрал себе партнершу из стайки девушек, уныло подпиравших стенку, и сделал с ней пару кругов; мы старательно наступали друг другу на ноги, при этом она еще и пыхла мне в правое ухо. Затем я передал ее с рук на руки совершенно не ожидавшему от меня такой подлости мальчику, а сам сел рядом с хорошенькой тихой сероглазой девочкой.

— Слава тебе, Господи, вы не танцуете.

— Нет, — отозвалась она. — Завтра я принимаю послушничество.

— В здешнем монастыре?

В ответ она только кивнула головой, а потом неожиданно спросила:

— Тот мальчик, что так выпендривается, и есть Фицджеральд? Тот, что решил стать священником?

— Да, в понедельник он уезжает в семинарию.

— Вы шутите! Уже через два дня?

— А почему бы и нет?

— Никогда не поверю, что можно вести себя так по-дурацки буквально накануне того дня, когда предстоит ступить на стезю служения Господу нашему, Иисусу Христу.

Я не стал отвечать, не желая ввязываться в дискуссию о поведении, приличествующем перед принятием послушничества.

— А вы, должно быть, Шеннон. Известный футболист, получивший стипендию.

— Ради всего святого, откуда вы знаете?

— Мы здесь иногда говорим о вас, мальчиках.

— Вы что, собираетесь стать монахиней?

— Да. И тут уж ничего не поделаешь.

Я не мог не улыбнуться, услышав такой восхитительный ответ, и мы стали очень мило беседовать, но она неожиданно сказала:

— Наверно, мне пора идти.

— Так быстро! А ведь мы только-только начали друг другу нравиться...

Она вспыхнула, отчего стала еще привлекательней.

— Вот потому-то и пора... Ты начинаешь мне нравиться больше, чем хотелось бы. — С этими словами она встала и протянула мне руку: — Спокойной ночи, Алек.

— Спокойной ночи, дорогая сестренка.

Я проводил ее глазами в тайной надежде, что она обернется. И она действительно обернулась, посмотрела на меня долгим взглядом, а потом, потупившись, вышла из зала.

Я тоже решил уйти, но в этот момент сестры, сидящие на сцене, дружно поднялись при появлении очень старой, почтенного вида монахини, которая, тяжело опираясь на палку, шла в сопровождении молодой монашки. В центре сцены тут же появилось кресло, в которое и уселась старая дама.

Танцоры мгновенно застыли на месте, поскольку то была не кто иная, как сама мать-настоятельница. Ласково посмотрев на присутствующих, настоятельница вполне отчетливо произнесла:

— Не мог бы юный Фицджеральд подойти ко мне?

Десмонд, проворно забравшись на сцену, поклонился, встал прямо перед старой монахиней, чтобы привлечь ее внимание, а потом опустился перед ней на одно колено.

— Ты тот самый ирландский мальчик, который поет?

— Да, преподобная мать-настоятельница.

— Отец Бошапм говорил мне о тебе. Но сначала, мой дорогой Десмонд, я хочу заверить тебя для восстановления твоего же душевного спокойствия, что я не получала образования в Борстальском исправительном заведении, которое, как тебе, похоже, известно, находится неподалеку от Итона.

Десмонд густо покраснел, а монахини на сцене захихикали. Небезызвестное письмо, несомненно, стало и здесь предметом шуток.

— Прошу простить меня, преподобная мать-настоятельница. То была дурацкая шутка.

— Ты уже прощен, Десмонд, но мне все же придется наложить на тебя епитимью, — произнесла мать-настоятельница и после короткой паузы продолжила: — Я старая ирландка, до сих пор скучающая по своей родине, на которую ей не суждено вернуться. А потому не мог бы ты сделать мне одолжение и спеть одну, только одну, ирландскую песню или балладу, чтобы утолить мою тоску по дому?

— Конечно, могу, преподобная мать-настоятельница. С превеликим удовольствием.

— Ты знаешь песню «Тара»? Или «Сын менестреля»?

— Я знаю обе.

— Тогда пой.

Она закрыла глаза и приготовилась слушать, а Десмонд сделал глубокий вдох и начал петь, исполнив сперва одну, а потом и другую балладу. И никогда еще он не пел так хорошо.

Молчит просторный тронный зал,

И двор порос травой:

В чертогах Тары отзвучал

Дух музыки живой.[15]

Он на битву пошел, сын певца молодой,

Опоясан отцовским мечом;

Его арфа висит у него за спиной,

Его взоры пылают огнем...

Пал он в битве... Но враг, что его победил,

Был бессилен над гордой душой;

Смолкла арфа: ее побежденный разбил,

Порвал струны он все до одной.

«Ты отвагу, любовь прославлять создана, —

Молвил он, — так не знай же оков.

Твоя песнь услаждать лишь свободных должна,

Но не будет звучать меж рабов!»[16]

Живая картина, достойная кисти живописца! В окружении монахинь старая, очень старая мать-настоятельница, которая сидит с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла, а возле нее — светловолосый голубоглазый юноша с лицом ангела, рвущий сердце своей песней.

Когда песня кончилась, все так и остались стоять, не шелохнувшись, пока мать-настоятельница не проговорила, глотая слезы:

— Спасибо тебе, мой дорогой Сын Менестреля. Да благословит тебя Отец наш небесный и воздаст тебе, за то что позволил старухе, прежде чем отправиться на небеса, вкушать райское блаженство на земле. — С этими словами она с помощью монахинь с трудом поднялась с кресла и ласково улыбнулась. — А теперь можете продолжать танцы.

Когда она покинула сцену, в зале началось настоящее веселье, причем заводилой был Десмонд, окрыленный внезапным успехом и готовый действовать. Он уговорил веселую маленькую толстушку, которая оказалась капитаном школьной хоккейной команды, составить ему компанию и сплясать нечто среднее между ирландской джиггой и удалым шотландским танцем.

Мне очень хотелось подойти к нему, чтобы сказать последнее «прощай». Но, по правде говоря, мы уже сделали это после матча, а потому, сопровождаемый веселой мелодией «То Кэмбеллы идут — ура, ура!», которую играли на пианино, я вышел на улицу и глубоко вдохнул прохладный ночной воздух.

Придя домой, я обнаружил, что мама не спит и ждет меня. Я еще не успел снять ботинки в прихожей, как услышал ее голос:

— Дорогой, надеюсь, ты успел проголодаться? Я приготовила тебе чудные гренки с сыром.

Я и правда проголодался. И прошел на кухню. Мама повернулась ко мне, раскинув руки, — на груди у нее сверкала серебряная брошь.

Часть вторая

I

Десмонд поступил в семинарию Святого Симеона, расположенную в деревушке Торрихос, в каких-нибудь десяти километрах от Толедо. Он писал мне часто, но не регулярно. За исключением первого письма, содержащего интересное описание семинарии и окрестностей, остальные письма были довольно скучными и однообразными, поскольку монотонная монастырская жизнь не давала простора для воображения. Однако уже ближе к концу подготовки Десмонда к принятию духовного сана я получил два письма, представляющих определенный интерес и имеющих отношение к дальнейшей карьере Десмонда. Поэтому мне хотелось бы полностью привести здесь первое и два последних письма Десмонда.

Что касается меня, то — раз уж я снова незаметно вошел в жизнь Десмонда — должен сказать, что моя учеба в университете проходила в достаточно суровых условиях — почти таких же, как и в школьные годы. Все та же полупустая крошечная квартирка, все та же незамысловатая еда и вечная овсянка, все та же нежная преданность мамы. Меня поддерживали лишь честолюбивые устремления. В университете были и другие бедные студенты, которые соперничали в отчаянной борьбе за успех. В те далекие времена гранты еще так щедро не раздавали направо и налево. Умные амбициозные юноши с нищих ферм на

севере страны обычно приезжали с мешком муки, предназначенной для пропитания вплоть до следующего «мучного понедельника»[17] — официального выходного дня в университете, который им давали для того, чтобы они могли съездить на родительскую ферму для пополнения запасов провизии.

И все же, несмотря на крайнее переутомление от чрезмерной нагрузки и бесконечных экзаменов, я частенько думал о Десмонде, который своими письмами постоянно напоминал о себе, и у меня появилось странное предчувствие, что, когда он станет священником, я снова окажусь рядом с ним. Мой дорогой Алек,

Узри своего возлюбленного друга, своего *fidus Achates*[18], в Испании, вблизи благородных стен города Толедо, согретого ласковыми лучами средиземноморского солнца, но глубоко несчастного и одинокого, опечаленного разлукой с любимой матушкой и страшящегося безрадостного будущего, которое ему предстоит.

Но сначала хочу слегка подсластить для тебя горькую пилюлю.

Через два дня после нашей последней встречи я отправился в Рим вместе со своей дорогой матушкой, которая, несмотря на то что здоровье ее оставляет желать лучшего, вызвалась меня сопровождать. Путешествие наше было приятным и относительно спокойным, и по прибытии мы направились в отель «Эксельсиор», расположенный на виа Венето, где нам предоставили просторные и прохладные комнаты вдали от городского шума.

Целью нашей остановки в Вечном городе было не только отдохнуть, что было крайне необходимо моей дорогой матушке, но и возобновить полезные связи, которыми мой отец обзавелся во время своих частых поездок сюда для приобретения старинных манускриптов и книг, а также для каталогизации библиотек знатных семейств. И нас чрезвычайно порадовало то обстоятельство, что его не забыли. Вскоре после нашего прибытия зазвонил телефон, а у портье начали оставлять на наше имя визитные карточки. Позвонил монсеньор Броглио, жуткий старый зануда, да еще и обжора в придачу, который, однако, достал для нас *entrée*[19] в Ватикан. Были и другие. Очаровательная и гостеприимная маркиза ди Варезе несколько раз приглашала нас в свой прекрасный старинный дом на виа делла Кроче. В свое время мой отец провел у маркизы несколько недель в качестве гостя, занимаясь составлением и каталогизацией ее огромной и невероятно ценной библиотеки. Мне даже показалось, что когда-то она питала к моему дорогому батюшке нежные чувства, поскольку была со мной в высшей степени мила и обещала в случае необходимости оказать любую поддержку. Именно маркиза сыграла немаловажную роль в том, что престарелый монсеньор смог организовать нам аудиенцию у Его Святейшества. Меня до глубины души тронула та знаменательная встреча — конечно, не аудиенция с глазу на глаз, которой удостоиваются исключительно королевские особы и знаменитости, — а пятнадцатиминутный прием в огромном зале в присутствии большой аудитории.

Естественно, мы прибыли туда вовремя, можешь не сомневаться; я был в черном костюме, а мама — в обязательном черном платье, очень изящном, и в кружевной мантилье, которую одолжила ей маркиза. Сначала мы ждали в маленькой комнате, затем нас привели в зал, ближе к тому концу, что был отделен бархатным шнуром. Там нам снова пришлось подождать, но не более двух минут. Когда в сопровождении папского секретаря появился Папа, я почувствовал почти экстатическую дрожь во всем теле. Он излучал такое достоинство, такое спокойствие, такую удивительную доброту, когда после подсказки секретаря поздоровался с нами на безупречном английском, назвав нас по именам и, в частности, вспомнив моего отца, которого знал еще в бытность кардиналом Пачелли, и «все то, что он сделал для Церкви». Сперва Его Святейшество побеседовал с моей мамой, а потом — со мной, подчеркнув, сколько пользы могут принести в современном мире энергичные молодые священники, и выражение его глаз говорило о том, что он знает о Толедо, поскольку он пустился в пространные рассуждения о пользе самоотречения и

покаяния. И разговор наш явно мог продолжаться гораздо дольше отпущенных пятнадцати минут, так как, похоже, мы вовсе не наскучили Его Святейшеству, но неожиданно массивные двери в другом конце зала позади нас распахнулись, и внутрь ввалилась целая ватага... Угадай кого, Алек?.. Моряков американского военно-морского флота, которые рванули вперед, не сдерживая восторженных криков: «Эй, парни, а вот и он! Его Святейшество! А теперь всем заткнуться! Не орать!»

Когда порядок и спокойствие были восстановлены, их всех собрали в специально отведенной части зала, а нам секретарь велел встать на колени. Что я и сделал, но когда мама собралась было последовать моему примеру, Ею Святейшество положил ей руку на плечо и произнес: «Вам, милая леди, не надо преклонять колена».

И благословил нас на глазах у притихшей толпы.

Алек, ты помнишь тот случай, когда я попросил твоего благословения в пустой комнате? Так вот, я испытал то же самое нереальное, неземное, необъяснимое, возвышенное чувство. Гораздо более сильное, конечно, но по сути такое же. Так что в дальнейшем мне придется следить за собой, чтобы не назвать тебя Ваше Святейшество.

Нас вывели из зала по специальной лестнице, а вечером маркиза устроила торжественный ужин в нашу честь. На следующий день мы уже торопились в Мадрид. Поскольку мама заранее готовилась к поездке в Испанию и даже отложила на это приличную сумму, я решил повременить с приездом в семинарию, а провести два дня в Мадриде. По прибытии туда я сразу же взял такси и велел везти нас в отель «Риц», где нас приняли как почетных гостей и разместили в апартаментах с видом на сад.

Алек, ты даже представить себе не можешь, какой это замечательный отель, и я, ни секунды не сомневаясь, дал бы ему две дополнительные звезды помимо уже имеющихся четырех. Наконец-то маме удалось по-настоящему отдохнуть в сени апельсиновых деревьев, я же воспользовался случаем, чтобы хорошенько ознакомиться с Прадо, который, надо признаться, меня несколько разочаровал: слишком уж много гигантских портретов королей, хотя, конечно, там есть и чудесный, непревзойденный Веласкес — его «Менины». Мама немного беспокоилась по поводу позднего ужина, но, когда мы сели за стол, все недовольство как рукой сняло. Еда была такая, что пальчики оближешь!

Утром третьего дня я договорился с агентством, чтобы маму вечером посадили на поезд Мадрид — Париж — Па-де-Кале, билет на который я забронировал. Мы сели в просторный лимузин «Испано-Суиза» и направились в сторону Толедо, в семинарию.

Перед запертыми воротами семинарии моя дорогая мамочка обняла меня, и меня вдруг кольнуло нехорошее предчувствие, что мы расстаемся навсегда и мне не суждено ее еще увидеть. Я проводил глазами такси, ожидая, пока оно не скроется из виду, а также, должен сознаться, пока не высохнут слезы, и только тогда прошел в ворота и по-испански попросил привратника проводить меня к отцу-настоятелю. Привратник, немало удивленный тем, что я говорю на его языке, охотно подхватил мой чемодан и повел меня через широкий двор по направлению к центральной части семинарии — восхитительному старинному андалузскому аббатству, к сожалению обезображенному двумя современными пристройками из бетона. Мы зашли внутрь, поднялись по чудесной старой лестнице из черного оливкового дерева и оказались перед запретной дверью из такого же черного дерева, где привратник и оставил мой багаж. Когда я дал ему несколько песет, он, похоже, снова удивился, но явно остался доволен.

— Хорошо, что сеньор знает испанский. Здесь вся прислуга — испанцы.

— И все мужчины?

— Конечно, сеньор. Отец-настоятель Хэкетт других не держит.

Я постучался в дверь, но, не получив ответа, все же вошел в комнату и был здорово изумлен, когда увидел высокого темноволосого священника, преклонившего колена на скамеечке для молитвы перед распятием на стене. А под распятием в стеклянном ящике лежала — ты не поверишь! — отрезанная человеческая рука. Не успел я оправиться от потрясения, как священник неожиданно произнес:

— Выйди за дверь и жди там.

С трудом оторвав ноги от пола, я, с чемоданом в руке, вышел из комнаты и прождал за дверью минут десять, не меньше, когда услышал тот же голос:

— Можешь войти.

Я вошел, поставил чемодан на пол и, увидев напротив письменного стола стул, должно быть поставленный для меня, сел.

— Встань!

Я повиновался, с опаской взглянув на своего будущего отца-настоятеля, сидевшего и внимательно изучавшего папку, которая, если верить моим худшим опасениям, была моим личным делом. Ты когда-нибудь видел иллюстрации Фица к «Дэвиду Копперфильду»? Так вот, отец-настоятель был точь-в-точь отчим Дэвида Копперфильда — та же фигура и та же отталкивающая внешность, те же черные, глубоко посаженные глаза садиста. Мне он совсем не понравился, я почувствовал себя точь-в-точь как маленький Дэвид, когда того отправили на фабрику мыть бутылки.

— Известно ли тебе, мой дорогой Фицджеральд, что ты прибыл сюда с опозданием на три дня? — В голосе настоятеля слышался едкий сарказм, без тени юмора.

— Прошу прощения, отец мой, но меня провожала матушка, и так как путешествие ее утомило, мы два дня провели в Риме, а затем остановились в «Рице», в Мадриде, поскольку я опять же счел, что с моей стороны будет благоразумнее провести ночь там.

— Похвальная сыновняя преданность. А что ты делал в Риме, сын мой?

— Его Святейшество Папа удостоил нас аудиенции.

Мне казалось, что это может его смягчить. Но не тут-то было. Он продолжал улыбаться, и смею тебя заверить, Алек, его улыбка мне не слишком понравилась.

— Так что же сказал тебе Его Святейшество?

И тут я по недомыслию выложил ему всю правду:

— Он особо отметил достоинства самоотречения и покаяния.

При этих словах отец-настоятель неожиданно поднял огромную руку и с такой силой ударил кулаком по столу, что все стоящие там предметы задрожали и подпрыгнули. Увы, я тоже чуть было не подпрыгнул.

— Вот-вот. Именно эти слова и мне следовало бы тебе сказать. И я говорю их тебе, поскольку это девиз нашего учебного заведения, особенно применительно к тебе — изнеженный, испорченный до мозга костей маменькин сынок! Если бы я еще раньше не прочел все это на твоём лице, то обязательно прочел бы здесь, в твоём личном деле, — произнес он, бросив взгляд на лежащую перед ним папку. — Скажи мне, тебе хоть что-нибудь известно об

умерщвлении плоти?

— Да, известно. Мой лучший друг каждое утро принимает ледяную ванну и делает пробежку в две мили, даже не поев овсянки.

Его глаза заблестели голодным блеском.

— Это наш человек. А нельзя ли его к нам?

— Он уже на пути к тому, чтобы стать доктором.

— Жаль! Какого миссионера я сделал бы из него! Мы специализируемся на подготовке миссионеров, мой дорогой Фицджеральд. За последние двенадцать лет я уже выпустил из этих стен семь миссионеров, трое из которых пролили кровь на Черном континенте.

Алек, этот кровопийца начал уже всерьез меня тревожить. Он был хуже, чем Джек Потрошитель.

— Но перейдем к делу. Я обязан наказать тебя за столь вопиющее нарушение правил. Ты на две недели лишаешься возможности покидать территорию семинарии. А комната, которую тебе отведут, вряд ли будет похожа на номер в «Рице».

Он стукнул по звонку, установленному на столе. Тут же появился слуга. Потрошитель проинструктировал его. Слуга явно удивился, но взял мой чемодан, и мы, выйдя из главного здания чудесного аббатства, направились в дальний конец бетонного строения. Там я спустился вслед за ним по ступенькам в подвальное помещение и оказался в темной клетушке с малюсеньким окошком, из которого открывался омерзительный вид на уличные туалеты. Да и сама келья, где царил жуткий беспорядок, была до отвращения грязной.

Бросив взгляд на замызганную кровать с продавленным матрасом, я повернулся к парню, все еще держащему в руке мой чемодан.

— Кто занимал эту комнату до меня?

— Студент, которого исключили только вчера.

— За что?

— Думаю, за курение, сеньор, — сказал слуга и, понизив голос, добавил: — Это карцер, сеньор.

С минуту я простоял, не зная, что предпринять. Нет, мне решительно не хотелось здесь оставаться.

— Никуда не уходи! Жди меня здесь и посторожи мой чемодан. Я вернусь.

Похоже, ничего другого он и не ожидал.

Поднявшись по гадким ступеням, я направился напрямик в кабинет Потрошителя.

Он оторвался от бумаг на письменном столе и поднял на меня взгляд. Мое возвращение явно не стало для него сюрпризом.

— Да?

— Я не собираюсь жить в этом вонючем склепе. По крайней мере, я имею право на чистое и приличное жилье.

— А что, если я не выполню твои требования?

— В таком случае я отправлюсь отсюда прямо в Толедо, возьму такси до Мадрида, потом пересяду на поезд до Рима и обо всем расскажу Его Святейшеству.

— Очень хорошо, — спокойно ответил он. — Прощай, Десмонд.

Я как стоял, так и остался стоять, кипя от бешенства, а он как ни в чем не бывало снова углубился в изучение бумаг на столе. Тогда я круто развернулся и нога за ногу поплелся обратно в свою келью. Теперь я чувствовал себя уже не маленьким Дэвидом, а одной из тех бутылок, что он успел отмыть только наполовину. Я решительно не мог осуществить свою угрозу, и Потрошитель прекрасно это понимал. Как я покажусь на глаза моей дорогой мамочки, если вернусь к ней в «Риц»?.. Нет, никогда, никогда! Я должен с честью выйти из положения. Во мне еще осталась какая-никакая сила духа. Слуга по-прежнему стоял рядом с чемоданом. Он знал, что я непременно вернусь.

— Сеньор, эта маленькая комната будет выглядеть лучше, гораздо лучше, если здесь прибраться.

Наши глаза встретились, и я понял его взгляд. И воздав хвалу Господу за мой хороший испанский — факт, оставшийся неизвестным сидящему у себя в кабинете сукину сыну с садистскими наклонностями, — я спросил:

— Как тебя зовут?

— Мартес, сеньор.

Я достал из бумажника прекрасную новенькую, хрустящую банкноту достоинством в пятьдесят песет и помахал ею у него перед носом. Я знал, что пятьдесят песет — для него целое состояние. Он знал это не хуже моего.

— Мартес, пригласи сюда приятеля с мылом, ведром воды и подручными средствами для уборки. Достаньте чистое белье, чистые занавески, принесите ковер из другой комнаты. Сделайте так, чтобы тут все сияло и блестело, — и деньги твои.

Он поставил чемодан на пол и пулей вылетел из комнаты. Я дождался, пока он вернется с другим слугой, которого Мартес представил мне как Хосе. С собой они принесли тряпки, щетки и ведра с водой. Пока я поднимался по лестнице, за моей спиной уже вовсю кипела работа.

Примерно с час я бродил по территории семинарии и за это время успел обнаружить заброшенные теннисные корты, где оставили свои визитные карточки отбившиеся от стада коровы с соседних ферм, площадку с высокими стенами для игры в пелоту[20] и старое футбольное поле. Я заглянул в старинную церковь в испанском стиле и про себя отметил, что церковь в хорошем состоянии, очень красивая и благостная. Поскольку занятия еще не кончились, я не встретил ни одной живой души.

Наконец я вернулся в свою комнату. Оба слуги уже ждали меня снаружи и с готовностью проводили внутрь. Я был буквально ошеломлен тем, что им удалось сделать. Они оттерли и надраили мою каморку до блеска. На чисто вымытом оконце красовались новые льняные занавески, а на выложенном плиткой полу лежал симпатичный испанский коврик. И, как еще один дар из пустующей комнаты наверху, — плетеное кресло с мягким сиденьем. Комод, теперь источающий приятный запах пчелиного воска, оказался антикварным, причем подлинным образчиком андалузского стиля. И в довершение ко всему, обломки кровати собрали вместе и застелили свежим белоснежным постельным бельем.

Я бросил признательный взгляд на своих благодетелей, которые смотрели на меня с выжидательными улыбками.

— Чудесная комната, сеньор. Здесь тихо, спокойно. А летом прохладно.

Я достал бумажник и извлек оттуда еще одну новехонькую банкноту в пятьдесят песет, полученную непосредственно из рук кассира в «Рице». Когда я вручил каждому по заветной бумажке, радости их не было границ.

— Сеньор, мы будем приходить как можно чаще, чтобы здесь все блестело.

— Да будет так, Мартес и Хосе, ведь отныне вы мои друзья.

Когда они вышли, одарив меня напоследок признательными улыбками, я распаковал вещи и разложил их по ящикам, застеленным чистой бумагой, потом поставил на комод две небольшие фотографии, запихнул пустой чемодан под кровать и, с удовольствием оглядев напоследок комнату, вышел во двор, где нос к носу столкнулся со своим врагом.

— Что, пришлось потрудиться, Фицджеральд?

— Не больше, чем обычно, отец мой.

— А ну-ка пойдем посмотрим.

И он начал спускаться по лестнице. Из соображений благоразумия я решил за ним не ходить. Наконец, обследовав, вне всякого сомнения, все от и до, выдвинув ящики и потрогав мое нижнее белье, он с широкой улыбкой на губах вернулся ко мне.

— Мои поздравления, Фицджеральд. Ты отлично потрудился. Я от тебя такого и не ожидал.

— И с этими словами он с деланой сердечностью положил мне руку на плечо.

Я выскользнул из его неискренних объятий и посмотрел ему прямо в глаза.

— Вы ведь прекрасно знаете, что я пальцем о палец не ударил. Так что не старайтесь выставить меня лжецом. Что бы вы там обо мне ни думали, я никогда им не был, и вам не удастся заманить меня в эту ловушку.

Он долго молчал, а потом уже своим обычным голосом произнес:

— Неплохо, Фицджеральд. У меня еще есть шанс сделать из тебя миссионера. А теперь настало время нашего вкуснейшего второго завтрака. Пойдем, я покажу тебе трапезную.

Трапезная находилась в дальнем крыле нового здания; это был большой зал с подиумом у одной стены и по меньшей мере двадцатью длинными узкими столами, расположенными чуть пониже, за которыми уже собрались для приема пищи мои будущие товарищи. Указав мне мое место в конце одного из столов, Хэкетт уселся между двумя священниками в центре стола на подиуме. Потом была прочитана благодарственная молитва, и, пока какой-то парень читал с аналоя отрывки из «Книги мучеников», начали разносить тарелки с едой, а это означало, что я смогу наконец-то поесть.

Увы, блюдо оказалось совершенно безвкусной оля-подридой, состоящей из риса и гороха, а также плавающих в мерзком вареве кусочков жесткой говядины, которую нужно было рубить топором. Я, давась, впихнул в себя то, что лежало на моей тарелке, поскольку прекрасно понимал, что если не научусь хлебать эти помои, годные только для свиней, рано или поздно просто-напросто умру с голоду. Затем нам подали кислый козий сыр с ломтем хлеба, что на вкус оказалось не так уж плохо, и напоследок — по кружке какой-то черной бурды, замаскированной под кофе. Я в два глотка выхлебал это пойло, которое хотя бы было

горячим.

Между тем я внимательно рассматривал обитателей семинарии, большинство из которых не понравилось мне с первого же взгляда. Причем особую неприязнь вызвал у меня сидевший во главе центрального стола здоровенный уродливый туповатый детина, которого все звали Дафф. Что касается представителей духовенства, то только один, казалось, заметил мое присутствие. Это был похожий на большого ребенка человечек, румяный и седовласый, который непрерывно хмурился и морщился в мою сторону. Когда я поинтересовался у своего соседа, кто это такой, тот шепотом, поскольку за столом следовало соблюдать тишину, произнес: «Отец Петит, учитель музыки».

«Боже мой, — подумал я, — это последняя капля». А потому, когда все поднялись, возблагодарив Господа, и отец Петит вдруг принялся делать мне знаки, я быстро поднялся и, смешавшись с толпой, стал поспешно пробираться к своей келье. Я начал писать письмо в отведенный нам час отдыха, а закончил его уже вечером следующего дня, при свете свечи.

И поскольку я не могу подвергать сие послание опасности цензуры кровожадного Хэкетта, то собираюсь вручить его своему испанскому другу, чтобы тот отправил его из деревни. Дорогой Алек, прости меня за этот пространный и вымученный опус. Я просто хотел, чтобы ты знал, как я устроился и что ожидает меня, если я, конечно, выживу, в ближайшие четыре года.

Передай мои наилучшие пожелания твоей дорогой матушке.

Нежно любящий тебя, Десмонд.

P. S. Отрубленная рука в кабинете Хэкетта, как оказалось, является реликвией. Она хранится в память об одном из выпускников семинарии, молодом священнике, изувеченном, а потом и убитом в Конго; его тело обнаружили бельгийские солдаты, которые и прислали сюда его руку. Так что ставлю Хэкетту «отлично» за то, что бережет и почитает святыню. II

Какой вывод можно было сделать из этого действительно пространного, сумбурного, но такого характерного для Десмонда письма? Я дал почитать его маме, которая обожала Десмонда и интересовалась его успехами на ниве служения Господу. Но мама только головой покачала: «Бедный мальчик. Он никогда не сможет этого сделать».

Однако письма, которые затем начали приходить систематически, казалось, опровергали мамино пророчество. Безрадостные, жалобные, освещенные редкими искорками юмора или вспышками ярости против Хэкетта, они были столь однообразными и столь недостойными Десмонда, что я их никому не показывал. По сравнению с событиями, что ждали Десмонда впереди, то был самый унылый период его жизни. На ранних этапах его послушничества у Десмонда был один-единственный друг среди неотесанных парней — юноша с не менее тонкой душевной организацией, чем у него самого, которому здесь дали прозвище Полоумный. Именно с ним Десмонд проводил часы отдыха: они играли в теннис допотопными ракетками и изношенными мячами на поле, усеянном высохшими на жарком солнце коровьими лепешками. А иногда молча гуляли по старому аббатству, впитывая в себя красоту и спокойствие этой находящейся в небрежении части семинарии. В дождливые дни они прятались в библиотеке, где читали, конечно, не толстые тома «Книги мучеников», коими были заставлены все полки, но гораздо менее безгрешную литературу. Еще они сочиняли вдвоем достаточно грубые лимерики[21], посвященные Хэкетту. Стишки эти, написанные левой рукой, потом разбрасывались в туалетах и в других общественных местах.

За исключением отца Петита, остальные наставники из числа духовенства особенно не жаловали Десмонда, так как он частенько оскорблял их в лучших чувствах, демонстрируя, что знает гораздо больше того, чему они пытаются его научить. Но вот отец Петит, пожилой, розовощекий, довольно застенчивый человечек, который во время первой трапезы

«морщился и хмурился» в сторону Десмонда, с самого начала расположился к юноше, поскольку его, как хормейстера, вынужденного блуждать в дебрях окружающего его музыкального невежества, крайне заинтересовал школьный отчет о музыкальных успехах юного дарования. Но даже он не решался предъявлять права на нечто большее. Он играл на церковном органе, обучал желающих игре на фортепьяно или на скрипке, набрал в хор нужное количество певчих, способных исполнять церковные гимны, литании и григорианские хоралы, но при этом старательно следил за тем, чтобы песнопения не переросли в заунывный вой. Как отец Петит попал в семинарию, можно было только гадать, поскольку он был не только не слишком разговорчив, но и болезненно застенчив. Любой заданный в лоб вопрос вгонял его в краску. Он, вне всякого сомнения, был с раннего детства очень музыкален и уже в подростковом возрасте играл в оркестрах центральных графств Англии, причем играл на флейте, что вполне соответствовало его характеру. Как и почему он внезапно решил учиться на священника — тайна, покрытая мраком. Отец Петит упорно молчал и о том, что заставило его переключиться из одного прихода, куда он был назначен после рукоположения, в другой. Святой отец был не создан для успеха, даже в деле служения Господу, но его музыкальные знания всегда были при нем, и он счел Божьей благодатью то, что в конце концов оказался в семинарии Святого Симеона. Здесь он был любим всеми, и особенно отцом-настоятелем, который явно покровительствовал «маленькому собрату».

Вскоре после их первой встречи отец Петит все же ненавязчиво завлек Десмонда в музыкальную комнату — усиленное стропилами длинное помещение, расположенное над крытой галереей старого аббатства, подальше от бетонных строений и вообще от всех режущих глаз видов и режущих слух звуков.

— Присаживайся, Десмонд, и позволь мне с тобой побеседовать.

Когда они сели на потертый диван возле пианино, маленький священник, страшно волнуясь и тяжело дыша, что не ускользнуло от внимания Десмонда, заговорил:

— Мой дорогой Десмонд, в отчете из школы Святого Игнатия сказано, что, помимо прочих достоинств, ты обладаешь исключительными вокальными данными. Когда я прочел эти строки, то задрожал, не в силах побороть волнение от предвкушения чуда. Но тебе нечего бояться, — священник ласково положил руку на плечо Десмонда. — Никакие силы в мире не заставят меня бросить тебя на растерзание бесталанному сброду, что воет в церкви и способен исполнять исключительно церковные гимны и простейшие произведения Баха и Гайдна, которые я в них вдолбил. Нет, мой дорогой Десмонд. У меня есть мечта, которую я лелею уже очень давно, — произнес дрожащим голосом отец Петит. — Возможность, мечта, словом, проект, который я вынашиваю уже в течение многих потраченных впустую лет, — вздохнул он и после небольшой паузы сказал: — Но прежде чем продолжить, хочу попросить тебя о небольшом одолжении. Не мог бы ты спеть для меня?

Слова «маленького собрата» заинтриговали Десмонда.

— Что вам исполнить, отец мой?

— Ты знаешь «Аве Мария» Шуберта?

— Конечно, отец мой.

— Сложная вещь. — Отец Петит кивнул в сторону пианино и спросил: — Хочешь, чтобы я тебе аккомпанировал?

— Вовсе не обязательно. Благодарю вас, отец мой.

Десмонд любил этот церковный гимн, а потому пел с радостью и наслаждением.

Закончив, он бросил взгляд в сторону отца Петита. Крошечный человечек сидел, закрыв глаза, губы его шевелились в беззвучной молитве. Наконец он открыл увлажнившиеся глаза и, пригласив юношу сесть рядом, произнес:

— Мой дорогой Десмонд, я благодарил милосердного Господа нашего Иисуса Христа за то, что Он внял моим молитвам, которые я посылал Ему более трех лет. Послушай, что я тебе скажу. Кстати, ты не возражаешь, чтобы я называл тебя Десмонд?

— Мне будет только приятно, отец мой.

С тех пор как Десмонд попал в семинарию, к нему впервые обращались по имени. И он в течение десяти минут затаив дыхание внимал откровениям отца Петита. После того как священник выговорился, в комнате воцарилось долгое молчание. Затем отец Петит спросил:

— Ну что, Десмонд, согласен попытаться?

— Если вы считаете, что стоит, святой отец.

— Я верю, что это шанс, дарованный тебе Господом, и ты не должен его упустить.

— Тогда я попытаюсь.

И они обменялись рукопожатием.

— Надеюсь, ты будешь приходить сюда в свободное время после полудня дважды в неделю, скажем, по вторникам и пятницам, с трех до пяти. Мы будем беседовать и работать, да-да, работать в поте лица, — улыбнулся маленький человечек. — А чтобы ты мог отдохнуть, я буду играть тебе Бетховена или еще кого-то. Словом, все, что пожелаешь. Я распорядюсь, чтобы в конце занятий нам приносили легкие закуски. Сегодня я этого не сделал, так как не был уверен, что ты согласишься.

И аскетичная, полная ограничений семинарская жизнь повернулась к Десмонду новой, более привлекательной стороной; у него появилась возможность расслабиться, которую он всегда очень ценил, и цель, практически недостижимая, но будоражившая кровь, когда время от времени он представлял себя в роли победителя и тихо шептал, смакуя каждое слово: «Золотой патир».

Итак, занятия по вторникам и пятницам начались и продолжались с завидной регулярностью. При всей любви к пению, у Десмонда никогда не было педагога, он пел как умел, и техника пения у него, естественно, хромала. Низкорослый отец Петит разучивал с ним очень сложные произведения, не уставая его критиковать.

— Десмонд, не тяни последнюю ноту так, будто она тебе настолько нравится, что ты боишься ее отпустить. Пошлый и слишком уж сентиментальный трюк. Повтори этот пассаж, там у тебя было легкое вибрато. Бойся вибрато, как смертного греха. Оно погубило немало хороших теноров. Не нажимай на высокие ноты ради пущего эффекта, чтобы они замирали вдали, словно лягушка, из которой выпустили воздух. А теперь, Десмонд, решай, какую песню ты выберешь для соревнования. Ведь именно от выбора музыкального произведения зависят оценки судей.

На обдумывание у Десмонда ушло меньше минуты.

— Я хотел бы исполнить арию Вальтера «Розовым утром алел свод небес» из «Мейстерзингеров» Вагнера, — сказал Десмонд и, чуть подумав, добавил: — Вагнер — не самый мой любимый композитор, но эта песня прекрасна. Она не только вдохновляет, но и уносит ввысь, к вершинам успеха, а это именно то, что нам нужно.

— Да, великолепная ария, — кивнул Петит. — Но слишком длинная и сложная для исполнения. Ну-с, посмотрим, на что ты способен.

По определенным дням Десмонду петь не позволялось: он просто отдыхал на диване, в то время как щуплый собрат сидел, подложив на табурет подушечку, за пианино и играл те произведения Брамса, Листа, Шуберта и Моцарта, которые Десмонд особенно любил.

Ровно без четверти пять обычно приходил Мартес и, приносил с собой что-нибудь такое, что готовилось специально для стола священников. Нередко Мартес приходил пораньше и слушал, стоя за дверью. Отец Петит доставал из буфета чайник и спиртовку и заваривал чай.

Такая нежданно-негаданно свалившаяся на него возможность отдохнуть от суровых семинарских будней, которая так соответствовала его вкусам и характеру, несомненно, помогла Десмонду не сломаться и не свернуть с пути, предначертанного ему свыше. Десмонд нередко возвращался к этой теме в своих письмах, рассказывая, как потихоньку, шаг за шагом, добился права пользоваться музыкальной комнатой по своему усмотрению и приходит туда всякий раз, как появлялась возможность вырваться из семинарской рутины. Письма он теперь писал, находясь в блаженном уединении, а еще он любил поваляться с полчаса на стареньком диване, чтобы передохнуть перед работой и переварить несъедобный второй завтрак. В ящике под сиденьем высокого табурета, стоящего у пианино, Десмонд обнаружил целую кипу нот произведений немецких композиторов; он играл и пел отрывки из них до тех пор, пока не научился читать ноты с листа. Десмонд даже выучил наизусть некоторые вещи полегче. Особенно ему пришлось по сердцу две песни Шуберта: «Der Lindenbaum» и «Fr?hlingstraum», а еще сладкая любовная песня Шумана «Wenn ich in deiner Augen seh». В его репертуаре была и серьезная музыка, например Брамс «Der Tod das ist die k?hle Nacht» и, как ни странно, отрывки из оратории Генделя «Мессия», исполняемые на английском языке, особенно берущая за душу ария «А я знаю, Искупитель мой жив».

В один прекрасный день, когда Десмонд, вкладывая в пение всю душу, исполнял свою любимую арию «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий» из «Мессии» Генделя, дверь в комнату неожиданно открылась. Обернувшись, он увидел крупную фигуру грозного Хэкетта, почувствовал на своем плече огромную, но вполне дружелюбную руку и услышал не лающий, а непривычно мягкий голос отца-настоятеля.

— Это было поистине прекрасно, Фицджеральд. Я, конечно, не специалист, но истинный талант распознать могу. Продолжай, продолжай в том же духе и завойю во славу нашей семинарии Золотой потир. — И, сделав паузу, отец Хэкетт прибавил: — Кстати, не желаешь ли сменить свою комнату на спальню попросторнее, на верхнем этаже?

— Благодарю вас, святой отец, но нет. Меня вполне устраивает моя келья.

— Хороший ответ, Фицджеральд. Возможно, я все же сумею сделать из тебя мученика, — улыбнулся, да-да, улыбнулся Хэкетт и вышел из комнаты.

Десмонд, не жалея легких, запел осанну и с грохотом спустился по лестнице. Все, теперь можно не таиться. Он получил официальное одобрение, даже благословение. Музыкальная комната в его полном распоряжении.

После того как Хэкетт проявил к нему такую неожиданную доброту, неприязнь Десмонда к бывшему врагу несколько поубавилась. И все же он не мог до конца смириться с тем, что при обучении в семинарии основной упор делался на подготовку к миссионерской деятельности, причем именно миссионерство чаще всего становилось темой коротких, но ярких проповедей отца Хэкетта.

Одна утренняя воскресная проповедь произвела на Десмонда особенно сильное

впечатление. Отец Хэкетт начал ненавязчиво восхвалять достоинства и необходимость миссионерского служения во исполнение заповеди Христа: «Итак, идите, научите все народы»[22], а также слов святого Павла: «И горе мне, если я не благовествую»[23]. Отец-настоятель заявил, что Иисус Христос неоднократно подчеркивал евангельскую миссию Церкви, необходимость благовествовать о Христе и нести слово Божье в народ.

— Католическая церковь по сути своей является миссионерской, — вещал Хэкетт. — Повинуясь воле Христовой, необходимо оказывать моральное воздействие на общество для достижения социальной справедливости, строительства школ, больниц, бесплатных амбулаторий для нищих, невежественных и угнетенных.

Затем отец-настоятель принялся перечислять великих людей, прославивших себя на ниве миссионерской деятельности, — предмет, наиболее близкий и дорогой его сердцу. Начал он с апостола Павла, который нес христианство язычникам, апостола Иакова-старшего в Испании, апостола Фомы, обращавшего в христианство индусов Малабарского берега. А потом перешел к святому Мартину, епископу Турскому во Франции, святому Патрику, святому Колумбану в Ирландии, святому Августину, ставшему в 597 году первым архиепископом Кентерберийским.

Отец Хэкетт сделал особый акцент на деятельности великих миссионеров-иезуитов, рассказав о деятельности итальянца Маттео Риччи, который в начале шестнадцатого века добился больших успехов в Китае благодаря глубокому знанию китайского языка и культуры страны. Он подарил императору Вань Ли механические часы и спинет, тем самым добившись его благосклонности и получив возможность учить и проповедовать. А в Индии иезуит Роберто де Нобили, переняв образ жизни брахманов, превзошел их в аскетизме и обратил в свою веру тысячи и тысячи человек, принадлежащих к высшим слоям общества.

— Но разве можно хоть на минуту себе представить, — продолжал Хэкетт, — что вся эта грандиозная работа была бы сделана без самопожертвования, величайшего самопожертвования. Так, за один год только в Конго во время исполнения священной миссии было жесточайшим образом умерщвлено сто шесть священников, двадцать четыре брата и тридцать шесть сестер. — Тут отец-настоятель сделал паузу и дрогнувшим голосом произнес: — И выпускник нашей семинарии — один из многих миссионеров, которых мы из года в год посылали во все концы света, — благороднейший и достойнейший юноша, отец Стивен Риджуэй, во время выполнения им высокой миссии нести слово Божье в диких и неосвоенных джунглях Верхнего Конго был зверски убит, а потом расчленен. Вы все прекрасно знаете о священной реликвии, обнаруженной бельгийскими солдатами и присланной нам бельгийскими отцами из Кинду. Я говорю о кисти руки этого мужественного и благородного юноши, которая была отрублена ударом ножа дикаря и каким-то чудесным образом, повторяю, чудесным образом сохранилась и даже не разложилась, словно до сих пор является живой частью живого тела нашего Стивена. Вы все видели эту реликвию, которую мы выставляем для поклонения во время торжественной мессы в память годовщины мученической смерти Стивена. Она — наша величайшая ценность и будет представлена во всей своей чудесной нетленности, когда я подам прошение о канонизации этого святого юноши, который является гордостью нашей семинарии и служит образцом для подражания, стимулом и побудительным мотивом для каждого из присутствующих здесь. И как возрадуются Небеса и я, смиренный защитник миссионерской жизни, если помимо этих отважных добрых душ, что уже выбрали сию *via dolorosa*[24], среди вас найдутся другие, которые скажут мне: «Я тоже внял посланию, нет, завету Господа нашего Иисуса Христа: „Итак, идите, научите все народы“»[25]. — И после небольшой паузы отец Хэкетт добавил: — А теперь встанем и споем хором замечательный гимн «Вперед, христовы воины!»

Отношение отца Хэкетта к послушнику, которого он поначалу так сурово принял, несомненно, улучшилось. И тем не менее Десмонд не мог должным образом ответить на усилия отца-настоятеля пойти на сближение. Его постоянно грызла одна мучительная мысль, а

потому как-то раз, после очередной страстной проповеди отца-настоятеля, придя в музыкальную комнату, он не выдержал и спросил своего наставника:

— Вам не кажется, что заикленность отца Хэкетта на миссионерстве выглядит как-то дешево? Если он так уж серьезно к этому относится, почему бы ему вместо того, чтобы призывать нас к мученичеству, не попробовать испытать это на себе?

От неожиданности маленький отец Петит даже выронил ноты, которые держал в руках. Бросив на Десмонда строгий взгляд, он сказал:

— В высшей степени жестокое и неуместное замечание!

— Но разве это не так?

Отец Петит снова сердито и удивленно посмотрел на Десмонда:

— Неужели ты не знаешь, что отец-настоятель посвятил двенадцать лет миссионерской деятельности? Сразу же после рукоположения он отправился в Индию, чтобы работать среди неприкасаемых — представителей низшей и самой презренной касты. Он собственными руками построил амбулаторию, потом — небольшую школу, начал одевать и учить голодных, оборванных ребятишек, обитавших на самом дне Мадраса. Он донимал своих друзей на родине просьбами выслать денег, чтобы одеть и накормить сырых и убогих детей, научить их катехизису, сделать из них примерных христиан; при этом сам жил в беднейшем районе города, где холера, можно сказать, самое обычное дело. И, естественно, поскольку, не щадя живота своего, он выхаживал больных, то заразился холерой, но справился со страшным недугом и по состоянию здоровья был отправлен домой. В его отсутствие молодой американский священник продолжил это доброе дело, а когда отец Хэкетт вернулся, то присоединился к нему. Работая рука об руку, они творили чудеса, но тут желтая лихорадка поразила провинцию в глубине страны. Тогда, оставив миссию в Мадрасе на попечение своего товарища, отец Хэкетт отправился в очаг эпидемии. В течение шести недель он самоотверженно ухаживал за больными и умирающими, но коварная болезнь не пощадила и его. Он чудом выжил, но настолько ослаб и обессилел, что его отправили на родину, навсегда запретив возвращаться в Индию. И поскольку состояние его здоровья требовало, чтобы он жил в теплом климате, он получил эту — относительно легкую — должность в Испании.

Отец Петит закончил свое повествование, и в комнате воцарилась тишина; Десмонд сидел не шелохнувшись, а на лице его появилось какое-то странное выражение. Неожиданно он резко вскочил на ноги.

— Извините меня, святой отец. Мне надо вас оставить. — И с этими словами Десмонд опрометью выбежал из комнаты.

Возможно, щедушный отец Петит догадался о причине столь внезапного исчезновения Десмонда и предвидел его скорое возвращение. Он подошел к пианино и взял первые аккорды своей любимой «Аве Мария».

Когда Десмонд и в самом деле вернулся, отец Петит не прекратил играть, но, внимательно посмотрев на своего ученика, лукаво прошептал:

— У тебя счастливый вид. Что, очистил душу?

— И получил прощение от священника, достойного быть причисленным к лику святых, — смиренно произнес Десмонд. III

Теперь жизнь Десмонда в семинарии текла спокойно и гладко, поскольку божественный голос служил ему защитой от всех невзгод и напастей. Избалованный в еде, он даже смирился с

безвкусной бурдой, которую здесь подавали, поскольку теперь рацион милосердно разрешили разнообразить фруктами, в основном персиками из близлежащих садов. У Десмонда сложились на удивление хорошие отношения с отцом-настоятелем, который вдруг обнаружил у странного послушника достоинства, доселе остававшиеся сокрытыми.

Теперь письма от Десмонда приходили достаточно редко, в них не было прежнего надрыва; скорее, наоборот, каждая строчка дышала надеждой и преданностью, а еще энтузиазмом, который с течением времени только усиливался. Да, это вполне можно было бы назвать энтузиазмом, конечно, с учетом того обстоятельства, что жесткая дисциплина, царящая в семинарии, обуздывала его природную несдержанность.

Во время последующего периода обучения, достаточно продолжительного, но складывающегося весьма благоприятно, Десмонд благополучно прошел разные этапы послушничества, став последовательно иподиаконом и диаконом. И как отрадно было сознавать это его матери, которой не терпелось увидеть своего сына в облачении священника.

Один раз в две-три недели миссис Фицджеральд приглашала нас с мамой на воскресный ланч. Разговор, естественно, в основном крутился вокруг Десмонда. Миссис Фицджеральд была уже совсем плоха и жила исключительно предвкушением великого события, но я сомневался, что ей удастся дотянуть до дня рукоположения Десмонда. Я был уже почти дипломированным врачом — оставалось сдать последние экзамены, и симптомы ее заболевания — сердечная недостаточность, нездоровая бледность, одышка, отеки, цианоз — были мне совершенно ясны. Последние сомнения в ее диагнозе развеялись, когда она показала мне рецепт на лекарство, прописанное ей доктором: таблетки дигоксина. Так как я теперь работал врачом-стажером у сэра Джеймса Маккензи и жил на полном пансионе при Западном лазарете, то мог снять с маминых хрупких плеч часть денежных забот. Рассчитывая в скором времени компенсировать ей все лишения, я уговорил ее подать в муниципалитет Уинтона прошение об отставке, с тем чтобы она могла наконец уйти с работы, которая столько трудных лет позволяла нам держаться на плаву.

Вот такая спокойная и безмятежная жизнь продолжалась как у меня, так и у Десмонда еще несколько месяцев, пока неожиданно, словно гром среди ясного неба, не пришло письмо со знакомой испанской маркой. Письмо было длинным, написано явно впопыхах, и я, даже не распечатав, сразу почувствовал недоброе. Мой дорогой Алек!

Случилось страшное. Я погружен в бездну отчаяния, повергнут в уныние, унижен, оскорблен, втоптан в грязь; меня чуть было не исключили из семинарии, карьера священника поставлена под угрозу, причем все это, повторяю, все, если судить непредвзято и быть до конца откровенным, произошло по моей собственной вине. И только сейчас я уже могу приподнять голову и, взывая к твоему сочувствию, подробно описать обстоятельства дела.

Кажется, в предыдущих письмах я уже упоминал, что единственным послаблением в нашем строгом режиме была возможность раз в неделю, по четвергам, ходить после обеда в город, причем без сопровождения наставников, чтобы купить фрукты или другие дозволенные продукты у многочисленных торговцев, у которых семинаристы были основными покупателями. При этом нам никогда не разрешали отсутствовать больше часа.

Трудно выразить словами, с каким нетерпением мы ждали такой возможности не только ненадолго отдохнуть от суровых семинарских будней, не только прикоснуться к живому биению жизни, но и купить чудесных фруктов всего за пару песет. А что кроме лавок может быть интересного в типичной испанской деревушке с одной-единственной пыльной улочкой, извивающейся меж нагретых солнцем белых домишек, перед которыми сидят, занимаясь шитьем или сплетничая, одетые во все черное старухи? Темные узкие проходы ведут в темные лавочки, где ввиду близости семинарии продают также мыло, зубную пасту и зубные

щетки, самые простые лекарства, почтовые открытки и даже конфеты. И специально для семинаристов на прилавки выкладывают фрукты по сезону: виноград, апельсины из Малаги и персики.

Персики — моя слабость. Впрочем, не только моя, но и остальных послушников. А потому у въезда в деревушку нас всегда встречала молодая женщина, точнее, девушка, которая, чтобы опередить других торговцев, выходила нам навстречу с большой плоской корзиной через плечо, наполненной сочными свежими фруктами. В интересах своего бизнеса она завязала с нами дружеские отношения, и у нас уже вошло в привычку ненадолго останавливаться поболтать с ней, а заодно и попрактиковаться в испанском.

И вот в один злосчастный четверг меня задержал отец Петит, мой замечательный учитель музыки, которого чрезвычайно взволновало долгожданное известие из Рима насчет предстоящего конкурса. Вот почему я позже других вышел из ворот семинарии, а когда, запыхавшись, присоединился к товарищам, то, к своему немалому огорчению, обнаружил, что персики кончились.

— Ох, дорогая Катерина, ты мне ничего не оставила!

Она покачала головой и улыбнулась, показав чудесные белые зубки.

— Ты опоздал, мой милый маленький священник, а на свидания с дамой опаздывать нельзя!

Мои товарищи, и особенно Дафф, костлявый юнец из Абердина, который меня явно недолюбливал, с нескрываемым интересом следили за тем, как мне удастся выпутаться из щекотливой ситуации.

— Я весьма огорчен, так как считал себя твоим любимым покупателем.

— Итак, ты огорчен, по-настоящему огорчен?

— Да, по-настоящему.

— Тогда улыбнись скорее своей прекрасной улыбкой! — И к моему величайшему изумлению и удовольствию, она достала из-за спины два больших и сочных персика, каких мне еще не доводилось видеть.

Смешки и гогот вокруг нас немедленно стихли, когда, повесив корзину на плечо, она подошла ко мне, держа в каждой руке по персику.

— Неужто ты хоть на миг мог подумать, что я способна о тебе забыть? На, бери. Это тебе.

Я полез в карман за деньгами и, к своему ужасу, обнаружил, что карман пуст. Второпях я забыл взять кошелек. Мое огорчение не осталось незамеченным не только для зрителей, но и для Катерины, когда я, запинаясь, промямлил:

— Сожалею, но я не могу тебе заплатить.

Она подошла ко мне совсем близко, продолжая лукаво улыбаться.

— Так у тебя нет денег? Прекрасно! Тогда ты должен заплатить мне поцелуем.

И, пока я стоял в растерянности, она вложила мне в руки по персику и сжала меня в страстных — здесь двух мнений быть не может — объятиях, прижалась губами к моему рту, при этом нашептывая мне на ухо: «Приходи в любой вечер после шести, мой милый попик. Калье де лос Пинас, семнадцать. Для тебя это будет бесплатно».

Когда она наконец разжала объятия и посмотрела на меня блестящими карими глазами все с той же призывной улыбкой на губах, воцарившуюся вокруг гробовую тишину нарушил тощий абердинец:

— Хватит, парни! Все, пошли.

Я последовал за ними в состоянии какой-то странной эйфории. Это сладостное объятие, эти пахнущие персиками руки полностью выбили меня из колеи, лишив самообладания. Плеться в хвосте процессии семинаристов, я с трудом привел в порядок находящиеся в полном смятении чувства и вернул себя к жизни только после того, как съел оба восхитительных плода.

Даже на обратном пути в семинарию никто не сказал мне ни слова. Я, будучи без вины виноватым, превратился в парию.

На следующее утро возникшая напряженность как будто ослабла, но в одиннадцать часов я получил приказ явиться в кабинет к отцу-настоятелю. Я подчинился, ощущая смутную тревогу в груди, и беспокойство мое еще более усилилось, когда, войдя в комнату, я увидел у окна высокую тощую фигуру Даффа.

— Фицджеральд, против тебя выдвинуто весьма серьезное обвинение, — с места в карьер начал сидевший за письменным столом отец-настоятель. И, поскольку я упорно молчал, он продолжил: — В том, что ты обнимал эту девицу Катерину и, более того, вступил с ней в распутную связь.

Я был настолько ошеломлен, что кровь бросилась мне в голову. Я посмотрел на ангела мщения у окна. Он старательно избегал моего взгляда.

— Кто выдвинул такие обвинения? Слива Дафф?

— Фицджеральд, его зовут Дафф. Он был свидетелем того, как ты обнимал ту девицу Катерину. Ты что, будешь отрицать?

— Целиком и полностью. Это не я, а она обнимала меня.

— И ты не противился?

— У меня не было такой возможности. В каждой руке у меня было по крупному спелому персику.

— Но ведь именно она дала тебе персики. Причем не потребовав платы. Разве это не подразумевает близкие отношения?

— Она просто веселая девчонка, которая со всеми дружит. Мы все были ее постоянными покупателями, так что в каком-то смысле и остальные были с ней в близких отношениях. Мы все шутили и смеялись вместе с ней.

— Только не я, — донесся замогильный голос от окна. — Я сразу понял, падре, что она шлюха.

— Помолчи, Сл... Дафф! Из всех она выбрала именно тебя и с тобой на самом деле была особенно близка. Причем настолько, что назначила тебе свидание на сегодняшний вечер. И ты сказал: о'кей.

Я был уже вне себя от ярости.

— Никогда, слышите, никогда я не мог бы позволить себе такое вульгарное и пошлое

выражение. Кто посмел меня в этом обвинить?

— У Даффа острый слух.

— Но слишком большие уши.

Проигнорировав мое замечание, отец-настоятель снова бросился в атаку.

— Я навел справки. Эта Катерина Менотти, хотя формально и не является проституткой, официально признана *fille de joie*[26].

— Вот-вот, ваше преподобие, и я о том же. Она ему и адрес дала.

— Молчать, ты, неслух шотландский! — То, что Дафф вызывал у отца-настоятеля явное раздражение, несколько воодушевило меня. Но тут Хэкетт продолжил: — Ты отрицаешь, что когда-либо навещал ее по данному адресу?

— Если я уже навещал ее, то с чего бы ей давать мне свой адрес? Ведь в этом случае я наверняка должен был бы его знать.

Отец-настоятель вопросительно посмотрел на Даффа, который немедленно выпалил:

— А может, она сказала, чтобы напомнить, если он, паче чаяния, запомятовал.

После такого смелого предположения в комнате стало тихо и повеяло ледяным холодом. Затем отец-настоятель нарушил молчание:

— Ты можешь идти, Дафф.

— Уверяю вас, ваше преподобие, что довел это до вашего сведения исключительно из высочайших соображений морали и для сохранения доброго имени нашей школы, а еще потому, что я нисколько не верю, будто Фицджеральд...

— Немедленно вон, Дафф! В противном случае я буду вынужден наказать тебя, причем с показательной суровостью.

Когда Дафф, мотая головой, все же убрался, отец-настоятель долго молчал, задумчиво изучая меня. Наконец он заговорил:

— Фицджеральд, я ни секунды не сомневаюсь, что ты не посещал тот дом и не вступал в плотские отношения с той девицей. В противном случае тебе пришлось бы прямо сегодня покинуть семинарию. И тем не менее ты дал повод заподозрить тебя в неподобающем поведении, пятнающем позором и бросающем тень на наше учебное заведение. А потому мне необходимо посоветоваться с коллегами относительно того, какой приговор тебе вынести. А пока — вне зависимости от того, покидаешь ли ты семинарию или нет, — хочу дать тебе хороший совет. Ты, бесспорно, обладаешь необычайной притягательностью для противоположного пола. Так что будь начеку и опасайся любого рода заигрываний. Старайся контролировать свои эмоции. Веди себя отстраненно, сдержанно, сохраняй хладнокровие, чтобы суметь распознать опасность уже в зародыше и тотчас же устранить ее. Если послушаешь меня, то избежишь многих печалей и многих бедствий. А теперь можешь идти. О своей участи ты узнаешь завтра. Ступай в церковь и молись о том, чтобы мне не пришлось тебя исключить.

Я молча кивнул и, покинув кабинет отца-настоятеля, направился прямо в церковь, где принялся истово молиться. Я прекрасно знал, каким суровым способен быть Хэкетт: ведь всего несколько месяцев назад он исключил молодого послушника лишь за то, что юноша затынулся окурком сигары. Будучи уже раз предупрежден, послушник нарушил приказ. И этого

оказалось достаточно.

На следующий день я мучился неизвестностью до самого вечера. Наконец в пять часов ко мне подошел наш добрейший хормейстер отец Петит и обнял меня за плечи.

— Меня уполномочили сообщить тебе, Десмонд, что тебя оставляют. Тебе запрещено покидать пределы семинарии до конца семестра, но, хвала Господу, ты спасен не только для священства, но, — улыбнулся отец Петит, — и для предстоящего нам в следующем месяце набега на Рим. — И остановив взмахом руки поток моих благодарностей, он добавил: — Да, ты можешь быть мне благодарен. Похоже, мне удалось перевесить чашу весов в твою пользу. Такой голос, как у тебя, встречается раз в сто лет, и то не всегда.

Итак, мой дорогой Алек, ты получил почти стенографический отчет о тяжелых испытаниях и горестях, выпавших на долю нежно любящего тебя друга. С нетерпением жду весточки от тебя. Пиши мне сразу, как узнаешь результаты своих выпускных экзаменов. Ты, наверное, не знаешь, но я часто представляю себе, как ты трудишься в поте лица в своей пустой комнатухе. А я в свою очередь обязуюсь подробно, ничего не скрывая, доложить о предполагаемой поездке в Рим.

Искренне преданный тебе, Десмонд. IV

Итак, сдав экзамен на бакалавра в области медицины и бакалавра в области хирургии, я принял на себя обязанности временного заместителя партнера, уехавшего на неопределенное время, — доктора Кинлоха, пожилого и всеми уважаемого врача общей практики в Уинтоне. И хотя я стремился совсем к другому и вовсе не собирался останавливаться на степени бакалавра, эта временная должность дала мне возможность оставаться рядом с матерью, а мой оклад в сорок фунтов позволил ей бросить работу в трущобах и скинуть с плеч тяжкий груз, который она безропотно несла столько лет.

В следующий раз я заехал к миссис Фицджеральд уже не в качестве гостя, а для выполнения своих профессиональных обязанностей. Я был серьезно обеспокоен резким ухудшением ее здоровья, и когда она позволила себя осмотреть, то сомнений в диагнозе у меня уже не оставалось. Острый стеноз митрального клапана с частичной закупоркой коронарной артерии. Я уговорил миссис Фицджеральд пригласить для консультации доктора Кинлоха. Доктор подтвердил первоначальный диагноз и хотя, выписывая назначения, и старался всячески ободрить пациентку, его прогноз оказался еще более мрачным: она должна соблюдать постельный режим до тех пор, пока не пройдут отеки. Но когда мы возвращались домой в его маленьком кабриолете, доктор Кинлох сказал:

— С таким сердцем она может умереть в любую минуту.

Ее заветной мечтой было увидеть любимого сына рукоположенным в сан служителя Божьего. А теперь надо было сообщить миссис Фицджеральд, что в ее теперешнем состоянии ей просто не доехать до Рима. Я был не в силах нанести ей столь сокрушительный удар, и моя мама, которая благодаря появившемуся у нее свободному времени могла навещать свою подругу каждый день, а кроме того, обладала изрядной толикой житейской мудрости, уговорила меня хотя бы месяц повременить с дурными вестями.

И вот случилось так, что мать Десмонда однажды вечером легла спать, рисуя в голове яркие картины блестящего будущего сына, и уж более не проснулась, а следовательно, не столкнулась с ужасной действительностью, полной отчаяния и разочарования. Она ушла из жизни с миром и не чувствуя боли.

Десмонд, которого сразу же известили телеграммой, приехал за день до похорон; он был печален, но вел себя сдержанно, без аффектированных проявлений скорби, которых можно было от него ожидать. Я заметил, насколько он изменился. Пять лет в семинарии не прошли

для него бесследно, научив его хладнокровию и выдержке. Моя мать резюмировала это следующим образом: «Десмонд наконец повзрослел».

Даже стоя у свежерытой могилы, он держался очень хорошо, хотя по щекам его все же текли слезы, и слезы горькие. Поскольку из семинарии его отпустили всего на три дня, сразу же после похорон он встретился с адвокатом. Ежегодная рента прекратилась одновременно с жизнью миссис Фицджеральд, которая, однако, сумела сберечь для Десмонда более трех тысяч фунтов. Кроме того, он должен был получить деньги от переуступки прав на аренду дома. Многие вещи из ее прекрасного гардероба, включая меховое манто и новенький, с иголки костюм, несомненно предназначавшиеся для церемонии рукоположения, она завещала моей маме, так же как и некоторые наиболее ценные из предметов обстановки, — драгоценные дары, вызвавшие слезы на глазах у их получательницы.

И хотя сам я ни на что не рассчитывал, миссис Фицджеральд завещала сто фунтов и мне.

Поезд Десмонда уходил только в полночь, а потому сразу после вечернего приема больных я пришел к своему старому другу, и мы молча сидели в притихшем доме, чувствуя такую близость, будто никогда и не расставались.

Вполне естественно, что Десмонд снова заговорил о матери, хотя в конце разговора не смог удержаться от того, чтобы не изречь банальной истины:

— Скажи, разве не удивительно, сколько хорошего может сделать мужчине хорошая женщина?

— И сколько плохого, причем очень плохого. Оглянись, кругом полным-полно таких.

— Алек, ты у нас реалист, — улыбнулся Десмонд. — Степень ты уже получил. Что собираешься делать теперь?

Я объяснил ему, что это всего лишь первая ступень и я собираюсь писать докторскую диссертацию, а потом попытаюсь получить звание члена Королевского колледжа врачей.

— Впрочем, задачка не каждому по зубам. Дело чрезвычайно непростое.

— Алек, ты непременно справишься.

— Десмонд, а как ты представляешь себе свое будущее?

— Не так ясно, как твое. Буквально через несколько недель меня посвятят в сан, а поскольку начальство не всегда было мною довольным, то у меня нехорошее предчувствие, что в наказание мне дадут самый захудалый приход, скорее всего в Ирландии, где я родился.

— Но тебя подобная перспектива не устраивает.

— Не устраивает, хотя это может пойти мне на пользу. Мои взгляды немало изменились, в частности, благодаря трогательной заботе добрейшего отца Хэкетта. — И, поймав мой удивленный взгляд, он продолжил: — Алек, этот Хэкетт — чрезвычайно странный человек. Ведь поначалу я всеми печенками его ненавидел, а он в свою очередь всячески демонстрировал мне свою неприязнь. Я считал его грубияном и садистом. Но на самом деле он просто фанатик. Он одержим идеей миссионерства. Он хотел бы вместе с выпускниками возглавляемой им семинарии нести слово Божье дикарям. Я считал его помешанным. Но теперь уже нет. Он напоминает мне одного из апостолов, возможно, Павла. И теперь я люблю и уважаю его. На самом деле он меня покорило.

— Ты что, видишь себя вторым Святым Патриком?

— Не смейся, Алек, — вспыхнул Десмонд. — Нам не дано знать, что нас ждет впереди. Ведь и ты можешь ни с того ни с сего бросить медицину и сделаться писателем. А я в один прекрасный день могу отойти в мир иной где-нибудь в тропических джунглях. — При этих словах я не выдержал и громко расхохотался, а Десмонд тут же ко мне присоединился. Но потом, снова став серьезным, он продолжил: — Так или иначе, теперь я понимаю и уважаю Хэкетта и хочу отплатить ему добром за добро. В Риме должен состояться конкурс под эгидой Римского музыкального общества при поддержке Ватикана с участием молодых, недавно рукоположенных священников или послушников, которых должны посвятить в духовный сан. Основная идея конкурса — поощрять использование вокальных данных во время мессы, литании и так далее. Воистину благородное начинание и название носит не менее благородное — Золотой патир. И отец Хэкетт хочет, чтобы я участвовал в конкурсе. — И после непродолжительной паузы добавил: — Мы ведь совсем небольшая семинария в Торрихосе, причем страдающая комплексом неполноценности и значительно менее известная, чем наша соперница в Вальядолиде. Какой душевный подъем это нам даст и какую известность позволит приобрести, если нам, конечно, удастся выставить приз — Золотой патир — в центральном окне.

— И когда состоится сие счастливое событие?

— В июне. Так что сначала придется подсчитывать очки соперников — а Италия богата на молодых теноров, — выступающих на сцене перед группой экспертов из мирян и священнослужителей, а затем — изливать душу в песне перед публикой в зале.

— Десмонд, ты обязательно победишь, причем без труда. Давай поспорим!

— Если учесть, что меня вот-вот должны рукоположить, я не имею права жертвовать медяки в пользу очень славного, но хитрого шотландца, — улыбнулся Десмонд и, посмотрев на часы, сказал: — А теперь, боюсь, нам пора. Давай пройдемся пешком до Центрального вокзала.

Когда мы в последний раз обошли дом, Десмонд поднял чемодан и, грустно потоптавшись на пороге, закрыл дверь на замок со словами:

— Это замок Чабба. У агента есть ключ.

По дороге на вокзал он взял меня под руку.

— Алек, извини, что задержал тебя допоздна.

— Я привык работать допоздна, даже далеко за полночь. Позволь, я возьму твой чемодан.

Но Десмонд только головой покачал.

— Нет, я сам должен нести свою ношу. Послушай, Алек, можно задать тебе медицинский вопрос?

— Конечно. — Я был заинтригован, но никак не ожидал услышать такого.

— Только не удивляйся и ответь мне серьезно. Скажи, если человеческую руку отсечь в области запястья, она рано или поздно разложится?

— Несомненно. Через неделю она начнет невыносимо вонять, разлагаться, размягчаться и, наконец, гнить; затем кости пясти отделятся от запястья и со временем распадутся на отдельные фрагменты.

— Спасибо, Алек. Огромное тебе спасибо.

Больше за всю дорогу мы не проронили ни слова и очень скоро оказались на Центральном

вокзале. Я проводил его до купе третьего класса.

— Не стоит ждать отправления поезда, дорогой Алек. Ненавижу долгие проводы. И, кроме того, я знаю, более того, абсолютно уверен, что в один прекрасный день мы с тобой снова будем вместе.

Мы обменялись рукопожатием, я резко повернулся и быстрым шагом зашагал прочь. Я надеялся, что он прав и в один прекрасный день наши пути снова пересекутся. А еще я надеялся, что последний трамвай до Вестерн-роуд еще не ушел.

Шесть недель спустя Десмонда посвятили в сан и, оправдав его самые дурные предчувствия, официально уведомили, что ему надлежит отправиться в церковь Святой Терезы в сельском приходе Килбаррак на юге Ирландии. Но еще до того произошло много важных событий. Хотя об этом расскажет уже сам Десмонд. V

В утро нашего отъезда отец-настоятель пришел в мою келью, чтобы лично разбудить меня на час раньше обычного. Я оделся, а он стоял и смотрел, как я поспешно укладываю чемодан; потом мы вдвоем отправились в церковь, где нас ждал отец Петит. Они с отцом Хэкеттом уже успели прочесть мессу и, сидя на передней скамье, ждали, пока я молился, и, можешь не сомневаться, я не преминул попросить Небеса, чтобы дерзания мои увенчались успехом.

Когда я закончил, отец Хэкетт взял меня за руку и отвел в свой кабинет, куда Мартес уже принес кофейник горячего кофе, а не той бурды, что нам обычно подавали на второй завтрак, и свежие теплые булочки. Настоятель молча смотрел, как я уминаю свой завтрак, но от предложенного мною кофе отказался.

Когда Мартес наконец ушел, он сказал:

— Я заказал для вас машину до Мадрида.

— О, благодарю вас, отец мой. Местный поезд просто ужасный.

— Этот поезд вовсе не ужасный. А, наоборот, весьма полезный для фермеров и крестьян. На нем они возят свою продукцию на рынки Мадрида. Хотя, конечно, он тащится как черепаха и вечно опаздывает. И все же машина, хоть и не «Испано-Сюиза», это машина.

— Вы абсолютно правы, отец мой, — ответил я. — Я опять повел себя бестактно.

— Не больше, чем обычно, отец Десмонд. И даже меньше, чем обычно. По правде говоря, хоть ты и далек от совершенства, но уже на пути к исправлению. Мне пришлось здорово с тобой повозиться, а потому в награду за мои мучения, — отец-настоятель пристально посмотрел на меня, — я хочу, чтобы ты завоевал Золотой патир для нашей семинарии. По существу, это пустая безделушка, ничего не стоящий трофей, и тем не менее он поможет повысить престиж, даже не твой, что, в общем, не так уж и важно, а нашей семинарии.

Он встал и направился к скамеечке для молитвы. Я пошел следом.

— Я собираюсь оказать тебе особую милость. Преклони колена, возьми эту священную реликвию и помолись за успех наших начинаний.

Я встал на колени и, уверяю тебя, с глубочайшим почтением взял чудесную длань — такую гладкую, с такой мягкой кожей, что казалось, будто она живая. Я нежно сжал ее, и мне почудилось, что пальцы ответили мне нежным трепетным пожатием; они прикоснулись ко мне, словно не желая отпустить и тем самым нарушать контакт с жизнью, которая некогда билась в этой руке и теперь вспоминалась с тихой радостью. И так, сжимая священную реликвию, я истово молился, причем не за свой скорый успех, но за хорошую жизнь и счастливую смерть.

— Ну? — поинтересовался отец Хэкетт, когда я встал с колен.

— Произошло чудо. Я почувствовал в этих пальцах благодать Божию. Я словно прикоснулся к Небесам.

— Скажи это своему другу-доктору, который твердит о разлагающейся плоти и гниющих костях. А теперь пошли, тебе пора ехать.

Во дворе нас уже ждал автомобиль, маленький, но вполне надежный, а возле него рядом с вещами — моим чемоданом и его матерчатой дорожной сумкой — стоял отец Петит. Мы уже сидели в машине — вещи сложены в багажнике — и вот-вот должны были тронуться с места, когда я увидел, что отец Хэкетт, глядя нам вслед, размашистым движением руки осенил нас крестным знаменем. Поначалу я ненавидел этого истово преданного своему делу человека. Теперь же, несмотря на то, что он не допускал ни малейших проявлений нежной привязанности, искренне преклонялся перед ним.

Примерно через час мы оказались в Мадриде, а оттуда сразу же тронулись в Рим. Всю дорогу отец Петит демонстрировал почти материнскую заботу обо мне: требовал тишины и не давал открывать окно, чтобы, Боже упаси, меня не продуло на сквозняке, словно я был только что вылупившимся цыпленком. Однако на вокзале в Риме его уверенность разом улетучилась, и он с облегчением позволил мне нанять носильщика, который дотащил наш багаж до такси, доставившего нас в отель «Релиджьозо», где отец-настоятель забронировал нам номер.

Увы, «Релиджьозо» меня здорово разочаровал. Возможно, благочестие здесь и приветствовалось, но на этом все достоинства отеля и заканчивались. У меня внутри все оборвалось, когда я увидел пустой холл с покрытым линолеумом полом, а вместо лифта — крутую лестницу без ковров и, наконец, две убогие каморки с видом на железнодорожные пути с маневренными поездами — лязгающими, пыхтающими и выпускающими клубы вонючего дыма и пара прямо нам в окна. Если учесть, что до конкурса оставалось целых четыре дня, готовиться к предстоящим свершениям в подобных условиях было просто-напросто невозможно! А я так надеялся на расслабленную, приятную атмосферу единения с любимым городом!

Я посмотрел на крошечного отца Петита. Казалось, окружающая обстановка его абсолютно не волновала, я же был повергнут в уныние, а когда на второй завтрак нам подали поленту [27], поставив тарелки прямо на засиженный мухами стол без скатерти, моя меланхолия только усилилась и продолжалась до тех пор, пока на город не опустилась ночь.

А потом, Алек, Господь услышал мою невысказанную мольбу. И пока мы с отцом Петитом сидели, уставившись друг на друга, в помещении, которое я назвал бы комнатой для переговоров, к нам рысцой прискакал до смерти перепуганный юнец в плохо сидящей на нем форме портье.

— Сэр, там вас спрашивает какая-то дама в машине на улице.

Я тут же кинулся к дверям, а оттуда тоже опрометью помчался на улицу и там — да-да, Алек, — увидел большую новенькую «Испано-Сюиза», где сидела моя подруга маркиза. О нашем приезде она узнала из вечерней газеты «Паэзе сера ди Рома» и немедленно приступила к действиям.

— Скорее собирайся, поехали, Десмонд! Ты больше ни минуты не должен оставаться в этом клоповнике. Сюда даже заходить страшно. Мы поедem ко мне.

— Мадам, со мной мой друг. Священник. Он вам не будет мешать.

— Конечно, давай возьмем и твоего друга. Я приглашаю вас обоих.

Нет нужды говорить, что мы не стали отказываться и, в мгновение ока собрав пожитки, уже были в машине, причем я сел вместе с мадам на заднее сиденье. Отец Петит, так и не оправившийся от изумления, устроился впереди, рядом с шофером, который вез нас навстречу красивой жизни, а бедный молодой портье, ошеломленный чаевыми, которые я опрометчиво сунул ему в руку, с открытым ртом смотрел нам вслед.

Мы прибыли на виллу «Пенсероса» уже в начале одиннадцатого — время ужина давно закончилось, и, хотя нам настойчиво предлагали перекусить, я решительно отказался.

— Мадам, с тех пор как мы стали постояльцами «Релиджьозо», нас так закармливали полентой, что сейчас единственное, в чем мы действительно нуждаемся, — это возможность хорошенько выспаться.

— И вы ее получите. — Маркиза что-то сказала ожидающей приказаний горничной. — А так как вы явно очень устали, я хочу попрощаться с вами до утра. Buona notte[28].

Наши смежные комнаты, разделенные роскошной ванной, были само совершенство. У меня на кровати даже лежала шелковая пижама. Поскольку отец Петит не привык принимать на ночь ванну, я позволил себе полчаса понежиться в горячей мыльной воде, потом насухо вытерся турецким полотенцем, натянул подаренную мне пижаму, после чего ощущение нереальности происходящего еще больше усилилось, лег в постель и заснул как убитый.

На следующее утро нас разбудили, причем довольно поздно, подав нам завтрак в постель: большой кофейник дымящегося свежесваренного кофе и прикрытую салфеткой корзиночку с подогретыми римскими булочками, которые представляли собой улучшенную разновидность французских круассанов. Одевшись, я спустился вниз и нашел нашу хозяйку в будуаре, служившем ей мастерской, где она занималась шитьем для благотворительных целей.

— Доброе утро, мой дорогой преподобный Десмонд. Судя по твоим блестящим волосам, выспался ты на славу. Твой друг уже уютно устроился в библиотеке с книжкой в руках. Так что сейчас ты принадлежишь только мне.

Она стояла, улыбаясь, в безжалостных лучах утреннего света и явно не испытывала ни малейшего неудобства. Конечно, за прошедшее время она постарела, ее волосы посеребрились, но в ясных глазах по-прежнему светился живой ум. Должно быть, в молодости маркиза была просто неотразима. Даже сейчас она выглядела прелестно.

— Однако, — продолжала маркиза, — как бы хорошо ты ни выглядел... Скажи, где, ну где ты откопал такие брюки?

— Мадам, этим брюкам всего три года, это шедевр портновского искусства лучшего мастера из деревни Торрихос.

— Они поистине уникальны. А пиджак?

— Этот пиджак, мадам, хотя и весьма почтенного возраста, на самом деле — предмет религиозного культа, поелику был перешит вышеупомянутым портным из старого пиджака его высокопреподобия отца Хэкетта.

— Да уж, и вправду реликвия. Пойдем, посмотришь на себя в зеркало. — Она открыла дверь в гардеробную с большой зеркальной пилястрой.

Я давным-давно не смотрелся в зеркало, и если лицо было еще ничего, то все, что ниже, больше подходило старому дряхлому бродяге.

— Да, мадам, — задумчиво проговорил я. — Если меня немного почистить и погладить, я буду совсем как новенький.

— Десмонд, ты неисправим, — весело рассмеялась она. — Послушай, до субботы тебе надо отдыхать и ни о чем не думать, но сейчас мы с тобой пойдем к моему приятелю Карачини.

— К священнику?

— Нет, к лучшему портному во всей Италии. Не волнуйся за своего друга. Ему очень хорошо в библиотеке.

Мы сели в большой красивый автомобиль с откидным верхом — но не в «Испано-Сюиза», как я ожидал, а в новенький «Изотта-Фраскини», — и покатали по виа Венето в сторону отеля «Эксельсиор», повернули налево и остановились перед абсолютно пустой витриной, где значилось только одно слово: «Карачини».

Когда мы вошли, маркизу почтительно приветствовал проворный маленький человечек в безукоризненном темно-сером костюме. Они стали подробно обсуждать, что мне лучше подойдет в моем положении; затем были проинспектированы, ощупаны и отобраны кипы тканей. Меня провели в просторную примерочную, где подмастерье в нарукавниках обмерил меня с головы до ног.

— Надеюсь, вы поняли, Карачини, что все должно быть готово и доставлено ко мне домой не позднее, чем в пятницу вечером.

— Госпожа маркиза, вы ставите невыполнимые задачи, но для вас, — низко поклонился Карачини, — все будет сделано в срок.

Но на этом дело не кончилось, поскольку маркизе хотелось развлечься — именно так она охарактеризовала свою благотворительную акцию, — и меня отвели к расположившемуся по соседству галантерейщику, естественно, самому лучшему. Здесь моя любезная маркиза совсем разошлась, и в результате нам подобрали полный набор элегантных и дорогих аксессуаров, отложив их для немедленной доставки. И, наконец, на той же улице мы заглянули к сапожнику, шьющему обувь на заказ. Здесь мои конечности были тщательно измерены, после чего была отобрана кожа двух видов — светлая и чуть потемнее, — причем доставка обеих пар назначена все на ту же пятницу. Вероятно, кто-то спросит: как такую сложную работу можно сделать за столь короткий срок? Ответ очень прост: Рим — это город мастеров и, конечно, мастериц, причем все они сидят в маленьких комнатках в разных концах города и выполняют срочный заказ, трудясь порой всю ночь напролет, чтобы успеть закончить к утру. Кто-то может подумать, что такая тонкая работа щедро вознаграждается. Увы, это далеко не так.

— А теперь — легкий ланч, — сказала маркиза, когда мы вышли от сапожника. — И потом — домой, отдыхать, отдыхать, отдыхать до субботы.

Маркиза повела меня в отель «Эксельсиор». Мы расположились в баре, и она предложила заказать «Шерри» и сэндвич с пармской ветчиной. Машина ждала нас у входа. И уже очень скоро мы катили назад, к вилле «Пенсероса». Когда я пытался поблагодарить мадам, та ответила, что даже слышать ничего не желает.

— Успокойся, мой дорогой Десмонд. Ты ведь знаешь, что я любила твою мать и очень огорчилась, узнав о ее кончине, — сказала маркиза и добавила: — Ты прекрасно знаешь, что и тебя, мой дорогой мальчик, я тоже очень люблю. — Когда мы вошли в дом, она прошептала: — Интересно, а чем занимался в наше отсутствие твой друг?

Взяв меня за руку, она направилась в библиотеку, где мы действительно обнаружили преподобного отца Петита, который сидел в том же кресле, с той же книгой на коленях, открытой на той же странице; из полуоткрытого в блаженной улыбке рта доносились ритмичные музыкальные трели.

— Как сидел, так и сидит. Ни на миллиметр не сдвинулся.

— О да, мадам, — отозвалась впустившая нас горничная. — Он хорошо покушал и выпил бутылочку «Фраскати».

— Он такой милый, когда спит, — заметила маркиза. — Похож на большого ребенка.

— Он очень многому меня научил, — сказал я. — И если в субботу нам хоть чуточку повезет, то исключительно благодаря ему.

— Как это благородно с твоей стороны, дорогой преподобный Десмонд. А теперь отправляйся к себе и отдыхай. С этой минуты только отдых, отдых и еще раз отдых — и больше ни слова. А ты знаешь, что Энрико между выступлениями вообще не разговаривал?

— Но я не Карузо, мадам.

— Это мы узнаем в субботу, — улыбнулась она. — А теперь мне тоже пора отдохнуть. Что-то я притомилась. Как ты, наверное, заметил, я уже очень немолода.

— Умоляю, не произносите таких отвратительных слов. Мадам, как и прежде, великодушна, очаровательна и обворожительна. И вообще, вы просто ангел. По крайней мере, по отношению ко мне.

Она с легкой улыбкой покачала головой и проводила меня наверх, где мы и разошлись по своим комнатам. VI

В субботу рассвет был настолько прекрасным, что Десмонд, всю ночь ворочавшийся с боку на бок, поднял жалюзи, чтобы впустить в комнату солнечные лучи. Потом он забрался обратно в постель и минут десять лежал, обдумывая планы на день. Десмонд, конечно, нервничал, так как очень хотел завоевать Золотой патир, причем даже не для себя лично, а скорее, чтобы доставить удовольствие отцу Хэкетту и, конечно, отплатить добром за добро ему, маркизе и особенно отцу Петиту. Позже он признавался мне, что мысленно постоянно возвращался к тому злополучному финальному матчу за Щит шотландских школ, который я так жаждал выиграть, но, увы, не смог.

Стук в дверь нарушил ход мыслей Десмонда. В комнату вошел его низкорослый наставник, уже успевший одеться и помолиться.

— Как спалось? — поинтересовался Десмонд.

— Хорошо. А тебе?

— Отлично! — с наигранной жизнерадостностью воскликнул Десмонд, чтобы его ответ звучал правдоподобнее.

— Прекрасный день сегодня.

— Исключительный.

— Когда будешь готов, спускайся вниз. Я там все для тебя приготовил.

В цокольном этаже была устроена маленькая часовня, где они теперь каждый день молились.

— Все, спускаюсь прямо сейчас.

— Хорошо!

Десмонд не стал бриться, а быстренько натянул старый костюм и спустился вниз, чтобы присоединиться к отцу Петиту в часовне в виде грота из неотесанного камня с простым алтарем, распятием, статуей Девы Марии, двумя скамеечками для молитвы, словом, в типичном для богатых итальянских домов месте для молитв и отправления треб. Отец Петит со свойственной ему предусмотрительностью захватил все необходимое из семинарии.

Десмонд читал мессу, отец Петит помогал ему за причетника, и можно было предположить, что их молитвы — и молодого священника, и того, что постарше, — были заряжены одним общим горячим желанием. Десмонд прочел благодарственную молитву, и они поднялись вверх, где их уже ждал сытный английский завтрак: яйца с беконом, джем и тосты.

Пожилая служанка, подававшая завтрак, шепнула Десмонду:

— Госпожа маркиза просила передать, чтобы вы позавтракали поплотнее. Ланч будет совсем легким.

— Так и сделаем, — улыбнулся Десмонд. — А что, маркиза не спустится к завтраку?

— Она редко спускается раньше десяти.

Этот ответ напомнил Десмонду, что его покровительница — несмотря на всю свою живость, обаяние и неустанную заботу о нем, Десмонде, — дама уже в летах, если не сказать пожилая. Он понял, что должен во что бы то ни стало победить, хотя бы для того, чтобы наградить ее за безмерную доброту.

Позавтракав — в отличие от своего старшего товарища, Десмонд ел с отменным аппетитом, — они прошли в библиотеку.

— Нет ничего хуже, чем быть в подвешенном состоянии, — заметил Десмонд. — Словно висишь над обрывом на тонкой веревке. Полагаю, мне нельзя выходить из дому?

— Это абсолютно исключено. И ты должен как можно меньше говорить.

— Боже, благослови Карузо! Если б я только мог петь, как он!

— Обязательно сможешь, если будешь помнить все, чему я тебя учил. Успокойся и стой на месте. Большинство молодых итальянцев будет порхать по сцене, прижав руку к сердцу. А теперь послушай меня. Пока вы с маркизой ездили за покупками, я навел кое-какие справки. Что ты собираешься петь после обязательной программы?

— Как мы и договаривались. «Розовым утром алел свод небес» из «Мейстерзингеров». В переводе на итальянский.

— Нет-нет. Послушай меня. Кардинал от папской курии в судейской комиссии, этот немецкий кардинал очень-очень важная персона. А потому тебе надо спеть Вагнера по-немецки.

— Так мне даже больше нравится. А зал большой?

— Очень большой, с широким балконом первого яруса. Зал будет битком набит. Ни одного свободного места. Акустика исключительная. Судьи будут сидеть на сцене, причем в жюри войдут самые важные и сведущие люди, профессора музыки, члены папской курии, включая кардинала, а также члены Музыкального общества. Я попросил разрешения посадить нашу маркизу вместе с жюри, но получил категорический отказ. Поскольку это может быть расценено как протекционизм и настроить против тебя судей.

— Охотно верю. И где ж тогда будет сидеть маркиза?

— Все участники конкурса — их число будет уменьшено до двадцати — займут первый ряд. А ряд за ними, отгороженный от зала шнуром, отведен для почетных гостей, включая нашу добрейшую хозяйку.

— Прекрасно! Полагаю, на сцену поднимаются по ступенькам?

— Совершенно верно. Кандидаты по очереди поднимаются на сцену, исполняют две вещи из обязательной программы и получают оценки. После подсчета очков десять человек выбывают.

— И могут отправляться домой, бедняги!

— Да, они выбывают из числа участников конкурса. Оставшимся снова предлагается исполнить очень сложное музыкальное произведение, ставят оценки и подсчитывают очки. Шестеро получивших наименьшее количество очков выбывает. Потом оставшимся четверем предлагается еще более сложный отрывок, после чего двое выбывают, а двое остаются. И они уже могут выбрать произведение по собственному желанию. Их исполнительское мастерство будет оценено судьями, после чего один уедет ни с чем, а другой — с призом.

— Довольно жестокая процедура.

— Зато в высшей степени справедливая, дорогой Десмонд. Для того чтобы кто-то один мог победить, все остальные должны проиграть. И, кроме того, какая возможность переживать и наслаждаться музыкой для aficionados[29]. И можешь мне поверить, таких поклонников музыки, готовых аплодировать, очень и очень много.

— Или освистать, — заметил Десмонд, бросив взгляд на часы. — Еще только десять. Еще два часа мучительного ожидания.

Он вскочил с места и стал бродить по комнате, разглядывая книги на полках. И вот на нижней полке, отведенной под издания меньшего формата и более личного характера, он вдруг увидел зеленую книжечку, озаглавленную «Геральдика Ирландии». Десмонд взял книгу, открыл и стал перелистывать, пока не дошел до форзаца, а там, под хорошо знакомым экслибрисом своего отца, увидел сделанную чернилами — теперь уже выцветшими — надпись:

«Моей драгоценной Маргарите в знак нежнейшей привязанности и глубочайшего уважения. Дермот Фицджеральд».

Десмонд застыл, не в силах пошевелиться. Его вдруг захлестнула волна чувств: внезапного озарения и запоздалого понимания. Теперь он понял причины доброты, щедро расточаемой ему в этом доме. А еще он заметил, что книгу много раз перечитывали. Он осторожно поставил томик на место — так, чтобы от других книг его отделяла какая-то доля дюйма, — и направился к двери.

— Идешь переодеваться? — поинтересовался отец Петит.

— Да, уже пора.

Десмонд медленно поднялся по лестнице. Открыл дверь в свою комнату, но вдруг заметил идущую ему навстречу маркизу, которая выглядела посвежевшей, отдохнувшей и очень элегантно в костюме из темного итальянского шелка.

— Добрый день, мой дорогой Десмонд.

Он не ответил, а молча взял ее руку и, глядя ей прямо в глаза, стал нежно целовать пальчик за пальчиком. Десмонд был мастер на глупые выходки, и объектам этих выходок они, похоже,

даже нравились.

— Ты вгоняешь меня в краску. Хорошо, что на мне толстый слой румян, — улыбнулась маркиза. — Что ты делал сегодня утром?

— Читал, мадам. Чрезвычайно интересную книгу по геральдике. Мне было приятно обнаружить, что и мы, Фицджеральды, там упомянуты.

Интересно, поняла ли она? Уже потом, ближе к вечеру, он обнаружил, что книгу переставили на другое место, повыше. Но сейчас маркиза все с той же улыбкой несколько поспешно произнесла:

— А теперь иди и готовься к бою.

Оставшись один, Десмонд помылся, побрился тщательнее обычного, причесался и надел новую одежду. Рубашка была белоснежной, а прекрасно скроенный костюм практически ничего не весил. А ботинки, ботинки... Сшитые из мягчайшей кожи, они сидели на ноге, точно перчатка, и совсем не жали, как обычно бывает, когда надеваешь новую обувь. Да, лучшее — оно лучшее и есть, подумалось Десмонду, хотя — вот жалость! — и стоит недешево.

К сожалению, маленькое зеркало не позволяло ему рассмотреть себя целиком, и он проворно сбежал вниз по ступенькам, надеясь, что выглядит отлично. Маркиза с отцом Петитом уже нетерпеливо прохаживались по холлу, ожидая его появления. При виде Десмонда они застыли на месте, впрочем, как и он сам.

— Десмонд, глазам не могу поверить! Неужто это ты?! — охнул отец Петит.

Маркиза, которая не произнесла ни слова, критически оглядела Десмонда со всех сторон.

— Неужели одежда способна так изменить человека? — удивился Десмонд.

— Дорогой отец Десмонд, — улыбнулась маркиза. — Только представьте себе, как бы выглядела я в заплатанной юбке и платке как у прачки? В любом случае я довольна, очень-очень довольна тобой. Я не сомневалась, что Карачини не подведет. Само совершенство — тут уж ни прибавить, ни убавить! А теперь я хочу предложить вам немного перекусить. — И когда все расселись за полупустым обеденным столом, маркиза поинтересовалась: — Надеюсь, вы хорошо позавтракали?

— Весьма, — выдавил из себя отец Петит.

— Это был лучший завтрак со времен моего детства на ферме!

— Десмонд, ведь ты ни разу в жизни не был на ферме!

— Конечно, нет, мадам, но мне так хотелось сгустить краски.

— Ну ладно, хотя в любом случае сейчас на многое не рассчитывай. Тебе нельзя наедаться, так как переедание плохо скажется на голосе.

Им подали бульон с плавающим в нем сырым яйцом, а затем тонкие ломтики ананаса в фруктовом сиропе.

— Это поможет прочистить горло, — заметила маркиза и, озабоченно взглянув на часы, добавила: — У нас почти не остается времени выпить кофе. Досадно, но они там у себя в филармонии блюдут официоз, так что опаздывать нельзя.

Наспех глотнув крепкого черного кофе, буквально через минуту все уже сидели в закрытой

машине, которая везла их в сторону расположенного в конце виа ди Пьетра концертного зала, где перед турникетами уже скопились толпы народу.

— Мы пройдем через служебный вход. Не удивляйтесь, там все такое чопорное и старомодное, — отрывисто сказала маркиза, прокладывая дорогу к узкой боковой двери.

Здесь тоже толпился народ, однако после предъявления пропуска Десмонда маркизу и ее спутников незамедлительно впустили внутрь. Их препроводили сначала в служебное помещение, а затем — в зрительный зал, где Десмонд с отцом Петитом заняли места в первом ряду, предназначенном для участников конкурса. Маркиза села во втором ряду сразу за ними, там, где кресла были отгорожены от зрительного зала.

Зал уже был наполовину заполнен, а публика все продолжала прибывать. На сцене на бархатной подставке красовался приз — Золотой патир, — и по мере того как конкурсанты — молодые священники самых разных габаритов — нервно занимали свои места, напряжение росло.

— Какое утомительное ожидание. Наверное, все эти приготовления тебя вконец измотали? — спросил отец Петит, беспокожно ерзавший на сиденье.

— Да, — признался Десмонд. — Пожалуй, я закрою глаза. Растолкайте меня, когда начнется.

Минут двадцать Десмонд сидел с закрытыми глазами, демонстративно не обращая внимания на толчею и суету кругом, пока энергичный шлепок по плечу не вернул его к действительности. Открыв глаза, Десмонд обнаружил, что конкурсанты уже выстроились в ряд, судьи заняли места за бархатным шнуром в левой части сцены, в то время как в глубине сцены вокальный квартет в сопровождении струнного оркестра приготовился открыть церемонию исполнением «Veni Creator Spiritus». Постепенно все присутствующие — конкурсанты, пианист, зрители и даже судьи — присоединились к исполнению этого прекрасного гимна, — и волны сладкозвучной музыки наполнили зал.

После этого вперед вышел секретарь Итальянского общества любителей музыки и кратко обрисовал основную задачу конкурса: всемерно поддерживать и повышать интерес европейских стран к церковному песнопению, сохранять древнюю традицию самого прекрасного обращения к Господу, ибо традиции этой в настоящее время, увы, угрожают суета и спешка, характерные для нашего времени, более того, ею готовы пожертвовать ради неуклонного сокращения продолжительности церковной службы. Он особо поблагодарил членов Римской курии и, в частности, его преосвященство кардинала Граца за согласие войти в состав жюри, дабы способствовать более справедливому и беспристрастному судейству. Затем секретарь многозначительно обвел глазами переполненный балкон первого яруса и нижайше попросил тех, кто пробрался сюда тайком, поддержать своего кандидата, избегать любых манифестаций, так как в любом случае восторжествует справедливость. И наконец объявил о начале конкурса.

Десять конкурсантов, сидевших с краю, поднялись по ступенькам на сцену и заняли место на длинной скамье, ближе к кулисам. После того как было объявлено первое музыкальное произведение, конкурсанты, вызываемые по очереди, начали выходить вперед и петь.

Десмонд, как и можно было предположить, слушал очень внимательно. У всех были неплохие голоса, больше подходящие для хорового пения и несколько теряющиеся в огромном зале, хотя два конкурсанта помоложе явно нервничали и не сумели показать все, на что способны, а третий вызвал смех в зале жеманной жестикуляцией: он прижимал руку к сердцу — сначала одну, а потом и обе сразу, — демонстрируя сценические эмоции.

Потом наступила очередь второй десятки. Попавший в нее Десмонд должен был петь последним, и это его несколько нервировало, причем не только потому, что конкурсант,

выступавший непосредственно перед ним — послушник из Абруцци, — пел действительно великолепно и заслужил бурную овацию своей группы поддержки на галерке, но и потому, что появление самого Десмонда, поначалу встреченное крайне равнодушно, вызвало затем свист и улюлюканье на той же галерке.

Десмонд, однако, невозмутимо стоял перед обращенным к нему морем лиц там, внизу, совершенно спокойно ожидая, пока публика успокоится. И только когда зрители уgomонились, он подал знак аккомпаниатору, что можно начинать. И зал наполнили чудные звуки музыки Брамса. Тут даже галерка притихла, а зрители в партере разразились аплодисментами.

Сразу же огласили оценки, десять выбывших кандидатов покинули сцену, и отбор продолжился.

Следующим номером обязательной программы была «Аве Мария» Гуно — одно из любимых музыкальных произведений Десмонда. Его появление, встреченное галеркой на удивление сдержанно, вызвало одобрительные хлопки зрителей в партере. Теперь Десмонд больше не чувствовал скованности и пел даже лучше, чем до того. Возвращаясь обратно под продолжительные аплодисменты, он почувствовал на себе ласковый взгляд кардинала.

И снова огласили оценки, причем зал, как обычно, реагировал по-разному, — и еще шесть выбывших конкурсантов покинули сцену. Теперь только четверым предстояло исполнить последнее произведение из обязательной программы, но присутствующим было уже ясно, что именно Десмонду и послушнику из Абруцци предстояло сойтись в финальной схватке.

Наступил антракт, во время которого струнный оркестр исполнял «Времена года» Вивальди.

Тем временем Десмонда и послушника из Абруцци пригласили подойти к жюри, где им должны были сообщить суммарные оценки. Оказалось, что Десмонд опережает соперника на девять баллов. Затем их попросили назвать выбранное ими музыкальное произведение. Послушник из Абруцци выбрал «O Sole Mio» — песню, неизменно вызывающую бурю аплодисментов у благодарных итальянских слушателей и гораздо более сдержанную реакцию входящих в жюри профессиональных критиков, которые теперь вопросительно смотрели на Десмонда. Ни у кого не было и тени сомнения, что Десмонд, имеющий преимущество в девять баллов, выберет вещь попроще, дабы избежать возможной технической ошибки. Однако, к немалому удивлению членов жюри, он сказал:

— Я выбираю арию Вальтера «Розовым утром алел свод небес» из «Мейстерзингеров».

После неловкого молчания последовал вопрос:

— Вы будете петь на итальянском?

— Отнюдь. — Десмонд позволил себе на секунду задержать взгляд на кардинале. — Я буду петь на немецком языке. Как в оригинале.

И снова среди судей воцарилось молчание. Наконец, президент Итальянского общества любителей музыки произнес:

— Это, разумеется, будет для нас большим подарком... но вы, конечно, отдаете себе отчет во всех трудностях... рисках...

Но тут в разговор совершенно неожиданно вмешался кардинал:

— Если этот блестящий молодой священник желает исполнить такую великолепную песню, мы не можем ему запретить. Если он не боится, то и я тоже.

Итак, когда под сдержанные аплодисменты отзвучали последние ноты Вивальди, вперед

вышел президент Общества любителей музыки и объявил песни, которые выбрали для исполнения конкурсанты. Послушник из Абруцци должен был выступить первым.

И уже через минуту сладкая мелодия «O Sole Mio» коснулась слуха восторженных итальянских слушателей, хорошо знакомых с этой песней — широко растиражированной и исполняемой несметным числом посредственных теноров по всей стране. Зрители на галерке просто обезумели и начали даже подпевать. Увы, худшее было впереди, поскольку маленький послушник из Абруцци, воодушевленный столь массовым проявлением восторга, в предвкушении триумфа поднял правую руку и начал дирижировать подвывающей толпой. Когда он закончил, на него обрушился шквал аплодисментов. И вот — раскрасневшийся, с довольной улыбкой на лице — певец торжествуя вернулся на свое место.

Теперь настала очередь Десмонда выступить перед беспокойной, взволнованной, возбужденной галеркой. Он прошел вперед и, сделав знак аккомпаниатору, безмятежным взглядом окинул впившихся в него глазами маркизу и отца Петита. Наконец шум в зале стих. И Десмонд запел.

Едва вступительные такты этой величественной мелодии взмыли ввысь и зазвучала крайне сложная для исполнения песня мейстерзингера, слушатели словно впали в какое-то непонятное, похожее на транс оцепенение: звуки музыки будто возвышали и облагораживали их. Да и сам Десмонд, казалось, растворился в музыке Вагнера, высокий порыв которой передался и исполнителю. Он уже был не преподобным Десмондом, а Вальтером, жаждущим признания своего исключительного голоса и стремящимся быть причисленным к избранным — бессмертным. И, ликуя, он выложился целиком, без остатка, в этой дерзкой попытке.

Когда он закончил петь и остался стоять — опустошенный, — подняв глаза к небесам и полностью забыв о том, где находится, в зале воцарилась мертвая тишина. А потом раздался рев, способный, казалось, снести крышу концертного зала — это в едином порыве вскочившие с мест обезумевшие слушатели, стоя, приветствовали победителя.

Овация, подобной которой еще не было в истории Итальянского общества любителей музыки, все продолжалась и продолжалась; она шла по нарастающей, не стихая, до тех пор, пока вперед не вышел улыбающийся президент Общества. Он взял Десмонда за руку и торжествуя поднял ее вверх.

— Мой дорогой отец Десмонд, у меня нет слов! Но можете мне поверить, мы здесь, в Риме, непременно познакомимся с вами поближе, причем в самое короткое время, и я сам об этом позабочусь. Мы высоко ценим ваш талант и не дадим вам затеряться в ирландской глуши. — И успокоив зрительный зал взмахом руки, он продолжил: — Члены Итальянского общества любителей музыки, дамы и господа! Ваш горячий прием еще раз убедил нас в справедливости наших оценок и правильности принятого нами решения, что обладателем Золотого патира становится отец Десмонд Фицджеральд. Как почетный президент нашего Общества, я с огромным удовольствием вручаю ему Золотой патир, а также миниатюрную копию этого приза, которую он может сохранить в качестве сувенира, напоминающего о сегодняшнем триумфе.

И под приветственные крики публики он поднял над головой Патир с прикрепленной к нему коробочкой для ювелирных украшений, а затем торжественно вручил приз Десмонду.

Зрители начали потихоньку покидать зал, причем группа поддержки из Абруцци, так же как и разочарованные сторонники других конкурсантов, ретировалась еще раньше. Маркиза и отец Петит подошли к самой сцене, чтобы привлечь внимание кардинала.

— Ваше преосвященство, позвольте мне представить хозяйку дома, где я остановился, и моего учителя.

— Представить?! Силы небесные! Иди скорее сюда, Маргарита, непослушная девчонка! — кардинал поцеловал маркизе руку. — Смотрю, ты опять взялась за старое: развлекаешь выдающихся ирландцев, причем всегда весьма недурных собой!

— Отец Десмонд недавно потерял свою дорогую матушку. И мне пришлось его усыновить.

— Тогда мы непременно должны поскорее вернуть его обратно в Рим. Для вашего же блага.

— А вы, отец мой... — обратился кардинал к отцу Петиту. — Это, наверное, вы обучили вашего воспитанника нескольким полезным трюкам?

— О, ваше преосвященство! — отец Петит, еще не успевший сбросить напряжение и пребывавший в легкой эйфории, сам едва понимал, что говорит. — Десмонд и сам мастак на всякие трюки.

— Попросите их упаковать эту чудную вещь в коробку, чтобы она не привлекала к себе лишнего внимания. А то, не дай Бог, украдут, — улыбнулся кардинал. — Маргарита, вы на машине? Прекрасно! Тогда я, с вашего позволения, пожелаю вам счастливого пути и скажу auf Wiedersehen.

Когда кардинал удалился, маркиза положила руку Десмонда себе на грудь.

— Вот видишь, мой дорогой Десмонд, у меня до сих пор сердце колотится как сумасшедшее. Боже, я так взволнована! Я просто опьянела от счастья! Невозможно передать словами, как ты был прекрасен, когда стоял перед всей этой толпой, словно юный бог, и пел, пел, будто ангел. Ну а теперь поехали домой. Отец Петит уже получил свою коробку с призом, а я получила тебя. Все, нам пора!

Они вышли на улицу через служебный вход. Машина уже ждала их на улице, и они — вымотанные до предела, но счастливые — покатали в сторону виа делла Кроче.

Отец Петит, не выпускавший из рук желанный трофей, сидел впереди рядом с шофером; маркиза, устроившаяся рядом с Десмондом на заднем сиденье, осторожно положила голову юноши себе на плечо.

— Сегодня мы будем отдыхать, и завтра тоже, так как ты, наверно, совершенно измотан, да и я, старая женщина, совсем выбилась из сил, мысленно поддерживая тебя, когда ты пел. Но в понедельник и всю следующую неделю мы будем веселиться на полную катушку: ходить на вечеринки и в оперу здесь, в Риме, а еще совершим короткую вылазку в «Ла Скала», у меня там абонемент.

— Но дорогая маркиза, на следующей неделе мне уже надлежит быть в Ирландии!

— Думаю, ирландцы возражать не будут, они люди добродушные. Ты честно заслужил отпуск. И вообще, как мой приемный сын, ты должен во всем меня слушаться. Я хочу, чтобы ты был счастлив.

— А отец Петит тоже останется?

— Как бы нам ни хотелось, мы не вправе его удерживать. Теперь, получив вождеденный Патир, на котором выгравированы твое имя и название вашей семинарии, он стрелой полетит домой, чтобы поскорее сообщить отцу Хэкетту радостную новость.

Оказавшись наконец в тепле и уюте виллы Пенсероса, Десмонд сразу же прошел к себе в комнату и черкнул пару слов на открытке. Затем позвал служанку и вручил ей открытку, а также золотую копию Патира, попросив положить это на туалетный столик мадам. Потом он принял расслабляющую горячую ванну и, завернувшись в большое полотенце, лег на

кровать. Господи, как приятно было вспоминать о своем ошеломляющем успехе и предстоящих праздниках! Ему казалось, что Килбаррак сейчас где-то далеко-далеко, совсем в другом мире, где ему предстоит столкнуться с грубостью крестьянской жизни, служить в полуразвалившейся церкви — с ее кустарной росписью, с режущими глаз стигматами на теле Христа, с безликими, фабричного производства, статуями Девы Марии в чем-то бело-голубом, с застоявшимися запахами свечного сала и ладана — словом, с ароматами, обычно связанными с конюшней. Ладно, он должен пройти и через это. А сейчас да будут веселье, музыка и море изысканных удовольствий, которые он честно заслужил!

Часть третья

I

Прибытие Десмонда в Килбаррак не было особо радостным и отнюдь не способствовало поднятию бодрости духа нового викария. С самого утра зарядил мелкий дождик, а путешествие по железной дороге из Дублина в Вексфорд стало еще одним подтверждением неторопливости, присущей ирландским поездом. На узловую станцию Десмонд прибыл с опозданием на час, а потому ему пришлось долго дожидаться местного поезда, который должен был доставить его до места назначения. И вот, оказавшись со своим чемоданом на продуваемой всеми ветрами платформе, Десмонд беспомощно оглядывался в поисках кэба. Только спустя десять минут кэб все-таки появился; он был запряжен клячей, которую даже при самой богатой фантазии трудно было представить победительницей дерби в Ирландии.

— Эй! Эй! Вы не могли бы меня подвезти?

Из-под накидки из намокших мешков для картошки послышался чей-то голос:

— Конечно, могу. Залезайте сюда, ваше преподобие.

Десмонд втащил чемодан в кэб и уселся рядом с кучером.

— Выходит, вы меня ждали?

— Ждал, — сказал кучер и осторожно прошелся кнутом по мокрому крупу лошади. — Каноник велел встречать вас с дневным поездом. Я Майкл.

— Простите, Майкл, что заставил вас лишний раз прокатиться.

— Да не беда, ваше преподобие. Всего и делов-то. Я тут работаю на каноника, а еще в церкви прислуживаю. Я вас провезу мимо скотного рынка и прямо по Хай-стрит, поглядите на наш городок.

Килбаррак — город как город, не хуже и не лучше сотни подобных захолустных городишек, — не слишком удивил Десмонда. В детстве он видел много таких. Но когда они протрусили мимо замусоренного двора, пабов в темных закоулках, бакалейной лавки, лавки мясника, пекарни, скобяной лавки с разложенными прямо на тротуаре сельскохозяйственными принадлежностями, затем снова мимо пабов, смутно проглядывающих сквозь пелену дождя и тумана, Десмонд вдруг как-то особенно остро почувствовал, какое расстояние отделяет его от виа Венето и прекрасного особняка маркизы на виа делла Кроче.

Неужели кучер прочел его мысли?

— Немножко непривычно для вас, ваше преподобие. А мы ничего, того этого. Весь город гудит, как нам свезло заполучить нового молоденького священника не откуда-нибудь, а прямо из Священного города.

— Надеюсь, что не разочарую вас, Майкл. По крайней мере, постараюсь...

— Да что вы! Я ведь, того этого, только увидел, как вы там стоите на платформе под дождем, весь из себя такой молодой и красивый, так сразу вас и признал. — И когда они свернули с главной улицы, кучер нагнулся к Десмонду и доверительным шепотом произнес: — Вы уж простите меня, ваше преподобие, если я немножко поучу вас уму-разуму. Каноник — хороший человек, великий человек, он здесь для нас прямь чудеса творит, но неплохо бы вам поначалу с ним поласковее, поласковее. А потом, когда приноровитесь друг к дружке, он за вас самому дьяволу глотку перегрызет, если улавливаете, куда я клоню... Ну вот, у нас здесь и церковь для вас есть, и школа при ней — аккурат через двор, — и дом священника позади.

Церковь, сложенная из хорошего серого камня, со сдвоенным шпилем, на удивление большая, потрясла Десмонда размерами и добротностью. Она возвышалась над городом, и весь комплекс с примыкающими к церкви школой и домом священника все из того же хорошо обработанного камня располагался в небольшой рожице, переходящей где-то вдалеке уже в настоящий лес.

— Майкл, какая изумительная кладка! Я имею в виду и церковь и школу.

— Ваша правда, того этого. Чего не сделаешь, чтобы угодить госпоже Донован.

Но они уже подъехали к аккуратному каменному домику с портиком, и кучер бросился вытаскивать чемодан молодого священника. Десмонд спрыгнул на землю.

— Майкл, сколько я тебе должен?

— Да что вы, ваше преподобие. Нисколько. Мы тут с каноником между собой уж как-нибудь разберемся.

— Майкл, прими это в знак моей благодарности. Очень тебя прошу.

— Ну, может, если доживу до ста лет, тогда и разрешу вашему преподобию мне платить, — Майкл дотронулся до полей шляпы и подстегнул лошадь.

Десмонд проводил его глазами, чувствуя, как внутри его озябшего и продрогшего тела разливается приятное тепло. Наконец он отвернулся, поднял чемодан и нажал на кнопку звонка.

Дверь ему тут же открыла низенькая пухленькая аккуратная маленькая женщина в наглаженном белоснежном рабочем халате. Она приветствовала его улыбкой, продемонстрировав ровный ряд зубов, явно не искусственных и достаточно белых для ее возраста, а ей было никак не меньше пятидесяти.

— Ну вот, наконец-то и вы собственной персоной, святой отец. Входите, входите. Мы ужасно боялись, что вы опоздаете на дневной поезд. Вы, должно быть, вымокли насквозь. Позвольте, я возьму ваш чемодан.

— Нет-нет, благодарю вас.

— Тогда давайте мне ваше пальто, оно насквозь мокрое. — И с этими словами она решительно забрала у Десмонда пальто. — А теперь я покажу вам вашу комнату. Каноник сейчас на совещании школьного совета, но к шести вернется.

Они вошли в выложенный плиткой просторный холл, где Десмонд заметил массивную подставку для шляп и зонтов, статую в нише и большой медный гонг. Аккуратно повесив пальто на вешалку, женщина продолжала:

— Я миссис О'Брайен, экономка, и остаюсь ею, слава те Господи, вот уж больше двадцати лет.

— Рад познакомиться, миссис О'Брайен, — протянул ей свободную руку Десмонд.

Расплывшись в улыбке, отчего ее карие глаза еще больше заблестели, миссис О'Брайен пожала Десмонду руку. Глаза у нее были даже не карие, а практически черные, особенно на фоне гладкой бледной кожи.

— Господи, вы, наверное, совсем продрогли, — сказала она, пригласив Десмонда следовать за ней вверх по навощенной дубовой лестнице. — И уж точно ужасно проголодались. Наверняка и пообедать-то толком не успели.

— Я позавтракал на корабле.

— Надо же, выходит, у вас всю дорогу от Рима до Килбаррака в животе, кроме кофе с булочкой, ничего путного не было. — Она провела его по коридору на втором этаже и распахнула перед ним одну из дверей. — Вот ваша комната, святой отец. Надеюсь, она вам подойдет. Ванная в конце коридора. Я скоро вернусь.

Комната оказалась маленькой и совсем просто обставленной. Застеленная безукоризненно чистым бельем белая эмалированная односпальная кровать с распятием над изголовьем; у одной стены незамысловатый комод, у другой — небольшое бюро красного дерева; у двери — скамеечка для молитвы из того же полированного дерева; на блестящем линолеуме пола — квадратный прикроватный коврик, — одним словом, комната была прибрана и сияла чистотой. Именно о такой он и мечтал — конечно, не о монашеской келье, но располагающей к аскетичному существованию, правда, без ущерба для элементарного комфорта. Поставив чемодан на комод, Десмонд стал распаковывать вещи и раскладывать их по ящикам. На бюро он поставил фотографию покойной матери, а рядом — небольшую репродукцию «Благовещения» кисти Фра Бартоломео в рамке.

Поняв, что насквозь промочил ноги, Десмонд скинул ботинки и начал стягивать сырые носки, и тут вдруг раздался стук в дверь. На пороге стояла миссис О'Брайен с подносом в руках.

— Слава Богу, святой отец, — улыбнулась она. — Хорошо, что вы догадались снять хлюпающие ботинки. Просто оставьте здесь мокрые вещи, а я их отнесу вниз, чтобы хорошенько просушить. — Откинув одной рукой крышку бюро, миссис О'Брайен поставила поднос. — Вот ваш чай, ну и еще кое-что. Это поможет вам дотянуть до ужина, который в семь.

— Спасибо огромное, миссис О'Брайен. Вы чрезвычайно добры.

— У вас достаточно сухих носков?

— Вроде бы есть еще пара на смену.

— Еще пара! Так не пойдет, святой отец. Только не в Килбарраке с нашими-то дорогами, уж не говоря о нашей погоде. Похоже, самое время поработать спицами, — заявила миссис О'Брайен и, заметив фотографии на бюро, добавила: — Вижу, вы уже достали свои сокровища.

— Это моя мать. Умерла прошлым летом. А эта дева, надеюсь, в представлении не нуждается.

— Боже мой, конечно же, нет. Как мило с вашей стороны, отец Десмонд, поставить сюда ее изображение. Что может больше соответствовать вашему сану, отец Десмонд, чем поездка в подобном обществе? А теперь пейте-ка поскорее чай, пока он совсем не остыл!

И, тепло улыбнувшись Десмонду, миссис О'Брайен подхватила его мокрые вещи и осторожно прикрыла за собой дверь.

Чай действительно оказался горячим, крепким и очень бодрящим. Не менее восхитительными были горячие, намазанные маслом пресные ячменные лепешки и большой кусок бисквита «мадера» прямо из печи.

Предубеждение Десмонда против Килбаррака, которое возникло в свое время исключительно из-за дурных предчувствий и после радушного приема начало постепенно исчезать, теперь, благодаря воздушному бисквиту, растаяло почти без следа.

Еще когда он подъезжал к церкви в сопровождении неподражаемого Майкла, он заметил застекленную галерею, идущую через двор к дому. И сейчас Десмонду захотелось пройти по галерее в церковь.

В свой последний день в Риме Десмонд решил совершить сентиментальное паломничество в собор Святого Петра. Когда молодой священник вошел в приходскую церковь захолустного и грязного ирландского городка, в его памяти еще были свежи воспоминания о величественном римском соборе. Он рассчитывал увидеть — и даже морально подготовил себя к ожидающему его потрясению — стандартную часовню с аляповатым алтарем и стенами, размалеванными ужасами крестного пути Христа.

И Десмонд действительно испытал потрясение, причем настолько сильное, что ему даже пришлось сесть. Он не верил своим глазам. Церковь была поистине прекрасна: подлинная готика, кладка и резьба по камню — настоящее произведение искусства. Величественный неф с проходами с обеих сторон. Готические колонны, поддерживающие ажурные воздушные арки, подчеркивали высоту сводчатых потолков. Изображения крестного пути Христа также были вырезаны из камня, причем, достаточно простые композиционно, они отличались изяществом и тонкостью исполнения. Невозможно было отвести глаз от освещенной алтарной части щедро позолоченного алтаря с прекрасной резной запрестольной перегородкой.

Десмонд упал на колени и возблагодарил Небеса за столь неожиданный подарок, за эту величественную церковь, где он, несомненно, сможет укрепиться в своем святом призвании и еще сильнее возлюбить Господа нашего Иисуса Христа. Он все еще был погружен в молитву, как вдруг послышались звуки органа и мальчишеские голоса, исполняющие хором гимн «Назови Его царем царей».

Десмонд тут же вскочил на ноги и по винтовой лестнице поспешил подняться на хоры. Там группа мальчиков разучивала гимн под руководством какого-то молодого человека, но при неожиданном появлении Десмонда все сразу же замолчали.

— О, пожалуйста, продолжайте, Продолжайте. Простите, что помешал вам. — С этими словами Десмонд подошел к молодому человеку и протянул ему руку: — Я отец Десмонд Фицджеральд.

— А я Джон Лавин, школьный учитель, святой отец. Мы здесь обычно репетируем.

— Ради бога, простите меня, — произнес Десмонд. — У меня просто нет слов. Я не ожидал услышать столь прекрасное пение... и этот необычный, чудесный гимн в таком захолустье, как Уэксфорд.

— Это все благодаря госпоже Донован, отец мой. Она любит красивые мальчишеские голоса и, само собой, организовала здесь хор мальчиков.

— Вы замечательно их подготовили. Вам удалось добиться удивительной слаженности.

— Благодарю вас, святой отец, — улыбнулся молодой человек и, помедлив, добавил: — Если у вас, когда будете посещать прихожан, вдруг выдаться свободная минутка, может, заглянете к нам с женой, посмотрите на нашего первенца. — Он застенчиво улыбнулся. — Мы им так гордимся.

— Всенепременнейше, — Десмонд даже позволил себе произнести ирландскую идиому, пожал руку учителю, улыбнулся мальчикам и все еще под впечатлением от увиденного и услышанного вышел из церкви.

Когда он вернулся в дом священника, в холле его встретила миссис О'Брайен.

— Каноник вернулся, отец Десмонд. Вы сможете встретиться за ужином. Я уже накрываю на стол. Сделайте одолжение, пройдите в столовую, я там камин разожгла — специально для вас.

Десмонд вымыл руки и прошел в просторную столовую, где огонь от горящих брикетов торфа освещал красивую старую мебель красного дерева: стол, стулья и буфет. Из окон с двойными рамами открывался потрясающий вид на море вдали, поля и леса, а также на виднеющуюся сквозь деревья крышу большого особняка.

— Вам нравится вид, отец Десмонд?

Вопрос задал каноник Дейли. Это был крепко сбитый коренастый человек с мощными руками и плечами разносчика угля, но без намека на шею и с утопающей в плечах круглой, как ядро, словно присыпанной пеплом головой, которую украшала красная четырехугольная шапочка с помпоном. Выражение его кирпично-красного лица с глубоко посаженными честными голубыми глазами было открытым и простодушным, хотя каноник и пытался придать ему некоторую значительность.

— Мне очень нравится вид, каноник. Но еще больше мне понравилась ваша величественная и такая изысканная церковь. Она меня просто потрясла.

— Да, здесь уж ни прибавить, ни убавить. Я очень рад, что вы решили начать с посещения церкви.

В это время миссис О'Брайен принесла ужин: внушительный кусок говядины и отдельно картофель и зеленые овощи.

— Присаживайтесь, — предложил Десмонду каноник.

Каноник занял свое место во главе стола, взял разделочный нож для мяса и принялся так энергично им работать, что вскоре перед Десмондом уже стояла полная тарелка тонко нарезанной говядины, рассыпчатого картофеля и капусты нового урожая.

— Еда у нас здесь простая, зато сытная.

— Да что вы, еда просто восхитительная, — ответил Десмонд с набитым ртом.

За время путешествия он успел здорово проголодаться и теперь набросился на то, что лежало перед ним на тарелке, с не меньшим энтузиазмом, чем сам каноник, которой украдкой бросал на Десмонда довольные взгляды.

— А я-то боялся, что вы окажетесь одним из этих избалованных приверед, которым все не этак и все не так. По правде говоря, я ожидал увидеть изнеженного римского хлыща. А вы совсем другой.

— Каноник, я вовсе не итальянец, а простой ирландец, долгое время живший в Шотландии.

— Да что вы говорите! Вот так-так, ведь и я тоже. Я восемнадцать лет прожил с родителями в Уинтоне, прежде чем они вернулись на родину. Но вы, видно, и сами догадались об этом по моей манере говорить.

— Каноник, благодаря вашему акценту я чувствую себя здесь как дома, и он прекрасно сочетается с вашей недюжинной силой.

Когда они отдали должное основному блюду, миссис О'Брайен убрала со стола, принесла большую тарелку с яблочным пирогом и незаметно удалилась.

— Приятель, ты, похоже, успел найти подход к нашей миссис Оу-Би. Когда я вернулся, она была прямо сама не своя, все нахваливала тебя. — Каноник отрезал Десмонду огромный кусок сочного пирога, при этом не обидев и себя. — А ее мнению я очень доверяю. Она уж без малого как двадцать лет при мне и ни разу меня не подвела.

— Но ваша церковь, каноник... Какая великолепная церковь! Как, во имя всего святого, вам удалось получить такую? Я ведь прекрасно знаю ирландцев и Ирландию. Такую церковь не построишь на те жалкие гроши, что может дать Килбаррак.

— Твоя правда, приятель. Ее и за десять лет не построить, даже если собрать все гроши из всех кружек для пожертвований по всей стране. — Справившись с десертом, каноник подошел к буфету, достал стоявшую там на самом виду бутылку и налил себе ровно на два пальца янтарной жидкости. — Я всем обязан вот этому и самой чудесной, праведной, милостивой и щедрой женщине во всей Ирландии.

Десмонд, сгорая от любопытства, следил за каноником, который внимательно изучал содержимое стакана.

— Я не разрешаю держать дома спиртное, приятель. Но я старый человек, а это меняет дело. Я позволяю себе выпить только раз в день — причем всегда на два пальца и ни капель больше — «Маунтин дью».

Вконец заинтригованный Десмонд не осмелился донимать каноника расспросами, а тот сделал глоток «Маунтин дью», с шумом втянул в себя янтарную жидкость и, аккуратно поставив стакан, произнес:

— Самый замечательный, самый чистый, самый отборный и чертовски дорогой солодовый виски в мире. Произведен с добавлением лучшей торфяной воды, разлит по бутылкам на лучшем донегалском^[30] перегонном заводе, выдерживается не меньше шести лет и, наконец, продается через дублинскую контору по всему миру тем, кто ценит все самое лучшее. И принадлежит это хозяйство целиком и полностью милейшей даме, которая лично спланировала и на свои деньги построила и украсила нашу замечательную церковь.

Произнеся эту пламенную речь, каноник сделал еще один глоток и ласково посмотрел на Десмонда, который, в свою очередь, тихо сказал:

— Как замечательно с ее стороны! Она, должно быть, на редкость щедрая старушка.

При этих словах каноник зашелся в приступе гомерического хохота, к его веселью присоединилась и миссис О'Брайен, которая как раз вошла в столовую, чтобы убрать со стола остатки десерта.

— Ага, невероятно щедрая, — сказал каноник, когда тишина в комнате была восстановлена. — Мне даже страшно сказать, во что все это обошлось. Вот только одно, к сожалению, осталось сделать. И то по чистому недосмотру. Ты обратил внимание на алтарную преграду?

— Конечно, обратил, каноник. Очень старая, деревянная. Довольно неуместная.

— Ты правильно подметил. Но ничего, приятель, в самое ближайшее время я ее заменю на такую, что будет достойна такой церкви. Сейчас преграда — моя самая главная задача. И я при каждом удобном случае намекаю на это госпоже Донован.

— Госпоже Донован! — эхом откликнулся Десмонд.

— Тебе что, знакомо ее имя?

— Ни разу не слышал, пока не приехал сюда.

— Ну, теперь будешь часто его слышать. Это ведь на ее особняк ты сейчас смотришь из окна. Кстати, у нее имеется еще и прекрасный дом в Швейцарии.

— Но почему в Швейцарии?

— Налоги, — со значением произнес каноник, понизив голос и для пушшего эффекта подмигнув левым глазом, видневшимся над стаканом, а потом, когда Десмонд переварил услышанное, добавил: — Она не только чудесная, разносторонняя, талантливая леди, но еще и самая настоящая деловая женщина с крепкой хваткой, каких разве что в лондонском Сити и встретишь. Если бы ты знал ее историю, понял бы, что я говорю чистую правду. — Каноник замолчал и в полной тишине с удовольствием прикончил свой стакан «Маунтин дью», а затем уже другим тоном продолжил: — А теперь вот что, приятель. Пока я тебя ждал, не сомневался, что меня ждет тяжелый случай. И собирался обойтись с тобой соответственно. Однако, как я теперь вижу, проблема лишь в том, что ты там, у себя в Риме, слишком уж увлекся светской жизнью. Ходил на всякие там вечеринки, где веселятся богатые, — тут каноник бросил взгляд на миссис О'Брайен, — старухи. По правде говоря, ты, как я вижу, немного повеса. А потому мой приказ таков: без моего разрешения никаких приглашений не принимать, и если ты внимательно посмотришь на мое старое уродливое лицо, сразу поймешь, что я человек, которого надо слушаться беспрекословно.

— Да, каноник.

— Ты все понял.

— Каноник, учитель, которого я встретил в церкви, пригласил меня посмотреть на своего первенца.

— Младенцы — совсем другое дело. Можешь заглянуть к ним, но особенно не расслаивайся. Скажи что-нибудь приятное и сразу же уходи.

— Да, каноник.

— Хорошо! У нас тут принято ложиться рано, да и ты, наверное, притомился с дороги. Так что иди-ка ты спать. Я буду служить десятичасовую мессу, а ты можешь взять на себя восьмичасовую. Майкл всегда в ризнице. Он тебе там все покажет. Миссис О'Брайен утром тебя разбудит. Ну а теперь спокойной ночи, приятель. И если тебе будет приятно это услышать, могу сказать, что ты произвел на меня хорошее впечатление. Я доволен.

Вернувшись в свою комнату, Десмонд обнаружил, что все его вещи, высушенные и выглаженные, аккуратно сложены, кровать расстелена, а между белоснежных простыней положена бутылка с горячей водой. Десмонд опустился на колени, чтобы прочесть свою обычную молитву, затем, бросив взгляд на знакомые фотографии на бюро, забрался в постель и с чувством глубокого удовлетворения закрыл глаза.

Итак, его первый день в Килбарраке на удивление оказался более чем удачным. II

В половине восьмого Десмонд, который после крепкого сна чувствовал себя вполне

отдохнувшим, уже был в церкви, где Майкл успел приготовить ему в ризнице облачение на сегодня.

— Обычно на ранней мессе народу у нас немного, ваше преподобие. Но сегодня утром целая толпа.

— Как думаешь, Майкл, это из набожности или из чистого любопытства?

— Думаю, малость того и другого, ваше преподобие.

Теперь и сам Десмонд почувствовал, что ему не терпится посмотреть на благодетельницу, подарившую столь прекрасную церковь.

— Кстати, а госпожа Донован часто ходит к восьмичасовой мессе?

— По правде сказать, да, сэр. Каждый Божий день. А по воскресеньям бывает и на десятичасовой. Вон там ее постоянное место — на передней скамье, с самого краю.

— Надо же!

— Но сегодня утром ее здесь не будет. Уехала в Дублин, по делам. Говорят, в субботу вернется.

Десмонд всегда знал, когда месса удалась, а когда проходила более вяло вследствие волнения и рассеянности. А потому он вышел из алтаря, прочел благодарственную молитву и весьма довольный собой вернулся домой.

Отлично позавтракав, он решил осмотреть Килбаррак. Пока он шел в сторону Кросс-сквер, горожане, к его превеликому удовольствию, приветливо здоровались и раскланивались с ним. Хотя далеко не все были столь любезны. Так, толпа парней, околачивающихся без дела на углу Фронт-стрит рядом с закусочной «У Малвани», молча расступилась, давая пройти, а вслед ему полетели смешки и грубые выкрики. Однако Десмонда такое вызывающее поведение нимало не смутило, так как каноник предупредил его, что это место самое нехорошее в городе.

Вспомнив о приглашении школьного учителя, он узнал, как пройти на Карран-стрит, где, чувствуя на себе любопытные взгляды соседей, постучался в дверь дома номер двадцать девять. Он специально решил зайти пораньше, чтобы не пришлось принять приглашение остаться на чай и тем самым нарушить предписание, данное ему каноником.

Однако поскольку на его стук никто не отозвался и только где-то в глубине дома послышался плач младенца, он толкнул дверь посильнее и вошел внутрь. А там, в углу чистенькой гостиной, в своей кроватке надрывался от плача прелестный младенец. Ситуация крайне неловкая, но только не для Десмонда.

Он тут же подошел к кроватке, взял младенца на руки и, дав ему срыгнуть, прижал к груди и вот так, с ребенком на руках, стал прохаживаться по комнате, напевая ему «Весеннюю песню» Шуберта, что, по его разумению, было ближе всего к колыбельной. Музыка оказала на малыша магическое воздействие. Он свернулся калачиком у Десмонда на груди и тут же сладко засопел.

Воодушевленный столь неожиданным успехом, Десмонд не рискнул положить ребенка обратно в кроватку, а потому продолжал петь, расхаживая взад-вперед по комнате. Тем временем входная дверь распахнулась, и в мгновение ока перед домом собралась небольшая толпа соседских женщин — в основном в утреннем неглиже, — которые слетелись на звуки музыки, точно пчелы на мед, причем некоторые даже протиснулись в дом.

— Ой, боже ты мой! Дженни, ты только глянь на его преподобие!

— В жизни такого не видала! Это наш новый молоденький священник, прямо из Рима. Ну разве не душка?

— Ради бога, может, он и молоденький, но уж точно знает, как обращаться с детьми!

— Господи, ну до чего ж умильное зрелище! А голос-то, голос-то какой!

Затем одна из женщин, набравшись смелости, сказала Десмонду:

— Простите, святой отец. Но миссис Лавин выскочила на минуточку в булочную за углом.

Комната стала постепенно наполняться народом, что вызвало у Десмонда некоторое беспокойство, причем не за себя, а за младенца. И тогда он решил, что будет лучше встретить мать ребенка прямо на улице.

— Эй, расступитесь! Дорогу его преподобию с ребенком!

На свежем воздухе Десмонду сразу полегчало. Но он явно недооценил аудиторию. Пока он спокойно шел себе, тихонько напевая, чтобы младенец не проснулся, зрителей постепенно становилось все больше, так как к ним постепенно прибавлялись жители соседних домов, которые на радостях выскочили на улицу, и очень скоро Десмонда провожала уже целая армия зевак.

Но худшее было еще впереди. Все началось с того, что Дженни Мэгонигл крикнула мальчишке-подрочному:

— Томми, дорогой, давай ноги в руки и дуй в редакцию «Шамрока»!^[31] Пусть Мик Райли подскочит сюда со своим фотоаппаратом.

Мик, почуявший запах сенсации, естественно, не заставил себя ждать, и не успел Десмонд дойти до булочной, как его кто-то окликнул, и, обернувшись, он услышал щелчок фотоаппарата.

— Благодарю, ваше преподобие. Фото появится в субботнем номере «Шамрока».

И в этот самый момент из булочной с двумя буханками хлеба в руках вышла миссис Лавин, заболтавшаяся с женой хозяина.

— О господи! Что все это значит?!

Она со всех ног кинулась к Десмонду, но тот поспешил успокоить ее, объяснив, в чем, собственно, дело.

— Может быть, теперь возьмете ребенка у меня?

— Ой, а куда же мне хлеб-то девать! Святой отец, он так сладко спит у вас на руках. Ну, пожалуйста, пожалуйста, помогите мне донести его обратно до дома!

Надо было видеть эту процессию. Зрелище — не только завораживающее, но и приятное глазу! Молодой священник с младенцем, молодая жена с буханками хлеба в руках в сопровождении целой толпы возбужденных поклонников. Они еще не успели дойти до дома номер двадцать девять по Карран-стрит, а Мик Райли уже отщелкал целую пленку.

— Прошу вас, святой отец, войдите в дом. Ну, пожалуйста, — положив хлеб на стол в коридоре, дрожащим голосом произнесла миссис Лавин.

— В другой раз, — поспешно ответил Десмонд. — Мне уже давно пора возвращаться. Но прежде чем уйти, мне хотелось бы, с вашего позволения, сказать, что у вас лучший малыш из всех, каких мне довелось держать на руках.

Крепко спящий ангелочек был благополучно передан на руки счастливой матери, а Десмонд быстрым шагом отправился назад, на другой конец города. Но прежде ему пришлось выслушать троекратное спасибо, которое все еще звучало у него в ушах, когда он вихрем ворвался в дом священника, в глубине души надеясь, что следующие дни его пребывания в Килбарраке окажутся менее запоминающимися, чем первый.

Вечером за ужином каноник как бы между прочим заметил:

— Десмонд, в субботу из Дублина прибывает старая госпожа Донован. Так что ты непременно встретишься с ней в воскресенье.

— Она что, звонила вам по телефону, каноник?

— Нет, конечно. Тебе, возможно, было бы небезынтересно узнать, как у нас, в Килбарраке, распространяются новости. Утром она позвонила Патрику, своему дворецкому. Патрик, естественно, сообщил об этом своей жене Бриджит. Бриджит сказала девчонке, что прислуживает на кухне, которая, в свою очередь, рассказала об этом молочнику, молочник передал новость миссис О'Брайен, а уже миссис О'Брайен сказала мне.

— Надо же! Вы здесь узнаете о событии раньше, чем оно произошло, — улыбнулся Десмонд.

— Да, приятель. — Каноник наклонился к Десмонду и ободряюще похлопал его по руке. — Вот почему я знаю, что в субботу утром увижу твои фотографии на первой полосе. Но не кори себя. Я понимаю, намерения у тебя были самые добрые, и это сослужит тебе хорошую службу в твоём приходе. III

Воскресенье выдалось теплым и солнечным, что предвещало погожее лето. Десмонд, успевший привыкнуть к ласковому солнцу Испании, особенно любил это время года. Каноник сообщил Десмонду, что поручает ему, как викарию, читать десятичасовую мессу, а он возьмет на себя восьмичасовую вместо обычной десятичасовой. Такое перераспределение обязанностей несколько озадачило Десмонда. Но в чем здесь дело, уже за завтраком объяснил сам каноник.

— Я хочу представить тебя старой леди в самом выгодном свете. Для меня крайне важно, чтобы ты ей понравился, — сказал каноник, покосившись на вошедшую в столовую с полным подносом свежих тостов миссис О'Брайен, и, помолчав, добавил: — А почему это так важно, если Господу будет угодно, ты и сам в свое время узнаешь.

Подобные приготовления не слишком понравились Десмонду. Он вовсе не собирался быть марионеткой в руках каноника и помогать тому в осуществлении каких-то непонятных замыслов, а потому решил игнорировать почетное место, неважно, занятое или пустое, на передней скамье.

Когда отзвенели десятичасовые колокола, Десмонд, уже успевший надеть облачение и получить одобрительный кивок Майкла, в сопровождении четырех алтарников, одетых в монашеские рясы, прошел к алтарю, намеренно опустив взгляд. И хотя за всю мессу он так и не поднял глаз, к своему немалому раздражению, в течение всей службы он чувствовал на себе чей-то пристальный, пронизывающий, изучающий взгляд.

После чтения отрывка из Евангелия на кафедру взошел каноник, чтобы прочесть проповедь, а Десмонд занял место между алтарниками справа от алтаря. И только тогда позволил себе бросить взгляд в сторону отгороженного места на передней скамье. И тут же вздрогнул от

удивления, причем вздрогнул так явно, что алтарные мальчики уставились на него в полном недоумении.

На скамье он увидел элегантную молодую женщину в сером чесучовом костюме и соломенной шляпке с прямыми полями, небрежно сидящей на ее каштановых волосах; с ледяным спокойствием, совершенно не таясь, она рассматривала Десмонда. Поймав взгляд ее холодных серых глаз, которые она и не подумала отвести, Десмонд не выдержал и смущенно отвернулся. Это, конечно, была не сама госпожа Донован — возможно, ее дочь или богатая родственница, — но демонстративное, невежливое любопытство, которое та проявила к его особе, Десмонд счел вызывающим и даже оскорбительным.

К этому времени каноник уже закончил проповедь, которая оказалась короче обычного, и под пение церковного гимна по кругу пустили корзиночку для пожертвований. Краешком глаза Десмонд заметил, что расфуфыренная нахалка в шикарной одежде не пожертвовала даже серебряного шестипенсовика.

После того как отзвучал гимн, Десмонд вернулся к алтарю и продолжил службу. Он не рассчитывал, что та женщина пойдет к причастию. Но тут он ошибся, так как она подошла к алтарю, хотя и самой последней, и когда он положил ей на язык гостию, то с облегчением заметил, что глаза у нее были закрыты.

Вскоре месса закончилась. Последний гимн — и Десмонд прошел в ризницу. Прочитав благодарственную молитву, он поспешил вернуться в дом священника, чтобы съесть второй завтрак и, если удастся, получить разъяснения по поводу загадочной женщины.

Ростбиф к воскресному ланчу еще не был готов, но миссис О'Брайен поставила перед Десмондом кофе и подогретые ячменные лепешки, чтобы он перекусил на скорую руку.

— Каноник! — воскликнул Десмонд, залпом выпив кофе. — Кто эта заносчивая молодая особа, сидевшая на месте, отведенном для госпожи Донован?

Каноник обменялся многозначительными взглядами с миссис О'Брайен, которая как раз принесла свежесваренный кофе.

— Ты что, имеешь в виду ту красивую, хорошо одетую женщину в шикарной шляпке?

— Именно. Это, вероятно, ее дочь?

— А может, внучка?

— Вполне может быть! Выглядит она очень молодо.

— Десмонд, — произнес каноник, бросив осуждающий взгляд на миссис О'Брайен. — Мы вовсе не собирались над тобой насмеяться. Но наша шутка, пожалуй, зашла слишком далеко. Ты представлял себе госпожу Донован старухой, чем здорово нас позабавил. Сегодня утром на почетном месте сидела госпожа Донован собственной персоной.

Десмонд аж подпрыгнул от удивления.

— Вы шутите! Ей ведь не больше двадцати четырех — двадцати пяти лет!

— Прибавь еще десяток, и узнаешь возраст мадам. Она привлекательная женщина в полном расцвете сил. И молодая душой. Кстати сказать, она заботится о себе, а потому

действительно молодо выглядит.

— И она правда глава, хозяйка... всего...

— Если тебе доведется узнать историю госпожи Донован, если ей когда-нибудь захочется с тобой поделиться, ибо, будучи ее исповедником, я не вправе ничего рассказывать тебе, ты поймешь, что при ее железной воле она вполне способна управлять бизнесом и полностью его контролировать, так же как и все остальное.

— Ну, в этом я не сомневаюсь. Вы бы только видели, как она на меня смотрела!

— Не горячись, приятель. Мне почему-то думается, что ты пришелся ей по душе. Когда мы с ней болтали после мессы, она пригласила тебя на чай — в четверг, в «Маунт-Вернон».

— Значит, она плохо воспитана, если приглашает меня через посредника.

— Повторяю, не горячись, приятель. Спорим, что письменное приглашение привезет Патрик — ее дворецкий, — когда придет в церковь. А теперь успокойся и жди. Посмотрим, кто из нас окажется прав.

Предсказание каноника полностью оправдалось. В тот же вечер, в половине седьмого, Десмонд уже вскрывал запечатанный конверт и разворачивал лист тончайшей бумаги ручной работы, в верхней части которого прописными буквами было напечатано: «Маунт-Вернон, Килбаррак».

Записка гласила: «Дорогой отец Фицджеральд!

Не могли бы вы зайти ко мне на чай в ближайший вторник, в четыре часа, если вам, конечно, позволят ваши служебные обязанности.

Искренне ваша, Джеральдина Донован».

«Какая наглость! — пробормотал Десмонд. — Какая вопиющая, чертовская наглость!

Не могли бы вы зайти. Я ей докажу, что я ей не лакей».IV

На дворе все еще стояла хорошая погода, вторник выдался солнечным, с легким морским ветерком, который подгонял просвечивающие на солнце пушистые облачка. Все утро Десмонд был занят по горло и после второго завтрака решил отдохнуть. Он лег на кровать прямо в нижнем белье и так и лежал, не сводя глаз с циферблата часов, и не потому, что боялся оказаться непунктуальным, а потому, что был твердо намерен прийти с опозданием на навязанную ему встречу в «Маунт-Вернон».

Он немного вздремнул, полежал еще с полчаса, а потом встал, побрился, умылся и причесался. Затем надел чистую рубашку, воротничок и чудесный легкий костюм от Карачини. Результат его вполне удовлетворил, даже более чем, и, когда часы показали ровно четыре, он неторопливо двинулся в сторону «Маунт-Вернон».

Когда он прошел через внушительные ворота и стал подниматься по широкой подъездной дорожке, на часах было уже половина пятого. Но Десмонд даже не прибавил шагу. Отсюда дом уже был хорошо виден — чудесный особняк в георгианском стиле, с типичным для ирландских поместий портиком с колоннами. Но этот дом отличался особым совершенством, свидетельствующим о постоянном и тщательном уходе, что выгодно отличало «Маунт-Вернон» от полуразвалившихся особняков Зеленого острова[32] в псевдоисторическом стиле. Длинный ряд сдвоенных окон ослеплял своим блеском, рамы были недавно покрашены, так же как и украшенная сверкающей медью дверь и безупречная покатая крыша, завершала ансамбль резная каменная терраса с балюстрадой — словом, картинка, достойная обложки журнала «Кантри лайф».

Десмонд поднялся по ступенькам и позвонил в звонок. Дверь ему открыл слуга, конечно, не во фраке, но в камзоле и ливрее. Слуга проводил гостя в просторный холл с мраморным

полом, покрытым ковром «керманлавар»[33] с цветочным узором, который Десмонд, оценив толщину ворса, безошибочно датировал семнадцатым веком. На стене над уставленным серебром столиком в стиле «чиппендейл» висел портрет пожилого человека кисти Лавери[34], а противоположную стену украшал портрет женщины в затейливом платье работы того же художника. В дальнем конце холла виднелась красивая широкая лестница со статуей, возможно греческой, на площадке, а из самого холла вправо и влево вели два широких прохода.

Проследовав за слугой направо, Десмонд не мог не заметить через полуоткрытую дверь большую библиотеку, заставленную книжными полками.

Слуга провел Десмонда в просторное, украшенное куполом помещение в конце коридора, которое когда-то служило оранжереей, а теперь было с большим вкусом ловко переделано в гостиную, именуемую в Ирландии салоном. Здесь паркет также был устлан выцветшими от времени старинными коврами — персидскими или китайскими. У одной стены стоял открытый рояль, у другой — обитые шелком диванчики и кресла, повсюду в художественном беспорядке были расставлены вазы с цветами, залитыми мягкими лучами апрельского солнца, словом, обстановка в стиле «рококо», способная сразить наповал посетителя, попавшего сюда впервые.

В дальнем конце гостиной за столиком в стиле «буль» с книгой в руках сидела стройная, элегантная женщина лет тридцати. У нее было бледное ухоженное лицо с тонкими, правильными чертами, которое даже сейчас, в минуту отдыха, сохраняло сосредоточенное выражение, и коротко стриженные, что очень ее молодило, прекрасные каштановые волосы. Одета она была просто, но изысканно — в темно-серый шелковый костюм без излишеств, украшенный потрясающим шелковым, алым с серым, восточным шарфом.

Десмонд, действительно сраженный наповал, отдал шляпу слуге и остался стоять у дверей, выпрямившись и опустив руки по швам. Так, замерев, он простоял достаточно долго, тихо радуясь про себя, что его опоздание явно вывело ее из себя, чего он, собственно, и добивался.

Наконец, так и не сумев заставить Десмонда совершить хоть какую-нибудь промашку, она подняла глаза, но осталась сидеть. Она молча рассматривала его — критически и не слишком дружелюбно, не преминув отметить про себя великолепный римский покрой его костюма, который, и этого она не могла не признать, еще больше подчеркивал красоту молодого человека.

— Итак, вы и есть наш новый викарий? — холодно поинтересовалась она.

— Полагаю, что так, мадам, — ответил Десмонд, не сдвинувшись с места.

— Я слышала, что для плейбоя вы неплохо управляетесь с младенцами.

— Мадам, я был бы счастлив, если это самое плохое, что вы про меня слышали.

— Поскольку в городе вас любовно зовут отцом Десмондом, — сдержанно улыбнулась она, — можно и мне вас так называть?

— Мадам, я не смею рассчитывать на такую степень доверия при первом знакомстве, но надеюсь в дальнейшем заслужить вашу любовь.

Почувствовав, что подобный обмен любезностями ничем хорошим для нее не кончится, дама сказала:

— Садитесь, пожалуйста.

Что Десмонд и сделал — легко, непринужденно и без лишней суеты. Она же не сводила с него пристального взгляда холодных серых глаз.

— По крайней мере, вы хотя бы отличаетесь от вашего предшественника, — заметила госпожа Донован. — Я как-то пригласила его на чай. Только раз. Но мне и одного раза хватило. Он сидел на краешке стула, поджав губы и словно язык проглотив со страху, а руки у него дрожали так, что чай выплескивался из чашки.

— По крайней мере, он хотя бы не был плейбоем, мадам.

— Нет, не был. Хороший, трудолюбивый пастырь и при этом невыносимо скучный. Я была счастлива, когда ему дали собственный приход. Могу я предложить вам чашку чаю?

— Я пришел в надежде, что меня угостят вашим знаменитым чаем, — улыбнулся своей неотразимой улыбкой Десмонд. — И рад, что вы меня не разочаровали.

Она потянула за шнур звонка рядом со стулом и отложила книгу — прекрасно переплетенное издание «О подражании Христу», — обронив:

— Я получила Фому Кемпийского[35] от вашего отца. Которого я хорошо знала и любила.

— Благодарю вас, мадам. За своего отца и от себя лично.

В эту минуту принесли чай. Слуга осторожно поставил тяжелый серебряный поднос со старинным сервизом марки «Споуд»[36] и трехъярусной вазой для пирожных.

— Спасибо, Патрик, — произнесла мадам, а когда Патрик вышел, поклонившись и бесшумно закрыв за собой двери, добавила: — Ирландские слуги, если их как следует вышколить, лучшие в мире, святой отец. Но если этого не сделать и распустить их, они сразу становятся худшими в мире. Запомните мои слова. Они еще пригодятся вам при общении с прислугой в доме священника.

— Нашу добрейшую миссис О'Брайен испортить невозможно. Скорее она испортит нас.

— Я вовсе не желаю, чтобы меня портили, — отрезала мадам, которая, похоже, восприняла слова Десмонда как мягкий упрек в свой адрес. — Или чтобы меня окружали одни лизоблюды. Патрик — мой дворецкий и одновременно шофер, его жена Бриджит — замечательная кухарка, ей помогает на кухне деревенская девушка Морин. А сын одного из арендаторов три раза в неделю приходит ухаживать за моим скромным садом.

Десмонд никак не прокомментировал полученную информацию, словно хотел показать, что дама слишком много говорит и это дурной тон.

В результате ей ничего не оставалось, кроме как заняться подносом с чаем.

— Сливки? Сахар?

В ответ Десмонд только покачал головой. Тогда она протянула ему чашку чистого чая — горячего, ароматного и очень вкусного. Внимательно проследив, как он с видом знатока осторожно отхлебнул чай, она вопросительно подняла брови.

— Мадам, ирландский чай всегда хорош, но этот, словно манна небесная, должно быть, послан Небесами.

— Нет, вовсе не Небесами. Он доставлен прямо с особой цейлонской плантации. Что будете есть?

Десмонд взял два тончайших, восхитительных на вкус сэндвича с водяным крессом и отставил тарелку.

— Как? А торт?! Бриджит не переживет, если вы не попробуете хоть кусочек. Я-то думала, что все викарии обожают пирожные и торты.

— Не только викарии, но и клир в целом, — улыбнулся Десмонд, послушно взяв кусок роскошного домашнего торта, и весьма остроумно рассказал забавную историю об отце Бошампе и шоколадном торте.

Однако госпожа Донован, вовремя вспомнив, что собиралась проявить строгость к молодому священнику, даже не улыбнулась.

— Мне не нравится, когда высмеивают доброго пастыря. Однажды я слышала проповедь вашего отца Бошампа. Она меня просто потрясла.

— В Уинтоне, мадам?

— Да. Я как-то была там проездом.

Десмонд сидел, не в силах произнести ни слова, — его вдруг захлестнуло какое-то странное чувство, необъяснимое ощущение того, что когда-то, давным-давно, он уже видел мельком эту замечательную женщину, которая теперь сидела рядом с ним и предлагала ему вторую чашку чаю.

— Я с нетерпением жду, что вы поделитесь со мной своими кошмарными впечатлениями о Килбарраке. После Рима вы, должно быть, испытали настоящий шок.

— Ничего подобного, мадам. Я ведь ирландец, впрочем, как и вы, сударыня. Что действительно меня потрясло и заставило испытать несказанную радость, так это воистину прекрасная, просто великолепная церковь, где мне, скромному рабу Божию, дозволено служить нашему Создателю. И здесь я не могу удержаться, чтобы не сказать о неожиданном удовольствии получить приглашение на чашку чая в согретом Божией благодатью доме дарительницы этой изумительной церкви.

— К чему столько слов, отец Десмонд?!

— Да, когда меня что-то трогает до глубины души, я сразу глупею и начинаю говорить слишком много. Словом, я не просто люблю, а обожаю эту церковь и благословляю ее дарительницу.

— Я тоже люблю свою церковь, отец Десмонд. Только это и держит меня в ирландской глуши. Это, да еще мой дом, который я тоже люблю. После смерти мужа мне пришлось стать деловой женщиной, а в Дублине у меня головной офис с многочисленным персоналом. И волей-неволей приходится туда ездить. Однако, так как у меня есть своя выделенная телефонная линия, я стараюсь принимать решения здесь и выбираться в Дублин как можно реже. — Тут она замолчала, а потом спросила: — Но почему мне приходится говорить одной?

— Потому что я вас внимательно слушаю, мадам. Возможно, до вас дошли странные истории о моем пребывании в Риме. В них нет ни капли правды. Я просто старался быть вежливым. И мне было скучно. Но какое счастье оказаться на родине, в обществе ирландской леди, столь очаровательной и утонченной, столь благородной и — о боже! — дорогая госпожа Донован, вы должны остановить меня... Я пришел сюда, исполненный решимости быть с вами таким же невежливым, как и вы со мной тогда, в воскресенье, в церкви. Но я получил такое удовольствие от общения с вами, что и сам теперь не знаю, что говорю. — С этими словами

Десмонд решительно поднялся и произнес: — А сейчас мне пора идти... Вечером у меня молитва на благословение, а наш добрейший каноник требует от меня пунктуальности.

— Тогда в следующий раз вы должны прийти пораньше, — тепло улыбнулась мадам Донован, тоже поднявшись. — Я провожу вас.

Она на секунду задержалась рядом с ним в мощеном портике. На небе уже показались первые звезды.

— Ну разве не божественно? — выдохнула она. — Божественный вечер. Если вы опаздываете, Патрик может вас подвезти.

— Спасибо, но не стоит, мадам. Я с удовольствием прогуляюсь.

— Есть короткий путь до церкви через лес. Как-нибудь я вам покажу. Доброй ночи, Десмонд, — протянула ему свою нежную теплую руку мадам Донован.

— Доброй ночи, дорогая госпожа Донован.

Она смотрела, как он энергично шагает по подъездной дорожке, и вдруг ей почему-то ужасно захотелось, чтобы он оглянулся.

И он действительно оглянулся.

Когда Десмонд скрылся за высокими воротами, она прошла к себе в комнату и посмотрела на себя, возбужденную и разгоряченную, в зеркало. Ей понравилось то, что она там увидела, и она улыбнулась, но затем отпрянула от зеркала и громко сказала:

— Не будь душой, Джерри! Ну пожалуйста! V

В результате Десмонд, не имевший привычки ходить пешком, на целых шесть минут опоздал на службу. Однако, когда он вернулся после службы в дом священника, каноник, весьма строгий в вопросах пунктуальности, сделал вид, что не заметил проступка викария. За ужином каноник с видом победителя взмахнул салфеткой, аккуратно заткнул ее себе за воротничок и улыбнулся.

— Ну что, приятель, хорошо провел время в гостях у ее милости?

— Замечательно, каноник. Хотя, боюсь, пробыл там чуть дольше положенного.

— Да будет тебе, пустяки какие! А скажи, она... словом, как думаешь, ты ей понравился?

— Сперва она, конечно, попыталась вставить мне несколько шпилек, но потом стала сама доброта. Так что мы с ней отлично поладили.

— Я знал, что ты сможешь. Я знал, что ты сможешь, — довольно хмыкнул каноник и, взяв разделочный нож, вонзил его в хрустящую корочку аппетитной бараньей ноги. — Все идет отлично, дружище Десмонд.

Следующие несколько дней от мадам Донован не было ни слуху ни духу. В воскресенье каноник решил сам отслужить десятичасовую мессу, так как это позволяло ему обрушивать громы и молнии на головы большего числа прихожан. Естественно, Десмонду пришлось служить восьмичасовую, к которой ходило гораздо меньше народу.

И когда в воскресенье утром он подошел к алтарю, то не мог не заметить, что почетное место на передней скамье занято мадам Донован, обычно приходившей в церковь в одиннадцать часов. На сей раз на ней были короткое черное кашемировое пальто в стиле «милитари» с

широким воротником и накладными карманами, плиссированная юбка, шелковые чулки и туфли с простроченными швами, а на голове — низко надвинутая на лоб шикарная шляпка «колокол». В таком виде она казалась лет на десять моложе, и сказать, что она выглядела элегантно, — значит не сказать ничего. В любой из модных парижских церквей она, несомненно, привлекла бы к себе восхищенные взгляды.

Во время службы Десмонд ни разу не взглянул на нее, но когда подошло время причастия, она преклонила колени перед алтарем и, когда он положил в ее полуоткрытый рот освященную облатку, их глаза встретились, словно между ними произошло некое духовное общение — сладостное и трогательное.

Еще в ризнице Десмонд заметил, что возле церкви до сих пор стоит ланолет с закрытым верхом, и, когда он наконец вышел, госпожа Донован, уже проявляя некоторое нетерпение, ждала его у машины.

— Я сегодня уезжаю в Дублин. Срочное дело, требующее моего присутствия. Не могли бы вы сообщить об этом канонику? Я буду, как обычно, в отеле «Шелбурн». Задержусь дней на десять или около того, — сказала она и неожиданно улыбнулась, показав ровные белые зубки. — Кстати, разведка донесла, что вы здорово промокли во время последнего обхода прихожан. У вас что, нет плаща?

— В Риме этот предмет гардероба не требуется, — рассмеялся Десмонд, продемонстрировав такие же идеальные зубы. — У меня есть приходской зонтик, огромный купол которого во время дождя с завидным постоянством выворачивает.

— Вам просто необходим плащ, — со смехом произнесла мадам Донован. — Тут вам не Рим, и в Килбарраке эта вещь требуется постоянно. А теперь au revoir! — сказала она и протянула Десмонду руку.

После причастия он мог позволить себе только слегка пожать ее пальцы. Но когда автомобиль скрылся из виду, Десмонд опустился на колени и помолился о ее благополучном путешествии по забитой транспортом дороге. И о ее скорейшем возвращении.

Следующие несколько дней жизнь текла своим чередом, хотя Десмонд все острее ощущал отсутствие своего нового друга. Однако в четверг он получил материальное свидетельство того, что госпожа Донован о нем не забыла, в виде роскошного плаща, доставленного службой срочной доставки. Плащ фирмы «Берберри» был спокойного серого цвета и прекрасно сидел на Десмонде, что подтвердил во время примерки каноник, выжидательно смотревший на своего викария.

— Прямо как на тебя сшито, приятель. Очень красивый, а серый цвет — именно то, что и подобает священнику. — Каноник одобрительно погладил тонкий непромокаемый габардин, явно довольный таким знаком внимания со стороны госпожи Донован. — Десмонд, похоже, ты ей действительно понравился. И если будешь вести себя осмотрительно, может, она и прислушается к тебе, когда ты ненароком заговоришь про алтарную преграду.

Однако Десмонд счел за благо промолчать. Он уже решил про себя, что, несмотря на давление каноника, в таком деликатном деле надо вести себя сдержанно и осторожно.

Через шесть дней обитатели дома священника узнали о возвращении госпожи Донован. Оба, и каноник, и Десмонд, получили приглашение по телефону прийти в ближайшее воскресенье к ней на ланч.

Каноник был чрезвычайно доволен, но ответил, что, к величайшему сожалению, прийти не сможет и будет только викарий.

— Десмонд, мадам хочет видеть именно тебя, к тому же ты прекрасно знаешь, что после воскресного обеда я люблю хорошенько вздремнуть.

Итак, Десмонд в одиночестве отправился в «Маунт-Вернон», надев в знак признательности чудесный новый плащ, но на сей раз решив обойтись без шляпы. Подойдя к дому, он обнаружил госпожу Донован, прогуливающуюся по террасе и одетую самым неформальным образом: на ней была розовая блузка, серая льняная юбка и простая соломенная шляпка, завязанная под подбородком. Увидев Десмонда, она с улыбкой воздела руки к небу.

— Боже мой! Неужели пошел дождь?

— Мадам, погода здесь ни при чем. Я просто хотел дать вам возможность полюбоваться своим чудесным подарком.

— Я и люблюсь. Но посмотрели бы вы на себя со стороны! Вы сейчас меньше всего похожи на священника. Вы — самый настоящий юный фавн, переодетый для рекламы «Берберри». А теперь немедленно снимайте плащ!

Что Десмонд и сделал, сдержанно поблагодарив госпожу Донован. Забрав плащ, она перекинула его через одну руку и предложила Десмонду другую.

— Ну, а теперь нам придется хотя бы минут десять погулять, иначе Бриджит подаст все полусырым.

— Вы отсутствовали дольше, чем я предполагал, — проронил Десмонд.

— Надо было уладить маленькую неприятность, — ответила та и, поймав вопросительный взгляд Десмонда, добавила: — Какие-то предприимчивые япошки из Токио, успевшие наладить производство контрафактного шотландского виски и продающие его под фальшивыми шотландскими марками типа «Найлэнд флинг» и «Спорран», обратили свой взор уже и на ирландский виски. И стали выпускать свою отраву в бутылках, точь-в-точь как наши, практически с такой же этикеткой, под маркой «Маунтин крим». — Она сделала паузу и продолжила: — Конечно, их товар и рядом не стоял с первоклассным выдержанным солодовым виски, но подобная путаница наносит нам немалый урон.

— Вы что, подали на них иск в суд?

— Где?! В Токио? Боже правый, ну конечно же, нет. У меня и без них полно судебных тяжб. Нет, я просто-напросто уведомила всех наших агентов, дилеров и оптовиков, что если поймаю их на продаже японского виски, на меня они больше работать не будут. И уже накануне отъезда из Дублина нас буквально завалили верноподданническими телеграммами и письмами. — Она вдруг резко сменила тему, спросив: — Вы, наверное, успели проголодаться, пока шли пешком?

— Умираю с голоду!

— Мне, конечно, следовало вас предупредить, что здесь вы не получите такого вкусного обеда, как у миссис О'Брайен. Что у нее сегодня запланировано?

— Полагаю, вареная свинина с луковым соусом.

— Да уж, после такого обеда добрейший каноник будет храпеть вовсю! Десмонд, я восхищаюсь каноником и ценю его, но иногда он ведет себя как самый настоящий стяжатель. Ведь я подарила эту прекрасную церковь не ему лично, — сказала она и, понизив голос, добавила: — А Господу нашему Иисусу Христу за то, что не оставил меня в годы испытаний и невзгод.

Десмонд с минуту помолчал, а потом смиренно сказал:

— Я хотел бы надеяться, что вы поймете, моя дорогая, дражайшая госпожа Донован, что я никогда — нет, никогда — не принял бы ваше любезное приглашение, если бы имел тайное намерение осквернить нашу дружбу желанием извлечь из нее какую-то выгоду — для церкви или еще для чего-нибудь.

Она сжала ему руку и, повернувшись, посмотрела ему в глаза.

— Я знаю, Десмонд. Я поняла это с первой минуты, как вас увидела.

Мелодичные звуки гонга нарушили тишину, которая воцарилась после этих признаний и говорила о внезапно возникшей трогательной близости.

— Ну вот, нас уже зовет мой пунктуальный Патрик, — вздохнула мадам Донован, а когда они вошли в дом, сказала: — Тут есть ванная комната. Столовая дальше по коридору. Я присоединюсь к вам через минуту.

Столовая была обставлена отполированной до блеска мебелью «чиппендейл». Большой обеденный стол почему-то не был накрыт, зато у окна стоял освещенный солнцем, элегантно накрытый на две персоны небольшой приставной столик.

— Разве здесь не уютнее? — спросила вошедшая в комнату госпожа Донован. — Я всегда ем здесь, если обстоятельства позволяют.

Они сели за стол. Госпожа Донован все еще была в своей очаровательной соломенной шляпке.

— Мадам, — вырвалось у Десмонда. — Я, конечно, понимаю, что должен осторожно выбирать слова, но не могу не сказать, что просто влюбился в вашу прелестную шляпку. Это настоящая летняя шляпка для воскресных прогулок в Боулдерз-Лок. Мне очень хотелось бы пригласить вас на прогулку по реке.

— Вы что, собираетесь грести? В вашем-то «Берберри»?

— Нет, но я могу смотреть, как вы лежите на корме, откинувшись на подушки и опустив прекрасную руку в прохладную, прозрачную воду, в то время как наша лодка проплывает под склонившимися над рекой плакучими ивами.

Она улыбнулась счастливой улыбкой и заглянула ему в глаза, но сразу же взяла себя в руки и отвернулась.

— Предупреждаю вас, Десмонд, сегодня вы ничего здесь не получите, кроме рыбы. Причем рыба эта еще не далее как в шесть утра плавала в море.

Патрик как раз подавал суп в бульонных чашках из тончайшего дрезденского фарфора.

— Мое почтение, ваше преподобие. Это суп-пюре из омара, — шепнул он на ухо Десмонду.

Густой суп из омара, украшенный клешнями, подавался с тертым сыром и шариком густых сливок.

— Ну что? Хотите добавки? Если вы будете, то и я не откажусь. Обед у нас сегодня довольно скромный.

— С удовольствием. Суп просто восхитительный.

После второй порции супа в комнате наступила тишина, так как Патрик как раз начал

осторожно открывать покрытую плесенью бутылку.

— Осторожно, Патрик, только не смешивай!

— Может быть, мадам сама попробует?

— Нет, — отмахнулась она и добавила: — Все должно быть, как полагается. Это вино слишком долго ждало, пока мы его попробуем.

Патрик разлил по бокалам прозрачное янтарное вино. Десмонд пригубил вино и с уважением посмотрел на сидящую напротив него хозяйку. Это было старое выдержанное шабли с медовым ароматом.

— Да, — улыбнулась она. — Ужасно хорошее вино. И очень редкое. Поэтому мы должны допить бутылку.

В это время подали второе блюдо. Жареное филе камбалы с анчоусами и пюре из ирландского картофеля.

— Ешьте, не стесняйтесь. Предупреждаю, кроме фруктового салата, больше ничего не будет.

Свежая рыба, поджаренная с обеих сторон. Нет, устоять было попросту невозможно. И Десмонд, естественно, не стал отказываться, когда блюдо начали разносить по второму кругу. Впрочем, так же, как и госпожа Донован.

А затем последовал холодный компот из свежих фруктов, который подали в старинных серебряных чашах для причастия.

— Кофе подадут в гостиной.

Сев на большой диван лицом к окну, они с удовольствием выпили крепкий черный «мокко». Десмонд, захваченный врасплох приступом блаженной эйфории, чувствовал, что не может отвести глаз от госпожи Донован.

— И что же дальше? — улыбнулась она. — Вы что, решили взять пример с нашего достопочтенного каноника?

— Вы меня оскорбляете, мадам... Неужели я могу забыть о вас?

— Мы можем сидеть на разных концах дивана. Что будет удобно и вполне невинно. Кажется, это называется «лицом к лицу».

— Скажите, мадам, вам хочется спать?

— Решительно нет.

— Тогда я хотел бы, с вашего позволения, чтобы вы помогли мне прояснить один вопрос, который мучает меня с той минуты, как я вас увидел.

— Да? — с сомнением в голосе прошептала она, подумав: «Надеюсь, под воздействием шабли он не позволит себе ничего лишнего, такого, что может только все испортить».

— Моя дорогая мадам, со времени нашей первой встречи в «Маунт-Вернон» меня не покидает ощущение, что я уже видел и слышал ваш голос раньше. И теперь после двух блаженных часов, что провел с вами наедине, я не могу не сказать, как сильно вы напоминаете мне Джеральдину Мур, которая несколько лет назад в Уинтоне своим потрясающим исполнением партии Лючии в опере Доницетти «Лючия ди Ламмермур»

заставила меня аплодировать так, что я чуть было не отбил себе ладони. — И, помолчав, Десмонд добавил: — И потом, этот чудный портрет в холле... в образе Лючии...

Она, казалось, слегка смутилась, но потом взяла себя в руки и улыбнулась.

— А, Доницетти... Он умеет трогать душевные струны. Но, мой дорогой Десмонд, я полагала, будто все в Ирландии, включая вас, знают, что до замужества я была Джеральдиной Мур и четыре года работала с Д'Ойли Картом и Карлом Роса. Да, припоминаю, я исполняла партию Лючии на тех гастролях. А еще, как мне кажется, партию Тоски.

— Мадам, мы с моим другом слышали вас в «Тоске». Я тогда покинул театр в слезах.

— Ну, за это вам следует винить Пуччини, а не меня, — сухо усмехнулась она.

— Но тогда почему, дорогая мадам?..

— В один прекрасный день, Десмонд, когда мы узнаем друг друга получше, я расскажу вам скучную историю своей жизни, — решительно встав с дивана, сказала госпожа Донован. — А теперь нам обоим не помешает хорошая прогулка. Дайте мне минуту, чтобы я могла переодеть туфли, и я покажу вам короткий путь к дому священника.

И они пошли по дорожке в гору через поместье; миновали аккуратно подстриженные лужайки, окружавшие розовый сад, и домик с колоннами в псевдогреческом стиле рядом с ухоженным теннисным кортом «Ан-ту-ка»[37].

— Я специально содержу все здесь в образцовом порядке, так как сотрудники моей фирмы, когда приезжают, любят поиграть в теннис. А еще у меня есть племянница школьного возраста. Она тоже играет.

Они уже шли через фруктовый сад.

— У меня только яблони и немного слив, — объяснила мадам. — Все остальное растет здесь не слишком хорошо.

Наконец вышли на опушку соснового леса. Десмонд увидел специально расчищенную тропинку, вьющуюся среди деревьев.

— Здесь приятно гулять, — сказала госпожа Донован. — Я слежу за тем, чтобы мелкую поросль постоянно вырезали. А теперь посмотрите. Там, за верхушками деревьев, виднеется крыша церкви.

— Чудесно, — искренне восхитился Десмонд. — Какой прекрасный вид!

— Да... Я каждый день прихожу сюда полюбоваться им. — Она махнула рукой в сторону церкви и сказала: — А теперь идите. Пора будить каноника. И возвращайтесь сюда поскорее... Да, поскорее... — И с этими словами она повернулась и пошла прочь. VI

Душная атмосфера Великого поста окутала приход церкви Святой Терезы, и достопочтенный каноник, который особенно любил говяжьё вырезку, ногу и седло барашка, жирную вареную свинину, но, пожалуй, больше всего свой «Маунтин дью», так вот, достопочтенный каноник, который призывал к порядку других, к себе проявлял еще большую требовательность. Он соблюдал строгий пост и воздержание от излишеств. Одним словом, он страдал. Он пребывал именно в таком состоянии души, чему немало способствовало и время года, когда ему особенно хорошо удавались разгромные проповеди, которые он обрушивал на головы прихожан.

На весь Великий пост в качестве дополнительной епитимьи он даже взял на себя

восьмичасовую мессу. Таким образом, Десмонд служил десятичасовую, а после чтения Евангелия, пока Десмонд с алтарными мальчиками сидели у алтаря, каноник с кафедры наставлял прихожан.

И вот сегодня, во второе воскресенье Великого поста, когда в церкви яблоку негде было упасть и верующие, трепеща, сидели в напряженном молчании, поскольку из личного опыта знали, что очередная проповедь ничего хорошего им не сулит, каноник в кружевном стихаре поверх алой сутаны и красной шапочке, плотно сидящей на его круглой голове, медленно взошел на кафедру и, задумчиво нахмутив лоб, повернулся к своей притихшей пастве, но, прежде чем заговорить, сделал многозначительную паузу. Пауза тянулась невыносимо долго, затем каноник зычным крещендо три раза выкрикнул:

— Черт! Черт! Черт!

Когда первая волна потрясения прошла, каноник начал проповедь.

— Говорю ли я это отвратительное слово как бранное, как непристойное и грязное богомерзкое ругательство, которое сплошь и рядом слышишь на улице или в пабах? Иди к черту! Ну и черт с тобой! Было чертовски весело! Да пошло оно все к черту! Черта с два я налью тебе еще! Нет, я говорю сейчас о враге рода человеческого, о Сатане, который вместе с падшими ангелами, по приговору Страшного суда, был низвергнут в геенну огненную, именуемую адом. Ад — это дом, полный бесконечных мучений. Ад — это вместилище греха и порока, самое место для тех, кто плюет в лицо Господа нашего Иисуса Христа, для тех, кто находится сейчас среди нас, кто отвергает благодать Божию, умирает — помощи им, Господи! — без покаяния и попадает в геенну огненную, чтобы присоединиться к легионам проклятых, обреченных на вечные муки. Вы когда-нибудь хоть на миг задумывались о бесконечной агонии тех, от кого отвернулся Господь? Вы когда-нибудь обжигали палец, прикуривая трубку от слишком короткой спички? Вы когда-нибудь пробовали хотя бы минуту подержать палец в пламени обычной сальной свечи? Нет, никогда! Только полный идиот может причинить себе подобный вред. А теперь представьте себе боль, только в миллион раз сильнее, пронзающую все тело. И когда вас окунут в кипящую лаву, всю в столбах пламени, и вы будете задыхаться от дыма, пара, пены и смрада преисподней, а потом черти будут пытаться вас раскаленными докрасна вилами и щипцами, и кругом будут раздаваться стоны и вопли таких же потерянных душ, корчащихся в адских мучениях, и при этом только одна мысль будет снедать вас, причиняя непреходящую муку, мысль, что вам некого винить, кроме самих себя, что у вас был шанс, но вы его отвергли, бросив его вместе с ругательством в лицо Всевышнего, что если бы вы только послушали вашего бедного старого каноника в оное воскресенье, то теперь были бы уже в раю, в обществе избранников Божьих, где царят вечное блаженство и вечная радость перед светлым ликом воскресшего Господа нашего Иисуса Христа.

После такой убийственной речи в церкви воцарилась мертвая тишина. Не преминув воспользоваться достигнутым преимуществом, каноник продолжал:

— Я говорю с вами об этом в нашей прекрасной церкви, в соборе, подаренном щедрой и поистине святой женщиной, нашей госпожой Донован. Многие из вас, слава тебе, Господи, являются добрыми католиками. Но есть и такие, — повысил голос каноник, — из тех, что сейчас толкуются в дверях или теснятся на задней скамье, которые снимают пиджак не для того, чтобы трудиться в поте лица, а лишь для того, чтобы ввязаться в очередную драку. У них от безделья уже мозоль на спине выросла и задница из штанов вываливается, а они только и знают, что сидеть на тротуаре у дверей ближайшего паба. А вы, расфуфыренные распутницы, с притворной скромностью прячущиеся сейчас за колоннами, вы — размалеванные, напудренные и расфранченные — околачиваетесь каждый вечер у бара в шали поприметнее, чтобы подцепить какого-нибудь недотепу... И, Боже, спаси и помилуй несчастного дурака, когда он проснется на следующее утро! Я к вам обращаюсь, а также ко всем, кто погряз в смертных грехах, и повторяю, что ангел-мститель не спускает с вас глаз.

Но если вы не захотите внять моим словам, если отринете их от себя с ругательством на устах, я скажу вам: «Слово мое верно!»

Десмонд, оглушенный проклятиями каноника, сидел на узкой скамье, изнемогая под тяжестью облачения и чувствуя, что потихоньку начинает терять последние остатки сил. Скучный завтрак не мог его насытить, да и сам Десмонд не способен был выдержать строгие ограничения Великого поста, а просить сделать для него исключение и освободить от необходимости поститься было абсолютно невозможно. Он с тоской вспомнил о своем дорогом друге, о госпоже Донован, — казалось, ее уже целую вечность не было в «Маунт-Вернон», — и гадал про себя, что могло стать причиной столь долгого отсутствия, сгорая от нетерпения увидеть ее вновь.

Это случилось десять дней назад. Он как раз совершал свой обычный обход, когда она позвонила и передала через каноника, что должна срочно уехать в Швейцарию. Был ли вызван столь стремительный отъезд юридическими причинами? Нет, невозможно. Летом она три месяца подряд прожила в своем доме вблизи Вева, что по закону давало ей право на постоянное проживание в Швейцарии.

Десмонд, к собственному замешательству, вдруг понял, что безумно хочет, чтобы госпожа Донован поскорее вернулась. Но в этот момент дружный вздох облегчения, а затем шарканье ног и грохот отодвигаемых скамеек, который свидетельствовал, что служба закончилась, вернули его к действительности. Он встал со своего места, а каноник величавой поступью прошел мимо, чтобы поклонить колена перед дарохранительницей.

Десмонд тут же вернулся к алтарю и, преодолевая усталость, завершил богослужение. Через двадцать минут он уже был в доме священника.

Он сразу прошел к себе в комнату и лег на кровать, которую миссис О'Брайен застелила чистым покрывалом. Несколько минут Десмонд лежал просто так, ни о чем не думая, но затем мысли его снова вернулись к госпоже Донован и к предположительному времени ее возвращения. Причина ее долгого отсутствия оставалась для него загадкой. Но почему, почему его мысли настойчиво возвращались к этой женщине, которая и сама была в некотором роде загадкой?! Может, он влюблен? Десмонд беспокойно заворочался на кровати. Чистую любовь между мужчиной и женщиной еще никто не запрещал, а госпожа Донован, как ни крути, на десять лет его старше. Но до чего же она хороша, до чего обворожительна и остроумна, не говоря уже о ее незаурядном уме!

Отдаленный звук гонга, который миссис О'Брайен деликатно приглушала на время Великого поста, заставил Десмонда соскочить с кровати. В столовой он обнаружил каноника, уже сидевшего за столом и печально взиравшего на маленькую тарелку макарон с сыром, которая, если не считать той, что стояла перед тем местом, за которым обычно сидел Десмонд, служила единственным украшением стола.

Сев за стол, Десмонд вдруг поймал на себе сочувственный, почти нежный взгляд каноника.

— Что-то ты бледный, приятель. Да, месса слегка затянулась. Так вот, я решил нарушить правила и налить тебе стакан «Шерри».

— Только вместе с вами, каноник.

Каноник, уже собравшийся было встать, тяжело опустился обратно и, потянувшись через стол, ласково пожал Десмонду руку.

— Вот проявление настоящей привязанности и истинного уважения. Я глубоко ценю твои чувства. Что ж, будем страдать вместе.

— Во всяком случае, проповедь сегодня была просто потрясающая.

— Потрясающая? Да, вполне возможно. — Каноник осторожно подцепил вилкой макаронину и отправил ее в рот. — Но я тебе, приятель, прямо скажу. Большинство из этих ублюдков забудут ее уже на полпути к питейному заведению «У Мерфи». Как думаешь, в этом вареве достаточно сыра? Абсолютно безвкусная еда. И почему нельзя сделать макароны потолще?! — И не дожидаясь ответа на свой риторический вопрос, каноник продолжил: — Пойми, приятель. Я вовсе не какой-нибудь средневековый мракобес, представляющий ад местом, где черти разгуливают с длинными вилами для поджаривания тостов. Я только хочу их слегка припугнуть. Но ад и в самом деле существует, причем наказывают там так, что страшнее не бывает. Это скорбь и безысходное отчаяние, утрата возможности предстать перед лицом Создателя и ощущать Его божественное присутствие. И еще скажу тебе, приятель, что я ужасно огорчен, причем не только положением дел в нашем приходе, но и общим упадком нравственности в нашем проклятом мире. — С этими словами каноник подцепил очередную макаронину и брезгливо проглотил. — Теперь не существует никакой разницы, абсолютно никакой, между тем, что хорошо и что плохо. Ибо любые средства хороши и все идет в ход. Обман в бизнесе, неверность в супружестве, неразборчивость в половых связях в любом возрасте. Сходи как-нибудь вечером на пристань. Как думаешь, что там выбрасывает прибоем? Волны, словно дохлую рыбу, выносят использованные гондоны, которые плывут по божественному океану, как свидетельство человеческой развращенности. — Каноник мастерски поймал вилкой последнюю макаронину и проглотил ее. — Я тебе по-простому скажу, приятель, без всяких там экивоков: современный мир катится, твою мать, напрямик в ад! — Выдав этот потрясающий афоризм, каноник взял тарелку, вылизал ее дочиста и удовлетворенно заметил: — Вот теперь блестит как зеркало. И мыть не надо. — Он поднялся и потрепал Десмонда по плечу. — Ну, а тебе не мешало бы подышать свежим воздухом. Это пойдет тебе на пользу. Прогуляйся-ка до «Маунт-Вернон», узнай, не вернулась ли мадам. VII

Воодушевленный добротой каноника — человека, казалось, сделанного из железа и весьма скупого на похвалу, — Десмонд вышел из дому в приподнятом настроении. Так как ведущая к лесу тропинка была довольно крутой, он шел медленно и осторожно и, достигнув лесной опушки, подавил в себе желание отдохнуть в травянистой ложине, где тропинка обрывалась и начиналась частная просека в сторону «Маунт-Вернон».

Смолистый запах хвойных деревьев, предвещающий близость поместья, вернул Десмонда к жизни. Он сразу воспрянул духом, а сердце неожиданно бешено забилося в груди. За это время он успел полюбить чудесный старый дом, целиком соответствующий его представлениям о гармонии и хорошем вкусе. В душе Десмонд питал слабую надежду застать там и саму хозяйка — своего дорогого друга госпожу Донован, которую любил самой чистой и светлой любовью.

Увы, выйдя из леса, он обнаружил, что ставни закрыты, а в саду никого нет. Тем не менее он спустился вниз, задержавшись сначала у греческого атриума возле теннисного корта, а затем и на террасе особняка, по которой с удовольствием прошелся, испытывая странное чувство владельца чужой собственности.

Неожиданно входная дверь распахнулась, и на пороге появилась Бриджит в своем лучшем воскресном платье.

— О, ваше преподобие, входите, входите, пожалуйста. Почему вы топчетесь у дверей, словно чужой?!

— Бриджит, но дом ведь закрыт.

— Во все нет, сэр. Я сейчас мигом подниму жалюзи в гостиной. Мадам в жизни не простит мне, если я оставлю вас мерзнуть на улице. И, кроме того, там для вас письмо.

Узнав о письме, Десмонд все же решился войти. Он прошел в дом вслед за Бриджит, которая, верная своему слову, быстро открыла ставни и, прежде чем Десмонд успел ее остановить, поднесла спичку к сложенным в камине дровам.

— А теперь, сэр, позвольте угостить вас чашечкой чаю и кусочком торта. У Патрика сегодня выходной, а девчонку я отпустила домой проведать мать, но я буду счастлива вам услужить.

— Если это вас не слишком затруднит, Бриджит. Я с удовольствием выпью чаю, но... никакого торта.

— А... Я и запомнила, что вы поститесь. Как только чайник закипит, я мигом принесу вам чашечку чудесного чая. И ваше письмо.

Когда Бриджит ушла, Десмонд подсел поближе к камину. Сухие поленья сразу занялись и весело потрескивали. Господи, как приятно снова оказаться здесь! Десмонд буквально впитывал в себя тепло очага и чудесную атмосферу комнаты. Ему не терпелось поскорей прочесть письмо, но в то же время хотелось продлить приятное состояние предвкушения, а потому он решил сначала выпить чаю, оставив письмо на десерт.

Ему не пришлось долго ждать. Бриджит принесла большую чашку ароматного, бодрящего чая, вкуснее которого он еще не пробовал. И когда Бриджит пришла спросить, не хочет ли он еще, Десмонд воскликнул:

— В жизни не пил такого чудесного чая. Это что, какой-то особенный сорт?

— Положа руку на сердце, — улыбнулась Бриджит, — когда я увидела, какой вы замученный, то решила плеснуть туда добрую толику «Маунтин дью».

— Тогда все. На сегодня хватит, — рассмеялся Десмонд. — Но я непременно расскажу мадам, что вы своим чаем вернули меня к жизни. Бриджит, раз уж вы так любезно затопили камин, можно я посижу у огня и с полчаса отдохну?

— Сэр, не только можно, но и нужно. Мадам сказала, что, коли вы придете, чтобы чувствовали себя как дома.

Когда Бриджит вышла, бесшумно прикрыв за собой дверь, Десмонд затаив дыхание вскрыл письмо. Мой дорогой, мой драгоценный Десмонд!

Надеюсь, Вы окажете мне честь, посетив «Маунт-Вернон» в мое отсутствие, и тогда получите и прочтете это письмо. Когда перед отъездом я позвонила вам, к телефону подошел каноник, который сообщил, что вас вызвали к больному. Поэтому я не стала вдаваться в подробности, а сказала только, что мне необходимо срочно уехать в Швейцарию. Теперь о причинах столь неожиданного отъезда. После смерти моей несчастной сестры, которая умерла каких-то четыре года назад после энного числа лет крайне неудачного замужества, на моем попечении осталась ее дочь и, соответственно, моя единственная племянница Клэр. У Клэр, без сомнения, было крайне несчастливое детство, что, естественно, не могло не сказаться на ее характере. Она отличается крайней безответственностью, если не сказать необузданностью. Последние два года она училась в одной из лучших швейцарских закрытых школ — в пансионе благородных девиц «Шато-ле-рок». Школа, расположенная в горах в районе Ла-Тур-де-Пельц, находится поблизости от моего дома в Бурье, где моя племянница проводит вместе со мной летние каникулы.

С Клэр все было более или менее хорошо, хотя учителя в своих отзывах действительно указывали на определенную недисциплинированность моей племянницы и ее склонность к нарушению правил, что объясняли живостью ее характера. Однако накануне вечером я неожиданно получила телеграмму от директора школы майора Култера, извещающую, что

Клэр исключили из школы и мне необходимо приехать ее забрать.

Я, естественно, тут же позвонила узнать, в чем дело. Оказалось, что Клэр и еще одна девочка после отбоя в 21.30, дождавшись темноты, вылезли из окна своего дортуара, прыгнули на землю, взяли свои велосипеды из велосипедного сарая и покатали в Монтре. Здесь девочки — заметьте, одетые в школьную форму — отправились прямо в дансинг, где быстро отыскивали себе партнеров для веселья, которое затянулось далеко за полночь. К счастью, школьная форма их и выдала; портье позвонил директору, который тут же вскочил в машину и примчался туда, причем как раз вовремя, ибо девчужки уже собирались покинуть дансинг на спортивной машине молодого человека весьма сомнительной репутации.

Нет нужды говорить вам, Десмонд, как я расстроилась и как умоляла майора Култера не предпринимать ничего до моего приезда. Я очень надеюсь, что сумею уговорить его оставить Клэр еще на год; за это время она, несомненно, наберется благоразумия и приспособится к нашему размеренному образу жизни. И если майор Култер действительно настаивает на ее немедленном исключении, то, боюсь, сейчас мне с ней будет просто-напросто не справиться.

Я прямо сейчас выезжаю на машине в Дублин, чтобы успеть на пароход.

Пока меня не будет, я очень прошу Вас навещать время от времени «Маунт-Вернон» и не стесняться заходить в дом — его двери для Вас всегда открыты, а Бриджит предоставит в ваше полное распоряжение кладовую со съестным. Устраивайтесь поудобнее в гостиной и думайте — хоть чуть-чуть — обо мне. Я со своей стороны могу Вас заверить, что все мои мысли только о Вас.

Нежно любящая вас, Джеральдина.

Десмонд дважды перечитал письмо, и не потому, что чего-то недопонял. Нет, ему грела душу интимность, даже нежность, сквозившая в этих торопливых, наспех написанных строках. И, хотя он страшно жалел, что ей пришлось срочно уехать в Швейцарию, в ее отсутствие он получил еще одно доказательство, что их связывает некое светлое чувство: уважение, преданность и даже любовь, причем в самом чистом понимании этого затертого слова. Десмонд ни секунды не сомневался, что Джеральдина Донован без труда уговорит директора оставить в школе свою непослушную племянницу, и с нетерпением ждал ее скорого возвращения.

Сложив письмо, Десмонд засунул его во внутренний карман и вскочил на ноги. Он вдруг ощутил прилив сил, что было вызвано письмом и, вероятно, «Маунтин дью», а также потребность в решительных и немедленных действиях. Его взгляд упал на рояль. Поддавшись неожиданному порыву, он сел за инструмент, открыл крышку и пробежался пальцами по клавишам. «Блютнер» с мягким звучанием — именно таким, как он любит. Десмонд не пел уже несколько месяцев, но сейчас, поддавшись искушению, он сделал глубокий вдох, и комнату наполнили звуки чудеснейшего гимна «О, жертва искупительная».

Как чудесно звучал его голос в просторной комнате! Возможно, дело было в том, что ему наконец-то удалось отдохнуть, но никогда еще он не пел лучше. Затем его выбор пал на Перголези «Радуйся, Царица, мать милосердия», потом для разнообразия он спел «Та, что проходит мимо».

Десмонд принялся играть на рояле и петь отрывки из любимых опер, причем с каждой новой арией исполнение становилось все лучше, и он просто купался в звуках музыки. В заключение Десмонд позволил себе исполнить арию Пако из оперы «Короткая жизнь»[38]. Неожиданно он бросил взгляд на каминные часы. Боже правый, десять минут пятого; дети, которых он готовил к первому причастию, уже наверняка ждут его в боковом приделе. У него оставалось меньше пятнадцати минут, чтобы вернуться обратно.

Выйдя из гостиной, Десмонд обнаружил, что Бриджит сидит в холле. При виде молодого священника она тут же вскочила со стула.

— Отец Десмонд, я тут сидела и, как зачарованная, слушала ваше радио. Никогда еще Дублин не было слышно так хорошо. Они там разные записи ставили: Джона Маккормака, Карузо и вообще всех великих.

— В любом случае, Бриджит, я рад, что вы получили удовольствие. И спасибо за вашу доброту и гостеприимство. Особенно за чудесный чай.

— Приходите еще, святой отец, — сказала Бриджит, открывая дверь. — И поскорее. Мадам будет очень рада.

Десмонд быстрым шагом поднялся в гору и только спускаясь по тропинке, позволил себе слегка перевести дух, но в церкви он был ровно в половине пятого.

Детишки — их было ровно двенадцать, все не старше пяти-шести лет и все из бедных семей, — дружно встали при его появлении. Настроение у Десмонда было самое радужное, поэтому он не стал вещать с алтаря, а собрал ребятню вокруг себя и сел в центре маленькой группы.

Это было второе по счету занятие, которое Десмонд решил связать с предыдущим, рассказав, как Иисус Христос с учениками вошел в Иерусалим, заранее зная, что идет на смерть. А так как Он должен был скоро умереть, то хотел оставить о себе память. И что может быть лучше, если символом этой памяти станет Он сам. Так Десмонд попытался как можно доходчивее объяснить детям великое таинство. Десмонд продолжил рассказ, чувствуя, что сумел заинтересовать даже самых маленьких ребятшек.

Закончив, он предложил задавать ему вопросы и старался всячески приободрить и поощрить детей. Затем он назначил день и час очередного занятия и, вручив каждому по конфетке, изрядный запас которых хранил в шкафчике за алтарем, распустил всех по домам.

Десмонд уже шел в ризницу, когда маленькая девочка, младшая из всех, догнала его и взяла за руку.

— Когда Иисус придет ко мне, я буду любить Его так же сильно, как вас, святой отец?

Десмонд внезапно почувствовал, как слезы навернулись ему на глаза.

— Нет, милая, еще сильнее. Ты будешь любить Его гораздо, гораздо сильнее.

И с этими словами он взял девочку на руки, поцеловал в щечку, положил еще одну конфетку в карман ее передника и отвел к остальным детям. VIII

Десмонд снискал популярность у местной ребятни, и дети, едва завидев его на улице, стремглав бежали ему навстречу, чтобы взять его за руку. Но и взрослые жители города, которые поначалу косились на молодого священника с некоторым подозрением и страхом, смешанным с любопытством, теперь поголовно стали его друзьями: он завоевал их подкупающей улыбкой, добродушием и готовностью выслушивать их вечные жалобы на тяготы жизни. И вообще, как-никак, Десмонд был ирландцем, таким же, как они, хотя и выглядел несколько по-другому после того, как пообтерся в Риме.

А еще он был щедр, ибо и недели не проходило, чтобы в вечерний час, когда заднюю дверь дома священника скрывала спасительная темнота, к нему не подходила с извиняющейся улыбкой на губах миссис О'Брайен.

— Там вас опять просят, отец Десмонд.

— Кто на сей раз? Старая миссис Райан или Мэгги Кронин?

— Нет, Мики Турли... только что из каталажки.

— Передайте ему, что я спущусь через пару минут.

— Уж больно вы добры к этим пропащим душам, святой отец, — усмехнувшись, покачала головой миссис О'Брайен. — А они бессовестно пользуются вашей добротой.

— Один-два шиллинга — сущие пустяки, если речь идет о таком святом деле, как благотворительность, — ласково потрепал миссис О'Брайен по плечу Десмонд. — У меня, например, есть крыша над головой, мне тепло и уютно, я всегда досыта накормлен лучшей экономкой во всей Ирландии, которая безупречно стирает и гладит мое белье, чистит мою сутану, следит за тем, чтобы в комнате не было ни пылинки, ни соринки, всегда встречает меня очаровательной улыбкой... Так вот, имею ли я после этого право гнать с порога своего дома беднягу, у которого нет за душой ничего, кроме прикрывающих его тело лохмотьев?

— Да большинство из них просто пропьют ваши деньги!

— По крайней мере, кружка доброго крепкого «Гиннеса» их согреет и подскажет дорогу. А теперь одолжите мне до завтра полкроны из того кошелька, что всегда при вас.

Миссис О'Брайен, укоризненно покачав головой, с улыбкой протянула Десмонду монету. Когда он вернулся, она ждала его на том же месте.

— Я не собираюсь покупать их любовь, миссис О'Брайен. В этом городе еще куча народу, которая ни за какие коврижки не будет иметь со мной дела.

Но вскоре после этого глубокомысленного замечания, а если точнее, то в четверг перед Пасхой, произошло такое, что заставило его пересмотреть свои взгляды.

Это случилось в ярмарочный день — событие немаловажное для небольшого провинциального городка, — когда фермеры из окрестных деревень приезжают продавать и покупать скот. Улицы были запружены телегами, повозками и грузовиками, а еще медленно бредущими стадами животных, погоняемых туда и обратно. Повсюду царили жуткая суматоха, суতোлка и неразбериха.

Десмонд обожал ярмарочные дни, и в тот день, в Чистый четверг, он вышел из дому, чтобы насладиться красочным зрелищем. Он уже почти спустился с горы, когда внизу, на перекрестке главной дороги с второстепенной, старый фермерский грузовик, явно превысивший скорость, на полном ходу столкнулся с тяжелым фургоном, выезжавшим с боковой улочки. При столкновении, казалось, никто не пострадал, но от удара у грузовика внезапно открылся откидной борт, и оттуда дождем посыпались розовые поросята, которые тут же прыгнули в разные стороны, быстро-быстро перебирая копытцами навстречу свободе: смешные розовые ушки хлопали на ветру, крошечные хвостики завились от восторга. На месте происшествия тут же собралась толпа, воздух наполнился воплями и проклятиями, удары сыпались направо и налево, а руки жадно тянулись к вертким хрюшкам.

В общей суматохе двум крошечным свинкам удалось незаметно проскользнуть мимо бдительных охотников, и они во весь опор понеслись прямо навстречу Десмонду. Десмонд понял, что поросят следует во что бы то ни стало остановить, дабы помочь им избежать безвременной кончины, и он предупредительно вскинул руки вверх. Но вместо того, чтобы остановиться, беглецы быстро шмыгнули налево, в переулок, носящий название Веннел, что было для них еще хуже, поскольку здесь их уж точно украли бы, чтобы пустить на жаркое. Поэтому Десмонд прибавил ходу, повторяя все их маневры, и в конце концов прижал беглецов к земле, не оставив им возможности к отступлению.

Поросята, измотанные погоней не меньше Десмонда, смотрели на него испуганными глазенками, но явно успокоились, когда он одновременно поднял обоих и подхватил под мышки, где они пригрелись и тотчас же свернулись калачиком. После чего, с трудом отдышавшись, Десмонд направился напрямик на место происшествия.

К этому времени народу в разбушевавшейся толпе явно прибавилось, и сержант Дагган, которого Десмонд знал как одного из своих прихожан, безуспешно пытался навести хоть какой-то порядок.

— Сержант! — закричал Десмонд. — Дорогу служителю Церкви! — Столь необычный приказ действительно помог расчистить проход, и Десмонд внезапно оказался в центре импровизированного ринга лицом к лицу с двумя участниками схватки. — Майкл Дэли! Ты знаешь меня, а я знаю тебя. Твоя ферма через дорогу от поместья госпожи Донован. — В толпе воцарилась мертвая тишина, а Десмонд тем временем продолжал: — Ты, кажется, потерял двух поросят.

— А то! Двух своих самых лучших свиноматок. Я на развод растил.

— Фермер Дэли, скажи, если ты вдруг получишь их обратно, пожмешь руку парню, что на тебя наехал?

— А то. Почему не пожать.

И тогда на глазах у оцепеневшей толпы Десмонд распахнул плащ жестом, достойным Маскелайна и Деванта[39], извлек оттуда двух поросят и, держа в каждой руке по поросенку, гордо поднял их над головой.

Толпа с минуту ошалело молчала, затем тишину нарушил слабый женский голос, похоже принадлежавший старой Мэгги Кронин:

— О Господи! Самое что ни на есть треклятое чудо, чтоб меня разорвало!

Напряжение в толпе тут же спало, послышались удивленные возгласы, смех, началась полная неразбериха. Поминали и Бога, и дьявола. А потом, когда Десмонд вручил хозяину свои трофеи и заставил мужчин пожать друг другу руки, раздался гром аплодисментов.

— Вы вытащили меня из поганой ситуации, святой отец, — шепнул Десмонду сержант. — И я непременно позабочусь, чтобы вам воздали по заслугам. — Сержант поднял руку и закричал: — А теперь слушайте все. Проблема разрешилась к общему удовольствию. Вместо драки и грубого нарушения общественного порядка достигнут желанный мир. И все благодаря стараниям и мудрости одного человека — его преподобия отца Десмонда, которого здесь все любят и знают. А теперь троекратное ура в честь его преподобия!

Похоже, крики были слышны даже в доме священника, куда развеселившийся Десмонд вернулся с приятным чувством выполненного долга и весьма довольный собой.

Проходя мимо боковой двери церкви, он вдруг заметил одиноко стоявшую маленькую девочку. Чтобы привлечь его внимание, она робко махнула ему рукой. Десмонд тут же подошел к девочке, узнав в ней лучшую ученицу в группе, которую готовил к первому причастию. Он также заметил, что девчушка вся зареванная. Он обнял ее за хрупкие плечики.

— Пегги, почему ты плачешь? Что стряслось?

— Я не могу пойти к причастию, святой отец. У меня нет хорошего платья, — снова залилась слезами девочка.

Тут Десмонд припомнил свои слова насчет того, что девочки, чтобы порадовать Господа, должны быть в белых платьях.

— Пегги, все это не так уж важно. Ты можешь пойти в чем есть.

— В чем есть? Но другие девочки меня засмеют.

Только тут Десмонд заметил, как бедно она одета.

— А ты просила маму купить тебе платье?

— Да, — горько всхлипнула Пегги. — Мама сказала, что если мне надо новое платье, надо просить Христа, а не ее.

Десмонд не знал, что сказать. Он явно допустил непростительную оплошность. Хорошему пастырю не подобает отдавать распоряжения перед лицом столь вопиющей нищеты. Но ребенок не должен страдать. Десмонд улыбнулся и нежно похлопал ее по худенькой спинке.

— Пегги, я хочу, чтобы сегодня вечером, прежде чем лечь в постель, ты встала на колени и, как велела тебе твоя мама, попросила Христа дать тебе новое платье, — сказал он и, поймав удивленный детский взгляд, добавил: — Только никому не говори. Просто помолись. Обещаешь?

— Да, святой отец, — испуганным шепотом отозвалась Пегги.

— А теперь иди, а завтра посмотрим, что будет.

Десмонд решительно вошел в дом, где миссис О'Брайен, встретив его в дверях, сказала:

— Ой, как я рада видеть вас живым и здоровым, святой отец. На улице такой шум и гам. Что, ради всего святого, там еще стряслось?

— Да так, маленькие неприятности у вашего друга сержанта Даггана. Уверен, потом он вам сам расскажет. Ладно, это все пустое. Вот полкроны, что я у вас давеча занимал. А в ответ...

— Что значит в ответ? Разве это не мои полкроны?

— А в ответ, — обаятельно улыбнулся Десмонд, — я хочу, чтобы вы кое-что для меня сделали...

Он минут пять горячо убеждал ее и, не слушая никаких возражений, взбежал по лестнице и скрылся в кабинете.

В тот вечер за ужином — с ухмылкой на губах и хитрым прищуром, означавшим, что он сейчас выдаст очередную неуклюжую шутку, — каноник наклонился к Десмонду и сказал:

— Говорят, ты делаешь большие успехи в деле поиска утраченной собственности. IX

Утро Светлого Христова Воскресения выдалось на славу — рассвет окрасил небо в золотые и розовые тона. Возможно, Господь услышал молитвы Десмонда, а возможно, у ирландского метеоролога, как ни странно, было хорошее настроение. Впрочем, как и у каноника, радовавшегося Воскресению Христа, а еще концу Великого поста и связанных с ним мучений. Он поздравил своего викария, по традиции приложившись к его щеке.

— Десмонд, торжественную мессу будешь служить ты. А я буду помогать, — заявил он зардевавшемуся от неожиданности Десмонду и добавил: — Ты заслужил это право, приятель. Никто больше тебя не пекся о ребятишках. И вообще ты вроде как пришелся мне по душе.

Из «Маунт-Вернон» прислали охапки весенних цветов. Высокий алтарь, богато украшенный нарциссами и пасхальными лилиями, благоухал и поражал воображение роскошным убранством. Майкл, церковный служака, принарядившийся по случаю Пасхи и даже с бутоньеркой в петлице, доложил, что в церкви яблоку негде упасть.

— В жизни такого не видел. Даже в проходах стоят.

— Ты как, не слишком волнуешься? — спросил каноник у Десмонда и, когда тот покачал головой, добавил: — Я интересуюсь, потому что госпожа Донован вернулась. Надеюсь, она все же заметит, что алтарная преграда никуда не годится!

В этот момент послышались звуки органа, церковный хор запел вступительный хорал, и процессия медленно вошла под церковные своды: Десмонд в торжественном, белом с золотом, атласном облачении шел в сопровождении восьми алтарных мальчиков, одетых в монашеские рясы, и каноника, демонстрирующего величественное смирение.

Первый взгляд Десмонда был на его причастников, сидевших на передней скамье. Все было именно так, как он и хотел: мальчики — с белыми с золотом нарукавными повязками, девочки — либо в белых накрахмаленных передниках, либо в белых летних платьицах, но одна была одета особенно красиво — на ней была туника из белого газа.

Десмонд, весьма довольный увиденным, вошел в алтарь, преклонил колена, и месса началась.

Церемония шла своим чередом, каждое движение было выверено, медленно и торжественно разворачивали гобелен, тканый золотыми и алыми нитями. И только когда каноник начал читать отрывок из апостольского послания, Десмонд осмелился взглянуть на почетное место на передней скамье и тут же поймал пристальный взгляд госпожи Донован, не сводившей с него глаз. Вид у нее был вполне довольный — похоже, она привезла хорошие новости из Швейцарии, — и ей очень шел синий твидовый костюм, в котором она выглядела, как всегда, обворожительно.

Служба тем временем продолжалась, колокол известил об освящении Святых даров и о причастии. Дети поднялись со скамьи и чинно преклонили колени перед алтарем, после чего Десмонд подошел к ним, чтобы дать им их первое в жизни причастие. Затем к нему потянулись родители детей и остальные прихожане; к Десмонду присоединился каноник, чтобы помочь причастить всех желающих. Наконец, самой последней подошла госпожа Десмонд, которая, опустившись на колени, подняла глаза, чтобы поймать ласковый — полный чистой любви — взгляд отца Десмонда.

Но вот месса закончилась, снова зазвучал орган, и хор исполнил заключительный гимн «Наш Господь Христос воскрес». Когда они уже разоблачались в ризнице, каноник прошептал:

— Прекрасно, приятель. Ни одного неверного шага.

Детей отвели в школьный зал и усадили за длинный стол, чтобы под присмотром школьного учителя угостить пасхальным завтраком из овсяных хлопьев, яичницы с беконом, чая с тостами и фруктового торта. Госпожа Донован была уже там. Она принесла в подарок каждому ребенку маленький трюфль «Ключи от Царства Небесного». А вскоре к ней присоединились и Десмонд с каноником.

— Не вставайте, — остановил детей движением руки каноник. — Завтракайте спокойно. И благослови вас Господь. — Затем он поклонился госпоже Донован: — Счастлив видеть вас снова дома, мадам. Церковь сегодня была прекрасна. И все благодаря вам.

— Месса была прекрасна, — повернулась к Десмонду госпожа Донован. — Можно сказать,

безукоризненна. Я была глубоко тронута. А эти очаровательные дети. И так хорошо подготовлены...

— О да, мадам, — перебил ее каноник. — Чудное зрелище. Вот только если бы преграда, перед которой встают на колени эти прелестные создания, была бы получше...

— Успокойтесь, каноник, — рассмеялась мадам. — Будет вам преграда, и даже раньше, чем вы думаете. Кстати, как у вас обстоят дела с «Маунтин дью»?

— Мадам, во время поста я не выпил ни капли. А вообще я позволяю себе только чуть-чуть, на два пальца, и только раз в день. Десмонд свидетель. И все же у меня такое чувство, что мои запасы скоро кончатся.

— Вам сейчас же пришлют еще один ящик прямо из Дублина.

— Благодарю щедрейшую из женщин, — низко поклонился каноник.

— А как насчет вас, Десмонд? Не согласитесь ли принять приглашение на чай?

— Всенепременно, мадам.

— Боже милостивый, — улыбнулась Десмонду госпожа Донован. — Мы с вами точь-в-точь как героини одной из этих жутких опер Кавалли[40]. «Орминдо», например. Можете приходить к четырем.

Когда она покинула зал, Десмонд не пошел следом за каноником, а обошел кругом длинный стол. Поравнявшись с девчушкой в белом газовом платье и встретив ее сияющий взгляд, Десмонд наклонился к ней и шепнул:

— Ты хорошо молилась, милая Пегги.

Когда он вернулся в дом священника, в столовой, где уже сидел каноник, он столкнулся с запыхавшейся миссис О'Брайен.

— Прошу прощения, каноник, — сказала она. — Я так закрутилась с этими детскими завтраками, что у меня для вас только сэндвич с ветчиной. Но на ужин обещаю приготовить седло барашка.

— Не стоит беспокоиться, миссис О'Брайен. Вы еще ни разу меня не подводили. И я с удовольствием выпью свою порцию «Маунтин дью» с сэндвичем.

— Надо же, сколько народу сегодня собралось! — всплеснула руками миссис О'Брайен, поставив бутылку на стол. — В жизни не видела, чтобы церковь была так забита... Пришли даже выпивохи и баламуты, ошивающиеся у Донегана.

— Скажите, миссис О'Брайен, — начал каноник, отмеряя себе ровно на два дюйма «Маунтин дью», — а вам знакома старая песня, которая начинается примерно так: «Как-то рано поутру из Типперэри я иду»?

— Нет, каноник.

— Ну, она еще кончается примерно так: «Сотворили все, друзья, те две хрюшки, а не я». — И когда миссис О'Брайен удалилась, удивленно качая головой, каноник сказал: — Десмонд, я вижу на горизонте ящик «Маунтин дью», а также, если Богу будет угодно, новую преграду из каррарского мрамора. А теперь ступай пить чай к нашей дорогой госпоже Донован и постарайся быть с ней как можно любезнее. X

В полдень Десмонд отправился в «Маунт-Вернон». Он был в прекрасном расположении духа, можно сказать, на вершине счастья: радость духовная прекрасно сочеталась с телесным здоровьем, чему немало способствовал погожий ясный день. Сегодня утром все складывалось на редкость удачно: и замечательная месса, и умиление от первого причастия его подопечных. Молодой викарий каждый день воздавал молитвы Святому Духу, дабы Он обеспечил успех на избранном им, Десмондом, поприще. И вот молитва его была услышана.

Как всегда, он пришел в «Маунт-Вернон» слишком рано. Госпожа Донован отправилась с визитами к своим арендаторам и еще не успела вернуться, но Бриджит, зашедшая с половины для слуг, где принимала друзей, заверила Десмонда, что его действительно ждут к четырем часам на чай. И правда, не успел Десмонд выйти на террасу, как к дому подъехал большой «Ландолет», из которого, даже не дав Патрику возможности открыть ей дверь, выскочила госпожа Донован.

— Отдайте все Бриджит, — распорядилась она. — Лепешки, пресный хлеб и овощи.

— Мадам, позвольте нам взять немного лепешек, — с непривычным для него подобострастием сказал Патрик. — Ведь вы сами любезно разрешили нам пригласить друзей, чтобы отметить Пасху.

— Бери хоть все! — бросила госпожа Донован и, повернувшись на каблуках, стала подниматься по ступенькам навстречу Десмонду, который наклонился, чтобы поцеловать ей руку. — Нет-нет, пожалуйста, не сейчас. — И только когда Патрик отогнал машину, она позволила себе улыбнуться, не разжимая зубов, слабой, вымученной улыбкой. — Вы должны простить меня. Я сегодня не в настроении. Чем больше вы даете людям, тем больше они от вас требуют. Новый водопровод, новую черепицу на крышу амбара, новый пол на кухню и — как вам это нравится? — две новые ваннные комнаты с горячей и холодной водой.

— Какая жалость, мадам, что современный ирландский крестьянин больше не хочет шлепать босиком к уличному насосу, чтобы вымыть ноги.

— Поверьте, мне вовсе не до шуток. Вчера вечером я получила крайне неприятное письмо от Клэр, оплатившей мне черной неблагодарностью. Ну да ладно. Ступайте в гостиную, я присоединюсь к вам буквально через минуту.

Госпожа Донован действительно была не в лучшем расположении духа, и не только из-за арендаторов или племянницы. На нее всегда смотрели, как на свет в окошке, она всегда была в центре внимания, а все взоры прикованы к ее прекрасной церкви Святой Терезы. И вот теперь этот красивый молоденький викарий, появившийся буквально из ниоткуда, возможно, из Италии, оттеснил ее в сторону, заняв принадлежащее ей место. Сегодня утром она почувствовала, что ее принижают, можно сказать, игнорируют, и, хотя она подавила в себе это чувство, ей вдруг ужасно захотелось, чтобы Десмонд совершил промашку, сделал faux pas[41] во время идеально отслуженной мессы.

И во время не самого приятного обхода арендаторов она решила, что Десмонда необходимо поставить на место. Слишком уж он был совершенным. Не может такого быть, чтобы в его безупречности не было хоть какого-нибудь изъяна, и ее задача — найти этот изъян.

Улыбаясь, она вошла в гостиную, взяла его за руки и усадила подле себя на диван.

— Десмонд, дорогой! Бриджит мне тут рассказала престранную историю о каких-то песнях, которые якобы передавали по радио в тот день, когда я была в отъезде. Ну-ка, признавайтесь, вы что, действительно развлекали себя детскими песенками?

— Рояль был открыт, и я не смог удержаться. Надеюсь, мадам, я не позволил себе слишком большую вольность?

— Господи помилуй! Конечно же, нет. Но так как у нас еще есть немного времени, пока подадут чай, — там у них, в задней половине, настоящий праздник, — не могли бы вы что-нибудь исполнить и для меня?

— Мадам, я до сих пор не осмеливался... — удивленно посмотрел на нее Десмонд. — Ведь вы сами не поете...

— Тсс! В один прекрасный день вы все узнаете, и возможно, очень скоро... Обожаю хорошее пение и хочу, чтобы вы немного меня развлекли.

— Но что мне исполнить? Гимн, старинную ирландскую песню, арию из оперы? — замялся Десмонд, поймав испытующий взгляд госпожи Донован. — Когда я был в Италии, мне повезло услышать многие лучшие оперы... в Риме, но в основном в «Ла Скала» в Милане.

— Вы что, совершили пешком паломничество в Милан? — натянуто улыбнулась госпожа Донован.

— Нет, мадам. Мне чрезвычайно повезло быть знакомым с маркизой ди Варезе, которая возила меня в Милан на своем шикарном лимузине «Изотта». Вы, возможно, знаете, что это очень немолодая дама. У нее своя ложа в «Ла Скала», так как она страстно любит музыку.

— И вас тоже? — презрительно усмехнулась госпожа Донован, но поскольку Десмонд пропустил ее колкость мимо ушей, продолжила: — И какие же оперы вам нравятся?

— Честно говоря, я устал от слезливых вещей, — улыбнулся Десмонд. — От дорогого Доницетти, Бизе и Пуччини. «Богема», например, — полная чепуха. Нет, я люблю великие оперы. Верди и Моцарта. Вот «Дон Жуан» — грандиозная вещь. А еще я люблю испанца Мануэля де Фалья.

— Вы, без сомнения, забыли о Вагнере.

— Вагнер меня и оглушает, и завораживает одновременно. Но у него есть несколько замечательных произведений.

— А вы знаете арию Вальтера из «Мейстерзингеров»?

— Это, вероятно, прекраснейшая из когда-либо написанных арий... Да, мадам, я ее знаю... и вполне прилично.

— А не могли бы вы... Не могли бы вы исполнить ее для меня? Хотя она, конечно, невероятно сложна...

— Ради вас, мадам, могу попробовать...

— Не волнуйтесь, если у вас вдруг не получится, — смягчилась госпожа Донован. — Тогда подберем для вас что-нибудь попроще.

— Благодарю вас, мадам, — коротко отозвался Десмонд, до которого только сейчас дошло, что она специально выбрала такую сложную арию, чтобы поставить его в неловкое положение.

И та словно подтвердила его подозрения, сказав:

— Не возражаете, если я приглашу слуг с друзьями посидеть у дверей в коридоре? Они просто умирают, как хотят вас послушать.

Десмонд с трудом подавил улыбку. Она ведь не знала, что с этой арией он победил на

конкурсе, а потом исполнял ее в салоне маркизы для аудитории не менее чем из трехсот человек, представлявших собой сливки римского общества.

— Мадам, присутствие зрителей, конечно, будет несколько нервировать меня. Но, если вы настаиваете, можете их позвать.

Позвав слуг, госпожа Донован рассадил их в коридоре у полуоткрытой двери, а затем уселась сама, точь-в-точь как кошка перед миской со сметаной.

— Мадам, вы простите меня, если я вас разочарую?

— Конечно, мой дорогой Десмонд. А теперь начинайте. Мы с нетерпением ждем.

Десмонд выдержал паузу, быстро сыграл вступление, а потом, откинув голову, начал петь по-немецки.

Он твердо решил выложиться до конца и после первых же нот понял, что в отличной форме и никогда еще не пел лучше.

Десмонд выступал перед благодарными слушателями, и, когда он закончил, в коридоре на минуту воцарилась мертвая тишина, а затем раздались бурные аплодисменты.

Он остался сидеть за роялем и, когда аплодисменты стихли, произнес:

— Но сегодня, в день Светлого Христова Воскресения, я не могу не спеть гимн во славу нашего Спасителя. — И без всякого перехода запел свой любимый гимн — сладкозвучный «Pamus Angelicus».

Когда он закончил, потрясенные слушатели встретили его почтительным молчанием. Десмонд бросил взгляд в сторону дивана. Госпожа Донован сидела вся в слезах. Посмотрев на Десмонда невидящими глазами, она знаком велела ему прикрыть дверь и присесть рядом с ней. Когда он исполнил ее просьбу, она взяла его голову в свои руки и прижала к своей теплой, мокрой от слез щеке.

— Десмонд, — прошептала она. — Я потрясена. Вы меня покорили. Ваша красота, ваше обаяние, ваши безупречные манеры, ваша незапятнанная чистота, а теперь еще и ваш чудесный голос. Что же мне делать?! Я хотела бы, чтобы вы стали моим духовником, но это может обидеть нашего добрейшего каноника. Я хотела бы, чтобы вы стали моим сыном...

— Мадам, — перебил ее Десмонд. — Это невозможно чисто физически... Ведь вы всего на каких-нибудь девять-десять лет старше меня.

— Тогда прошу вас, помогите мне найти выход из моего отчаянного положения. Я — Элоиза, а вы мой Абельяр[42].

— Нет, моя дорогая мадам, я не Абельяр, который, как мне кажется, был не слишком приятной и весьма нечистоплотной личностью. Нет, я священник и самой светлой и непорочной любовью люблю прелестную, замечательную женщину, которая, как мне хочется верить, испытывает такую же привязанность ко мне. У нас нет другого выхода, нежели дарить друг другу самые чистые чувства перед лицом Господа нашего Иисуса Христа.

Она тяжело вздохнула, отодвинулась от Десмонда и поднялась с дивана.

— Десмонд, нам пора пить чай. Хотя бы для приличия. А затем я попытаюсь объяснить, почему ощущаю себя такой потерянной и откуда такое смятение чувств. Будьте добры, позовите Патрика, а я пока постараюсь привести в порядок лицо.

Десмонд дернул шнурок звонка, а затем тактично отошел к окну, встав к комнате спиной. Он предвидел, что Патрик будет рассыпаться в похвалах, и когда тот, войдя в гостиную, открыл было рот, предупредительно приложил палец к губам.

К этому времени госпожа Донован уже успела вернуться. Вид у нее был посвежевший, и она, похоже, сумела взять себя в руки. Она разлила по чашкам чай, который они выпили в полном молчании. На столе, на подносе, лежали ломтики пресного хлеба с маслом. Десмонд взял кусочек, заметив, что очень-очень давно не пробовал настоящего домашнего ирландского хлеба.

— Думаю, миссис О'Брайен слишком занята, чтобы самой печь хлеб, — заметила госпожа Донован.

На этом все темы для разговора были исчерпаны, и они снова замолчали.

И только когда Патрик унес поднос, мадам, повернувшись к Десмонду, твердым голосом начала свой рассказ.

— Я уже два года пела в труппе Карла Роса, когда однажды во время оперного сезона в Дублине заметила, что ко мне проявляет откровенный интерес один пожилой джентльмен. Он всегда сидел в одной и той же ложе, причем приходил только на мои выступления. Это был Дермот Донован, владелец спиртоводочной компании, очень богатый и весьма уважаемый в Дублине человек. Я была польщена и когда в один прекрасный вечер получила записку с приглашением поужинать вдвоем, то согласилась. Мы отправились в ресторан «У Жамма», где хозяин сам встретил нас у дверей с величайшими почестями и подал нам изысканный ужин. Мне было очень приятно находиться в обществе такого мужчины — высокого, солидного, хорошо сложенного, седовласого, с аккуратно подстриженными седыми усами. Пил он исключительно «Маунтин дью», причем совсем немного. Я же отдала предпочтение «Перье». И вот во время ужина в отдельном кабинете он взял меня за руку и очень серьезным тоном произнес: «Джерри! Я люблю вас и хочу жениться на вас. Мне семьдесят лет, я достаточно богат и, надеюсь, способен обеспечить вам счастливую, полноценную жизнь. Я не требую от вас немедленного решения. Приезжайте ко мне, в мое имение „Маунт-Вернон“ в Уэксфорде, и вы все сами увидите». Короче говоря, я приехала сюда и вышла замуж за Дермота Донована. Конечно, журналисты подняли шум, газеты запестрели заголовками типа: «Весна выходит замуж за Декабрь», «Певчая птичка в золотой клетке». Но я ни разу ни на секунду не пожалела о своем решении. — И, помолчав, госпожа Донован прибавила: — Хотя на первый взгляд это может показаться и странным. Дермот был человеком высоких моральных принципов. Он был из тех ирландцев — и таких немало в нашей стране, — которым в иезуитских школах и колледжах с детства внушали, что секс — это нечто грязное и его следует избегать любой ценой. И вот он провел всю жизнь, соблюдая целомудрие, совсем как настоящий, рукоположенный, священник и в свои семьдесят уже не желал физической близости. Причем этот щекотливый вопрос он обговорил со мной заранее. У него была своя спальня, у меня — своя, что меня вполне устраивало, поскольку моя любовь к нему была чисто платонической. Я была ему хорошей компаньонкой, он любил слушать по вечерам мое пение, а со временем, научившись печатать и стенографировать, я стала его личным секретарем. Мы много путешествовали — в основном на европейские курорты, а зимой ездили в круизы, например в Вест-Индию, на Ямайку и Таити. После пяти лет счастливой семейной жизни он скоропостижно скончался на курорте в Виши; ничего не предвещало столь трагического исхода, хотя он и жаловался иногда на боль в груди. Похоронили его там же, во Франции. Через положенное время в Дублине огласили его завещание. Мой дорогой муж оставил мне все — и поместье, и свой доходный бизнес. Я, естественно, была ему очень благодарна и, конечно, довольна. Но не успело завещание формально вступить в силу, как оно тут же было опротестовано двумя служащими дублинского офиса: управляющим и бухгалтером. Они потребовали посмертного вскрытия, ссылаясь на подозрительные обстоятельства столь внезапной кончины. — Она замолчала,

нервно облизала губы, а затем продолжила: — Итак, тело моего бедного мужа было эксгумировано и отправлено на вскрытие в дублинский морг. Была установлена точная причина смерти: разрыв аневризмы аорты. Разве этого не было достаточно для тех двух дьяволов из дублинского офиса? Оказалось, что нет. Они возбудили тяжбу на основании того, что наш брак недействителен, ибо не получил консумации, иными словами, поскольку мы не вступили в супружеские отношения. Меня принудили пройти медицинское освидетельствование. — И снова госпожа Донован замолчала, глаза ее стали холодными как сталь. — Я думаю, можно себе представить, насколько это было неприятно и унижительно для меня. Результат нетрудно было предугадать: я оказалась *virgo intacta*, то есть девственной. Дело рассматривал старый судья Мерфи — мудрый и, слава богу, честный человек. Он буквально уничтожил негодяев. «Только потому, что эта добрая женщина хранила верность своему мужу, только потому, что она не позволила соблазнить себя какому-нибудь человеку помоложе, вы оспариваете ее права и хотите лишить ее заслуженной награды! Дело закрыто и пересмотру не подлежит». — Госпожа Донован тяжело вздохнула, но глаза ее по-прежнему горели холодным блеском. — Теперь вы, наверное, понимаете, что я была на грани нервного срыва. Но это еще далеко не все. Теперь настала моя очередь нанести ответный удар. Я пригласила для аудиторской проверки нашего офиса присяжных бухгалтеров из лучшей лондонской фирмы. Они частым гребнем прочесали все бухгалтерские книги. Как я и предполагала, те двое потенциальных выжиг в течение многих месяцев обчищали кассу. Более того, они украли и кое-что еще: обнаружилась недостача поступлений из-за границы на сумму сто тысяч фунтов. Они до сих пор сидят в тюрьме Маунтджой.

— Мадам, я потрясен вашим мужеством!

— Вот почти и все, мой дорогой Десмонд, — сказала она, убирая руку. — Ну а в заключение я получила последний — самый сокрушительный — удар. Больше двух месяцев я находилась в состоянии чудовищного нервного напряжения, а когда пришла в себя и немного оправилась, то обнаружила, что у меня пропал голос; как мне сказали, я никогда больше не буду петь. Ну и что с того?! — улыбнулась госпожа Донован. — Ведь я стойкий оловянный солдатик. Я взяла на себя управление всеми делами, втрое расширила бизнес, открыла филиал в Швейцарии, сократив налоги вполтину. И вот я перед вами — как птица Феникс, возродившаяся из пепла. XI

Вернувшись домой, Десмонд обнаружил каноника в кабинете на втором этаже: тот пил кофе перед камином, где весело полыхали брикеты торфа. Никто лучше преподобного Дэниэля Дейли не умел обращаться с этим капризным топливом.

— Похоже, тебя привезли на машине. Я слышал, как она подъехала, — сказал каноник и, бросив вопросительный взгляд на Десмонда, добавил: — Минут десять назад.

— Я решил сперва пойти в церковь. Возблагодарить Господа за чудесное Светлое воскресенье. Помолиться за своих маленьких причастников, за вас и, естественно, за госпожу Донован.

— Молодец! Ты правильно поступил. А теперь как насчет чашечки кофе? Вот видишь — я держу обещание. Я уже выпил свою дневную норму «Маунтин дью» и больше ни-ни. Сходи-ка на кухню, налей мне еще кофе, да и про себя не забудь. Миссис О'Брайен вышла, но кофейник на плите.

Когда Десмонд вернулся, держа в каждой руке по чашке, каноник придвинул ему кресло поближе к огню.

— Спасибо, Десмонд. Очень неплохой кофе, хотя из-за него и приходится лишний раз вставать ночью. Ну как, вкусный был обед?

— Да так, на скорую руку. У кухарки сегодня выходной.

— А у нас было замечательное седло барашка. Ничего лучше я еще не пробовал. Миссис О'Брайен весьма огорчило твое отсутствие. Она даже оставила тебе кусочек на завтра. И заметь, седло барашка с печеным картофелем в холодном виде даже вкуснее, чем в горячем.

— Каноник замолчал, чтобы глотнуть кофе. — Кстати, я слышал, ты устроил там небольшой концерт.

— Каноник, — улыбнулся Десмонд. — Вы узнаете о событии даже раньше, чем оно произошло.

— А вот и нет, приятель. Мне рассказал Патрик, когда звонил доложить, чтобы мы не ждали тебя к обеду. От его восторгов телефонная линия чуть было не вышла из строя. Знаешь, приятель, чем больше я слышу о твоих успехах, тем больше расстраиваюсь. Поскольку для меня это значит только одно: что совсем скоро я могу тебя потерять. Вот уже и архиепископ говорит о тебе, о твоих талантах, о твоих хороших манерах, о твоей яркой личности. Он хочет забрать тебя в Дублин, чтобы ты вошел в его окружение. Или в окружение кардинала. Что мы тогда будем делать? Я и госпожа Донован. Ты ведь знаешь, Десмонд, как она тебя любит. Ну и я тоже. — И после небольшой паузы каноник спросил: — Кстати, как она сегодня?

— Как обычно. Хотя поначалу действительно выглядела расстроенной.

— И у нее есть на то основания. — Каноник допил кофе и поставил чашку на каминную полку. — Она звонила мне вчера вечером, но просила ничего тебе не говорить, чтобы не портить Светлое воскресенье. — Каноник сокрушенно покачал головой. — В субботу вечером она получила срочное сообщение от директора школы в Швейцарии. Несмотря на все приложенные ею старания сгладить ситуацию, ее племянницу все же отчислили, — сказал каноник и неодобрительно вздохнул. — Оказывается, в этой истории задействован еще и некий итальянский джентльмен — если, конечно, можно так выразиться, — из Милана, где у него какой-то прибыльный бизнес. Джентльмен этот богат и уже не столь юн — лет двадцать восемь или около того, — разъезжает на самой шикарной и дорогой итальянской машине, живет — вероятно, из соображений сокрытия от налогов — в самом фешенебельном швейцарском отеле на Женевском озере. Так вот он, как и следовало ожидать от подобного, с позволения сказать, джентльмена, трижды склонял Клэр, племянницу мадам, к ночным вылазкам из пансиона — с неизвестной целью, — после чего девица возвращалась в дортуар только на рассвете. — Закончив это достаточно едкое высказывание, каноник уже обычным тоном добавил: — На третий раз эту маленькую сучку застукали. И поделом ей.

— Мне ужасно жаль госпожу Донован, — отозвался Десмонд. — А она, эта девица, что, неужели настолько испорченна?

— Похоже, она вся в мать. Своенравная, смазливая и охочая до мужчин. В любом случае к восемнадцати ей надо окончить школу, причем под более строгим контролем. Вот об этом-то госпожа Донован и просила меня.

— А разве она не может сама о ней позаботиться, раз уж отправляется к себе в Швейцарию?

— И чтобы итальянский прохвост не давал девчонке проходу?! Нет, нет и еще раз нет. Ее необходимо оградить от его дурного влияния. Не сомневаюсь, уж кто-кто, а я смогу вправить ей мозги, и ты мне в этом поможешь. Послезавтра я встречаю ее в Дублине. Меня отвезет Патрик.

— А разве молодой девушке пристало одной отправляться в такое путешествие?

— Да ладно тебе! Все уже устроено, приятель. В Женеве ее посадят на поезд, в Париже встретят и посадят на экспресс до Па-де-Кале. Там она пересядет на паром, а в Лондоне

служащий из лондонского офиса мадам посадит ее на поезд до Холихеда. А я буду ждать ее на причале в Дун-Лэаре.

— Так или иначе, ей ведь не впервой такие поездки, — заметил Десмонд. — А госпожа Донован скоро уезжает?

— В дополнение ко всем ее напастям парни из департамента внутреннего налогообложения интересуются, не собирается ли она сменить швейцарское местожительство. Так что, как только она устроит девчонку в «Маунт-Вернон», ей надо будет срочно вернуться в Швейцарию.

— Надо же, какие перемены! — воскликнул Десмонд. — Не нравится мне все это. Каноник, если вы еще не собираетесь ложиться, я хотел бы посоветоваться с вами насчет письма, которое получил сегодня утром.

— Ах да. Я видел конверт с обратным адресом в твоей почте. Десмонд, лучше не связывайся с ними. Или с их движением.

— Каноник, скажите, что вы об этом знаете?

— Немного, но кое-что знаю. Они рассылают прокламации молодым священникам с призывами присоединиться к движению против обета безбрачия духовных лиц. Фу! Кучка ублюдков, неспособных обходиться без женщин.

— Каноник, а вы за целибат?

— Мои взгляды на обет безбрачия можно выразить так. Взглянул за гуж — не говори, что не дюж. Десмонд, мы, священники, конечно, мужчины, и временами нам приходится нелегко. Но мы — последователи, ученики Господа нашего Иисуса Христа, который тоже был мужчиной и тоже соблюдая целибат. И с практической точки зрения, какой от жены толк в пресвитерии? Очень скоро она наденет ризу и станет принимать исповеди. А разве ты, как исповедник, не знаешь, сколько сейчас несчастных браков, которые влекут за собой множество напастей — вечное нытье, свары, потасовки, измены, в результате чего поганую сучку выгоняют из дому к чертовой матери. Сегодня только десятая часть браков, если не меньше, более или менее держатся. А дети?! Неужто ты хочешь обзавестись полдюжиной ребятишек, которые только и будут делать, что орать, визжать и играть в прятки в исповедальнях?

— «Высокая»[43] англиканская церковь, весьма близкая нам по взглядам, похоже, разрешила священникам жениться, что оказалось вполне успешным начинанием.

— У них, приятель, все немножко по-другому. Мы, католические священники, живем при церкви. Дом же англиканского священника иногда находится за несколько миль от нее, да и расположен весьма уединенно. Для них семейная жизнь — это совершенно отдельная вещь. Нет, Десмонд, розовые мечты молодых священников о браке весьма далеки от реальности. В этом случае они руководствуются не тем, что в голове, а тем, что болтается у них между ног. И все дела.

В кабинете повисла напряженная тишина, которую нарушил звук закрывающейся на засов входной двери, затем шум шагов миссис О'Брайен, которая прошла к себе в комнату на первом этаже и тихонько прикрыла за собой дверь.

— А вот и ответ на твой вопрос, Десмонд. Кто сможет ухаживать за нами лучше, чем эта достойная, непорочная, да-да, непорочная женщина?! — Каноник встал с кресла и потянулся. — Что-то я сегодня притомился. Я, с твоего позволения, пожалуй, первым приму ванну.

— Тогда я смогу помокнуть там подольше, — засмеялся Десмонд. — Мне выключить здесь

свет?

Каноник кивнул и ласково произнес:

— Спокойной ночи, приятель. Мой дорогой, самый дорогой друг.

— Спокойной ночи, каноник. От всей души желаю вам всяческого благополучия и приятных снов.

Вот так закончилось Светлое воскресенье в Килбарраке. Последнее счастливое воскресенье Десмонда в этом доме. XII

Итак, как и предвидел каноник, все необходимые приготовления были сделаны, и в четверг, в восемь тридцать, отслужив мессу для горстки преданных прихожан и плотно позавтракав, этот достойный служитель Церкви отбыл в Дублин на «Ландолете», за рулем которого сидел Патрик. На канонике был его лучший воскресный костюм, а поверх него — длинное, плотное, свободное черное пальто на случай, если придется стоять на открытой всем ветрам дублинской пристани. Выражение лица его было суровым и сдержанным, хотя для служителя Церкви, нечасто покидавшего свою епархию, подобное предприятие было не только источником для волнений, но и суровым испытанием.

— Все будет хорошо, — успокоил каноник Десмонда, вышедшего его проводить. — К четырем мы уже вернемся. Хотя не могу гарантировать, что почтовый пароход не опоздает.

— Каноник, только не забудьте перекусить по дороге, — с искренним беспокойством в голосе заметил Десмонд.

— Если успею, загляну в «Хибернианз». Там меня хорошо знают, — важно ответил каноник с видом искушенного человека. — Но если время будет поджимать, — сделал он неопределенный жест куда-то влево, — у меня есть сэндвичи, что миссис О'Брайен дала мне с собой.

Десмонд посмотрел в ту сторону, куда указал каноник, и с облегчением обнаружил на сиденье увесистый сверток из промасленной бумаги. Да уж, теперь каноник точно не умрет от голода.

— Береги себя, приятель, пока меня не будет! — успел крикнуть каноник, и машина отъехала.

До чего же достойный человек этот старый приходской священник, обладающий изрядной силой духа и полным набором бесспорных добродетелей! Так думал Десмонд, шагая к церкви. Отслужив мессу, он решил заглянуть в школу, где не был уже довольно давно. Поболтав с учителем, Десмонд обошел классы. Он ласково беседовал с детьми, радуясь про себя утренней свежести детских личиков и радости, с которой они его приветствовали.

Довольно улыбаясь, Десмонд вернулся в дом священника. Там его уже ждала миссис О'Брайен.

— Святой отец, вам звонили из «Маунт-Вернон», — сообщила Десмонду экономка. — Сама госпожа Донован. Она ждет вас сегодня на ланч сразу же, как только освободитесь. Легкий второй завтрак. Так она сказала. — Миссис О'Брайен покачала головой: — Какая жалость, а я как раз «сладкое мясо» собиралась делать. Вы такого еще не пробовали. Специально для вас все готовила.

— Какая жалость! Но оно не пропадет. Мы с каноником с удовольствием съедим его за обедом.

— Конечно, конечно. Но учтите, канонику это на один зуб. Пожалуй, сделаю к нему пару отбивных. Вас там еще к больному вызывают. К старой миссис Конрой с Пойнт. Бедняжка прикована к постели и хочет, чтобы вы ее причастили. Я соберу вам для нее гостинцев, она ведь совсем нищая, хоть и любительница поговорить, каких свет не видывал.

Пойнт-стрит находилась на другом конце города, и Десмонд решил взять машину. Умывшись, он зашел в церковь, взял из дарохранительницы гостию и положил в специальный мешочек. Затем сел в старенький «Форд», на заднее сиденье которого миссис О'Брайен предусмотрительно положила сверток с продуктами, и направился в город.

Миссис Конрой — одна из тех старух, что любили извлечь максимум из визита священника, — сидела на кровати, завернувшись в свою лучшую шаль, в кружевном чепце на голове. Эта достойная дама, служившая главным украшением своего домика, где было бедно, но чистенько, приветствовала Десмонда бурным излиянием чувств.

После того как Десмонд совершил таинство, она кивнула ему на кресло, которое по ее указанию специально поставили возле кровати.

— Дорогой святой отец, это такая честь, такая честь. Ну, вы сами все понимаете. Тот, что служил здесь до вас, вот только имя его я что-то запомнила, да он и не заслуживает, чтобы о нем помнили — уж такой слизняк был, такой слизняк, — он вообще за все время, что здесь был, всего три разочка ко мне и приходил-то. Вы-то совсем другой человек, уж можете мне поверить, это даже я своими старыми глазами вижу, когда смотрю на ваше пригосие улыбочное лицо, и вообще у нас говорят, будто вы можете всякие чудеса творить: вот давеча двух хрюшек на базаре насмерть грузовиком задавило, а вы наложили на них свои благословенные руки, они и ожили; соседи говорят, все так орали, так орали от радости, даже здесь слышно было. Эй, Лиззи, что там такое? Гостинцы от миссис О'Брайен? Да благословит ее Господь, эту достойную женщину! Именно такая вам и нужна. А что там такое? Лепешки, масло, половинка вареной курицы и целая жестянка чаю! О, спасибо Небесам, да и миссис О'Брайен тоже. У нас как раз весь чай вышел. А мне ведь без чаю никак, чай для меня все. Святой отец, пусть Лиззи нальет вам чашечку.

Чтобы не обижать болтливую старуху, Десмонд не стал отказываться от чая, воздав ему должное. Затем он сидел, терпеливо слушая пустые разговоры, до тех пор, пока не понял, что своим уходом не слишком обидит хозяйку.

Оказавшись наконец в машине, Десмонд опустил стекла, чтобы выветрить запахи спальни миссис Конрой, перед тем как появиться у госпожи Донован. Таким образом, в «Маунт-Вернон» он прибыл к полудню.

— Вы еле-еле успели, — холодно сказала ему та. — Если верить Бриджит, суфле давно готово. Если оно опадет, то станет уже несъедобным.

— Я выполнял миссию милосердия, — попытался оправдаться Десмонд, проследовав в дом за хозяйкой. — У миссис Конрой.

— У этой старой сплетницы! Да она куда здоровее, чем кажется на первый взгляд. И что, по-прежнему жалуется?

— Да, мадам. Что вы не посылаете ей ваших сказочных тепличных помидоров.

— Ну, скоро вы и сами сможете проверить, насколько они сказочные. Так поскольку Патрик в отъезде, завтрак будет совсем легким. Салат и сырное суфле, а потом кофе, — улыбнулась мадам.

Не успели они сесть за стол, где перед каждым уже стояло по овальному блюду со свежим

овощным салатом, как помощница Бриджит подала суфле — золотисто-коричневое, прекрасно поднявшееся, пышное, как весеннее облачко.

— Передай Бриджит, что суфле удалось, — сказала мадам, разрезав воздушную массу.

— Невероятно вкусно, мадам, — попробовав суфле, вздохнул Десмонд. — Точно поцелуй ангела.

— А что, они там, наверху, целуются? И крылья не мешают? — усмехнулась мадам, после чего они уже ели в полном молчании, запивая еду все тем же ледяным шабли.

— Сегодня утром нас весьма позабавили звуки маршевой музыки. А если точнее, играл оркестр из дудки и барабана, — закатив глаза к небу, сказала госпожа Донован.

— Вероятно, ирландцы вышли на тропу войны.

— Это был походный марш.

— Возможно.

— Десмонд, мой дорогой Десмонд, — с улыбкой покачала головой госпожа Донован. — Здешняя девчонка, которая ходила к десятичасовой мессе, принесла на хвосте совсем другую историю. Вы уже вошли в круг избранных, переплюнув самого каноника. — Она замолчала и задумчиво подцепила вилкой кусок огурца. — Кстати, он как, благополучно уехал сегодня утром?

— О да, мадам. Минута в минуту. Полностью экипированный и обеспеченный провиантом на случай непредвиденных обстоятельств.

— Какой он все же славный старик — простой, преданный, сильный и правдивый! На самом деле, просто святой. Я очень его люблю, — заметила госпожа Донован и, подумав, добавила: — Даже когда он мне докучает.

— А вы оставили хоть каплю любви для его викария?

— Не надо со мной сегодня шутить, мой драгоценный Десмонд. Вы ведь прекрасно знаете, что стали важной частью моей жизни. И я целых три месяца буду безумно по вам скучать. Как бы мне хотелось, чтобы вы могли приехать ко мне в Бурье! У меня там настоящий большой загородный дом. И очень красивый. Я терпеть не могу маленькие участки, так что вокруг чудесные луга, сады, а из дома открывается божественный вид на Женевское озеро. А неподалеку, в Ла-Тур-де-Пельц, женский монастырь, что, заметьте, весьма удобно в протестантской Швейцарии. Там я хожу к мессе в маленькую часовню. Неземная красота, умиротворение и полная уединенность. Но там нет моего Десмонда. И кроме того, боюсь, что постоянно буду волноваться из-за Клэр. — Госпожа Донован замолчала, а потом добавила: — Мне даже страшно думать о предстоящей встрече. Мы все время не ладим. Она точь-в-точь как моя покойная сестра. Такая же упрямая, безответственная и непредсказуемая. Я умоляла каноника попытаться хоть чуть-чуть ее вразумить. И вы, Десмонд, тоже должны постараться. Вы побудете со мной до их приезда?

— Мадам, я в вашем распоряжении. У меня весь день свободен.

— Замечательно! Тогда выпьем кофе в гостиной, а после вы мне немного почете.

— А вы не хотите... попробовать спеть вместе со мной?

— Я не Трильби[44], а вы, Десмонд, не Свенгали, если они вообще существовали, — грустно улыбнулась мадам. — Нет, мой диафрагмальный нерв полностью вышел из строя. Слава

богу, я хоть не утратила способность говорить. — И как всегда, легко поднявшись со стула, она поспешила сменить тему: — Боюсь, что это все. Нет смысла предлагать вам сыр после суфле.

День прошел, как и было запланировано, в весьма приятной обстановке, и наконец Десмонд с госпожой Донован, выпив чаю, расположились на большом диване в гостиной.

— Десмонд, — томно прошептала она, — это, наверное, лучший день в моей жизни.

— Охотно присоединяюсь к вашим словам, мадам.

— Десмонд, минуты, проведенные с вами, наверное, еще слаще для меня, так как имеют привкус горечи расставания, — проговорила госпожа Донован и, немного помолчав, продолжила: — Я уезжаю буквально через несколько дней, сперва на неделю в Дублин, где мне надо привести в порядок дела, затем в Женеву. Так что, пожалуй, это единственная возможность побыть с вами наедине. — Она нежно сжала его руки. — А потому я хочу, чтобы вы знали, что как только я сумею убедить своих друзей из департамента внутреннего налогообложения, что я вернулась в Швейцарию, я тут же сяду на экспресс до Милана, а там обращусь прямо в фирму «Морено и Калви», лучшим специалистом по мраморным изделиям церковного предназначения. Десмонд, ради вас готова украсить свою церковь алтарной преградой из лучшего каррарского мрамора. Перед ними я буду преклонять колена, принимая от вас Святое причастие.

— У меня нет слов, мадам! А каноник будет просто на седьмом небе от счастья.

— Так что можете получить удовольствие, сообщив ему эту приятную новость. — Она поднялась, не отпуская рук Десмонда. — Десмонд, и вот еще... Быть может, это и грех, но мне все равно. Я хочу обнять вас, как женщина, которая любит мужчину.

И, раскрыв объятия, она прижала его к себе, словно предлагая ему свое тело, и никаких условностей для нее в тот момент не существовало. Их губы встретились в долгом сладостном поцелуе.

Остается только гадать, как далеко они могли зайти, но тут неожиданно послышался хруст гравия под колесами подъехавшей к дому машины. Они мгновенно отпрянули друг от друга, и очень вовремя, так как в комнату вихрем ворвался каноник в наглухо застегнутом пальто. Вслед за каноником вошла высокая тоненькая девушка, ее бледное лицо было в грязных разводах, перед платья испачкан рвотными массами, большие темные измученные глаза со страхом смотрели на госпожу Донован.

— Итак, каноник, вы вернулись, — прерывисто дыша, выдавила из себя внезапно побледневшая госпожа Донован.

— Как видите, мадам. Целый и невредимый. И со мной молодая леди, которая гораздо хуже перенесла дорогу. И все этот убийственный переход от Холихеда при сильном ветре. Хорошо еще, что я надел длинное пальто. Оно мне очень пригодилось на пристани.

— Каноник, вы все сделали в лучшем виде. И я вам крайне признательна.

— Для меня счастье услужить вам, мадам. И раз уж я оказался в Дублине, то взял на себя смелость заехать на склад за ящиком, который вы мне милостиво обещали.

— Весьма предусмотрительно с вашей стороны, — кивнула госпожа Донован. — Клэр, можешь идти к себе в комнату. Я совершенно уверена, что тебе пока не стоит есть. Сначала прими ванну.

— Спасибо, тетушка. И большое вам спасибо, каноник. — С этими словами Клэр повернулась

и вышла из комнаты.

После ее ухода в гостиной повисла неловкая тишина, которую нарушил каноник:

— Мадам, кроме того, я опять же взял на себя смелость и попросил Патрика подождать. Я подумал, что вы разрешите ему отвезти меня домой.

— О чем речь! Конечно, он вас отвезет. Полагаю, вы очень устали, а потому не буду вас задерживать.

Госпожа Донован проводила их до двери, и каноник, откланявшись, стал спускаться по лестнице. Она же, бросив на Десмонда пылкий взгляд, тихо сказала:

— Три месяца пролетят быстро. И помните: я люблю вас.

Когда они вернулись наконец в дом священника, поздоровались с миссис О'Брайен и оставили ящик с «Маунтин дью» в холле, каноник снова стал самим собой и на вопрос экономки насчет ужина задумчиво произнес:

— Я, правда, съел в «Хибернианз» парочку отбивных, потом, стоя на пристани, попробовал ваши сэндвичи, остальное мы с Патриком доели на обратном пути. Однако...

— Каноник, может, что-нибудь легкое? «Сладкое мясо», например?

— Вот-вот. Как раз то, что надо. А потом еще кусочек сыра с бисквитом.

— Надеюсь, отец Десмонд, вы тоже не откажетесь, — улыбнулась Десмонду миссис О'Брайен.

Во время ужина каноник, совсем как Марко Поло, поведал им обо всех ужасах и перипетиях экспедиции. Про племянницу же каноник сказал:

— Бедняжка, она просто неживая после такого жуткого путешествия. Совсем, видать, оголодала. Ведь все, что она съела, тут же вывернула за борт прямо в море.

— Похоже, она до смерти боится своей тетушки.

— И правильно делает. Каждый, кто плохо поступает с госпожой Донован, знает, что его ждет. — Каноник замолчал, чтобы сделать добрый глоток «Маунтин дью», порция которого на сей раз была больше обычного — возможно, благодаря удачному пополнению запасов. — Ну, а как ты сегодня провел время с мадам?

— Чудесно! — Момент был самым подходящим. Десмонд встал из-за стола и произнес: — Каноник, мадам Донован уполномочила меня сообщить вам, что уже до конца года у вас будет алтарная преграда из лучшего каррарского мрамора.

Каноник застыл, словно громом пораженный, а затем вскочил на ноги.

— О, благодарю Тебя, Господи! И спасибо тебе, Десмонд! Я знал, я знал, что ты сможешь, что мадам все для тебя сделает. — Каноник положил руки Десмонду на плечи и нежно обнял.

— Слава Тебе, Господи! И хвала госпоже Донован! Теперь у нас будет лучшая церковь во всей Ирландии, и притом полностью законченная! Подожди, схожу позвоню в Корк канонику Муни. Он все фыркал по поводу нашей старой преграды. Каррарский мрамор просто убьет его. О нет, сначала, пожалуй, надо позвонить мадам, чтобы поблагодарить ее...

— Нет, каноник. Не спешите. У нее сейчас не то настроение. Все эти дела с племянницей... Лучше напишите ей одно из ваших прекрасных писем, и пусть Майкл завтра отнесет ей.

— О да. Ты, как всегда, прав, приятель. Я что-то сегодня не в форме. Но я все равно пойду позвоню Муни, пусть помучается, поворочается ночью в кровати. И надо срочно сообщить эту замечательную новость миссис О’Брайен. Ох, приятель, вовек не забуду, что ты для меня сделал. Подсаживайся поближе к камину. Я вернусь буквально через пару минут, и мы все обговорим — от начала и до конца.

И, позабыв про «Маунтин дью», каноник ринулся вниз по лестнице прямо на кухню. XIII

Госпожа Донован уехала, и мир вокруг сразу потускнел. Даже церковь, украшением которой она служила, словно опустела без нее. На ее месте с краю теперь с важным видом сидел Патрик, а рядом — мрачная, надутая Клэр. И, конечно, Десмонду страшно не хватало ее гостеприимного дома.

— Нет, без нее все совсем не так, — не уставал причитать каноник, всякий раз непременно добавляя: — Надеюсь, она не забыла о своем обещании?

Госпожа Донован не забыла. В конце второй недели приехали два архитектора, которые тут же принялись обмерять церковь, что-то вычислять, обсуждать и молча, что, однако, было красноречивее любых слов, игнорировать пожелания и предложения каноника, которые, вне всякого сомнения, только загубили бы весь проект. Они общались исключительно с Десмондом на беглом итальянском, точно эмигранты, по-детски радуясь, что в чужом городе нашелся человек, прекрасно говорящий на их языке. Поговорив с ними, Десмонд мог твердо заверить своего начальника, что все будет сделано в лучшем виде — с точки зрения и качества, и проекта.

И правда, буквально через три дня, уже перед самым отъездом архитекторы вручили канонику умело раскрашенный эскиз, даже не эскиз, а законченный рисунок. Каноник посмотрел и пришел в экстаз.

— Это прекрасно, превосходно! О Господи, это просто божественно!

Десмонд глянул через плечо каноника и тоже пришел в восторг. Безупречная дуга белого с прожилками мрамора, которая опиралась на бледно-желтые балясины, сгруппированные по три, а всю композицию венчали ворота из чеканной бронзы.

— Да, ты был прав, приятель. Они лучше знают. Это настоящие мастера своего дела, художники. Какая будет великая радость, когда они украсят нашу церковь. А они случайно не говорили, когда приступят к работе?

— Практически немедленно, каноник. Они интересовались, где смогут разместиться их люди. Думаю, в привокзальной гостинице.

— А... Там вполне приличные номера. Об этом я позабочусь. Сам переговорю с Доланом.

И схватив эскиз, добрейший каноник тут же отправился на крыльцо церкви, чтобы вывесить рисунок на всеобщее обозрение.

Теперь каждую неделю — по вторникам и пятницам — каноник в сопровождении vicария отправлялся в осиротевший «Маунт-Вернон», чтобы проверить, насколько строго выполняются инструкции госпожи Донован.

Во вторник, сразу же после отъезда итальянцев, когда они неторопливо шагали в сторону «Маунт-Вернон», каноник заметил:

— Дом стал совсем как тело без души.

Патрик, словно заранее зная, когда они придут, встретил их прямо у парадного входа.

— Патрик, ну как сегодня твоя подопечная? — поинтересовался каноник.

— Боюсь, все так же, ваше преподобие. Все тоскует, ей здесь и заняться-то нечем, и поговорить не с кем, кроме нас, бродит день-деньской, будто потерянная.

— Письма пишет? Получает?

— Да нет, ваше преподобие. Ни строчки. Я сам проверяю почту.

— А книжку хоть иногда в руки берет?

— Она у нас не любительница читать, — ответил Патрик и, помявшись, спросил: — А вам не кажется, ваше преподобие, что мадам уж больно строга с ней? Со всем уважением к мадам, мы тут у себя, на кухне, так вот думаем. Она, конечно, девчонка своенравная, но кто из нас не делал ошибок по молодости! Ну, мадам даже запретила подавать ей на второй завтрак бокал легкого вина, к которому она привыкла у себя в школе. А без вина у нее и аппетита-то нет. Как думаете, может, все же разрешить ей хотя бы бокал «Барсака», которое мы и сами время от времени пьем, совсем слабенькое? Нам его поставляет «Финдлейтер» из Дублина.

Каноник замялся и вопросительно посмотрел на Десмонда.

— Я говорю «нет», — твердо заявил тот. — Мы должны слушаться госпожу Донован.

— Ну... — задумчиво произнес каноник. — Я говорю «да». Справедливость следует разумно сочетать с милосердием.

— Спасибо, каноник, — улыбнулся Патрик. — Может, она хоть кушать начнет. Если хотите ее видеть, она на теннисном корте.

Они прошли через дом и вышли сквозь заднюю дверь в розовый сад, за которым находились теннисный корт и домик при нем. На корте они увидели Клэр, одетую в обычные блузку с юбкой, которая развлекалась, как могла, подавая мячи с дальнего конца корта, затем с отсутствующим видом медленно и небрежно собирая их, а затем снова посылая в дальний угол.

— Нет, это не игра! — недовольно пробормотал каноник и после очередных вялых ударов Клэр по мячу, не выдержав, сказал Десмонду: — Ради всего святого, приятель, давай снимай пиджак, возьми ракетку и сделай пару подач.

— Но у меня нет ракетки!

— Их там полно в павильоне, — услужливо сказал Патрик и, на секунду исчезнув в домике, вернулся с новенькой ракеткой. — Вот то, что надо. Фирмы «Спалдинг».

Десмонд снял пиджак и ступил на корт, где Клэр встретила его удивленной, но приветливой улыбкой.

— Я не слишком хороший игрок, — смущенно проговорил Десмонд. — Но постараюсь хотя бы подавать мяч.

Они начали с небольшой разминки. Клэр умерила силу бросков, Десмонд же, со своей стороны, отвечал ей подачей снизу. У Десмонда был верный глаз, и скоро они играли уже во вполне приличном темпе, заслужив даже аплодисменты зрителей. Наконец, они провели целый сет, который Десмонд, продолжавший подавать снизу, проиграл со счетом 6:4.

Клэр чудесным образом изменилась прямо на глазах, с корта она уходила уже совсем другим человеком. Раскрасневшаяся и улыбающаяся, она горячо поблагодарила каноника, Десмонда

и даже Патрика.

— Это именно то, чего мне так не хватало, — призналась она.

— И отец Десмонд выглядит теперь гораздо лучше, — заметил Патрик. — Каноник, может, вы позволите ему снова поиграть, когда он придет в следующий раз?

— Разрешаю, — благосклонно кивнул каноник. — Но смотрите-ка, как он, бедный, вспотел. Ему понадобится костюм для тенниса.

— О, этого добра у нас навалом. У мадам здесь в шкафчиках и белые рубашки, и туфли, и брюки — все для парней из ее конторы, которые сюда приезжают. Я скажу Бриджит, чтобы постирала и выгладила комплект.

Глаза Клэр радостно заблестели. «А она не так плоха, как говорила о ней госпожа Донован. Да, уж коли та рассердится, становится твердой как сталь», — подумал каноник, а вслух сказал:

— Понимаю, как вам скучно и тяжело, мисс. Мы сделаем вам некоторое послабление. Если отец Десмонд будет в четверг свободен, он сыграет с вами партию. А теперь бегите, приведите себя в порядок. Вы прямо взмокли.

Они проводили ее глазами до задней двери домика, а она, повернувшись, помахала им с порога.

— Я ничуть не лучше, — улыбнулся Десмонд. — Мокрый как мышь. Может быть, Патрик отвезет нас домой?

— Это бы меня вполне устроило, — ответил каноник, которому вовсе не улыбалось тащиться в гору до дома священника.

— Я позабочусь, чтобы в павильоне включили воду, — доверительно шепнул Десмонду Патрик, когда они уже шли к гаражу. — Тогда в четверг после игры вы хоть сможете помыться.

И преисполненные сознанием выполненного долга, довольные собой посетители были благополучно доставлены домой. А Клэр, следившая за ними из окна своей крошечной спальни, впервые за долгое время почувствовала себя счастливой. XIV

Однако следующий четверг выдался дождливым, и официальный визит в «Маунт-Вернон» решено было отложить. Десмонд с каноником до полудня корпели над квартальным отчетом, выписывая в одну графу все расходы пресвитерии, а в другую — доходы от церковных пожертвований. Сальдо оказалось столь мизерным, что каноник сокрушенно покачал головой.

— Если бы не мадам, Десмонд, нам бы никогда не свести концы с концами. Только подумай, сколько она нам дает и сколько всего оплачивает. Чудесные восковые свечи, красивое облачение, цветы. А еще свет, отопление, даже ладан. А теперь еще и сказочная преграда, — сказал каноник и, помолчав, добавил: — Интересно, как она там сейчас?

И словно в ответ на его вопрос с дневной почтой пришло письмо из Швейцарии. Оно было адресовано Десмонду, который тут же прочел его вслух канонику. «Мой дорогой Десмонд!

Со времени моего приезда сюда я была чудовищно загружена, и вот все же улучила минутку, чтобы снять тяжесть со своей измученной души, а также сообщить Вам, что все нужные распоряжения относительно новой алтарной преграды уже сделаны. Вы можете передать добрейшему канонику, что я утвердила предложенный эскиз. Он прекрасен. Я также выбрала

образцы мрамора, тоже очень красивого, и сеньор Морено, глава компании „Морено“, сообщил мне, что все эти бесценные вещи уже упакованы и не позднее чем через неделю будут отправлены прямо в Корк. Груз будут сопровождать четверо его лучших мастеров, которые проследят за доставкой, разгрузкой и установкой мрамора. Все это займет семь-десять дней, поэтому, быть может, добрейший каноник бронирует им номера в привокзальной гостинице. Попросите, чтобы Долан готовил им преимущественно блюда из макарон и риса — это их любимая еда.

Сейчас мое самое горячее желание — поскорее увидеть мой чудесный подарок установленным в моей чудесной церкви. Я мечтаю преклонить перед ним колена и получить причастие из ваших милых рук, мой дорогой Десмонд. И это станет великой радостью для меня — и духовной и, да-да, вполне мирской, — но чистой и светлой».

Десмонд покраснел и замолчал, бросив взгляд на каноника, который понимающе кивнул и пробормотал:

— Знаю, приятель, знаю. Если бы не ты, мне бы еще долго пришлось ждать...

Тогда Десмонд продолжил чтение:

«Но мы не должны забывать и о нашем добрейшем канонике, который очень скоро сможет праздновать победу над своим заклятым другом из Корка».

— Все понимает! Какая женщина! Какая женщина! — усмехнулся каноник, а Десмонд тем временем снова вернулся к чтению.

«Теперь о других, менее важных вещах. Я имела крайне неприятный разговор с майором Култером, бывшим директором Клэр, который помимо прочего отчитал меня так, будто это я опорочила доброе имя вверенного ему пансиона, пострадавшее из-за эскапад Клэр. А еще он представил мне целую пачку счетов, присланных в школу уже после отъезда Клэр. Моя дорогая племянница влезла в долги ради таких абсолютно не нужных вещей, как яркие платья, жемчужное ожерелье и белые перчатки. Мягко говоря, у нее нет самых общих представлений о приличиях, а также о ценности денег, тем более чужих. Очень надеюсь, вы с каноником проследите за ней и обеспечите невозможность ее контактов с прежними недостойными знакомыми, а также постараетесь сделать так, чтобы она и здесь не попала в беду».

Тут каноник не выдержал и сказал:

— Ну и ну. Разве мы этого не делаем и не стараемся, помимо прочего, чтобы она находилась в добром здравии?

Десмонд, не ответив, прочел конец письма.

«А теперь, дорогие друзья, хочу пожелать вам всего наилучшего и попрощаться. И сразу же сообщите мне о прибытии груза.

Искренне ваша, Джеральдина Донован».

Немного поколебавшись, Десмонд сложил письмо и сунул обратно в конверт. Он счел, что постскриптум, который он бегло просмотрел, не стоит читать вслух.

«Десмонд, я совсем перестала спать. Я, которая всю жизнь спала крепко и безмятежно, как ребенок, ворочаюсь в постели, не в силах заснуть, иногда несколько часов напролет, и во время бессонных ночей все лежу и думаю, думаю... о ком? Напиши мне поскорее, мой дорогой. Джерри».

Оставив каноника подбивать итоги, Десмонд поднялся и пошел в церковь, чтобы преклонить колена перед дарохранительницей, где он всегда искал утешения и успокоения в трудной ситуации. Он молился о том, чтобы бессонница госпожи Донован сменилась живительным сном, а еще о том, чтобы их взаимная любовь оставалась в границах, предначертанных Церковью. В себе он не сомневался, но опасался за своего дорогого друга, за свою покровительницу, поскольку его очень встревожил постскриптум к письму. Мысленно он дал себе и, конечно же, Богу обещание, что в его ответе нежность будет сочетаться с должной осмотрительностью.

Тем временем в церкви потихоньку начали собираться дети из группы, которую он готовил к конфирмации, среди них малыши, что он причащал. Визит епископа был намечен только на конец сентября, то есть должен был состояться где-то через семь-десять дней после возвращения госпожи Донован, но Десмонд, мечтавший блеснуть своими учениками перед его преосвященством, решил начать подготовку пораньше. Проверив запас конфет в стеклянной банке в буфете в боковом приделе, Десмонд начал урок, который продолжался до полудня.

Солнце уже светило вовсю, и во время второго завтрака каноник заметил:

— Ты бы, приятель, сходил сегодня в «Вернон». Конец недели у нас будет напряженным. У меня церковный совет в четыре часа. По правде сказать, мне гораздо приятнее вздремнуть часок после обеда, чем тащиться в гору на обратном пути. Так что ты уж сходи без меня, проверь, как там дела, а заодно и немного поиграешь.

И Десмонд послушно отправился в «Маунт-Вернон», где появился в третьем часу дня.

Клэр он нашел на корте. На сей раз она была в короткой белой юбочке и обтягивающей майке.

— Я рада, что вы пришли, отец Десмонд, — радостно приветствовала она его. — Мне было так одиноко вчера. Патрик уже отнес в павильон ваше обмундирование, а еще любезно снабдил нас новыми мячиками. Так что идите скорей переодеваться.

Десмонд вошел в павильон. Как и было обещано, вещи — выстиранные и выглаженные — уже лежали там и словно ждали его: белые фланелевые спортивные брюки и майка, белый пуловер и теннисные туфли. Десмонд переоделся буквально за пять минут и вышел совершенно преображенный.

— А вы классно выглядите! — Темные глаза Клэр округлились от удивления. — Точно на Уимблдоне.

— Чего нельзя сказать о моей игре.

— Ну, это мы еще посмотрим. А теперь давайте начнем. Самое главное — научить вас верхней подаче. Никаких подач снизу, что любит делать во время игры моя тетушка.

Урок начался. Десмонд оказался способным учеником. Он чувствовал себя легко и свободно в одежде, не стесняющей движений, и Клэр вскоре сочла, что можно сыграть сет. Ее подачи были резкими, беспощадными, но Десмонд быстро приспособился и научился отбивать мяч. Он стал подавать более уверенно и даже испытал неведомое ему доселе удовольствие, возникающее, когда новенький мяч попадает в центр первоклассной ракетки.

Клэр выиграла первые шесть геймов с перевесом в один гейм и следующие шесть — с перевесом в два гейма. Во время третьего сета появился Патрик, который принес поднос с холодным лимонадом и стаканами. Все это он поставил на стол на открытой веранде павильона.

— Патрик, вы очень добры, — произнес Десмонд. — Пожалуйста, поблагодарите от моего имени Бриджит за то, что так замечательно привела в порядок мои вещи. И большое спасибо за новые мячи.

— Для нас одно удовольствие видеть, как хорошо выглядит ваше преподобие. Вы были таким бледным и замученным до отъезда мадам, что больно было смотреть. Да и племянницу ее словно подменили.

Патрик еще немного посмотрел на игру и присоединился к Бриджит, занявшей наблюдательный пост у окна буфетной.

— Эти двое — очень красивая пара, что там говорить, — заметила Бриджит. — Но тебе не кажется... не кажется, что нехорошо оставлять их наедине? Не было б беды...

— Да брось ты! Они ведь просто играют, совсем как малые дети.

— Пат, мадам это не понравится.

— Меньше знаешь, крепче спишь. Нельзя расстраиваться из-за того, чего не видишь. По мне, так уж больно она строга к девочке. Смотри, как только мы стали обходиться с ней ласковее, так она сразу расцвела, точно роза.

— Хватит поэзии, Шекспир. Меня ты что-то никогда розой не называл! Лучше посмотри на отца Десмонда. Разве что слепой не заметит, что она на него запала. Он ведь любой женщине голову вскружит — что старой, что молодой. — И уже повернувшись уходить, Бриджит нанесла решительный удар: — Уж это-то мадам тебе точно может сказать.

После третьего сета игроки присели на скамью на веранде выпить лимонаду.

— Мне понравилось, — признался Десмонд. — А я-то по глупости всегда презирал игры с мячом.

— Только один-два вида подобных игр можно назвать стоящими. — Клэр, положив ноги на перила, медленно откинулась назад, подставив разгоряченное тело прохладному ветерку, который тут же приподнял ее короткую юбочку. Десмонд поспешно отвел глаза, настолько смутило его это чудесное виденье.

— Ну что, продолжим игру?

— Десмонд, на первый раз достаточно. А то завтра вы не сможете ни согнуться, ни разогнуться. Приходите в понедельник. Увидимся в церкви в воскресенье. А теперь, пока не простудились, поскорее примите душ. Завтра принесу сюда халат. Тогда смогу составить вам компанию. — Она вскочила на ноги и, прежде чем сбежать по лестнице, клюнула его в щеку.

И уже по дороге к дому еще дважды обернулась, чтобы послать ему воздушный поцелуй. XV

И вот в один прекрасный день новость «Итальянцы приехали!» растревожила Килбаррак. Четверо тихих благожелательных джентльменов, прибывших в сопровождении множества ящиков — больших и маленьких, — были должным образом приняты каноником, сразу же проводившим их в гостиницу. И работа над алтарной преградой закипела. Мастера оказались опытными, умелыми; они молча блокировали любые попытки каноника вмешаться в процесс, а потому тот, поняв тщетность своих усилий, просто наблюдал, стараясь при этом держать рот на замке. Он с завистью косился на Десмонда, непринужденно болтавшего с мастерами, которые улыбались ему и с готовностью отвечали.

— О чем это вы? — ревниво ворчал каноник.

— Они счастливы, что приехали сюда, и очень довольны оказанным им любезным приемом. Но поскольку они считают себя профессионалами высокого класса, им хотелось бы, чтобы их лишней раз не беспокоили. Кроме того, они привезли с собой свою замечательную еду и вино, а потому отказываются от гостиничных обедов.

— Бог мой! — охнул каноник. — А что же теперь делать Долану со всеми этими макаронами, которые я заставил его закупить?!

Каноник отнюдь не был одинок в своих бдениях у возводимой алтарной преграды. Все население Килбаррака в одночасье сделалось чрезвычайно набожным, и в церковь толпами хлынули жители, которые преклоняли колена, осеняли себя крестным знаменем — и удивлялись.

— Мик, ты уже был там сегодня?

— Был, но схожу с тобой еще разок. Это почище любого театра будет. Любо-дорого посмотреть, как эти коротышки в сандалиях крутятся, раз-два — и готово, и все-то у них спорится, и все-то ладится. И такая красота получается, загляденье.

Все приходские дела были соответственно сведены к минимуму, и Десмонд, у которого появилось свободное время, все чаще навевался в «Маунт-Вернон» на теннисный корт. Десмонд потихоньку втянулся в игру, глаз у него был верный, реакция — хорошая, и в последний раз он немало удивил Клэр, выиграв два сета подряд. Но это вовсе не расстроило девушку, а, наоборот, привело в восторг. Веселая, задорная и, по ее же собственному выражению, готовая на все, она оказалась занятой, раскованной и беспечной подружкой. Теперь они вдвоем делили павильон, ставший им чем-то вроде общей комнаты, где в жутком беспорядке повсюду были разбросаны полотенца, одежда, тапочки, купальные халаты и прочее.

— Правда, забавно? — воскликнула Клэр, которая, небрежно завернувшись в халат, только что вышла из душа. — Я даже рада, что меня вышибли из «Шато-ле-Рок». Во-первых, я всеми печенками ненавидела чертов пансион, а во-вторых, здесь я нашла тебя. — И она жизнерадостно запела: — «Как прекрасно влюбиться...»

— Довольно, пташка, ты нещадно фальшивишь. Послушай, как надо, — сказал Десмонд и спел ей всю песню целиком.

Лето выдалось на редкость удачным; обычно скупое на теплые дни, оно щедро залило юго-запад Ирландии солнечными лучами. Десмонд покрылся ровным загаром, накачал изрядную мускулатуру, и, окинув его оценивающим взглядом, каноник одобрительно заметил:

— Десмонд, ты выглядишь замечательно! И уже больше похож на мужчину.

В тот день, торопясь к павильону, чтобы успеть переодеться до появления Клэр, Десмонд действительно чувствовал себя сильным, беззаботным и счастливым. Он испытывал легкую эйфорию в предвкушении приятного дня в обществе своей легкомысленной подружки, которую, кстате сказать, застал в павильоне.

— Вон! Вон отсюда, пташка! — крикнул он. — Мне надо переодеться.

— И что такого? Я как раз зашнуровываю туфли. Разве мы с тобой не близкие друзья?

— Тогда отвернись!

— С чего это вдруг? Ты что, Нора Макарти в первую брачную ночь? — И Клэр, демонстративно не сдвинувшись с места, пропела:

Нора Макарти, раздевшись совсем догола,
Постирала одежду, бельишко и все, что могла.
Тут коза прискакала и, мигом схватив кружева,
Изжевала в лохмотья, до дыр — и была такова.
«Пэт, туши свет скорее, — мужу Нора сказала. —
Я плохая жена, я все-все потеряла.
Все добро, что я тяжким трудом наживала,
В одночасье Макгинти коза изорвала».

Клэр расхохоталась и добавила:

— Чудная песня! Дес, ты должен послушать ее в исполнении дуэта «Два Боба».

Десмонд только головой покачал и с величайшей осторожностью начал переодеваться.

— Сделай одолжение, Клэр, не называй меня Дес. Меня зовут Десмонд.

— Ах, скажите, какие сложности! И вообще, скоро я буду называть тебя «дорогой». А вот, еще спую! — И запела: — «Можно звать тебя любимой, девочка моя? Можно звать тебя любимой, я влюблен в тебя...»

Уже на корте Десмонд сказал:

— За это я из тебя сейчас душу выну!

Они сыграли без остановки два сета подряд, немного передохнули в павильоне и продолжили игру, закончив ее вничью. С корта они ушли вскоре после четырех, а у павильона их поджидал Патрик.

— Бриджит тут подумала, что вам, наверное, надоел лимонад, и поэтому она интересуется, не хотите ли зайти в дом, выпить чайку.

Десмонд вопросительно посмотрел на Клэр, которая жизнерадостно воскликнула:

— Полагаю, не откажемся. Что скажешь, Десмонд?

И они побежали в павильон переодеваться. Клэр, по заведенному обычаю, первой отправилась в душ, а Десмонд тем временем прошел в мужскую раздевалку. Только-только он успел стянуть с себя майку, как услышал из душевой душераздирающий вопль Клэр.

— Ой, Дес, Дес! Скорее! У меня что-то с глазом.

Клэр стояла совершенно голая под струями воды, точно Афродита, вышедшая из пены. Увидев Десмонда, она кинулась ему навстречу и, положив ему руки на плечи, запрокинула лицо.

— Мне что-то попало в правый глаз. Муха, наверное. Ой, как больно! Ой, больно! Скорее, посмотри, что там!

Десмонд осмотрел глаз, даже вывернул веко, но ничего, даже близко похожего на насекомое, разглядеть не смог. Зато смог хорошо разглядеть Клэр: стройное красивое тело, маленькую упругую грудь с розовыми сосками и треугольник волос, скрывающий сокровенную тайну и источающий такой аромат, что у Десмонда закружилась голова. Он почувствовал горячую ответную реакцию собственного тела и, запинаясь, с трудом пролепетал:

— Ничего не вижу... Возможно, просто вода...

— Ой, какая жуткая боль и какая внезапная! — Клэр так и осталась стоять лицом к лицу с Десмондом. — Как же я испугалась! Не двигайся, дорогой. Когда ты рядом, мне гораздо легче. — Теперь она практически покоилась в его объятиях. — Я столько этого ждала. Так надеялась, что ты прижмешь меня к себе. Что захочешь меня. Ты же видишь, что я с ума по тебе схожу, дорогой. Держи меня так как можно чаще, как можно чаще...

Когда Десмонд наконец высвободился из ее цепких объятий, сердце у него колотилось как сумасшедшее. Он еще раз взглянул на нее — обнаженную, с беспомощно раскинутыми руками — и скрылся в мужской раздевалке.

Четверть часа они уже сидели в гостиной, молчаливые, странно притихшие, и даже почувствовали облегчение, когда Патрик принес сервированный для чая поднос и, немного помявшись, сказал:

— Ваше преподобие, не могли бы вы уделить мне минутку? Я хочу попросить вас об одолжении.

— Конечно, Патрик.

— Ну, в общем, так, ваше преподобие. Древний орден «Хибернианз»[45] устраивает в следующем месяце ежегодный концерт. Благотворительный, сами знаете. Вот если б вы согласились участвовать в концертной программе! Пару песен, не больше. Не классических, ну, понимаете. Просто пару старых добрых ирландских баллад.

— Ну, давай же, Дес, скажи «да»! — заметив, что Десмонд колеблется, надела на него Клэр. — Я тоже обещала выступить.

— Суцая правда, сэр.

— Ну ладно, тогда я согласен, — улыбнулся Десмонд.

— О, спасибо, сэр, спасибо большое. Ребята будут в восторге. Вас здесь так полюбили, вы так популярны. Не гнушайтесь общаться с простым человеком, сделались одним из нас, и это при вашем-то положении, при вашем-то образовании. Все как один придут вас послушать.

Когда Патрик с поклоном удалился, Десмонд повернулся к Клэр:

— А теперь ты, провокаторша несчастная, давай мне чаю и кусочек торта, пока все не умяла.

Получив чай и кусок торта и по достоинству оценив их, Десмонд очень серьезным тоном произнес:

— Клэр, дорогая, впредь нам надо все же быть осторожнее. Больше никаких внезапных появлений из душа. Это опасно.

Она ничего не ответила, лишь одарила его загадочной улыбкой, практически не разжимая губ и только чуть-чуть обнажив мелкие белые зубы. Когда они наконец допили чай и поблагодарили Бриджит, Клэр сказала:

— Я провожу тебя до вершины холма.

Она взяла его за руку, и они молча пошли по дорожке. Дойдя до того места, где кончалась просека, Десмонд предупредительно поднял руку:

— Все, дальше нельзя. Посторонним вход воспрещен. Здесь начинается частная собственность. Я прихожу сюда, когда мне надо подумать.

— Ты будешь думать обо мне?

— К сожалению, да.

— Фу, как некрасиво так говорить. И теперь, чтобы искупить вину, ты обязан меня поцеловать.

И он поцеловал.

А потом она стояла и смотрела, как он, не оборачиваясь, спускается с холма. XVI

Десмонд никогда еще не был — и, по правде сказать, больше никогда не будет — в такой хорошей физической форме. К несчастью, то, что вылетело из глаз Клэр — муха или какая другая тварь, — лишило его покоя. Как бы усердно ни трудился он на благо прихода, выполняя поручения, давно ждавшие своей очереди, за что неизменно получал похвалы от каноника, казалось, он был не в состоянии окончательно вымотаться и ночью часами лежал с открытыми глазами, призывая благодатный сон, который все не шел к нему.

И когда однажды за ужином Десмонд поведал канонику о своей беде, тот понимающе кивнул и сказал:

— Когда я был еще молодым священником, со мной такое случалось. От природы никуда не денешься, и воздержание иногда дает о себе знать. Ты эти дни что-то мало играл в теннис.

— Я слегка перестарался, каноник. Священнику не пристало каждый божий день проводить на корте.

— Возможно... Возможно... — задумчиво пробормотал тот. — А почему бы тебе не попробовать гулять перед сном? Хорошая прогулка тебе не повредит. Так же, как и капелька «Маунтин дью».

— Спасибо, каноник, — сдержанно улыбнулся Десмонд. — Думаю, я все же предпочту прогулки.

Про себя же Десмонд подумал, представляет ли хоть на секунду добрейший каноник, какая внутренняя борьба происходит в его душе, сколько сил уходит на то, чтобы держаться подальше от «Маунт-Вернон» и Клэр. Как бы то ни было, через полчаса после ужина он отправился на прогулку — быстрым шагом поднялся на холм и почти бегом спустился вниз. Затем принял горячую ванну, от которой ему немного полегчало, и забылся тяжелым сном, однако через два-три часа снова проснулся и уж больше не сомкнул глаз до утра.

Теперь ему нередко вспоминалось, с каким равнодушием он отнесся к жалобам госпожи Донован на бессонницу. Слабое лекарство — таблетка аспирина на ночь — на него не действовало. Неужели они оба (он — мужчина и она — женщина) страдают от одного и того же недуга? Однако он продолжал применять паллиативные меры — ходил по вечерам на прогулки, иногда с фонариком, когда было уж слишком темно, — встречая по возвращении озабоченный, но одобрительный взгляд каноника. Мудрый старик наверняка знал причину его недуга, ведь он и сам, дав в молодости обет безбрачия, через это прошел.

И вот в одну особенно тихую и влажную ночь с неподвижно застывшим теплым воздухом Десмонд, поднявшись на холм, упал на траву, чтобы хоть немного отдышаться. Закрыв глаза, надеясь в душе, что на него снизойдет сон. И не услышал осторожных шагов по опавшей листве. Только чье-то тяжелое дыхание и горячий шепот, прошелестевший его имя, вернули его к реальности. Десмонд повернулся и обнаружил лежащую рядом Клэр. Был ли то чудный сон или все происходило наяву? Она оплелась вокруг него и задыхающимся голосом простонала:

— Дорогой мой, ну почему ты так долго не приходил? А я ждала, ждала, я умирала по тебе. И когда увидела свет твоего фонарика, поняла, что еще одной бессонной ночи просто не переживу. Ну же, дорогой, иди ко мне и люби меня!

Он лежал в ее объятиях, словно в сладостном забытьи, прижавшись губами к ее губам, его руки жадно ласкали ее тело, искали и находили под умелым руководством Клэр дорогу к утолению столь долго терзавшего его телесного голода и неземному, сказочному блаженству.

Неожиданно Клэр издала протяжный вздох и застыла в его крепких объятиях.

— Милый, самый любимый, мне еще никогда не было так хорошо... — прошептала она и, спохватившись, добавила: — Я знала, что это любовь, настоящая любовь. Разве ты не чувствовал, как я дрожала, когда пришла к тебе? Я так безумно хотела тебя. А теперь мне надо бежать, любимый, пока меня не хватились дома. — Еще один поцелуй — и она исчезла.

Десмонд остался лежать, точно в дурмане, не в силах открыть глаза, чувствуя спокойное удовлетворение, приятную расслабленность во всем теле. Наконец он поднялся и стал потихоньку спускаться с холма.

Увы, чем ближе он подходил к дому священника, тем яснее понимал, в какую затруднительную ситуацию попал. Перед глазами у него плыло, в голове было темно от холодного ужаса и угрызений совести, которые привели его прямо в церковь. Он вошел через боковую дверь и, не включая света, упал перед алтарем на колени.

Неожиданно боковая дверь распахнулась, и, тяжело ступая, в церковь вошел каноник. Поначалу он не заметил Десмонда и тут вдруг увидел в луче от карманного фонаря застывшую коленапреклоненную фигуру.

— Так вот, значит, где ты прячешься! А мы уж прямо-таки обыскались. Тебя вызывали к больному. Старик Дагган, это по дороге на Арбег. Пришлось ехать самому. А ты ведь прекрасно знаешь, как я ненавижу ездить по ночам.

Десмонд продолжал хранить молчание.

— Да что с тобой такое, в самом-то деле? — подойдя поближе, в сердцах спросил каноник. — Ты что, оглох или онемел? — Не получив ответа, каноник посветил фонариком ему в лицо и закричал: — Боже милостивый! Что с тобой? Ты что, заболел? Да на тебе лица нет. Это все эти треклятые ночные прогулки. — Каноник увидел, как коленапреклоненная фигура содрогнулась, как к мертвенно-бледному лицу взметнулась рука, чтобы заслониться от света, и тут же сменил гнев на милость. — Ладно, приятель, кончай-ка ты с этими ночными бдениями. Давай мне руку. Пойдем в мою комнату. — Каноник помог Десмонду подняться и продолжил: — Миссис О'Брайен уже давно легла. Но я сам сварю тебе чашечку крепкого кофе. В любом случае кофе мне сейчас тоже не повредит.

Итак, очень скоро Десмонд уже сидел, опустив глаза, в теплой комнате каноника, в его мягком кресле, и пытался удержать в дрожащей руке чашечку с кофе.

— А теперь, приятель, выкладывай.

— Святой отец, мне надо исповедаться.

— А? — Увидев, что Десмонд собирается опуститься на колени, каноник предупреждающе поднял руку. — Сиди как сидишь, приятель. Я тебя слушаю.

— Святой отец... Я влюбился...

— Что?! Женщина!

— Да.

— Ну, в этом нет ничего дурного, коли уж ты сам ко мне пришел. Кто она? Эта сучка Клэр?

— Да, отец.

— Я так и думал. От этой дряни только и жди беды. Она способна заняться любовью даже с фонарным столбом.

— Нет, святой отец. Нет, нет и нет... Она милейшее и невиннейшее создание.

— Вот тут ты глубоко заблуждаешься. А теперь не мог бы ты выкинуть это милейшее и невиннейшее создание из своей милейшей и невиннейшей тупой башки?

Десмонд долго молчал, а потом дрожащим голосом произнес:

— Не могу, святой отец. Мы уже подтвердили нашу любовь.

— Подтвердили... вашу любовь! Что, ради всего святого, ты этим хочешь сказать?

— Сегодня вечером, как вы знаете, я решил пройтись... до Килоанского леса... Чувствовал, мне не уснуть... Что-то меня тревожило... И случайно встретились...

— Вы встретились.

— Мы пытались сопротивляться, святой отец. Это было невозможно... Мы... мы любили друг друга.

Выражение румяного лица каноника говорило о крайней степени потрясения. Наконец каноник медленно проговорил:

— Ты хочешь сказать, что поимел ее?! — Каноник впился взглядом в опущенные глаза Десмонда, даже подставил ухо, чтобы лучше слышать.

— Мы любили друг друга.

— Физическая близость? О Господь Всемогущий, Дева Мария и все святые! Какая мерзость! Ты трахаешься в темноте Килоанского леса, возвращаешься полумертвым и называешь это любовью! — перешел на крик каноник. — Теперь мне все ясно. И после всего ты еще имел наглость прийти сюда, чтобы тебя напоили кофе и пожалели! Отправляйся в свою комнату, ты, грязное животное, но сначала прими ванну. Я не отпускаю тебе грехи. Но что делать с приходом? — Каноник в отчаянии воздел руки к небу. — Если все рано или поздно выплывет наружу, черти в аду запляшут от радости. XVII

Измученный и физически, и эмоционально, Десмонд спал как убитый; и только настойчивый звон установленного на шесть часов будильника заставил его вспомнить, в каком отчаянном положении он оказался. Несколько минут он лежал неподвижно, а затем слегка приподнялся

на локте. Ему предстояло, как обычно, служить семичасовую мессу, так что залеживаться было некогда. Но не успел он об этом подумать, как в дверь настойчиво постучали, и на пороге появился каноник, уже полностью одетый.

— Доброе утро, приятель. Как себя чувствуешь?

В голосе каноника отчетливо слышались сочувственные нотки. Удивленный Десмонд с большим трудом, запинаясь, выдал из себя ответ.

— Ну-ну, рад, что тебе лучше. Хотя вид у тебя совсем неважнецкий. А потому можешь не торопиться. Я сам отслужу семичасовую мессу. Я попросил миссис О'Брайен накормить тебя хорошим, сытным завтраком, ты же не успел поужинать. Из-за вызова к больному. — Ударение на последней фразе не оставляло сомнений в смысле сказанного. — И если придешь в церковь около восьми, то найдешь меня в ризнице.

Каноник кивнул, что вполне могло сойти за улыбку, и тихонько прикрыл за собой дверь.

Десмонд встал с постели, опустился, по заведенному обычаю, на колени помолиться, затем побрился, умылся и оделся. Отражение в маленьком квадратном зеркале над раковиной повергло его в уныние, но он твердым шагом прошел по коридору в столовую, где миссис О'Брайен ласково приветствовала его из окна, соединявшего комнату с кухней.

— Доброго вам утра, святой отец. Вы, наверное, умираете с голоду. Вы ведь вчера так поздно вернулись от бедного старого Даггана. Завтрак будет готов через минуту.

И действительно, со свойственным ей проворством миссис О'Брайен подала завтрак точно в срок. Эта темноглазая суетливая пятидесятилетняя женщина в молодости, должно быть, была прехорошенькой. Прекрасная экономка, имея в своем распоряжении одну-единственную помощницу, деревенскую девчонку, она идеально справлялась с доверенным ей хлопотным хозяйством.

Завтрак был выше всяких похвал, даже для этого дома, славящегося своей кухней. Жареная камбала, на рассвете доставленная из Уэксфорда. Свежие булочки с маслом. Мед и творожный сыр. Крепкий дымящийся кофе с густыми сливками.

Десмонд, от голода еле стоявший на ногах, отдал должное столь знатному завтраку; он по-прежнему терялся в догадках относительно планов каноника, но когда встал из-за стола, почувствовал, что боль и апатия потихоньку отступают.

Он постучался на кухню к благоволившей ему миссис О'Брайен, поскольку сейчас как никогда нуждался в ее расположении.

— Ну что, вы довольны, отец Десмонд?

— Чрезвычайно.

Весело блеснув темными глазами, миссис О'Брайен наградила Десмонда широкой белозубой улыбкой. Ей нравилось слушать похвалы, особенно из уст этого чудесного молоденького священника, к тому же такого красавчика.

Когда Десмонд вошел в церковь, служба уже закончилась и каноник, прочитав благодарственную молитву, удалился в ризницу.

Увидев Десмонда, каноник примирительно улыбнулся и, к немалому удивлению последнего, протянул ему руку.

— Ну что, приятель, хорошо позавтракал? Я велел миссис О'Брайен побаловать тебя

чем-нибудь вкусненьким.

— Замечательный завтрак. Благодарю вас, каноник.

— Очень хорошо. Очень. Голову даю на отсечение, что ты прекрасно выспался.

Десмонд покраснел до корней волос и еле слышно прошептал «да».

— Тогда присаживайся возле меня, приятель, давай немного поболтаем, постараемся забыть все не слишком приятные слова, что были сказаны в запале давеча ночью, и обмозгуем, как нам быть дальше. Так вот, не думай, что Небеса тут же обрушатся на тебя, хоть ты малость и оступился. Ты не один в длинном списке несчастных, которые совершили то же, что и ты. Человеку невероятно тяжело дается обет безбрачия. Ты не поверишь, сколько достойных священников хоть раз в жизни, да поскользнулись на этом, а потом каялись и вымаливали у Господа прощение.

Каноник сделал многозначительную паузу, и у Десмонда на мгновение возникла странная оптическая иллюзия. Ему показалось, что перед ним не честное румяное лицо достойного прелата, а милое, покорное лицо темноглазой миссис О'Брайен.

— Ну да ладно, — вздохнул каноник. — Ясно одно. Ты больше не должен иметь ничего общего с этой девицей. В противном случае последствия будут самыми печальными. Ты хоть сам-то это понимаешь?

— Да, каноник. Хотя трудно...

— Конечно, трудно, но будь даже во сто крат труднее, ты все равно обязан повиноваться. Если, конечно, собираешься продолжать путь священника, на котором ты уже преуспел и где тебя ожидает блестящее будущее. Скажи, ты хочешь быть осененным Божьей благодатью служителем Всемогущего Господа нашего Иисуса Христа?

— Да, хочу. Должен.

— Тогда предоставь остальное мне. А уж я позабочусь о том, чтобы Клэр и близко к тебе не подходила. Я обладаю определенным влиянием в этом доме и, можешь быть уверен, использую свои возможности на все сто. А от тебя требуется выбросить ее из головы. Если ты меня не послушаешь, это будет полным безумием, которого только и ждет дьявол в аду. — И уже поднявшись с места, каноник добавил: — А теперь возьми машину и поезжай-ка проведать старика Даггана. Похоже, у него пневмония, а коли так, его надо срочно отправить в больницу.

И Десмонд, получив задание, взял машину и отправился к старому мистеру Даггану. К утру тому стало гораздо лучше, что Десмонд счел хорошим предзнаменованием, да и ухаживающая за больным приходящая медсестра заверила, что это никакая не пневмония, а самая обыкновенная простуда.

На обратном пути Десмонд заметил афиши предстоящего благотворительного концерта и, чтобы отвлечься, стал обдумывать, с чем выступить — песни должны быть исконно ирландскими, мелодичными, берущими за душу и патриотическими. Он припарковался на Кросс-сквер — арене его боевых действий против поросят — и уже пешком отправился дальше — навестить одного из своих прикованных к постели прихожан. По дороге встречные мужчины с уважением приподнимали шляпы, со всех сторон слышались радостные приветствия. Как все-таки приятно быть в таких теплых отношениях с паствой, чувствовать, что тебя уважают и даже любят! Только сейчас до Десмонда начало потихоньку доходить, насколько глупым и опасным был его поступок.

Домой он вернулся уже ко второму завтраку, перекусил на скорую руку и тут же получил от каноника очередное задание, на которое у него ушел остаток дня. А за обедом Десмонд с удовольствием обнаружил, что сумел вернуть расположение каноника.

Все следующие дни были до предела заполнены служебными обязанностями, которые взвалил на плечи своего викария каноник, так что у Десмонда не было ни минуты свободной. Клэр было не видно и не слышно, а Десмонд, верный данному слову, изо всех сил старался выкинуть ее из головы.

Наконец наступил день концерта, и Десмонд, восстановивший душевное равновесие, решил выложиться до конца, тем более что каноник удостоил его обещанием присутствовать на представлении.

Вечер выдался сухим и теплым, народ начал заранее стягиваться к зданию муниципалитета, и, когда прибывшие туда каноник с Десмондом заняли свои места в первом ряду, зал уже был набит битком и часть зрителей выплеснулась даже на улицу.

Десмонд должен был выступать с заключительным — почетным — номером программы. Он очень боялся, страшно боялся, что Клэр сдержит обещание и явится на концерт. Но праздничный вечер — не слишком интересный — шел своим чередом, а Клэр все не показывалась. Наконец дошла очередь и до Десмонда. Он поднялся по деревянной лесенке на сцену и под громкие аплодисменты сел за рояль у рампы.

Десмонд тронул клавиши — зал мгновенно притих — и запел:

Он на битву пошел, сын певца молодой,

Опоясан отцовским мечом;

Его арфа висит у него за спиной,

Его взоры пылают огнем...

Лучшего начала трудно было придумать. Зрители от восторга ревели так, что чуть крышу не снесли, и успокоились, только когда Десмонд поднял руку. Десмонд решил показать все, на что способен, — во славу Ирландии и своих ирландских предков. Он начал с «Killarney», потом исполнил «The Star of County Down», «Terence's Farewell to Kathleen» — прелестную песню, написанную леди Дафферин, «The Meeting of the Waters», после чего, чтобы позабавить публику, спел «I Met Her in the Garden where the Praties Grow». У него в душе все ликовало, когда он наполнял притихший зал звуками чудесных старинных ирландских мелодий. Напоследок он исполнил «Off to Philadelphia in the Morning!».

Его выступление произвело настоящий фурор. Такого триумфа эти стены еще не видели. Оглушенный громом аплодисментов, среди моря радостных лиц Десмонд заметил каноника, который хлопал в ладоши как сумасшедший, а за ним — миссис О'Брайен, махавшую ему мокрым от слез платком. Десмонд понял, что так просто со сцены его не отпустят. Придется спеть еще. Тогда под конец он решил исполнить свой любимый гимн.

Он начал петь в мертвой тишине. И закончил в такой же тишине. А потом зал точно взорвался. Люди забрались на сцену, окружив его плотным кольцом, жали ему руку, хлопали по спине, так что ему пришлось спасаться бегством за кулисы, а затем — в гримерку.

Десмонд сидел в гримерке, не в силах пошевелить ни ногой, ни рукой, когда дверь

отворилась и в комнату вошел каноник в сопровождении сержанта Даггана.

Каноник подошел к Десмонду и взял его руки в свои.

— За всю свою долгую жизнь я никогда, никогда не слышал такого божественного исполнения! И миссис О'Брайен тоже. По ней видно, что она на седьмом небе от счастья.

— Я тоже, отец Десмонд, — сказал сержант. — Я не католик. До моего прихода сюда я был ярым оранжистом. И я могу вам смело признаться, что, когда вы пели тот последний гимн, мне захотелось упасть на колени. А теперь перейдем к практической стороне дела. Я не могу выпустить вас через парадный вход. Это слишком опасно. Там, на улице, их сотни, и все ждут вас. — Бросив взгляд на каноника, сержант продолжил: — Уверен, вы знаете обратную дорогу через Веннел. Я могу вывести вас через заднюю дверь.

— Это было бы замечательно, сержант. У отца Десмонда усталый вид. Ему явно пора домой.

Когда они вышли на улицу навстречу вечерней прохладе, каноник повел Десмонда запутанными узкими переулками.

— Теперь весь Килбаррак будет есть у тебя с руки, приятель. Люди любят тебя. Вот подожди, сам увидишь, в воскресенье в церкви будет не протолкнуться. Твое прегрешение уже в прошлом и забыто. Теперь весь мир у твоих ног. — И когда они уже подъезжали к дому, каноник добавил: — Я тебя знаю, приятель. Тебе сейчас хочется помолиться и поблагодарить Господа. Ступай, а я пойду домой, проверю, как там дела с ужином.

Десмонд вошел в церковь через боковую дверь. Несмотря на усталость, он пребывал в приподнятом настроении и благодарил судьбу, что все так счастливо сложилось. В церкви было темно, горела только лампада в алтарной части. Нет, не совсем темно, так как в дальнем приделе над его исповедальней неожиданно зажегся янтарный огонек. Десмонд подошел поближе и в призрачном свете увидел фигуру женщины... девушки... Клэр.

С трудом справившись с потрясением, Десмонд неверным шагом пересек темную церковь и приблизился к ней. Ему пришлось заговорить первым.

— Клэр! Дорогая Клэр! Нам запрещено встречаться. Ты не должна была сюда приходить.

— Так ты думаешь, милый, что если твой проклятый каноник облил меня грязью, я буду держаться от тебя подальше? — И совершенно спокойно, ровным голосом она добавила: — Ты знаешь, что я люблю тебя, а я знаю, что ты любишь меня. И разлучить нас невозможно.

— Нет. Клэр, родная, но...

— Никаких «но», Десмонд, — уже более жестко произнесла Клэр. — Мы теперь связаны навеки.

— И все же, милая Клэр...

— Навеки, Десмонд. Так как у нас с тобой будет ребенок. Я беременна, отец Десмонд. Беременна от тебя, и уже через несколько месяцев у нас появится малыш, который будет называть тебя отцом.

— Но мы были вместе только один раз...

— Я так и знала, что ты это скажешь! И твой чертов каноник, конечно, бросит мне в лицо то же обвинение. А теперь выслушай правду и смирись. Когда я пришла к тебе тогда в лесу, у меня как раз должны были начаться месячные. Вот почему я и пришла. У меня все пылало внутри. Ты помог мне, и я залетела. Никаких месячных, а только тошнота по утрам и еще

какое-то странное чувство во всем теле, особенно там, внизу. Я сразу поняла, что беременна.

— Дорогая, но откуда такая уверенность?

— Ну наконец-то! Я ожидала это услышать. Впрочем, не от тебя, а от каноника. Поняв, что у меня задержка три недели, я села на поезд до Корка и отправилась к доктору Дадли Мартину, лучшему гинекологу в Ирландии. Он обследовал меня — снаружи и изнутри, — а потом выдал мне справку за своей подписью.

Десмонд, будто в тумане, взял рецептурный бланк, исписанный черными чернилами.

— Мне здесь не прочесть, дорогая. Придется взять с собой в дом. Ты подождешь или придешь завтра?

— Я приду к вам с каноником. Ровно в одиннадцать часов, и проверю, так ли ты относишься ко мне, как я отношусь к тебе. — Тут ее голос смягчился, стал почти умоляющим. — А теперь обними меня, мой единственный, хотя бы на минутку, и поцелуй — только один поцелуй. Ты же знаешь, что я люблю тебя всем телом и душой, так же как и ты любишь меня. И я никогда тебя не отпущу.

Она бросилась в объятия Десмонда, страстно поцеловала его, резко развернулась — и была такова. Десмонд медленно повернулся и неверным шагом вышел из темной церкви. Увы, ничего не поделаешь, придется немедленно сообщить канонику, и светлая радость сменилась печалью. XVIII

Итак, неотвратимо, как судьба, наступило следующее утро. Каноник, который обычно спал как убитый, всю ночь беспокойно ворочался с боку на бок. Десмонд и вовсе не мог уснуть. И даже добрейшая миссис О'Брайен призналась, что до трех часов не сомкнула глаз. Глубокое уныние охватило обитателей дома после завтрака, и, поскольку каноник настаивал, что надо быть готовым к грядущему суровому испытанию, были отслужены две мессы, сделан телефонный звонок в Корк, доктору Мартину, увы, подтвердившему подлинность выданной Клэр справки, и вот, так как время неумолимо приближалось к одиннадцати, миссис О'Брайен натерла до блеска обеденный стол, а каноник, поставив с каждой стороны стола по стулу, для завершения устрашающей мизансцены водрузил в центре увесистую Дуэйскую библию[46].

— Мы должны ее напугать, — пробормотал каноник. — Я собираюсь сразу же взять ее в оборот. Поэтому нам необходимо еще до ее прихода рассестись так, как в настоящем суде.

Следуя указаниям каноника, занявшего место во главе стола, Десмонд уселся напротив почтенного прелата, а миссис О'Брайен — слева от него.

— Каноник, а я-то вам здесь зачем? — дрожащим голосом спросила миссис О'Брайен.

— Будет гораздо приличнее, если среди нас будет женщина, хорошая женщина. К тому же это ее смутит. Так что сидите, как сидели, миссис О'Брайен.

И собравшиеся замерли в напряженном молчании, которое нарушил лишь жизнерадостный звон каминных часов, пробивших одиннадцать.

— Похоже, спешат, — проворчал каноник.

— Вовсе нет, дорогой каноник. Наоборот, отстают на четыре минуты. Утром забыла их завести.

И в комнате снова повисла тишина. Отстающие часы уже показывали шесть минут двенадцатого.

— Струсил! — торжествующе воскликнул каноник. — Десмонд, все еще образуется.

И в эту самую секунду послышался звонок в дверь, затем — чьи-то уверенные шаги по лестнице, и в комнату вошла Клэр, разодетая в пух и прах. На ней было элегантно синее платье с корсажем в швейцарском стиле, шляпа «колокол», короткое кашемировое черное пальто, явно позаимствованные у госпожи Донован, тонкие шелковые чулки и модельные кожаные туфли. Словом, выглядела она так, будто только что вышла из машины на Вандомской площади, чтобы заглянуть в бар отеля «Риц».

— Простите за опоздание, — сказала Клэр, усевшись на стул и небрежно бросив перчатки прямо на Библию. — Мне надо было уложить волосы. — Она наклонилась и клюнула Десмонда в щеку. — Ну как ты, любимый? А у меня для тебя небольшой подарок. Чудная рубашка с мягким пристегивающимся воротничком. Она тебе пригодится, когда ты сбросишь этот жесткий воротник. — И с этими словами она положила перед Десмондом аккуратно перевязанный сверток.

От такой наглости высокое собрание, казалось, на какое-то время словно онемело, затем каноник прочистил горло.

— А тебе известно, девушка, в какое неприятное, крайне неприятное положение ты нас поставила?

— Я поставила? А разве я совершила преступление одна? Без соучастника?

— Да, наш отец Десмонд был обманым путем вовлечен в это дело. Блестящий молодой священник с большим, нет, великим будущим в Святой Церкви оступился, совершил одно-единственное прегрешение. И ты хочешь, чтобы он все потерял, чтобы он до конца жизни страдал из-за такой малости?

— Да бросьте вы о страданиях, каноник! Тем более что мы с Десмондом прекрасно проводили время и собираемся продолжать это и впредь. Разве не так, Дес?

Десмонд густо покраснел. Красота и элегантность Клэр, ее уверенные манеры и удивительное самообладание словно разбудили в нем природные инстинкты. И когда она потянулась к нему через стол, он не отдернул руки.

Каноник набычился, и голос его окреп.

— Все, хватит ходить вокруг да около. Сколько ты хочешь за то, чтобы отпустить Десмонда?

— Мне что, каноник, принять таблетку? Быть может, получить ее из рук сидящей здесь дамочки?! Чтобы вызвать выкидыш и убить своего ребенка?!

— Прошу прощения, каноник, — пролепетала миссис О'Брайен. — Но мне надо идти. — С этими словами она вскочила со стула, и никто из присутствующих не стал ее удерживать.

— Я говорю о деньгах. Вот что я имею в виду! — заорал каноник. — Сколько ты возьмешь, чтобы уйти с приличной суммой в кармане, найти хороший родильный дом, где все для тебя сделают?

— «И рано утром на заре принести ребенка в подоле?» — пропела Клэр, а затем уже более жестко спросила: — А сколько вы дадите?

— Двести... триста... четыреста... — внимательно следя за выражением лица Клэр, повел счет каноник, и наконец, не выдержав, произнес: — Пятьсот золотых соверенов.

В ответ Клэр издевательски расхохоталась прямо ему в лицо. Но в ее низком, грудном смехе

прозвучали горькие нотки.

— Ну что ж, нельзя не признать, каноник, это все же больше, чем те тридцать сребреников, за которые продали Господа нашего Иисуса Христа. Но меня за деньги не купишь, каноник! Я вам не какая-нибудь замарашка с фермы, которую обрюхатил деревенский парень и которой достаточно сунуть пригоршню монет. Я люблю Десмонда и знаю, да-да, знаю, каноник, что он любит меня. И даст свое имя нашему ребенку.

Каноник, теперь уже не на шутку разгневанный, решил выложить свою последнюю, козырную, карту:

— Тогда остается только один выход. Мы будем все отрицать. Десмонд продолжит выполнять свои обязанности пастыря, а ты оставайся со своим незаконнорожденным отродьем!

В ответ Клэр только расхохоталась. Она смеялась, запрокинув голову и выставив напоказ мелкие белые зубки. Затем ее губы сомкнулись, превратившись в жесткую щель.

— Ничего другого я от вас и не ожидала, каноник. Ну что ж, вперед, действуйте! Но я тоже не буду сидеть сложа руки. — Глаза Клэр сузились, в голосе послышались стальные нотки. — Первым же поездом я отправлюсь в Дублин, в редакцию «Айриш ситизен», весьма популярной газеты, как вы, наверное, знаете, причем с протестантским уклоном, хорошо известной своей антиклерикальной направленностью. И выложу им всю историю. Сенсационный материал для первой полосы, с фотографиями и всем прочим. Фоторепортеры с камерами будут охотиться за вами. Вы сделаетесь притчей во языцех для всей Ирландии, станете всеобщим посмешищем. Вас будут проклинать и презирать, вам станут плевать в лицо.

В комнате повисла тяжелая тишина. Наконец каноник с трудом произнес:

— Клэр, ты этого не сделаешь.

Наклонившись вперед, Клэр посмотрела канонику прямо в глаза:

— Похоже, вы еще плохо меня знаете, ваше треклятое тупое преподобие!

И снова гнетущая тишина. Потом каноник, тяжело вздохнув, встал и поднял руки вверх.

— Я сделал все, что мог. Бесполезно, Десмонд. Я не вынесу бесчестья, позорного пятна на нашей прекрасной церкви, на новой алтарной преграде. И вообще... Мадам возвращается уже в конце месяца, а епископ собирается прибыть на конфирмацию... Ты должен уехать вместе с ней. И чем раньше, тем лучше. — Но неожиданно, словно на него снизошло озарение, каноник возвел глаза к небесам, воздел руки и, к ужасу рыдающей под дверью миссис О'Брайен, возопил: — О Господь Всемогущий, что-то не так с Твоей Святой Римско-католической церковью, если чудесного молодого священника, красу и гордость прихода, только из-за одной-единственной ошибки, которую он исправил, женившись, как честный человек, на девушке и дав свое имя ребенку, вышвыривают из лона Церкви, точно шелудивого пса! А всему виной эти старые ублюдки из Ватикана, которые заросли паутиной и уж такие святые, такие, черт побери, святые, что почитают за грех взять в руки свой прибор, когда им надо отлить! Идти против естества не только несправедливо, но и чертовски глупо. Господь Милосердный, услышь смиренную мольбу раба Твоего! Это надо изменить! Надо изменить! — Затем каноник бросил мрачный взгляд на Десмонда. — Но я должен сделать одну вещь, и я ее сделаю, пусть даже нарушив церковные правила, хотя один Бог знает, что правильно, а что нет. Я не могу допустить, чтобы ты жил в грехе с этой девушкой. И не могу допустить, чтобы ребенок родился в грехе, как бастард. Можете считать это венчанием *in extremis*, но вы должны быть обвенчаны. Так что ты уж постарайся задержать здесь свою девчонку. Всего на час. Я буду в боковом приделе с миссис О'Брайен, которая выступит в

роли свидетельницы. Не подведи меня, Десмонд, иначе душа твоя не будет знать покоя.

И вот уже через час Десмонд стоял рядом с перепуганной Клэр, а каноник в присутствии миссис О'Брайен совершил обряд, назвав их мужем и женой. Благословив новобрачных, каноник резко повернулся и пошел прочь. Осталась только миссис О'Брайен, которая со слезами на глазах поцеловала сперва Клэр, а потом Десмонда.

— Преклоните колена и попросите Бога благословить ваш брак, а я сама помолюсь за вас.

Бедный старый каноник уже действительно дошел до предела. Он даже не стал сопротивляться, когда отъезд Десмонда был в спешном порядке назначен уже на следующий день, то есть на субботу. Клэр сделала все необходимые приготовления и купила билеты, тогда как миссис О'Брайен, со слезами вспоминая счастливые дни, когда Десмонд приехал сюда, упаковывала его вещи. Десмонд заставил себя нанести прощальный визит в «Маунт-Вернон», чтобы попрощаться с Патриком и Бриджит.

Все было закончено тихо и спокойно, поскольку Десмонд хотел уехать с миром. Увы, назавтра, когда все прощальные слова были сказаны и они с Клэр уже ехали в кэбе на станцию, Десмонд вдруг услышал звуки оркестра из барабана и дудки, и экипаж окружила толпа марширующих людей; лошадь тут же распрягли, и вместо нее за оглобли взялись крепкие мужчины. Затем оркестр с удвоенной силой грянул «Зеленый плащ»[47], и кэб медленно тронулся с места.

— Боже правый, Дес! — в полном восторге воскликнула Клэр. — Они решили тащить нас на себе до станции, устроить нам королевские проводы. Какая честь! А как весело! И посмотри на транспаранты!

Теперь, когда лошадь убрали, им были хорошо видны традиционные для ирландских шествий транспаранты — сейчас все они были затянуты белыми простынями, на которых красовались лозунги, написанные черной краской.

УДАЧИ ТЕБЕ, ДЕС!

МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ, ДЕС! ПОЗДРАВЛЯЕМ НОВОБРАЧНЫХ!

ПРОЩАЙ, СЫН МЕНЕСТРЕЛЯ!

ИЗМЕНИ ЗАКОН!

РАЗРЕШИТЕ НАШИМ СВЯЩЕННИКАМ ЖЕНИТЬСЯ!

Клэр так и распирало от гордости и восторга. Когда они в конце концов вышли из кэба и оказались в купе, она опустила стекло и принялась махать рукой, то и дело посылая воздушные поцелуи людскому морю внизу. Затем, взяв Десмонда за руку, привлекла его к себе.

И сразу же послышался гром приветственных возгласов. Троекратное ура в честь Десмонда. Троекратное ура в честь Клэр. А потом раздался чей-то голос: «Троекратное ура в честь младенца!» — что привело толпу уже в полное неистовство. Со всех сторон слышались смех и восторженные выкрики. Потом поезд медленно тронулся, все замерли, а оркестр громко заиграл: «Неужели не вернешься, не вернешься никогда?»

Таким было расставание отца Десмонда Фицджеральда с его паствой в Килбарраке.

Часть четвертая

Перед отъездом из Килбаррака Десмонд предусмотрительно написал бывшей экономке своего отца миссис Маллен — даме хотя и преклонных лет, но еще вполне деятельной — с просьбой подыскать приличную трехкомнатную квартиру в Квэй. Десмонд вырос в этом районе и понимал, что только здесь найдет тихое пристанище, где сможет отсидеться, пока не определится с планами на будущее. Той же почтой он отправил письмо директору частной начальной школы Святого Брендана.

Когда счастливая чета прибыла в Дублин, Десмонд тотчас взял такси, которое должно было доставить их в Квэй. По дороге Клэр с радостным предвкушением рассматривала людные улицы.

— Старый добрый Дублин! Наконец-то мы здесь!

Однако миссис Маллен приняла молодоженов более чем сдержанно; пожилая женщина не могла скрыть своего беспокойства и некоторой озабоченности. И все же она нашла им подходящий скромный домик практически по соседству, куда, накинув на плечи шаль, и проводила их.

Десмонд, который был готов ко всему, почувствовал даже некоторое облегчение, увидев три вполне прилично обставленные комнаты и ванную с горячей и холодной водой. И так как арендная плата оказалась вполне разумной, он решил снять дом на полгода и сразу же перенес туда багаж из поджидавшего их такси. Миссис Маллен, которой был торжественно вручен подарок в размере одного фунта, обещала попросить домовладельца прислать договор аренды.

— Ну что, дорогая?! — жизнерадостно воскликнул Десмонд. — Как ты находишь наш новый дом?

— Дес, это не то, к чему я привыкла. Уж больно убогий.

— А мне кажется, нам здорово повезло так быстро найти жилье.

— Дес, ты привык к этому району для простолюдинов. Ты здесь родился. Но я росла в более благородном окружении.

— Ладно, а как насчет того, чтобы запастись продуктами? — пропустив мимо ушей замечание Клэр, спросил Десмонд. — Насколько я помню, там, на углу, есть неплохая бакалейная лавка.

— Вот ты и иди, Дес. Я хочу разобрать вещи и немного отдохнуть. Не забывай о моем положении, дорогой!

Десмонд не стал спорить, а сразу же отправился к Келли, в угловой магазинчик, где его, к счастью, не узнали, и купил чай, кофе, молоко, сахар, хлеб, помидоры, печенье, баночку джема фирмы «Робертсон», сыр, масло, несколько ломтиков ветчины, бекон и дюжину яиц. Хозяин — теперь уже не Джон Келли, — стоявший в переднике за прилавком, был весьма доволен столь внушительной закупкой и обещал немедленно доставить товар с посыльным.

Если Десмонд и рассчитывал, что его похвалят за подобную расторопность, его ждало крупное разочарование.

— Дес, посмотри! Нет, ты только посмотри! — сунула ему под нос слегка помятое платье Клэр. — Эта сучка Бриджит, которой я велела уложить вещи, превратила в тряпку мое чудное муслиновое платье!

— Дорогая, а разве его нельзя погладить?

— А где утюг? Сделай одолжение, скажи! Нет, придется нести платье в химчистку.

В этот момент раздался стук в дверь: мальчик-посыльный принес продукты.

— Ладно, дорогая, давай лучше перекусим. Нам обоим сразу полегчает. Может, сообразишь что-нибудь на скорую руку, пока я распаковываю чемоданы?

Клэр враждебно уставилась на сваленные на столе свертки.

— Дес, я хочу тебе прямо сказать. Я не по этой части. Стряпуха и прачка из меня никакая. Меня не для того воспитывали, чтобы я занималась такими вещами. Почему бы нам просто не сходить поужинать в «Хибернианз»?

— И вернуться к разобранной кровати, сваленному в коридоре постельному белью и нераспакованному чемодану?

— Ах, Дес, ты просто неотразим, когда сердешься! — воскликнула Клэр, протягивая к нему руки. — Иди ко мне, любимый. Поцелуй меня. Правда, здорово было в поезде?! Его так трясло, так трясло, что нам очень даже помогало: вверх — вниз, туда — обратно! И ты совершенно прав. Надо привести постель в порядок. Я сама этим займусь, если ты пока приготовишь ужин.

Десмонд поставил кастрюльку с двумя яйцами на газовую плиту в маленькой кухоньке и принялся накрывать на стол, но тут жалобные стенания из соседней комнаты заставили его все бросить и со всех ног кинуться туда.

— Дорогой, это просто ужасная кровать! Смотри, она разобрана на части, и все такое тяжелое, что мне с места не сдвинуть.

Кровать, на которой вполне могла бы уместиться целая семья, представляла собой типичный образчик старинной ирландской мебели из дуба.

— Давай начнем со спинки. Попробуем приставить ее к стене, — предложил Десмонд.

Они с превеликим трудом, теперь уже вдвоем, подняли спинку, которая, казалось, весила не меньше тонны, но Клэр, охнув, выпустила свой конец, и спинка с устрашающим треском шлепнулась плашмя на то же место, где и лежала.

— Дес, нам необходима помощь. Кровать слишком тяжелая для нас.

— Но мы должны, Клэр. Судьба бросает нам вызов. Не можем же мы спать на полу.

Только Десмонд наклонился, чтобы взяться за спинку, как в дверь позвонили.

— Какого черта! Кто бы это мог быть?

Но Десмонд, проигнорировав вполне уместный вопрос Клэр, уже пошел открывать. На пороге стоял улыбающийся молодой человек с непокрытой головой.

— Святой отец, сэр, я Джо Маллен, внук старой миссис Маллен. Она тут подумала, что вам не помешают лишние руки, чтобы обжиться на новом месте. Особенно разобраться с кроватью.

— Входи, Джо, — протянул ему руку Десмонд. — Очень рад тебя видеть. Да, с кроватью у нас загвоздка.

Когда Десмонд провел Джо в спальню, тот задумчиво посмотрел на кровать и кивнул головой.

— Старая работа, сэр. Но, мне кажется, я знаю, в чем тут фокус.

Джо снял пиджак, продемонстрировав хорошо развитую мускулатуру, и двумя руками взялся за спинку кровати. Всего один рывок — и вот уже спинка стоит у стены.

— Сэр, если вы ее подержите вот так, чтобы она не соскользнула, я в секунду подниму изножье.

Сказано — сделано. Джо в мгновение ока поднял изножье, установив его в нужном положении. Затем, придерживая его одной рукой, взял боковины и вставил в пазы. После чего установил перекладины в центре. И вот уже рама была готова, осталось только положить огромный неподъемный матрац — задача, с которой Джо справился мастерски.

— Вот и все дела, сэр. Полагаю, простынями и одеялом займется мадам.

— Джо, огромное тебе спасибо. А теперь скажи, сколько я тебе должен?

— Абсолютно ничего, сэр. Фамилию Фицджеральд до сих пор хорошо знают и уважают в нашем районе. А кроме того, не больно-то я и перетрудился.

— Скажи, Джо, а чем ты занимаешься? — поинтересовалась Клэр.

— Я профессиональный футболист, мадам. Центральный нападающий «Дублин харп». Зарабатываю неплохие деньги. Но так как я свободен по вечерам, за исключением субботы, подрабатываю еще сомелье у мистера Бессона в ресторане «Хибернианз».

— У мистера Бессона?

— Джентльмена из Швейцарии, купившего старый добрый «Хиб» и с помощью своей примерной ирландской жены сделавшего его первоклассным заведением. Теперь это место просто не узнать. Заходите как-нибудь вдвоем. Для вас всегда найдется бокал хорошего «Шерри».

— Спасибо, Джо, — ответила Клэр. — Обязательно зайдем.

— Ну, а теперь мне пора. Желаю приятных снов на этой замечательной старой ирландской кровати.

Когда Десмонд, проводив Джо, вернулся в комнату, он бросил взгляд сперва на кровать, потом — на Клэр.

— Какой прекрасный молодой человек. Такой сильный, такой стройный и такой обходительный!

— Да, дорогой, что есть, то есть. И к тому же чрезвычайно хорош собой.

Яйца на кухне уже успели свариться вкрутую, но Десмонд нарезал их ломтиками и уложил на тосты вместе с кусочками помидоров. Получилось совсем неплохо, особенно с горячим кофе.

— А теперь пора баиньки, дорогой. Я смертельно устала. Посуду помоем завтра.

Но когда они разделись и легли в кровать — большую и очень уютную, — Клэр прошептала:

— Разве это не чудо, дорогой, такая широкая, теплая постель после мокрой травы в лесу или жесткой вагонной полки? Иди ко мне, любимый! Ну, пожалуйста! Пожалуйста!

Десмонд откликнулся на страстный призыв жены, и хотя он отлично понимал, что два раза в день — чересчур много и ни к чему хорошему не приведет, но устоять был не в силах, а потом они так и уснули, держась за руки.

И никогда еще старая ирландская кровать, повидавшая на своем веку множество лежащих и лежащих людей, не давала приют столь странной, столь не подходящей друг другу паре, как эти двое, которые крепко спали сейчас, не отпуская рук друг друга. II

Когда Десмонд проснулся, было уже восемь утра. Вскочив с кровати, он поднял жалюзи, чтобы впустить в комнату солнечный свет. Клэр, которая лежала, свернувшись клубком, словно ленивая кошка, приоткрыла один глаз и сонно прошептала:

— Дес, ложись. Смотри, как здесь чудесно при свете солнца.

— Я бы с удовольствием, Клэр, но на утро у меня назначена встреча с доктором О'Хара.

— Ах да, я и забыла. Налей себе кофе, любимый, и сделай пару тостов, — сказала Клэр и, увидев, что Десмонд надевает халат, добавила: — Раз уж ты встал, дорогой, то сделай и мне тоже. Какая разница, что для одного готовить, что для двоих.

Пять минут спустя Десмонд уже принес поднос с двумя чашечками призывно дымящегося кофе и двумя горячими тостами с маслом. Поставил свою порцию на крошечный туалетный столик, а поднос протянул Клэр, которая полулежала, откинувшись на подушки.

— Дес, какой ты милый! Как я правильно сделала, что выбрала именно тебя. Мы непременно должны взять это за правило. Чтобы ты каждое утро подавал мне кофе в постель.

Клэр на время притихла и с удовольствием прихлебывала горячий кофе, затем, откусив кусок тоста, грустно покачала головой.

— Дес, дорогой, мне надо тебе кое в чем признаться, и лучше покончить с этим сразу и получить от тебя отпущение грехов, чем изводить себя до полусмерти. Дес, дорогой, я должна сказать, что на кухне от меня никакого проку. Я не умею готовить — никогда не занималась стряпней, а поскольку меня воспитывали, как настоящую леди... — Десмонд бросил в ее сторону удивленный взгляд, полагая, что она шутит, но та говорила совершенно серьезно и продолжила в том же духе, даже с некоторой гордостью в голосе: — Я в жизни не прикасалась к грязной посуде, не говоря уже о том, чтобы драить кастрюли и сковородки. Так что, может быть, твоя миссис Маллен протянет нам руку помощи или хотя бы подыщет нам помощницу по дому?

— Дорогая, давай сначала обустроимся, а потом постараемся найти выход из положения.

— Милый Дес, если мы проголодаемся, то прямо за углом, на О'Коннелл-стрит, полным-полно дешевых ресторанчиков, раз уж «Хибернианз» тебе не по карману.

— Об этом мы тоже подумаем потом, любимая. А сейчас мне пора уходить.

— Я очень надеюсь, что ты получишь эту работу, Дес. Ужасно, если ты целый день будешь слоняться без дела.

— А у тебя какие планы на сегодня?

— О, я хочу прошвырнуться по Графтон-стрит, поглазеть на витрины. Кстати, дорогой, ты не дашь мне немного денег на карманные расходы, чтобы я могла хоть чуть-чуть осмотреться, и вообще?

— Конечно, любимая. Только уберу сначала посуду и оденусь.

Десмонд отнес посуду на кухню и вымыл вместе с той, что осталась с вечера. Какое счастье, что хоть есть горячая вода! Должно быть, услужливый Джо перед уходом включил нагреватель. Вытерев чистые чашки и тарелки, Десмонд убрал их в буфет. После чего быстро побрился перед крошечным зеркалом над раковиной и вернулся в спальню, чтобы одеться. Затем открыл стоявший в шкафу чемодан и достал оттуда десять фунтов, не преминув с тревогой проверить свою сберегательную книжку, где осталось всего восемьсот шестьдесят два фунта. Только сейчас он понял, как много истратил или отдал на благотворительные цели из тех трех тысяч, что получил в наследство от матери.

— Вот все, что у меня есть, дорогая. Скажи, тебе хватит на первое время?

Клэр вылезла из постели, откуда внимательно следила за каждым его движением.

— Что-что? О, Дес, ты весь в этом! О да, дорогой, — промурлыкала она, схватив деньги. — Для начала хватит, чтобы понять, что к чему. А теперь удачи тебе! Я помолюсь за тебя.

Когда Десмонд ушел, Клэр пересчитала купюры, а потом снова завалилась в кровать, решив еще немного вздремнуть.

Миновав Квэй, Десмонд свернул направо и пошел по Графтон-стрит — по праву считающейся гордостью Дублина, — пока не дошел до угла, откуда открывался вид на площадь Колледж-Грин. Он собирался пройтись пешком до Боллсбридж, но новый приступ какой-то непонятной слабости, которую он чувствовал с самого утра, заставил передумать и сесть на трамвай. Десмонд прекрасно понимал причины своего недуга и решил, что, наверное, стоит обсудить, причем самым тактичным образом, сей деликатный вопрос с Клэр.

Тут из-за поворота показался трамвай, который остановился по знаку Десмонда. Десмонд опустил на сиденье, и его снова охватила ностальгия. Трамвай гроыхал по знакомым улочкам — сколько раз этим путем он когда-то добирался в школу! — и на него тотчас же нахлынули болезненные детские воспоминания. Еще острее он почувствовал это, когда вышел из трамвая на конечной остановке — Боллсбридж — и двинулся через сквер к школе Святого Брендана.

Несколько замешкавшихся на спортплощадке школьников в знакомых зеленых с черным блейзерах торопливо бежали к дверям школы, и Десмонд медленно пошел за ними. Ему не было надобности спрашивать дорогу — он знал ее как свои пять пальцев. Он прошел мимо классных комнат и дальше по коридору, приведшему его к закрытой двери, в которую он неуверенно постучался. Доносившиеся из комнаты голоса свидетельствовали, что доктор О'Хара сейчас занят, и Десмонд присел на скамью возле двери. Он смирился с ролью просителя и приготовился терпеливо ждать. Примерно через четверть часа дверь распахнулась, и из комнаты вместе с доктором О'Хара вышла женщина в элегантном деловом костюме, которую доктор проводил до конца коридора. Только на обратном пути к кабинету директор заметил Десмонда и жестом пригласил его внутрь. Удобно устроившись в кресле, доктор О'Хара указал Десмонду на стул, а когда тот сел, испытующе посмотрел на него. Десмонд в свою очередь тоже бросил взгляд на морщинистое, обвисшее лицо директора и удивился, как безжалостно обошлось с ним время.

— Ну что, Десмонд, я получил твое письмо и прочел его с большим удивлением и глубокой печалью. Что сказал бы твой выдающийся батюшка, будь он жив? Если бы он дожил до такого позора, это непременно убило бы его. Скажи, разве тебе не нравилось быть священником?

— Очень нравилось. Я любил свой приход и своих прихожан, но вопрос стоял по-другому: либо поступить как порядочный человек, либо обесчестить девушку из хорошей семьи, оставив ее на поругание толпы.

— Значит, девушка была беременна.

В ответ Десмонд только молча склонил голову.

— Что ж, теперь мне все более или менее ясно, Десмонд. Итак, ты женат, отвергнут Церковью, испытываешь крайнюю нужду в деньгах и, следовательно, в работе.

— Сэр, вы, как обычно, излагаете суть проблемы предельно логично и беспристрастно.

— Десмонд, не смей мне льстить, или я не стану иметь с тобой дела. А теперь скажи, что ты можешь предложить мне как учитель.

— Я могу преподавать латынь, французский, итальянский и даже испанский. И можете мне поверить, я прекрасно справляюсь с детьми. В Килбарраке я весьма успешно вел группы для подготовки к первому причастию и конфирмации.

— Допустим, — задумался доктор О'Хара. — Хорошо, Десмонд, я могу взять тебя учителем латыни и французского в двух младших классах. В оставшееся время будешь помогать мне в канцелярии: проверять работы учеников, заниматься моей корреспонденцией, бумагами и прочее. Обычно зарплата учителя составляет двадцать фунтов в месяц, но в память о наших добрых отношениях и с учетом твоих стесненных обстоятельств я положу тебе двадцать пять.

— О, сэр, я вам так... — начал Десмонд, но директор предупреждающе поднял руку.

— Но все это, Десмонд, при одном условии. Я ничего не знал и не знаю о твоей личной жизни. Будем считать, что ты просто мой бывший ученик, причем очень хороший ученик, который обратился ко мне в поисках работы.

— Я... Разумеется, я понимаю, сэр, и, естественно, согласен.

— Да, Десмонд, если до кого-либо из родителей случайно дойдет, что я, заведомо зная суть дела, принял человека с твоей репутацией учить их детей, если мне не удастся сразу же от тебя откреститься, последствия для меня могут быть самыми печальными.

— Я все понимаю, сэр. И на все согласен. В Дублине ничего не узнают о... о Килбарраке.

— В таком случае, Десмонд, ты принят. Начиная с завтрашнего дня, с девяти утра. Повторяю условия. Обычная зарплата двадцать фунтов. Но поскольку я искренне тебе сочувствую, ты будешь получать двадцать пять.

— Благодарю вас, сэр. От всего сердца. Вы не пожалеете, сами увидите.

— Хорошо, Десмонд. А теперь оставь меня. У меня через пять минут занятия в шестом классе.

Выйдя на улицу, Десмонд решил немного пройтись пешком. Он был спасен. Постоянная работа, причем работа любимая, и зарплата, которая позволит им с Клэр ни в чем не нуждаться.

Он больше не чувствовал усталости и размашистым шагом быстро дошел до центра Дублина. Ему вдруг захотелось отпраздновать свое новое назначение, и он зашел в «Бьюли», где заказал большую чашку кофе и две пшеничные лепешки со свежим маслом. Он с детства помнил и любил кофе, который подавали в «Бьюли», — идеальный, ароматный и крепкий, с маленьким горшочком свежих густых сливок. Райское наслаждение, хотя он не отказался бы и от пирога со свининой, что с аппетитом уплетал его сосед, но это было для него сейчас слишком дорогим удовольствием, которое вполне может и подождать. Из кафе Десмонд

отправился в парк Святого Стефана, где присел на залитую солнцем скамью рядом со студентами, давно выбравшими квадратный кусочек зелени в самом сердце Дублина местом полуденного отдыха между занятиями.

В свой маленький домик в Квэй, теперь действительно ставший для него домом, Десмонд вернулся в три часа. Клэр еще не было, но не успел Десмонд войти, как кто-то позвонил в дверь. На пороге стоял шофер в опрятной зеленой униформе, его аккуратный фургончик был припаркован рядом.

— Здесь живет миссис Донован-Фицджеральд?

Застигнутый врасплох Десмонд тем не менее ответил утвердительно.

— Доставка из «Швицера», — сказал шофер и, вручив Десмонду две большие красивые коробки, перевязанные ленточками, сел в фургон и уехал.

Десмонд медленно вернулся в дом, положил роскошные коробки на стол в гостиной и стал внимательно их изучать, испытывая при этом смешанные чувства и время от времени с удивлением бормоча: «Миссис Донован-Фицджеральд!»

Ему не пришлось долго гадать, что к чему. В четыре часа в дом влетела Клэр, вырядившаяся по случаю выхода в город в свое лучшее платье, и, не в силах сдерживать переполнявший ее восторг, с порога бросилась Десмонду на шею.

— О, дорогой, я так замечательно погуляла! Давай присядем, и я тебе все подробно расскажу. Для начала я, естественно, отправилась в «Швицер» на Графтон-стрит и провела там умопомрачительный час. Ты даже представить не можешь, какие там изумительные вещи, совсем как в Париже, даже лучше. Ну я, конечно, не только смотрела, но и кое-что купила...

— То, что в коробках? — перебил жену Десмонд.

— Да, милый. Два платья неземной красоты, писк моды, я была не в силах устоять. Конечно, дорогой, сейчас я их носить не смогу, у меня скоро будет виден животик, но потом... потом ты полюбишь меня в них еще больше.

— Но, Клэр, они, должно быть, стоят уйму денег. Как тебе удалось...

— Очень просто, дорогой. Я сказала им, что я племянница госпожи Донован и хочу стать их постоянной покупательницей. Ты даже представить себе не можешь, что значит в Дублине имя мадам. Оно открывает любые двери. Ты бы видел, как они лебезили и суетились вокруг меня.

— Но ведь за вещи придется заплатить.

— А, ерунда! «Швиц» присылает счета только через полгода, особенно человеку с фамилией Донован.

— Я смотрю, ты ее уже себе взяла.

— Какое это имеет значение, дорогой! Я имею на нее право, — расхохоталась Клэр.

— Ну что, надеюсь, на этом твои приключения закончились?

— А вот и нет. Ни в коем случае, — хихикнула Клэр. — Я вспомнила о приглашении Джо и заглянула в «Хиб», где получила обещанный бокал шерри. Джо — просто душа. Похоже, он шепнул пару слов обо мне управляющему мистеру Мейли, который оказался на редкость

приятным человеком. Хочешь, передам тебе наш разговор? Так вот, слушай.

«Джо сказал, что вы племянница нашей самой уважаемой клиентки?» — «Да, я миссис Донован-Фицджеральд», — ответила я, и мы обменялись рукопожатием. «Вы обедаете у нас?» — «Вообще-то собиралась, — и глазом не моргнув ответила я. — Но, к несчастью, оставила дома кошелек». — «О, мадам! Пусть вас это не беспокоит. Я зарезервирую для вас столик. И вы можете приходите на ланч а la carte как гость отеля». Ну ладно, Дес, короче, мне принесли такой ланч, такой ланч, какого я в жизни не ела. Pate de foie gras, жареный лосось, клубничный мусс и «ирландский кофе». И все так почтительно мне кланялись. И вот я здесь перед тобой, дорогой. Вернулась домой и умираю хочу пи-пи. Все, больше не могу! Дес, будь добр, сделай нам по чашечке чаю, пока я в ванной! — воскликнула Клэр.

И пока Клэр справляла нужду, Десмонд на кухне заваривал чай. Господи, она даже не поинтересовалась, как прошло собеседование с доктором О'Хара! Только сейчас, впервые за все это время, Десмонд осознал всю глупость безумной затеи с женитьбой, и его словно кольнуло предчувствие катастрофы. III

Даже если не считать зарплаты, без которой им было просто не прожить, Десмонд был доволен работой. Время шло — неделя за неделей, месяц за месяцем, — и Десмонд вполне освоился на новом месте, а поскольку он прекрасно ладил с детьми, то в школе его все любили. С коллегами он общался не слишком много, так как был загружен канцелярщиной, которой приходилось заниматься во внеклассные часы, иногда засиживаясь допоздна, зато директор, впечатленный успехами нового учителя, даже предложил ему подумать о докторской диссертации.

Клэр тоже — правда, в своем духе — одобрила усилия Десмонда заработать на кусок хлеба.

— Дес, какое счастье, что, когда я в городе по делам, ты не будешь слоняться по дому как неприкаянный!

Однако теперь Клэр все реже и реже выходила в город, так как беременность ее стала уже заметна, и она должна была скоро родить. Предложение Десмонда рожать в университетской больнице «Матер Мизерикордиа» было с гневом отвергнуто.

— Я не собираюсь рожать в монастырской больнице для бедных!

— Но эта больница пользуется мировой известностью! Мой друг Алек проходил там в родильном отделении практику.

— Дес, что хорошо для студентов, не годится для пациентов. Ты бы постоял под дверью и послушал, как там кричат! И вообще, не желаю, чтобы возле моей кровати околачивались монашки и кропили меня святой водой. Я тут имела долгий разговор со старой миссис Маллен. За свою жизнь она помогла появиться на свет не одному младенцу, поможет и нашему.

Клэр была непреклонна, и Десмонду, естественно, пришлось уступить. Позже Десмонд поговорил с бывшей экономкой своего отца, и той удалось его немного переубедить. И действительно, когда радостное событие наконец случилось, все прошло как нельзя лучше. Десмонду, конечно, пришлось нервно потоптаться под дверью, но не слишком долго: уже через час к нему вышла миссис Маллен, непривычно строгая в белом накрахмаленном халате, и протянула ему прелестную девочку — милую и теплую. Когда он осторожно взял ее на руки, ее темные глаза остановились на нем с ласковым удивлением. Клэр взирала на эту трогательную сцену с кровати, где лежала, расслабленно откинувшись на подушки.

— Ну что, Дес, угодила я тебе? — спросила она.

— У меня нет слов. Спасибо тебе, моя милая, милая Клэр! Чудная крошка с твоими чудными темными глазками!

— И тебе спасибо, дорогой Дес. Когда мы следующий раз будем ссориться, я обязательно вспомню твои ласковые слова.

— Надеюсь, дорогая, ты не слишком настрадалась?

Но тут в разговор решительно вмешалась старая дама:

— Положа руку на сердце, хочу сказать вам, сэр, что у меня в жизни не было такой пациентки. Когда у нее были потуги, она даже не пикнула, а когда выходил ребеночек, а это самое тяжелое для роженицы, только тихонько всхлипнула. И еще хочу вам сообщить, так как вас наверняка это заинтересует, что у нее ни разрыва, ни самой маленькой травмочки на ее прелестной... Ну, сами знаете, о чем я. Все целехонькое.

Старая женщина оказалась опытной повитухой; сделав наконец все, что считала нужным, она удовлетворенно сказала Десмонду:

— Значит, так, сэр. Мать в порядке, ребенок вымыт и спит, колыбель для ребенка стоит у вашей кровати, мать уже удобно устроилась и дремлет, так что, думаю, я могу быть свободна до завтрашнего утра.

— Спокойной ночи, миссис Маллен, и огромное вам спасибо. Вы так добры!

Десмонд проводил ее до прихожей, обнял ее и поцеловал в морщинистую щеку.

— Дорогая миссис Маллен! Вы просто ангел. Такая добрая и такая умелая! То, что вы для нас сделали, никакими деньгами не измеришь, но все же скажите, сколько я вам должен.

— Обычно я беру два фунта, но с вас возьму только фунт.

Десмонд почувствовал, что вот-вот расплачется. Он вынул из кармана две пятифунтовые банкноты, которые предусмотрительно достал из своего неприкосновенного запаса в шкафу, и молча протянул миссис Маллен.

— О нет, сэр, я не могу... Правда не могу...

— Вы должны взять деньги. Я настаиваю. Вы столько для нас сделали, раздобыли колыбельку и вообще...

— Ладно, сэр... Я возьму, но только одну бумажку, этого более чем достаточно. Премного вам благодарна, — сказала миссис Маллен, решительно засовывая вторую банкноту в нагрудный карман Десмонда. — А теперь спокойной вам ночи. Я приду прямо с утра. — И уже стоя на пороге, она повернулась и добавила: — Жаль, что ваш дорогой батюшка не дожил до этой минуты. Если б он только мог увидеть свою прелестную внучку, был бы на седьмом небе от счастья!

Десмонд прошел в ванную, чтобы подготовиться к отходу ко сну. Укладываясь возле Клэр, он прошептал:

— Дорогая, ты спишь? Если нет, хочу тебе сказать, что никогда еще не был так счастлив. Мне кажется, этот ребенок нас сблизит, поможет затянуться той трещине, что в последнее время возникла в наших отношениях.

— А по чьей вине образовалась трещина? Любая женщина на моем месте была бы недовольна, что муж прикасается к ней только раз в неделю, а в остальные ночи ни-ни.

— Клэр, это было глупо и бестактно с моей стороны! Мне нравится заниматься с тобой любовью. Но все должно быть в меру, иначе я буду просто как выжатый лимон.

— И вовсе нет, большинству мужчинам, наоборот, всегда мало. Просто в тебе еще много от священника, Дес. Хотя, пока я кормлю грудью, нам

ничего не грозит, так что, может, теперь я смогу получить от тебя больше... — сказала Клэр и, поцеловав Десмонда, добавила: — Если малютка проснется, будь добр, встань и дай ее мне.

И она тут же заснула, а Десмонд, прижавшись к мягкому податливому телу жены, последовал ее примеру. IV

Теперь по субботам и воскресеньям, если позволяла погода, маленькое семейство выходило пройтись на свежем воздухе — вдоль Квэй, через мост, иногда до Феникс-парк, — нарядная Клэр, в одном из своих новых платьев из «Свицера», малышка в красивой коляске, купленной для нее счастливым отцом, и, конечно, Десмонд, с удовольствием ловивший восхищенные взгляды. Клэр, воспользовавшись временным затишьем в их отношениях, подсунула Десмонду счета за платья — всего каких-то шестьдесят фунтов, — которые прислали повторно вместе с угрожающим письмом. Десмонд не стал возмущаться, понимая, что ей, бедняжке, придется взять на себя хлопоты по крещению ребенка.

— Дес, тебе ведь не хочется этим заниматься?

— Но это необходимо сделать.

— Дай мне свидетельство о браке, полученное от каноника, и я отнесу его в воскресенье в монастырь кармелиток. Там всегда очередь после одиннадцати. Ну что, согласен назвать ее Джеральдиной?

В качестве искупительной жертвы Клэр решила дать ребенку именно это имя, поскольку лелеяла надежду вернуть себе таким образом расположение тетки.

Итак, Клэр отправилась к кармелиткам, оставив Десмонда мучиться неизвестностью, однако все его тревоги мигом рассеялись, когда вернувшаяся Клэр сказала с широкой улыбкой:

— Ну все, приятель, дело сделано. Теперь малышка — настоящая христианка. Господи, благослови!

Тогда-то Клэр и предъявила Десмонду счет из «Свицера». Да, Десмонд был счастлив, насколько может быть счастлив человек в его незавидном положении. Место учителя в школе Святого Брендана, по крайней мере, помогло ему хотя бы частично облегчить муки совести, но когда время от времени она снова начинала его терзать, он кричал, взывая к Небесам: «Ты вышвырнул меня, словно гнилое яблоко. Почему я должен снова вернуться к Тебе?!»

Отношения с Клэр мало-помалу налаживались, она была благодарна мужу за помощь в уходе за Джеральдиной. Каждый вечер после работы Десмонд купал малышку, вытирал ее и обрабатывал присыпкой, после чего менял подгузник и укладывал спать. По субботам и воскресеньям он один нянчил девочку, которая уже узнавала его и всегда встречала счастливой улыбкой, согревавшей сердце.

Однажды утром, когда Десмонд занимался малышкой, а Клэр читала утреннюю газету, она словно невзначай спросила:

— Скажи, а что такое простой вексель?

— Листок бумаги, вроде соглашения, где стоит твоя подпись.

— И что, все? — рассмеялась Клэр и, отложив газету, стала смотреть, как Десмонд обрабатывает крошку присыпкой и меняет ей подгузник. — Дес, а ты здорово наострился с ней управляться. И она тебя любит, по ее глазам видно.

— Ну как, готова идти на прогулку?

— Сейчас, только переоденусь. Какая жалость, что мы не можем зайти куда-нибудь пообедать! В «Хибе» мы были бы в центре внимания!

— Дорогая, она еще слишком мала для этого.

— Ну, да, конечно. Но раз уж зашла речь о «Хибе», Дес, ты должен обещать, что отведешь меня туда шикарно отпраздновать тот день, когда я перестану наконец быть молочной кухней.

— Но, Клэр, дорогая! Я ведь уже обещал. А я держу слово. Как насчет следующей субботы? Попросим миссис Маллен посидеть с Джерри.

— Что ж, будем считать, что ты пригласил меня на свидание, Дес. И я хочу быть при полном параде. Суббота самый удачный день. В субботу в «Хибе» собираются сливки общества.

Следующие несколько дней Клэр только и думала, что о предстоящем обеде. Она при каждом удобном случае напоминала Десмонду о его обещании, да и сама, на свой собственный лад, готовилась к торжественному мероприятию: несколько раз исчезая по каким-то таинственным делам и возвращаясь с бесчисленными свертками; Десмонду оставалось только гадать, сколько денег ушло на всю эту роскошь и каков источник богатства, неожиданно свалившегося на Клэр. Однако он не стал затрагивать щекотливую тему, ибо хотел сохранить гармонию, воцарившуюся в доме, будто музыка.

Теперь, когда Клэр кормила грудью и, по ее собственному утверждению, ей ничего не угрожало, она чуть ли не «королевским приказом» вынуждала Десмонда выполнять супружеские обязанности чаще обычного.

— Ты действительно прекрасный любовник, — похвалила мужа Клэр после особенно впечатляющего исполнения супружеского долга. — Только не вздумай загордиться, дорогой, но должна признать, ты знаешь, как удовлетворить женщину. Такое странное чувство — один бог знает какое, — когда ты словно взрываешься ввысь и ждешь, что же дальше. Ты умеешь дать женщине именно то, что ей нужно. Я поняла это еще тогда, когда подловила тебя в лесу в Килбарраке.

— Но то было мимолетное... — начал Десмонд и, спохватившись, добавил: — Но чрезвычайно приятное приключение.

— Ну, у меня не было времени растягивать удовольствие, дорогой, типа, сделать это раз, переждать и повторить... К тому же в глазах Церкви такие вещи считаются извращением, а значит, грехом. Нет-нет, приятель, я на твоей стороне. Нельзя жить, не трахаясь.

— Дорогая, я боюсь дотрагиваться до твоей груди. Боюсь сделать тебе больно, — прошептал Десмонд, стараясь сменить тему. — Она такая нежная и тугая.

— Что правда, то правда, дорогой. Очень мило с твоей стороны так беспокоиться обо мне. Тогда почему бы нам не попробовать сзади? Говорят, так даже приятнее.

И вот, как ни старался Десмонд отговориться, уже на третью ночь Клэр все же его уломала, и он сделал именно то, чего она от него добивалась, хотя перед его глазами неотступно стояла мерзкая картина, которую он однажды наблюдал на главной улице Килбаррака: две дворняжки, спаривающиеся подобным образом.

Наконец наступило утро субботы, неприветливое и хмурое, но все же дающее надежду, что солнце скоро появится. Пока Десмонд варил кофе и, как опытная нянька, обихаживал Джерри, Клэр нежилась в постели, намереваясь встать только в одиннадцать, чтобы подготовиться к приятному дню. К этому времени Десмонд уже успел одеться и заглянуть к миссис Маллен, которая обещала посидеть с малышкой.

В двадцать минут первого в гостиную вошла Клэр и остановилась перед Десмондом, словно приглашая его выразить свое восхищение. На ней было нарядное зеленое платье, которого он прежде не видел, новые зеленые перчатки и большая зеленая шляпа, несколько кричащая, но тоже новая.

— Ну как, Дес?

— Потрясающе, — грустно прошептал Десмонд. — Ты похожа на дорогую французскую проститутку, ищущую клиента.

— А мне нравится, Дес, — рассмеялась Клэр. — У меня неожиданно образовались кое-какие деньги, и захотелось позволить себе чуть-чуть больше обычного. Особенно сегодня! Я хочу, чтобы все на меня смотрели. А то некоторые там, в «Хибе», считают, что у меня нет мужа. Ты заказал такси?

— Но сегодня такой чудный день. Я думал, мы прогуляемся.

— Ладно, уговорил, скупердяй. Пусть соседи обзавидуются.

И провожаемые печальным взглядом неприятно удивленной миссис Маллен, они под руку вышли из дому. Ровно в час дня они вошли в отель и через бар проследовали в ресторан. Метрдотель тут же подобострастно подскочил к Клэр.

— Жюль, у тебя найдется для нас приличный столик? — спросила Клэр.

— Лучший, мадам. Ваш любимый, около окна. — Усадив их за столик, метрдотель прошептал: — Могу я выразить мадам свое восхищение? Мадам сегодня выглядит сногшибательно.

— Жюль, дорогой, вы мне льстите. А чем вы собираетесь нас кормить? И мы хотели бы бутылочку шампанского «Перье Жуэ». Мы слишком долго откладывали празднование бракосочетания. Это мой муж Десмонд.

— О, счастлив познакомиться с вами, сэр. Хотите что-нибудь заказать? — Метрдотель протянул сначала Клэр, а потом Десмонду меню в обложке с затейливым орнаментом. — А теперь прошу прощения, мне надо распорядиться насчет шампанского.

Наконец блюда были заказаны, шампанское открыто и после дегустации налито в бокалы. Клэр осматривала зал, отпуская замечания по поводу знакомых лиц. А между тем ее собственный наряд, да и нарочитая манерность, безусловно, привлекали общее внимание и вызвали перешептывания, даже смешки, объектом которых в равной мере мог быть и Десмонд. За соседним столиком обедал какой-то неприметный человек в темном деловом костюме; перехватив сияющий взгляд Клэр, он наклонился к ней и вежливо сказал:

— Извините за беспокойство, милая леди, но, так как наши столики расположены совсем близко, я, сам того не желая, невольно слышал ваш разговор и понял, что вы празднуете бракосочетание.

— Истинная правда, сэр, — с готовностью откликнулась Клэр, довольная тем, что есть с кем поговорить. — Мы достаточно долго откладывали празднование этого дня ввиду необычных обстоятельств нашей любви и нашего брака. Может, выпьете с нами шампанского?

— Мне не стоит пить за ланчем, так как суббота у меня обычно тяжелый день, хотя, дорогая мадам, если вы позволите сделать всего один глоток из вашего бокала...

Клэр с готовностью протянула ему бокал, но незнакомец только пригубил шампанское.

— Вы что-то говорили, мадам, о сложных обстоятельствах...

— Все было именно так, сэ. А вы знаете, что мой дорогой муж, сейчас такой веселый и счастливый, когда-то... — Десмонд изо всех сил сжал руку Клэр, попытавшись развернуть жену к себе, но она только отмахнулась и продолжала: — ...когда-то был молодым и всеми любимым священником в Килбарраке?

— Только не говорите, дорогая мадам, что ваш муж — тот самый знаменитый викарий из Килбаррака, которого разыскивают вот уже почти два года, а вы, милая леди, не кто иная, как племянница нашей мадам Донован!

— Клэр, ради бога, заткнись! — прорычал Десмонд.

Но Клэр уже понесло.

— Вы попали прямо в точку, сэ. Хотя это длинная история. Десмонд, дорогой, убери, пожалуйста, ноги. Мне больно. Сэр, я не буду рассказывать обо всех препятствиях, стоявших у нас на пути во время нашего бурного романа. Я уж было решила, что мне никогда не удастся его заполучить, пока однажды в чудесную звездную ночь я не выследила его в чудесном Килоанском лесу.

— Официант, счет! — диким голосом заорал Десмонд.

Но официант стоял к нему спиной и затаив дыхание слушал рассказ Клэр, ни за что на свете, даже за пятифунтовую банкноту, он не согласился бы пропустить хоть слово.

— Да, сэ, в чудесном Килоанском лесу, где он любил гулять по вечерам. И именно там мы подтвердили нашу любовь с такой необузданной страстью, что я, так хотевшая поймать Десмонда, попалась сама.

— О господи! Да заткнешься же ты, наконец, пьяная дура! — зашипел прямо ей в ухо Десмонд.

— Неужели забеременели, милая леди? — полюбопытствовал отзывчивый собеседник.

— Вы все правильно поняли, сэ. И то, что это случилось с первого раза, говорило о силе нашей любви.

— Боже мой, боже мой, — вздохнул добросердечный незнакомец. — Наверное, именно тогда у вас и начались проблемы?

— Это сказала не я, а вы, сэ. Но я сделала правильный выбор. Блестящий молодой священник, прославившийся в Риме, оставил Церковь и сделал меня своей женой.

— Очень благородно с его стороны, милая леди. А как ваша тетушка, госпожа Донован, отнеслась к этой новости?

— Как адская фурия, сэ. Хотя, скажу вам по секрету, она сама была безумно влюблена в Десмонда. Дес, ради бога, хватит меня пинать! И что это Джо вдруг вздумал корчить мне ужасные рожи?!

— И последнее маленькое уточнение, милая леди. Как вам удалось приспособиться к жизни

вне Церкви?

— Прекрасно, сэр. У нас прелестная малышка, лучшая на всем белом свете. Мы назвали ее Джеральдиной, в честь тети. У нас прекрасный дом в Квэй, где когда-то жил знаменитый отец Десмонда, а мой несгибаемый муж нашел великолепную работу...

— Заткнись же, идиотка проклятая! — снова зашипел ей на ухо Десмонд.

— ...великолепную работу, — как ни в чем не бывало продолжала Клэр. — Преподавателя иностранных языков в школе Святого Брендана.

— Мадам, я восхищен! У меня нет слов.

Десмонд, перегнувшись через Клэр, перебил ее собеседника:

— Сэр, боюсь, мы с женой несколько засиделись. Может быть, в другой раз.

— По правде говоря, сэр, — бросил взгляд на часы любезный джентльмен, — я слишком увлекся приятной беседой и совершенно забыл, что мне давно пора быть на работе. Но с вашего позволения, небольшой свадебный подарок от меня, а также гонорар за первоклассную информацию, которую вы совершенно бесплатно мне предоставили.

И, подозревав официанта, он попросил принести ему оба счета, его и посетителей за соседним столиком. Щедрый джентльмен заплатил и решительно встал.

— Еще раз благодарю вас, мадам, за предоставленную мне счастливую возможность. Думаю, нет нужды желать вам удачи. Не сомневаюсь, вас ждет роскошное будущее. Что касается вас, сэр, — протянул Десмонду руку незнакомец, — примите мои самые искренние соболезнования. — И уже повернувшись, чтобы уйти, он на ходу бросил: — О чаевых можете не беспокоиться.

Они приложены к счету. — И с этими словами стремительно вышел из ресторанный зала.

К их столику тут же подлетел Джо, только-только успевший переодеться в форму официанта.

— Привет, привет, Джо, — обрадовалась Клэр. — Присаживайся, выпей шампанского за наше здоровье.

— Мадам, я не пью и, вы уж меня извините, хочу сказать в присутствии вашего мужа, что сегодня вы явно перебрали. — И повернувшись к Десмонду, Джо спросил: — Вы что, не видели, как я делал вам знаки заставить ее замолчать?

— Конечно, видел, дорогой Джо! Он пихал меня ногой так, что с меня чуть туфли не свалились.

— Ну, тогда я вам прямо скажу, мадам. Тот джентльмен, что вытягивал у вас информацию, — главный редактор «Санди кроникл». И каждое ваше слово, причем помноженное на десять, уже завтра будет в газете.

— Господи боже мой, Джо!

— Вот именно, сэр. Точнее не скажешь. Завтра вы увидите свое имя на первой полосе.

— Дес, дорогой, наконец-то я сделала тебя знаменитым! — в полном восторге воскликнула Клэр.

Она попыталась налить себе еще, но опрокинула бутылку, залив остатками шампанского скатерть.

— Как думаете, сэр, может, мне стоит помочь вам довести ее до такси? А то, чего доброго, еще немного — и она запоет.

Десмонд с помощью Джо поставил свою ненаглядную жену на ноги и, крепко ухватив за руку, в то время как Джо поддерживал ее с другой стороны, поволок к выходу, а она ковыляла между ними, гордо улыбаясь и стреляя глазами по сторонам. Но это было еще далеко не все.

Когда они спускались по ступенькам, поджидавшие внизу репортеры встретили их вспышками и щелчками фотоаппаратов. И все же Десмонду с Джо в конце концов удалось запихнуть Клэр в такси. На обратном пути она и впрямь затянула пьяным голосом какую-то слезливую песенку, одновременно в приступе алкогольного вожделения пытаясь обнять Десмонда, которого не покидало неприятное чувство, что за ними едет еще одно такси.

Наконец они оказались в безопасных стенах своего дома, где их ждала добрейшая мисси Маллен.

— Ради всего святого, уложите ее скорей в постель, — взмолился Десмонд, разжав руки, так что Клэр, во всем своем пошлом великолепии, рухнула на диван, где так и осталась лежать. — С меня довольно! Глаза б мои не глядели на эту пьяную сучку!

С этими словами он резко повернулся и вышел из дома, направившись в сторону Феникс-парка, всегда дарившего ему тишину и покой, а потому ставшего его любимым прибежищем. Он понимал, что должен непременно избавиться от Клэр. И чем раньше, тем лучше. V

Десмонд оставался в парке практически до его закрытия, то есть до позднего вечера. Когда он грустно брел домой, ему показалось, что народу на его улице было больше обычного. Он тут же увидел миссис Маллен, которая, закутавшись в свою лучшую шаль, словно поджидая его, нервно расхаживала по тротуару.

— Как хорошо, что вы вернулись, сэр! Здесь прямо жуть что творится. Вы видели газеты? Специальный выпуск «Кроникл»?

— Нет, не видел.

— Тогда вам надо обязательно взглянуть! Парень из редакции «Кроникл» только что подсунул свежий номер вам под дверь.

— Плохие новости?

— Ужасные, сэр. Боже, у меня прямо вся душа за вас изболелась. Я ведь только ради того и жила, чтобы служить вашему замечательному батюшке. Я же вас еще крошкой на руках качала.

— Ну ладно! Пойду посмотрю. Вы приглядели за малышкой?

— Конечно, сэр. Она накормлена, выкупана, переодета и спит в колыбельке. — Миссис Маллен слегка замялась, а затем прибавила: — Мадам тоже в постели. Спит как бревно.

— Спасибо, миссис Маллен. Я бесконечно вам признателен. Что бы я без вас делал?!

Десмонд вошел в дом, запер за собой дверь и подобрал лежащую на коврик газету. Зажег свет в гостиной, развернул газету и окаменел от ужаса, потрясенный крупными заголовками, которые кричали с первой полосы. «СБЕЖАВШИЙ СВЯЩЕННИК НАКОНЕЦ ОБНАРУЖЕН!

Изгнанного из лона Церкви красивого молодого священника, которого искала вся Ирландия,

наконец-то удалось найти. Он завтракал в шикарном ресторане в обществе своей претендующей на элегантность, слишком вычурно одетой юной супруги... Лососина и шампанское... Отложенное празднование бракосочетания... Когда шампанское бросилось мадам в голову, мы узнали всю историю из первых уст, точнее, из ее эффектно накрашенных губ... „Как только я его увидела, сразу поняла, что хочу его... — захлеб рассказывала она. — ...Ученица элитного пансиона в Швейцарии... Моя дражайшая тетушка, хорошо известная госпожа Донован, одно время тоже положила на него глаз... Это чистая правда, когда я неожиданно вернулась из швейцарского пансиона, то видела, как она сжимает его в страстных объятиях“».

Десмонд почувствовал невыносимую душевную боль, но, взяв себя в руки, продолжил чтение, стараясь пропускать подзаголовки крупными буквами.

«„Теннис а деах... прогулки по чудесному лесу... он уже был моим... я поняла это по его глазам... Первый поцелуй... Но, увы, положение священника... Прихожане души в нем не чаяли... Повышение, обещанное ему архиепископом. Неужели его переведут в другой приход? Эта мысль приводила меня в ужас. Я поняла: сейчас или никогда... Знала, что он, пытаюсь побороть всепоглощающую страсть, вечерами бродит в лесу... Подстерегла его в том самом чудесном лесу! И там, на зеленом ложе из трав, при свете звезд я сделала его моим!“»

Десмонд не мог читать дальше. Его мутило, голова кружилась. Он отодвинул мерзкую газетенку, но его воспаленный взгляд выхватил еще несколько строчек.

«„Беременность, в которой я робко призналась ему в исповедальне... Он стоял рядом со мной. Любовь победила все!“»

И фотографии, запечатлевшие момент, когда она заплетающейся пьяной походкой выходит из отеля. Но самое страшное было дальше:

«Поселившийся в Квэй, в доме номер двадцать девять, и выдававший себя за преподавателя иностранных языков в элитной школе Святого Брендана, отпрыск хорошо известного в Ирландии человека, в отчаянных попытках вернуть самоуважение, немало преуспел, играя роль непорочного молодого холостяка...»

Это окончательно добило Десмонда. Не в силах справиться со слепой яростью, смешанной с отвращением и стыдом, он лег на диван и закрыл глаза.

С самого начала его женитьба была трагической ошибкой, которую он совершил по собственной глупости. Видит бог, он сделал все, чтобы их брак был удачным. И потерпел поражение. Дальнейшая совместная жизнь потеряла всякий смысл. Действительно, что там душой кривить, Клэр явно от него устала, а поскольку он точно был у нее не первым, рано или поздно его заменит кто-то другой — более богатый и более привлекательный.

Эти грустные мысли были прерваны шорохом в спальне; услышав затем шаркающие шаги в коридоре и скрип открываемой двери, он невольно поднял голову. В дверях стояла Клэр. Она была в халате поверх ночной рубашки и в шлепанцах на босу ногу. Неверной походкой она подошла к дивану и уселась рядом с Десмондом.

— Налей мне чаю!

Десмонд уже решил, что не будет устраивать сцен и постарается сохранить хладнокровие. Протянув Клэр газету, он сказал:

— Может, сначала прочтешь, что здесь написано?

Она уставилась на газетную страницу мутным взглядом и не сразу, но все же увидела заголовки. И принялась читать, беззвучно шевеля губами.

Оставив Клэр с газетой, Десмонд прошел на кухню и налил ей чаю. Все еще полусонная и не совсем протрезвевшая, она продолжала читать, прихлебывая чай.

— Ну вот, — наконец произнесла она. — Благодаря мне ты попал на первую полосу.

— После того как ты пьяным безобразием опозорила себя и меня заодно! В понедельник меня скорее всего вышибут из школы, и приличная работа в Дублине мне уж точно больше не светит. Меня выкинут на улицу, и у меня не будет ни гроша, чтобы прокормить тебя и нашего ребенка. — Десмонд замолчал и, взяв себя в руки, продолжил: — Клэр, тебе не кажется, что самое время сделать в нашей семейной жизни, так сказать, перерыв? Поезжайте с Джерри к твоей тете и поживите пока у нее, а там видно будет.

— Значит, я тебе надоела. Ладно, Дес, ты мне тоже осточертел. Ты ужасный зануда, да и в постели, уж если говорить по правде, не слишком хорош. Найдется немало желающих занять твое место. Ты хоть раз сводил меня в кино? Зато вечно таскаешь меня в этот свой Феникс-парк! А мне такая жизнь опостылела! Опостылела! И почему я должна прозябать в убогой квартирке, это я-то, которая привыкла жить, как леди, со слугами и всеми делами! Я уж не говорю, что за покупками мне приходится ходить с пустым кошельком и ничего не остается, как брать все в кредит. Я давно подумываю о том, чтобы вернуться с Джерри к тете. Не сомневаюсь, что нам там будут рады.

— Клэр, мне действительно жаль, что я оказался полным неудачником, — взяв Клэр за руку, произнес Десмонд. — Хотя сейчас у меня даже немножко отлегло от души, поскольку при таком раскладе мое предложение пожить какое-то время отдельно становится еще более обоснованным.

— Дес, да заткнешься же ты, наконец! Нечего переливать из пустого в порожнее. Я, так же как и ты, готова переменить жизнь и даже рада, что можно решить все тихо и мирно, без скандалов. А теперь отправляйся на кухню и приготовь мне что-нибудь на ужин. Завтрак был давным-давно, и я умираю с голоду. Не откажись от бекона и пары яиц.

— Думаю, ничего другого у нас и нет, — поднимаясь с дивана, сказал Десмонд с сомнением в голосе.

Его действительно мучили сомнения. Еще час назад он наотрез отказался бы ей прислуживать, но сейчас, когда впереди замаячила перспектива расстаться по-хорошему, он решил не вступать в пререкания и подчиниться.

— И обязательно поджарь немного хлеба. А я пока пойду прилягу. Что-то мне нехорошо.

Кладовка и на самом деле оказалась практически пустой: только бекон, два яйца и черствая краюшка хлеба, но Десмонд все же выполнил заказ Клэр, оставив два ломтика бекона, чтобы сделать себе бутерброд. После завтрака, состоящего из кофе с тостами, он весь день ничего не ел.

— Дес, гляди, какого хорошего повара я из тебя сделала, — заметила Клэр, подчищая тарелку корочкой хлеба. — А пока я за тебя не взялась, ты и яйца толком не мог сварить. Ну вот, теперь мне гораздо лучше. Как насчет того, чтобы дать малышке перед сном бутылочку? Все там, в шкафу у меня завтра столько дел, столько дел, что мне, пожалуй, лучше вернуться в кровать.

Когда Клэр ушла, Десмонд занялся приготовлением детского питания, в чем он за это время весьма преуспел. И уже позже, сидя с малышкой, жадно присосавшейся к своей бутылочке,

но при этом не сводящей широко открытых темных глаз с его лица, Десмонд почувствовал, как печально сжалось сердце. Он любил дочку и знал, что будет ужасно по ней тосковать. Но, для ее же блага, девочку следует отправить к госпоже Донован, которая независимо от отношения к самому Десмонду сможет обеспечить ребенку должный уход. Более того, он ведь отдает дочку только на время. Когда он придет в себя и снова займет достойное положение в обществе, обязательно заберет дочь обратно.

Закончив с кормлением, Десмонд поменял малышке подгузник и уложил в колыбельку. Ее мать тем временем уже видела десятый сон, о чем свидетельствовало мерное похрапывание.

Десмонд вернулся в гостиную, чтобы соорудить себе импровизированную постель на диване, и, сняв костюм, лег прямо в нижнем белье. Перспектива встречи с доктором О'Хара тяжким грузом давила на Десмонда, но, намаявшись за день, он вскоре уснул. VI

В понедельник утром Десмонд проснулся посвежевшим и хорошо отдохнувшим, но ужасно голодным. Весь уик-энд он практически ничего не ел. Он встал с дивана, заварил чай и доел остатки черствого хлеба, после чего выпил две чашки крепкого чая. Прошел в ванную, где умылся и побрился тщательнее обычного, потом вернулся в гостиную и оделся, предварительно аккуратно почистив щеткой костюм. За все это время из спальни не донеслось ни звука. Десмонд вышел из дому и пошел пешком в сторону школы.

Было еще очень рано, а потому он шел не торопясь, стараясь не думать о неприятной беседе с доктором О'Хара, которая наверняка ждет его впереди. И уже в который раз у него возникло непреодолимое желание помолиться, попросить у Всевышнего помощи и заступничества. И уже в который раз он подавил в себе это желание.

На школьном дворе Десмонд увидел мальчиков из своего класса, которые, приветливо улыбнувшись, приподняли фуражки и побежали дальше. Десмонд собрался было последовать за ними, но стоявший в дверях старшеклассник предупреждающе поднял руку:

— Вам нельзя входить, сэр. Приказ доктора О'Хара. Он велел, чтобы вы сразу же шли к нему в кабинет.

У Десмонда упало сердце. Он стоял и смотрел на мальчишку, который упорно отводил глаза, затем, ни слова не говоря, круто развернулся и пошел в сторону директорских владений. Постучал в дверь и, услышав приглашение войти, шагнул в кабинет.

Доктор О'Хара восседал за письменным столом, перед ним сидели две женщины, вооруженные зонтиками и одетые в лучшие воскресные костюмы; на лицах обеих застыло выражение поруганной добродетели.

— Мистер Фицджеральда, — с места в карьер начал доктор О'Хара. — Эти две дамы, обе матери ваших учеников, буквально шокировали меня, рассказав ужасную историю, напечатанную во вчерашнем номере «Санди кроникл» — газеты, которую сам я не читаю. Фицджеральд, скажите мне честно, были ли вы когда-то приходским священником в Килбарраке? Действительно ли соблазнили молодую девицу из своего прихода, а когда она понесла, женились на ней, оставив лоно Церкви?

— Это правда, сэр.

— Тогда, ради всего святого, почему, нанимаясь ко мне на работу, вы не открыли мне всей правды?

В комнате повисла напряженная тишина, слышно было только перешептывание посетительниц: «Я так и знала, что достойный доктор был абсолютно не в курсе».

— Понимаете, сэр, — выдавил из себя Десмонд. — Я опасался, что если честно вам все расскажу, вы не возьмете меня на работу.

— Мы ни минуты не сомневались, дорогой доктор, что вы и понятия не имели, — заявила одна из женщин. — Но что же теперь делать?

— Ах да, теперь, мадам. Фицджеральд, я обязан уведомить вас, что с этого момента вы больше не работаете в школе Святого Брендана. Вы покинете наши стены прямо сейчас, не заходя в класс. Вот ваше жалованье до конца месяца.

Десмонд взял протянутый ему конверт и, помолчав с минуту в бессильном отчаянии, сдавленным голосом произнес:

— Мне искренне жаль, сэр, что я причинил вам столько хлопот, и я невероятно благодарен вам за все, что вы для меня сделали. А что касается вас, дамы, могу вас только поздравить. Ваш благородный порыв лишил меня последнего шанса искупить вину и начать новую жизнь. Мои ученики видели от меня только хорошее и, хочется верить, любили меня.

С этими словами Десмонд повернулся, осторожно прикрыл за собой дверь и печально побрел к своему дому в Квэй. Хотя разве можно было считать своим домом место, с которым связаны утраченные надежды и рухнувшие мечты?!

В Квэй он попал около одиннадцати и уже издалека приметил миссис Маллен — вестницу хороших, но чаще плохих новостей, — нервно расхаживающую под дверью.

— О, какое счастье, что вы вернулись, сэр! Леди ушла из дому, вся расфуфыренная, куда там, и заперла дверь. А малютка плачет, надрывается, а мне внутрь не попасть.

— Благодарю вас, миссис Маллен. У меня есть ключ. Я позабочусь о Джерри.

Десмонд открыл дверь и вошел в дом. Увидев отца, малышка перестала плакать и только тихонько всхлипывала. Засучив рукава, Десмонд взялся за дело. Так как в буфете не оказалось молока, он на скорую руку приготовил детскую смесь, которую Джерри явно предпочитала молоку, и осторожно кормил ее с ложечки, пока та не успокоилась. Теперь надо было сменить подгузник. Десмонд вынул ребенка из колыбельки и отнес в гостиную, где благодаря большим окнам было светлее, а потому легче выполнять эту довольно сложную процедуру.

Не успел он снять испачканный подгузник и вытереть грязную попку, как в дверь позвонили. Десмонд с облегчением подумал, что это пришла миссис Маллен, и крикнул:

— Входите!

Но то была вовсе не его любезная соседка. В дверях стояли каноник и миссис О'Брайен.

— Десмонд, можно войти? Мы с миссис О'Брайен были в городе, выбирали тонкий холст для новой алтарной преграды. И, естественно, не могли не заглянуть к тебе.

— Входите, пожалуйста, — еле слышно проговорил Десмонд. — Как видите, в данный момент я очень занят.

— Наслаждаешься радостью отцовства, — заметил каноник, когда голый и не вытертый до конца ребенок закатился в истерике с новой силой.

— Десмонд, будьте добры, позвольте мне. Где у вас тут ванная? Там, что ли? — Миссис О'Брайен решительно шагнула к столу, взяла ребенка на руки, подобрала испачканную пеленку и исчезла.

Каноник вошел в гостиную, осторожно прикрыл за собой дверь, сел на диван и с неммым укором уставился на черствую горбушку, початую баночку дешевого джема и грязную чашку из-под чая.

— Ну что ж, приятель, — сказал он. — Теперь я имею счастье лицезреть тебя не только в заголовках газет по всей Ирландии, но и в стенах родного дома. Даже невооруженным глазом видно, что еще немножко — и ты умрешь с голода. Ты бледный как смерть, тощий — кожа да кости, — щеки запали, словом, от тебя прежнего, которого я имел удовольствие знать, осталась одна тень. Хотя все твои лишения компенсируются счастьем иметь преданную, любящую жену. Мы видели ее в «Хибе», в баре, со стаканом в руках, разряженную, как царица Савская, в компании трех шикарных молодых хлыщей, будто прямо со скачек в Болдойле. — И так как Десмонд упорно молчал, каноник продолжил: — Какое благородство, какая жертвенность. И все во имя любви! Предать свою веру, свое призвание, свое блестящее положение, предать все ради похотливой сучки, подловившей тебя в минуту слабости в темноте! Ну что, продолжаешь гордиться собой? Или все-таки понял, что совершил страшную глупость?

— Нет, не глупость, — не поднимая головы, ответил Десмонд. — Безумие! И как жестоко я поплатился!

— Господи, раз уж тебе так захотелось любви, почему ты не обратился к мадам? Она ведь запала на тебя, можно сказать, влюбилась по уши. А когда угар страсти прошел бы, вы прекрасно поладили бы, оставшись любящими друзьями, и все было бы шито-крыто. И вообще, в старые добрые времена даже у Пап были женщины. Но нет, ты решил сыграть в благородство, стать героем, и все ради никчемной сучки, опустившей тебя до своего уровня, до сточной канавы, а теперь готовой, Господь свидетель, сбежать, даже не попрощавшись! — Не дождавшись от Десмонда ни слова, каноник продолжил: — Яблоко от яблоньки недалеко падает. Истинная дочь своей матери, бросившей достойного мужа ради какого-то прохвоста, который, разъезжая по Европе, потешился ею пару месяцев и оставил без гроша в кармане в неведомых краях. Вот она с горя и кинулась под поезд на вокзале в Брегенце. — И так как Десмонд продолжал упорно молчать, каноник, тяжело вздохнув, воскликнул, причем даже не воскликнул, а скорее простонал: — Как мне не хватает тебя в Килбарраке, приятель! Когда ты возвращался домой после мессы или после занятий с детишками и мы сидели с тобой за стол, я разрезал баранью ногу с хрустящей корочкой, зажаренную миссис О'Брайен как раз в самую меру, а потом ты отправлялся в «Маунт-Вернон» выпить чашечку чаю и помузицировать с мадам, и архиепископ присылал мне письма, превознося тебя до небес, я гордился так, будто ты мой родной сын... О Господи! У меня прямо сердце разрывается, когда я вспоминаю об этом...

После этого душераздирающего монолога в гостиной повисло напряженное молчание, которое нарушила вернувшаяся миссис О'Брайен.

— Вот и все, — жизнерадостно сообщила она. — Ребенок помыт, переодет, уложен в кроватку и уже засыпает.

— Тогда нам, пожалуй, пора, — решительно поднялся с места каноник. — Нам здесь больше нечего делать. Что случилось, то случилось, и сделанного не воротишь. Прощай, Десмонд, дорогой, и храни тебя Бог! — Каноник осенил крестным знаменем сгорбленную фигуру за столом и направился к выходу.

— До свидания, мой дорогой Десмонд, — прошептала миссис О'Брайен. — Я каждый вечер молюсь за спасение вашей души и никогда вас не забуду.

Когда они ушли, Десмонд попытался стряхнуть с себя тоску, навеянную скорбными речами каноника. Он прошел в спальню, где малышка, вымытая и переодетая во все чистое, уютно

посапывала в колыбельке. В комнате было прибрано, кровать аккуратно застелена, что было новинку для Десмонда, в последнее время привыкшего, увы, спать на скомканных простынях. В ванной тоже царил идеальный порядок: полотенца расправлены, мыло и мочалка, валявшиеся на дне ванны, положены на край раковины. А на маленькой полочке над раковиной, под тюбиком зубной пасты, лежала хрустящая пятифунтовая банкнота.

Этот знак любви и милосердия стал последней каплей, и если до того Десмонд еще хоть как-то держался, сейчас самообладание его покинуло. Он вернулся в гостиную, сел за стол, положил голову на руки и горько-горько зарыдал.

Наплакавшись, он все же взял себя в руки и задумался о будущем. В конверте от доктора О'Хара лежало двадцать пять фунтов. Еще был неприкосновенный запас — пятьдесят фунтов, — запертый в чемодане. Арендная плата за год внесена. По крайней мере, он не банкрот. Он открыл чемодан, положил двадцать пять фунтов к тем пятидесяти, что лежали в боковом кармашке, запер чемодан и с пятифунтовой банкнотой в кармане отправился через улицу к бакалейщику заплатить по счетам.

— А я-то боялся, что вы запамятовали, сэр, — увидев на прилавке пять фунтов, заметил управляющий. — Ну-с, давайте проверим. Я должен вам семнадцать шиллингов и девять пенсов. Так что, доставлять вам снова молоко по утрам?

— Если не затруднит. А еще приложите к заказу вон тех яблок. И простите за задержку.

— Не беда, сэр. Что бы там о вас ни болтали, для меня фамилия Фицджеральд — не пустой звук. Позвольте дать вам с собой яблоко. Это «Кокс» нового урожая.

И вот с яблоком в руках и семнадцатью шиллингами и девятью пенсами в кармане Десмонд покинул магазин и вернулся домой, где, к своему огромному облегчению, увидел миссис Маллен.

— Я тут подумала, что вам надо помочь, сэр. У вас ведь было полно посетителей. Что мне для вас сделать?

— Миссис Маллен, если не откажетесь присмотреть за малышкой, то я, пожалуй, выйду на пару часиков. Я дам вам ключ от дома.

— Ох, сэр, конечно, идите, подышите свежим воздухом. Видит бог, вид у вас неважнецкий.

Десмонд отдал ключ и, со странным чувством нереальности происходящего, медленно побрел в направлении своего неизменного прибежища, где еще ребенком так часто гулял с отцом.

День выдался прохладным, но погожим, в парке было безлюдно, и, хотя Десмонд понимал, что лучше бы все-таки пройтись, он все же нашел укромный уголок и присел в сени деревьев, чтобы отдохнуть под успокаивающее пение птиц. Он съел яблоко прямо с кожурой, бросив огрызок дружелюбным воробьям, откинулся на спину и закрыл глаза. И буквально через минуту провалился в сон. VII

Он в буквальном смысле провалился, настолько был и морально, и физически измучен, и проспал как убитый целых три часа. Десмонд проснулся, когда вокруг уже сгущались сумерки, и поспешил к воротам, чтобы не оказаться запертым здесь на ночь. За воротами он, сбавив шаг, пустился в обратный путь — назад в Квэй и в жестокую реальность.

Уже подходя к дому, Десмонд заметил патрулирующую под дверью миссис Маллен, что, как он знал из горького опыта, ничего хорошего не сулило. Увидев Десмонда, она бросилась ему навстречу.

— О господи! Слава богу, вы вернулись! Я тут чуть с ума не сошла. Случилось такое, такое, что страшно сказать! — И слегка отдышавшись, миссис Маллен продолжала: — Не успели вы уйти, как пришла мадам. Прикатила на шикарной машине с каким-то пижоном за рулем. Она влетела в дом и очень скоро вышла обратно с багажом. Потом опять вошла, пробыв там уже подольше, и снова вышла еще с какими-то вещами и малышкой, завернутой в одеяло. Она свалила все в кучу в багажник, а что не поместилось, положила на сиденье. «Мадам, вы куда?» — отважилась спросить я. «В Коб, прямо в порт! — крикнула она пьяным голосом. — И катись ты к черту, старая карга Маллен, да и все остальные тоже!» Они нажали на гудок — да только их и видели. — Миссис Маллен снова замолчала, а потом тихо сказала: — Я зашла в дом, а там творилось такое, будто все адские фурии вырвались на волю!

Десмонд открыл дверь и вошел. В гостиной царил настоящий хаос. Стол перевернут, стулья опрокинуты, кухонная утварь и фарфор — на полу. В спальне колыбелька валялась на боку, одеяла и простыни сброшены с кровати, его бесценные картинки в рамках — «Благовещение» Фра Бартоломео и фотография покойной матери — варварски разбиты, вне всяких сомнений, об острый угол комода, стекла разлетелись на мелкие осколки, рамки погнуты, а сами снимки порваны в клочки.

Бессильно опустившись на голый матрац, Десмонд молча обозревал картину разрушения, свидетельствующую о такой беспричинной ярости и ненависти, что у него больно сжалось сердце. Неожиданно его пронзила страшная мысль. Вскочив с кровати, Десмонд бросился в гостиную и распахнул дверцу шкафа.

Его чемодан по-прежнему стоял там, но замок был сорван и болтался, абсолютно бесполезный. Десмонд упал на колени и поднял крышку. Деньги исчезли. Все, до последней фунтовой банкноты. Клэр закончила так же, как и начала: проявив чудовищный эгоизм и черную неблагодарность. Она обобрала его до нитки.

Десмонд словно окаменел от горя, и вошедшая в комнату миссис Маллен застала его стоящим на коленях.

— Вставайте, сэр, — ласково сказала она. — Я попрошу Джо здесь прибраться. Вы и оглянуться не успеете, как здесь будет полный порядок.

Десмонд позволил ей поднять себя и усадить в кресло, которое она перевернула, поставив на место. Он так и остался сидеть, чувствуя горечь во рту и неприятный холодок под ложечкой. Бывший священник, уволенный с позором школьный учитель, а в кармане — ровно семнадцать шиллингов и девять пенсов, отделяющих его от голодной смерти.

Мужской голос заставил его очнуться.

— Не расстраивайтесь, сэр. Я в два счета здесь приберусь.

Это пришел Джо, который засучив рукава принялся за работу. Десмонд же апатично сидел в кресле, не в силах подняться. Но когда Джо закончил и комнаты приобрели первоначальный вид, Десмонд поманил Джо к себе.

— Джо, большое тебе спасибо. Очень тебе признателен. Только не понимаю, почему вы с бабушкой со мной возитесь. Я этого не заслуживаю.

— Нет, заслуживаете, сэр. И, кроме того, мы умеем помнить добро. Когда умер мой отец, а потом и моя мать, ваш батюшка купил нам с бабулей дом, чтобы у нас была крыша над головой.

Десмонд не знал, что сказать. Он никогда не переставал удивляться многочисленным достоинствам, популярности и благородству отца, но сейчас был по-настоящему потрясен.

— Джо, как бы мне хотелось дать тебе хоть что-нибудь и от себя лично, но у меня сейчас ни гроша.

— Я так и знал, что она обдерет вас до нитки, сэр. Мы, официанты, видим и слышим у себя в «Хибе» гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Мы сразу поняли, что она дрянь. Но коль уж так вышло, скажите, что вы собираетесь делать дальше?

— Я потерял все и оказался на самом дне, откуда мне, похоже, уже не выбраться.

— Мне кажется, тут вы ошибаетесь, сэр! — воскликнул Джо и, поколебавшись, продолжил: — Вы забыли о своем уникальном даре. Я имею в виду ваш чудесный голос. Я читал об этом в «Кроникл» и думаю, что смогу найти вам работу. — Заметив сомнение в глазах Десмонда, Джо добавил: — В общем, так, сэр. У нас в «Хибе» в обеденное время буквально не протолкаться, и мистер Мейли, управляющий, частенько приглашает артистов, чтобы те пели или играли на рояле для публики. Прошлой зимой у нас выступал даже скрипач Альберт Саммонз. Так что, если позволите, я могу переговорить с мистером Мейли насчет ангажемента с вами.

Десмонд не знал, что и сказать. Петь в пабе? Неужели он так низко пал?! Уж лучше на улице. Хотя почему бы и нет? Ему вдруг захотелось достичь самого дна. И вообще, все не так уж и плохо. Ведь «Хибериан» — первоклассный отель, который посещает цвет дублинского общества и многие известные люди. Но самое главное, ему позарез нужна работа, и не только потому, что он без гроша, но и потому, что ему хотелось убежать от проклятого одиночества, нависшего над ним черной тенью.

— Джо, ты настоящий друг, — мрачно улыбнулся Десмонд. — Я пойду с тобой в отель, когда тебе будет удобно, и попытаю счастья с мистером Мейли.

— Вы совершенно правы, сэр. Мистер Мейли — замечательный человек и, мне кажется, сможет помочь вашей беде, — сказал Джо и, немного подумав, спросил: — А не могли бы вы подойти завтра к четырем часам? Оденьтесь поприличнее, словом, постарайтесь выглядеть как можно лучше.

— Обязательно приду, — протянув Джо руку, кивнул Десмонд.

Когда Джо ушел, Десмонд бросил взгляд на часы. Почти восемь вечера. Он был так измучен, что ему хотелось только одного: поскорее в постель. Но он прекрасно понимал, что необходимо поесть, а потому впихнул в себя тарелку овсянки с молоком и яблоко — из тех, что ему доставили и которые миссис Маллен убрала в буфет. Затем он принял горячую ванну и лег, наслаждаясь удивительным покоем и блаженной возможностью раскинуться на широкой кровати и, лежа вот так, в одиночестве, ждать, пока придет сон, не боясь, что от тебя будут требовать выполнения супружеских обязанностей. VIII

На следующий день в десять минут четвертого Десмонд вышел из дому и направился в сторону отеля «Ройал Хиберианз». Он тщательно побрился и причесался, на сей раз уделив своей внешности больше внимания, чем обычно, отполировал до зеркального блеска давно нечищенные ботинки и надел свой лучший итальянский костюм, рубашку с мягким воротничком и темный галстук. Посмотрев на себя в зеркало, он не мог не признать, что, несмотря на болезненную бледность, по-прежнему очень недурен собой и выглядит даже моложе, чем прежде, почти мальчишкой. И правда, ведь ему еще не было и тридцати.

Перед входом в отель выстроилась привычная вереница самых разных машин — больших и маленьких, шикарных и попроще. Десмонд вошел, пересек холл и направился в ресторан, ориентируясь на многоголосый гул толпы. В зале и правда яблоку негде было упасть, поскольку в Дублине в это время принято пить чай, а «Хибериан» считался модным местечком. Десмонд решил не заходить внутрь, а остался стоять в дверях, наблюдая, как Джо

лавирует между столиками. Джо, явно высматривавший Десмонда, заметил его и тут же подошел.

— Сэр, вы выглядите сногшибательно. Сегодня у нас наплыв гостей. Пойду шепну мистеру Мейли, что вы тут.

И действительно, вскоре к Десмонду подошел управляющий отелем мистер Мейли — осанистый человек лет пятидесяти, властное выражение лица которого говорило, что он — человек серьезный. Мистер Мейли оглядел Десмонда с головы до ног и строго сказал:

— Вы попали в беду. Джо говорит, вы в отчаянном положении.

— У вас верная информация, — отозвался Десмонд.

Похоже, его ответ произвел на мистера Мейли благоприятное впечатление. Недолго подумав, он сказал:

— Что ж, вот ваша публика. Ступайте и покажите, на что вы способны. А я посижу послушаю.

Десмонд кивнул и, не говоря ни слова, прошел прямо к небольшой эстраде, около фута высотой, где стояло фортепьяно. По залу тотчас же побежал шепоток. Подождав, пока шум стихнет, Десмонд поклонился и сел за фортепьяно.

Для начала он решил исполнить прелестную вещицу Шумана «Встречаю взор очей твоих». Пел он на немецком языке, нежно и проникновенно, затем практически без перехода исполнил трогательную песню «Волосы Джинни цвета каштана». Тут ему пришлось ненадолго прерваться — такими теплыми были аплодисменты. Среди множества обращенных к нему лиц Десмонд заметил улыбающееся лицо Мейли, который хлопал как сумасшедший.

Десмонд не стал раскланиваться и благодарить публику, а продолжил выступление, чередуя ирландские баллады и немецкие романсы. И его без конца прерывали бурные аплодисменты публики. Но когда, закончив концерт своей любимой «Тарой», он сошел с эстрады, восторженная овация и крики «бис» заставили его вернуться и повторить последний куплет. И только тогда ему удалось улизнуть через боковую дверь, ведущую в служебное помещение. А там он нос к носу столкнулся с мистером Мейли, который, выдвинув из-за стола два стула, предложил ему сесть.

— Присаживайся, Десмонд. Ну что, очень устал?

— Да нет, не слишком. Зато здорово проголодался.

— Не волнуйся, это мы сейчас устроим, мой мальчик. А теперь послушай меня. Меня все знают как честного и справедливого человека, и я не из тех, кто будет пользоваться твоим затруднительным положением. Ты прекрасно себя показал, а я знаю, о чем говорю. Уверен, что благодаря тебе у нас прибавится посетителей. Публика будет из кожи вон лезть, чтобы сюда попасть! — воскликнул управляющий и, посмотрев Десмонду прямо в глаза, продолжил: — Вот что я хочу тебе предложить. Ты будешь петь, когда мы подаем чай, всего час, не больше, так как я вовсе не собираюсь загонять тебя до смерти, затем отдых в отведенной тебе комнате, куда будут приносить обед с вином по выбору из меню, потом еще одно часовое выступление после обеда. Я готов платить тебе тридцать фунтов в неделю при условии, что ты останешься на весь сезон, включая Весенний фестиваль.

От неожиданности Десмонд даже побледнел.

— Это так благородно, так благородно с вашей стороны, сэр. Вы ведь знаете, в какой я нужде, — с трудом выдавил он из себя.

— Ну да, конечно, я мог бы надуть тебя, — улыбнулся управляющий. — Но Джеймс Мейли не из такого теста. К тому же мне почему-то кажется, что благодаря тебе отель будет забит до отказа. А теперь, пожалуй, скажу Джо, чтобы принес тебе чаю. Он покажет тебе твою комнату. Обед будет чуть позже. — И крепко пожав безвольную руку Десмонда, мистер Мейли вышел.

Оставшись один, Десмонд с трудом справился с раздиравшими его противоречивыми чувствами. Ему одновременно хотелось и плакать, и смеяться. И только появление улыбающегося от уха до уха Джо привело его в чувство.

— Догадываюсь, что вы сейчас испытываете, сэр. Это триумф, сэр, и я счастлив. А теперь выпейте-ка крепкого горячего чая.

— Спасибо, Джо. Огромное тебе спасибо, — прошептал Десмонд, чувствуя комок в горле.

Джо с отеческим участием смотрел, как Десмонд с удовольствием прихлебывает горячий чай, а когда тот закончил, сказал:

— Тут две дамы, сэр. Миссис Боланд из Боллсбридж[48] с сестрой, очень милые женщины, настоящие леди, я их хорошо знаю. Спрашивают, не окажете ли вы им любезность подойти к их столику.

— Нет, Джо, — решительно покачал головой Десмонд. — Поблагодари их, конечно, от моего имени. Я твердо решил никогда не принимать подобных приглашений.

— Понимаю, сэр. И еще больше уважаю вас за это. Хотя, конечно, те дамы, да и остальные, что здесь бывают, действительно настоящие аристократки и очень хорошие люди. А теперь, если вы готовы, я могу показать вам вашу комнату.

Комната, с окнами в тихий дворик, расположенная на первом этаже, оказалась маленькой, но опрятной, с умывальником и аккуратной односпальной кроватью. Десмонд упал на кровать и закрыл глаза.

— У вас еще больше часа до обеда, сэр, — сказал Джо, осторожно прикрывая за собой дверь.

Десмонд проспал до семи часов. Разбудил его Джо, который принес обед.

— Мистер Мейли лично все заказал, — поставив прекрасно сервированный поднос на маленький столик у окна, сообщил Джо. — Он решил, что для первого вечера вам больше подойдет что-нибудь легкое. — И уже стоя в дверях, добавил: — Вы бы видели вечерние газеты, сэр! Очень хорошие отзывы!

Но Десмонда мало волновало, что пишут о нем в газетах. Недавние события ожесточили его душу, он словно оделся в броню безразличия и странной невосприимчивости. Хорошо это или плохо, но ему все казалось поверхностным и абсолютно неважным.

Тем не менее он отдал должное обеде, состоявшему из чашки вкуснейшего говяжьего бульона, большого куска палтуса с ранними помидорами и двух бокалов белого вина. На десерт было шоколадное суфле со взбитыми сливками.

Уже очень давно, наверное, много-много месяцев, со времени счастливого пребывания в Риме, в гостях у маркизы, он не пробовал такого обеда, который, кстати сказать, чрезвычайно взбодрил его, позволив восстановить силы. Десмонд чуть улыбнулся, обдумывая программу вечернего выступления; он решил, что внесет в исполнение элемент небрежной виртуозности. Он все еще пребывал в раздумьях, когда дверь распахнулась и в комнату вошел не кто иной, как сам Мейли — улыбающийся и довольно потирающий руки, дружелюбный и очень внимательный Мейли.

— Ну что, Десмонд, все в порядке? Обед понравился? — спросил мистер Мейли, а потом, не выдержав, воскликнул: — Ты бы видел вечерние газеты! Полный экстаз! Пишут, что ты переплюнул даже Джона Маккормака[49]. В обеденном зале ни одного свободного места, нам пришлось организовать еще тридцать мест в холле. Надеюсь, такая толпа тебя не слишком смутит?

— Ничуть. А можно мне будет остаться здесь на ночь, если я слишком устану?

— Конечно, старина. А завтра подыщем тебе что-нибудь получше.

— Благодарю вас, мистер Мейли. Но мне и здесь хорошо. Эта комната чем-то напоминает комнатушку, в которой я жил в Испании в свою бытность послушником.

— Ладно-ладно, любое твоё желание — закон. Ты ведь понимаешь, как мне хочется доставить тебе удовольствие, — расплылся в улыбке мистер Мейли и, замаявшись, спросил: — Ну как, к восьми будешь готов?

Десмонд ответил ему сдержанной безразличной улыбкой, что отражало его теперешнее душевное состояние. К восьми часам он успел причесаться и умыться холодной водой, словом, был полностью готов. Он вышел из комнаты — внутренне собранный и абсолютно невозмутимый, но ему даже на миг не пришла в голову мысль помолиться об успехе предстоящего мероприятия; его совершенно не волновал гул толпы в обеденном зале, он дал себе зарок сохранять хладнокровие и не улыбаться, но использовать в полную силу свой чудесный дар, использовать его как горький ответ тем, кто так жестоко с ним обошелся. IX

Десмонд уже пел в «Хибернианз» более трех недель, когда с ним случилось нечто из ряда вон выходящее. Это произошло во время Весеннего фестиваля, ради которого в Дублин съезжаются сотни людей. От наплыва гостей у Мейли уже ум заходил за разум; и дело было даже не в необходимости разместить многочисленных влиятельных и состоятельных клиентов, каждый из которых требовал себе лучшие комнаты, а в резко возросшем спросе на Десмонда. Мистер Мейли расширил холл за счет двух соседних комнат и предусмотрительно ввел входную плату в размере двух гиней, благодаря чему деньги потекли рекой. Изменилось и отношение мистера Мейли к Десмонду, к которому управляющий теперь относился с огромным почтением.

— Десмонд, что еще для тебя сделать? Только скажи! Ты ведь, конечно, знаешь, что в конце сезона тебе будет выплачена солидная премия.

— Прекрасно, мистер Мейли. Вы ведь, конечно, тоже знаете, что в конце сезона я собираюсь вас покинуть.

— Боже правый, приятель! Ты не можешь так со мной поступить! Мы еще даже не на пике!

— И тем не менее я вас оставлю. Вы ведь помните условия нашего договора. Вы тогда совершенно определенно сказали: до конца Весеннего фестиваля.

— Но понимаешь, Десмонд...

— Не понимаю, мистер Мейли. А так как вы всегда говорили, что вы человек честный, ловлю вас на слове.

— Я буду платить тебе вдвойне и даже больше.

— Ответ «нет». Вы ведь не можете рассчитывать на то, что певец моего уровня будет петь без передышки. И еще, — понизил голос Десмонд, — у меня есть на то личные причины.

— Тогда возвращайся, дружище. Ты должен обязательно вернуться.

— Посмотрим, мистер Мейли. Поживем — увидим.

В тот вечер Десмонд превзошел самого себя. Он пел, отрешенно глядя в зал, и хотя, казалось, совершенно забыл о публике, прекрасно понимал, какую бурю восторга вызовет его пение. После выступления он столкнулся с Джо, который с трудом улучил момент в этой суете.

— Сэр, послушайте. Там в углу, у самой эстрады, сидит одна маленькая толстуха. Так вот, она велела мне попросить вас подойти к ней. — С этими словами Джо озабоченно вынул из кармана пятифунтовую банкноту. — Ну, пожалуйста, сэр! Ради меня. Она, конечно, далеко не красавица, но я готов поспорить на эту пятерку, что это какая-то важная шишка.

— Хорошо, Джо. В первый и последний раз. И только ради тебя.

Когда толпа немного рассосалась, Десмонд стремительно прошел через эстраду и приблизился к столику, на который указал Джо. Женщина, в точности соответствующая описанию Джо, сидела перед нетронутым стаканом виски с содовой. На ней было совершенно неподходящее для ее комплекции парижское платье с низким вырезом, из которого вываливалась жирная грудь.

Десмонд неприязненно смотрел на нее, молча ожидая, что она попросит автограф. Та в свою очередь тоже молча изучала Десмонда. Наконец с едва уловимым американским акцентом она произнесла:

— Значит, вы и есть тот самый молоденький священник Фицджеральд, которого выгнали за блуд.

— Как вам будет угодно, мадам, — с каменным лицом ответил Десмонд.

— Ну и как, понравилась интрижка на стороне?

— Чрезвычайно! — будто плюнув в собеседницу этим словом, ответил Десмонд.

— И сдается мне, вы еще немножечко и поете.

— Как вам будет угодно, мадам, — сказал Десмонд, и в разговоре повисла пауза.

— А что, вы так бережете свой зад, что не садитесь?

— Предпочитаю наслаждаться вашими прелестями стоя, мадам. Ну что, теперь, когда вы исчерпали свой запас остроумия, я могу идти? Но перед этим я вам прямо скажу: вы самая мерзкая, жирная, грязная, вульгарная и отталкивающая особа из всех, кого мне доводилось видеть.

Неожиданно дама разразилась гомерическим хохотом, а когда Десмонд уже повернулся уходить, ухватила его за фалду мясистой рукой с короткими толстыми пальцами, на одном из которых красовался бриллиант размером с грецкий орех, и насильно усадила на стул возле себя.

— Десмонд, погоди, не убегай! Кажется, ты мне нравишься, и даже очень. Я привыкла, что мне все угождают, врут, готовы пресмыкаться передо мной, лишь бы завоевать мое расположение, а потому даже приятно для разнообразия хоть раз в жизни услышать правду, — сказала она и, помолчав, спросила: — Ты, разумеется, знаешь, кто я такая?

— Не имею ни малейшего представления, мадам. Не знаю и знать не хочу.

— Я Беделия Бассет. Хорошо известная в Штатах как Делия Би. Ну что, слышал обо мне? —

спросила она и, когда Десмонд отрицательно покачал головой, воскликнула: — Боже правый! Да ты просто какая-то деревенщина из глухомани! Неужто не знаешь, что я сотрудничаю с шестьюдесятью крупнейшими американскими газетами, ведущие режиссеры Голливуда трепещут в моем присутствии, звезды умоляют дать о них хороший отзыв, чтобы еще больше прославиться, и ужасно боятся меня разозлить, так как одного моего слова достаточно, чтобы отправить их на улицу торговать леденцами?

— Мадам, я ничего этого не знаю, и меня это не интересует. Если я и наслышан немного о вашем сказочном королевстве, то исключительно благодаря своему другу, моему единственному другу на всем белом свете. Когда-то он был врачом, а теперь это писатель Алек Шеннон. Он бывал в Голливуде и даже продал там для экранизации свои первые два романа.

— Алек Шеннон! Где-то я слышала это имя. Хотя в Голливуде писателей — как грязи. Тоже мне говна-пирога! Говоришь, единственный друг?

— Да. Кроме Большого Джо, здешнего официанта. Все остальные от меня отвернулись.

— А жена?

— Я ненавижу ее, — коротко отрезал Десмонд. — Ненавижу настолько же сильно, насколько люблю свою дочь. Которую, надеюсь, скоро увижу. Она у тетки жены, госпожи Донован, чье виски вы сейчас пьете.

— Бог ты мой, Десмонд! Я женщина бывалая, и все же ты меня удивил. У госпожи Донован, похоже, в руках миллионы, она дарит соборы, а ты зачем-то здесь...

— Поешь в пивной за пару десятков в неделю, — продолжил Десмонд и, помолчав, добавил: — Это мой собственный выбор. Мне уже на все наплевать. Хотя сейчас я как раз собираюсь покинуть мистера Мейли, чтобы съездить навестить свою малышку.

— Он тебя ни за что не отпустит. Ты для него что манна небесная. Если, конечно... Скажи, ты что-нибудь подписывал? — поинтересовалась Делия Би и, когда Десмонд покачал головой, страшно обрадовалась. — Слава богу. Это было бы не самым удачным началом. А теперь, Десмонд, слушай-ка меня внимательно. Мне редко кто нравится, но если уж нравится... я все для него сделаю. Вот что я тебе скажу. Здесь ты впустую тратишь время и свой талант. Исключительный талант! Я знаю, тебя обидели и тебе хочется зарыться в норку. Но с этим надо кончать. Завтра я уезжаю в западную часть страны, в маленькую деревушку, откуда, насколько я знаю, родом мои предки, но через неделю вернусь. А теперь можешь сделать мне маленькое одолжение до моего отъезда? Ладно, молчание знак согласия. Вечером я буду сидеть за этим же столиком. Кончай петь слюнявые ирландские песенки. Исполни что-нибудь значительное, классическое, оперную арию, например. Сделай это для меня, и я буду знать, что ты на моей стороне! Теперь иди обедать! А я пока посижу, черкну парочку телеграмм и допью тетушкино виски.

Похоже, эта странная маленькая женщина все же сумела задеть Десмонда за живое. Покончив с обедом, он понял, что должен непременно написать своему другу.

«Сегодня днем ко мне пристала одна весьма странная дама — жирная коротышка, разряженная в пух и прах и гордо именующая себя Беделией Бассет. Поверишь ли, она увлеклась мной, скорее даже не мной, а моими способностями. Она, наверно, шутит, но все же утверждает, будто знает тебя, хотя откровенно презирает всех авторов и характеризует их грязным непечатным словом. Как тебе известно, я бросаю свою работу здесь, в пивной. Изысканная и сытная еда, которой совершенно задаром кормил меня добрейший Мейли, снова поставила меня на ноги, и я собираюсь в Веве проведать свою ненаглядную малышку. Алек, я ее ужасно люблю, хотя ты наверняка сочтешь это очередным проявлением моей

слабости. Где сейчас моя жена и что с ней, не знаю, да и знать не хочу. Мы расстались с ней навсегда, хотя не сомневаюсь, что она продолжает развлекаться в прежнем духе. Как ты смотришь на то, чтобы взять парочку выходных и съездить со мной в Веве? Мы так давно не виделись, и вообще, горный воздух тебе не повредит...»

Дописав письмо и заклеив конверт, Десмонд вручил его Джо, который как раз вошел в комнату, чтобы убрать посуду.

— Вы познакомились с этой чудн

о й толстой янки, сэр? — поинтересовался Джо.

— И очень близко, Джо!

— Представляете, сэр, она мне только что дала чаевые, чтобы я держал для нее тот угловой столик. Угадайте, сколько?!

— Шесть пенсов, Джо.

— А вот и нет, сэр. Поглядите-ка! — И Джо гордо продемонстрировал еще одну пятифунтовую банкноту. — Но она просила напомнить вам насчет опер.

— Слушаюсь и повинуюсь, Джо.

И в восемь вечера, наверно, впервые с момента получения ангажемента в «Хибернианз», Десмонд поднялся на эстраду в прекрасном настроении. Он даже соизволил слегка улыбнуться публике, которая несколько отличалась от той, что была на его предыдущем выступлении, хотя народу было, как всегда, много. Весенний фестиваль закончился, гости попроще разъехались по домам, и сейчас в зале присутствовало мелкопоместное ирландское дворянство, задержавшееся, чтобы послушать Десмонда, или по каким-то иным причинам.

— Надеюсь, что не разочарую вас сегодня, — спокойным, тихим голосом произнес Десмонд. — Как вы, наверно, знаете, я пою в основном ирландские песни и баллады, но сегодня вечером, по просьбе очень уважаемой и знаменитой гостьи из Америки, я исполню две арии из опер. Сперва — душераздирающую арию Каварадосси перед казнью из «Тоски» любимого всеми Пуччини. Затем — арию Вальтера «Розовым утром алел свод небес» из «Нюрнбергских мейстерзингеров», за которую, как вам, наверно, известно, я — тогда еще молодой священник — получил на конкурсе в Риме Золотой патир. — И подождав, пока шум уляжется, Десмонд добавил: — Первую арию я исполню на итальянском, вторую — на немецком, как в оригинале у Вагнера.

Он сел за фортепьяно и по памяти, частично импровизируя, сыграл завораживающую мелодию из «Тоски», мотив, пронизывающий весь последний акт оперы, и запел.

Тем вечером — возможно, в преддверии отдыха — Десмонд был в ударе. И вложил в страстный, полный любви, отчаяния и одновременно мужества крик души приговоренного к смерти Каварадосси именно те чувства, которые соответствовали авторскому замыслу великого Пуччини.

Десмонд закончил — и его оглушил шум аплодисментов, а со стороны углового столика доносились крики «браво». Десмонд поклонился и сел за фортепьяно, чтобы немного передохнуть. Но краем глаза все же заметил, что толстая американка, отложив в сторону сигару, как сумасшедшая строчит что-то на кипе телеграфных бланков.

Отдышавшись, Десмонд был готов продолжить выступление. В зале стояла мертвая тишина. Он немного выждал, затем откинул голову и начал выводить сладостную, томительную, берущую за душу мелодию — наверно, лучшую из всего, что написано Вагнером, который

сумел так глубоко выразить загадочную веру тевтонцев в силу рока.

В эту длинную, изнурительную арию Десмонд вложил всю свою израненную душу. Закончив петь, он почувствовал себя совершенно обессиленным и остался сидеть с опущенной головой, а на него — волна за волной — накатывали несмолкающие аплодисменты.

Публика в едином порыве повскакала с мест. Десмонд увидел свою американскую знакомицу, пробивавшуюся к выходу, и отстраненно подумал: «Наверно, я уже больше ее не увижу». Наконец он с трудом поднялся и стал кланяться, вскинув руки вверх и без конца повторяя: «Спасибо, спасибо, спасибо...» Затем повернулся, пошел в свою комнату и бросился на кровать.

Джо почему-то задерживался дольше обычного. Появился он с ворохом визитных карточек и клочков бумаги в руках.

— Вы, наверное, в жизни не видели такого сумасшествия, сэр. По крайней мере я за все время работы в «Хибернианз» точно не видел. Хорошая половина ирландского дворянства только о вас и говорит, просят передать вам визитные карточки с записками, умоляют позвонить и даже посетить их. Ну как, прочитать вам, что там написано?

— Нет, Джо. Брось их в мусорную корзину.

Джо был явно потрясен таким ответом.

— Боже правый, вы, наверное, шутите, сэр! Здесь записка от лорда-наместника Ирландии и его супруги. «Позвоните нам, Десмонд, мы очень хотим с вами встретиться».

— Джо, эту можешь выбросить в первую очередь.

— А вот еще одна, сэр. — Голос Джо упал до благоговейного шепота. — Не больше не меньше, как от его преосвященства архиепископа Мерфи. Он пишет: «Сын мой, ты определенно искупил свой грех. Приходи ко мне, Десмонд, и я подумаю, что можно будет для тебя сделать».

— Джо, возьми эту записку, — с горечью сказал Десмонд, — разорви на мелкие кусочки и спусти в унитаз.

— Ни за что, сэр. Не хочу брать грех на душу. Хотите или не хотите, но я положу записку в карман вашего чемодана.

— И что, неужели ничего от нашей забавной маленькой янки?

— А вот и нет, сэр. Записка, нацарапанная на телеграфном бланке «Вестерн юнион». Эту что — тоже спустить в унитаз?

— Кончай меня дразнить, Джо! Читай скорее!

Чтобы помучить Десмонда, Джо прочистил горло и только потом начал читать:

— «Мой милый, милый Десмонд! Ты дал мне возможность, которая выпадает лишь раз в год. Завтра твое имя будет на первой полосе тридцати газет по всей Америке, которые объявят о моем открытии: бывший священник, молодой и красивый ирландец, с голосом лучше, чем у Карузо, поет за гроши в пивной; история, которая даже из камня сможет выжать слезы. Только ни в коем случае не подписывай никаких контрактов до моего возвращения. Целую, самая мерзкая, жирная, вульгарная и отталкивающая особа из всех, кого тебе доводилось видеть».

— Вот это я понимаю, Джо. Вот это человек! — воскликнул Десмонд.

— Что есть, то есть, сэр. Перед тем как выскочить от нас, она сунула мне очередную пятерку и велела присмотреть за вами.

— Чем ты постоянно и занимаешься, Джо. Брось записку в чемодан. Она стоит того, чтобы оставить ее на память.

— А теперь, сэр, — подобострастно проговорил Джо, — чем я еще могу быть вам полезен? Что будете заказывать на обед?

— Кончай валять дурака, Джо! Принеси что-нибудь получше. Я ужасно устал и хочу есть. И, если получится, стащи для меня полбутылки шампанского.

— Что значит «стащи», сэр! Мистер Мейли с радостью отдаст вам ключи от винного погреба. Все, через полчаса вернусь.

Десмонд заставил себя встать с кровати и долго отмокал в горячей ванне, затем натянул пижаму и халат, а ноги сунул в шлепанцы. Он не знал, что и думать обо всем этом, а потому решил не забивать себе этим голову.

Часть пятая

I

Ирландский почтовый поезд опаздывал, и мне пришлось прождать около часа в промозглой грязи Юстонского вокзала. Но вот наконец прибыл поезд, который пыхтел и шипел так, как будто по пути ему пришлось по меньшей мере перевалить через Сноудон[50]. И я сразу увидел Десмонда, шедшего по платформе с тощей дорожной сумкой в руках. Мы хотели было обняться, но решили повременить с этим, а только пожали друг другу руки.

— А что, твой багаж остался в вагоне?

— Нет, все здесь.

— Прекрасно, тогда можем начать с чистого листа.

— Алек, возьми меня под руку. Меня так укачало на море, что я до сих пор не могу прийти в себя.

— Что, все время штормило?

— Ужасно.

Я приехал на вокзал на автобусе, так как не хотел смущать Десмонда демонстрацией своего прекрасного материального положения. Мы быстро нашли такси и уселись друг напротив друга.

— Алек, ты в прекрасной форме!

— Ты тоже, Десмонд, — жизнерадостно солгал я. Он был по-прежнему удивительно хорош собой, хотя казался усталым и очень грустным.

— А как поживает твоя дорогая матушка?

— Прекрасно. Вполне довольна жизнью. У нее чудная маленькая квартирка на побережье в

Хове[51], в трех минутах ходьбы от церкви. Разумеется, когда мальчики дома, она гостит у нас.

— И куда ты меня повезешь?

— К себе. У меня маленький, но симпатичный домик в Кенсингтоне. Там очень тихо, да и Кенсингтонские сады в двух шагах.

Он, конечно, хотел узнать больше, но постеснялся спросить, поскольку был слишком хорошо воспитан. И вот наконец мы подъехали к небольшому белому домику, который я ценил именно за то, что он расположен вдали от городского шума. Отпустив такси, я открыл входную дверь.

И проводил Десмонда по лестнице в гостевую комнату окнами во внутренний двор с садом.

— Располагайся. Здесь у тебя своя ванная. А теперь как насчет того, чтобы слегка перекусить?

— Категорически нет, Алек. Я бы с удовольствием помылся, а потом мы можем поговорить.

Я улыбнулся, положил ему руки на плечи и хорошенько встряхнул, чтобы он наконец расслабился. Ведь мы не виделись столько лет. Затем я спустился на кухню проверить, как там дела у нашей замечательной домработницы миссис Палмер, которая обычно уходила в четыре, но сегодня любезно задержалась.

— Обед готов, сэр, — сказала она. — Отбивные на гриле, картошка почищена, салат и яблочный пирог в холодильнике.

— Спасибо, миссис Палмер. Очень любезно с вашей стороны, что вы согласились остаться.

— Не за что, сэр. Для вас все, что угодно, — улыбнулась она и, уже уходя, добавила: — Ваша почта на столике в холле, сэр.

Поднявшись наверх, я бегло просмотрел письма, показавшиеся мне многообещающими, и прошел в гостиную. Десмонд был уже там и с интересом оглядывался по сторонам.

— Да будет тебе, Десмонд, хватит глазеть. Садись поближе.

— Не могу, Алек. Такая чудесная комната, все так изысканно, а твои картины...

Я схватил его за руку и насильно усадил рядом с собой на диван. Но он не мог оторвать глаз от картин.

— Замечательный Сислей, ранний Утрилло, Мэри Кассат, а эта прелестная жанровая сценка в фиолетовых тонах, наверное, Вюйар?

— Да, актриса мадам Мело с дочерью. Ну все, хватит, Десмонд! Ты меня в краску вгоняешь.

— Не могу, Алекс. Я в полном восторге! Господи боже мой, неужели это Гоген?! Понт-Авен. Это когда он вернулся с Таити без гроша в кармане.

— Хватит, Десмонд. Да, у него действительно не хватило денег на холст, и он написал эту милую вещицу на мешковине. Естественно, мне пришлось отдать натянуть ее на новый подрамник. В Нью-Йорке, там, где я и купил ее. И, заметь, картина в подлинной раме времен Людовика XVI, естественно, обрезанной под нужный размер. А теперь, Десмонд, рассказывай, как...

— Алек, последний вопрос. Вон то изумительное изображение Сены...

— Десмонд, об этом шедевре я могу говорить бесконечно. Это моя самая любимая картина. Сена в районе Пасси. Последний пейзаж, написанный Кристофером Вудом. На обороте письмо от его матери.

— Как раз перед... Кажется, на вокзале в Салисбери...

— Да... Какая утрата!

— Алек, похоже, ты здесь один? — нарушил затянувшуюся паузу в разговоре Десмонд.

— Совершенно верно. Моя дорогая жена и мои сорванцы сейчас в Суссексе.

— Что, в отеле? — поинтересовался Десмонд, рассматривая фотографию на маленьком столике.

— Разумеется, нет. У меня в Суссексе есть старая * развалюха. Но мы там довольно часто бываем.

— А скажи, этот прелестный дом в георгианском стиле с божественными кирпичными конюшнями, переделанными в лоджию с видом на меловые холмы... — безучастно спросит Десмонд. — Скажи, чей он?

— Это дом викария, естественно, ему и принадлежит. Очень неплохой парень. А дальше по дороге — Меллингтонская церковь. Подлинная нормандская, что видно по каменной кладке. Невозможно передать, до чего красива! Как-нибудь на днях обязательно тебя туда свожу.

— Спасибо, Алек. Быть может, викарий разрешит нам остановиться в своем старом доме, — заметил Десмонд и, помолчав, добавил: — Алек, ты по-прежнему самый лучший друг, о каком только можно мечтать. И все же, ради бога, не надо преуменьшать собственных успехов из-за того, что я по глупости сам разбил свою жизнь!

— Брось, Десмонд! У тебя еще все впереди.

— Не брошу. Ты сумел закончить школу и университет без гроша в кармане. У тебя не было денег, и ты устроился помощником врача. Это такая нагрузка! Тебе частенько приходилось вставать по ночам, но ты умудрился блестяще сдать экзамены и в мгновение ока обзавелся блестящей практикой. И вдруг глядь — ты продаешь практику и становишься популярным романистом, пишешь бестселлеры. Это же просто чудо какое-то! А я... Я бывший священник, выброшенный из лона Церкви, бывший муж, покинутый, слава Тебе, Господи, стервой-женой, и в кармане у меня едва ли найдется больше тридцати фунтов.

— Десмонд, успокойся, пожалуйста, — остановил я друга, обняв его за плечи. — Мне просто чертовски повезло. А теперь попробуем добиться чуда и для тебя. Вспомни хорошенько, что сказала, вернувшись в Дублин, Беделия Би.

— Она много чего говорила. Она, вообще-то, ничего, к ней только надо привыкнуть. Ну, а дело обстоит в общем так. Они намерены снять фильм о жизни Энрико Карузо. Конечно, название будет другое. Какая-нибудь пошлятина типа «Золотой голос» или «Голос, в котором звучит дыхание рая». В любом случае сценарий уже готов, но первоначальная идея использовать записи Карузо никуда не годится, поскольку все старые записи жуткого качества, а если даже и нет, в результате они получают просто невнятное механическое воспроизведение. А потому они лихорадочно ищут кого-то, кто бы мог исполнить роль Карузо и по возможности спеть, как он. Если верить крошке Беделии, роль прямо-таки создана для меня, и не могу не отметить, что наша Би далеко не дура и знает Голливуд как облупленный. Я ей приглянулся — один бог знает почему, — и она пытается получить для меня эту работу.

Не выдержав, я взял руки Десмонда в свои и крепко сжал.

— А вот и твое чудо, Десмонд! Это просто сказочная возможность. Она послана тебе Богом. О таком начале карьеры можно только мечтать. Теперь тебя будет не остановить. Десмонд, я сделаю все, чтобы тебе помочь. Обещаю. Конечно, я поеду с тобой. У меня там тоже кое-какие дела. Завтра пройдемся по магазинам. Остальное я беру на себя: билеты, бронирование мест, номера в гостиницах, словом, все.

— Но сперва я хочу повидать свою малышку. Она с мадам, в Швейцарии.

— Заскочим по дороге. Сядем на пароход в Генуе.

Я продолжал говорить, крепко сжимая его руки, а он вдруг поднес мои пальцы к губам и поцеловал. И, к своему ужасу, я заметил, что он с трудом сдерживает слезы.

— Алек, ты слишком добр, бесконечно добр к такому конченому человеку, к такому жалкому неудачнику, как я. Именно за это я всегда любил и люблю тебя.

— Хватит, Десмонд! Давай, вставай! Поможешь мне с обедом.

Спустившись вместе с Десмондом на кухню, я включил электрогриль и зажег газ под картошкой.

— Я подумал, что сегодня тебе вряд ли захочется идти в ресторан. Так что пообедаем дома. Ты есть хочешь?

— Ужасно. Особенно сейчас, когда я наконец отошел от качки. Меня всю дорогу выворачивало наизнанку, — сказал он, усаживаясь за кухонный стол. Я последовал его примеру.

— Все же прекрасный метод для восстановления аппетита придумали в свое время древние римляне!

— Но при этом достаточно неприятный.

— А помнишь старину Бошампа с его тортом? При таком аппетите он наверняка еще до сих пор жив.

— Да уж, что-что, а поесть он любил, — улыбнулся Десмонд. — Но боюсь, старой матери-настоятельницы уже нет на белом свете.

— О да. Она, несомненно, в раю. Десмонд, никогда не забуду, как ты пел для нее. Думаю, именно тогда нам с тобой было назначено судьбой связать свою жизнь с кино.

— А я в жизни не забуду ту толстенькую коротышку, капитана женской хоккейной команды! Какая спортсменка! А какая попка!

Когда картошка сварилась, я полил ее маслом и перевернул мясо на гриле.

— Алек, давай прямо здесь и поедим. Жуть как неохота тащить все это наверх.

— Даже не думай. Отправляйся в столовую. Там уже давно накрыт стол.

Десмонд посмотрел на меня неуверенно, но послушался. Я быстро поставил блюда в небольшой кухонный лифт в стене и присоединился к своему другу.

— Алек, а где же еда? — удивился Десмонд.

Я нажал кнопку в стене. Послышалось тихое жужжание, распахнулись филленчатые створки в стене — и наш обед оказался перед нами.

— Здорово придумано.

— Теперь уже нет нужды гонять прислугу по крутым викторианским лестницам. Наша миссис Палмер — просто чудо, но и она ни за что бы не согласилась!

Мы принялись за обед, простой, но вкусный. Десмонд с легкостью управился с двумя отбивными и здоровым куском пирога.

— Десмонд, вина не предлагаю. Мы этим не увлекаемся.

— Мне вполне достаточно «Перье».

— Может, еще пирога?

— Если только маленький кусочек. Пирог изумительный.

Когда мы покончили с обедом, я строго сказал:

— А теперь горячая ванна — и в постель. Чтобы ты завтра проснулся бодрым и отдохнувшим.

Я составил грязную посуду в лифт и отправил вниз, на кухню, для миссис Палмер на завтра. И мы поднялись на второй этаж.

— Ну как, у тебя есть все, что нужно? Пижама, зубная щетка, бритва и так далее?

— Спасибо, Алек. Ничего не надо. А комната с ванной просто прелесть.

— Тогда спокойной ночи, Десмонд. Сладких тебе снов.

— Спокойной ночи, мой дорогой Алек. II

На следующее утро я встал, как всегда, в семь часов и после холодной ванны предпринял свою обычную пробежку по Виктория-роуд и дальше через сады в сторону кармелитской церкви, чтобы успеть к восьмичасовой мессе.

На обратном пути я купил газету и свежих булочек. Верная миссис Палмер уже хлопотала на кухне и даже успела сварить кофе.

— Думаю, мистер Фицджеральд не откажется от кофе в постель. Миссис Палмер, я сам ему отнесу. Буквально через десять минут.

Бегло просмотрев газеты, увы, в тщетной надежде встретить упоминание своего последнего романа, я взял приготовленный для меня миссис Палмер поднос, поставил еще одну чашку кофе для себя и отправился наверх, в комнату Десмонда. Он уже проснулся, но продолжал валяться в кровати. Увидев меня, он приподнялся на локте и с удивлением уставился на поднос на прикроватном столике.

— Как мило с твоей стороны! Я уже сто лет как не пил кофе в постели. Особенно такой хороший, — сделав глоток, признался он. — Ты что, выходил? Или мне послышалось?

— Да, пошел, как всегда, прогуляться. До кармелитской церкви, чтобы успеть к восьмичасовой мессе.

Десмонд слегка сник, но все же выдавил из себя:

— И к причастию тоже ходил?

— Естественно. Я всегда так делаю. И вообще это прекрасное начало дня.

— Мне необходимо сказать тебе, Алек, — немного помолчав, произнес Десмонд, — что я окончательно порвал с Церковью. Я теперь вообще туда не хожу. Никогда. Уж больно погано со мной обошелся Всевышний.

— А тебе не кажется, что ты не имеешь права решать за Него?! В любом случае готов поспорить на новый молитвенник, что в один прекрасный день ты

снова обратишься к Нему. Ладно, не будем тратить такое чудесное утро на теологические споры. Скорей одевайся, мы идем в город.

Через полчаса Десмонд, уже полностью готовый, пришел ко мне в комнату и страшно удивился, увидев на мне темный костюм, черные ботинки, а на голове котелок.

— Послушай, Алек, — спросил он. — У тебя что, какие-то дела в Сити?

— Вовсе нет, — рассмеялся я. — Когда я в первый раз пришел в Голливуд, одна очень влиятельная женщина, которая только что написала сценарий к фильму «Казенный дом»[52], тихонько отвела меня в сторону — а я тогда был в твидовом костюме, пестрой рубашке с широким галстуком и в замшевых ботинках — и сказала: «Алек, ради всего святого, не одевайтесь, как актер. Так вы никогда ничего не добьетесь. Вам надо одеваться, как деловому человеку». И я послушался ее совета.

Мы спустились по лестнице и вышли на улицу. Утро было чудесным, день выдался ясным и солнечным, но прохладным. Плодовые деревья в садиках перед домами стояли сплошь в цвету.

Мы прошли до конца Виктория-роуд и на остановке возле Кенсингтонских садов сели на автобус номер девять.

В зеленеющих садах, где было чудо как хорошо, по аллеям неторопливо прогуливались няньки, толкавшие перед собой детские коляски. Мы миновали Гайд-парк, где деревья уже покрылись молоденькой листвой, затем — Мраморную арку и выехали на Пикадилли с ее замечательными магазинами. Господи, до чего ж замечательным городом был в те времена Лондон! Транспорта мало, только автобусы снуют туда-сюда по мостовой, тротуары чистые, народу немного, полисмен совершает свой обычный обход, молочник развозит молоко, вокруг царит атмосфера честного труда, чистоты и порядка.

Мы вышли из автобуса у Берлингтон-Хаус и повернули налево, на Сэвил-Роу.

— Десмонд, вот именно сейчас для тебя и начинается настоящая работа, — сказал я. — То, чем мы сейчас займемся, — чистое пижонство, но так поступают все, кого я знаю. Так что ничего не остается, как подчиниться общепринятым правилам.

Я отвел Десмонда не к своему портному, а в менее известное ателье «Блютт», куда иногда заходил.

«Дзинь!» — отозвалась на наше появление дверь, и этот старомодный звук удивительно гармонировал с запахом добротной материи, рулоны которой громоздились на длинном массивном столе из красного дерева, а также с видом почтительно склонившего голову господина с сантиметром на шее.

— Надеюсь, вы узнаете своего клиента?

— Мистер Шеннон? Правильно, сэ?

Стараясь не показывать своего удовольствия, я произнес:

— Мы хотели бы заказать два костюма, если вы, конечно, готовы пойти нам навстречу, сшив костюмы за неделю, а затем точно в срок переслав их в офис судоходной компании «Италиан лайн» в Генуе.

Он задумался, потом исчез в пошивочной, откуда вернулся, широко улыбаясь.

— Поскольку вы наш клиент, сэр, я уверен, что мы можем пойти вам навстречу и выполнить заказ точно в срок. Осмелюсь предположить, костюмы для джентльмена, что пришел с вами?

Затем началось самое веселое: тщательный выбор тканей, не менее тщательное снятие мерок, настоятельная просьба прийти через два дня всего на одну примерку, после чего нас с величайшим почтением проводили до дверей. Таким образом, Десмонд стал потенциальным обладателем двух костюмов: повседневного — серого в «елочку», и вечернего — темно-синего, почти черного, из мериносовой шерсти.

Бонд-стрит была совсем рядом — узкая, но всегда интересная, всегда оживленная главная артерия города. И тут, в магазине мужских рубашек «Турнбулл энд Ассер», мы купили спортивные рубашки с коротким рукавом, шесть пар носков и полдюжины шелковых галстуков-бабочек консервативной расцветки.

— Но мне страшно нужны и простые рубашки, — тихо сказал Десмонд.

— Не здесь, Десмонд, — ответил я. — Сперва шляпы, потом — рубашки.

Мы перешли через улицу и заглянули в «Хилхаус», где быстро подобрали Десмонду клетчатую твидовую шляпу, которую он тут же и надел, и мягкую панаму на каждый день.

— Мне прислать шляпу вашего друга вместе с панамой? — поинтересовался мистер Хилхаус, осторожно взяв за поля потрепанную реликвию.

— О нет! — поспешно сказал Десмонд. — Если вас не затруднит, выкиньте ее, пожалуйста, на помойку.

— Хорошо, сэр. В свое время это была отличная шляпа, но сейчас... Пожалуй, я ее сожгу.

— Ну как, не очень устал? — спросил я своего друга, когда мы вышли из магазина. — На сегодня у нас запланировано еще две примерки, а потому предлагаю немного перекусить.

— Прекрасная идея! — обрадовался Десмонд. — Я как раз видел там дальше по улице вполне приличную кафешку.

— Спокойно, Фицджеральд! Неужели ты думаешь, что я могу испортить такой день, угостив тебя чаем с булочкой в ближайшей забегаловке?!

Мы снова перешли через дорогу и свернули на Гросвенор-стрит. Но когда вдалеке показался отель «Кларидж», с двумя гигантами в униформе в дверях, Десмонд попятился.

— Нет, Алек, я туда не пойду. Только не в этих лохмотьях. Мне вовсе не хочется тебя позорить.

— Вперед, малыш! Возьми меня за руку и кончай скулить!

Мы прошли через роскошный главный вход и спустились вниз. На диване в холле у ресторана я увидел свою старую знакомую, блистательную леди Крейфорд, которая явно кого-то ждала.

— Итак, Алек, — приветствовала она нас, — что это за красивый молодой человек в такой ужасной одежде?

— Это Десмонд Фицджеральд. На следующей неделе мы с ним едем в Голливуд. Он только-только со съемочной площадки и поленился переодеться.

— А что вы снимаете? — заинтересовалась она.

— Современную версию «Гамлета», мадам, — поддержал шутку Десмонд, пустив в ход свою неотразимую улыбку. — Я третий могильщик.

— А разве их было не два?

— Это ужасно глубокая могила, мадам.

— Ну тогда, перед тем как войти в зал, по крайней мере протрите ботинки. И, пожалуйста, Алек, береги себя. Пришли мне подписанный экземпляр твоей новой книги.

Метрдотель, который видел, как мы непринужденно болтаем с леди Крейфорд, отвел нам первоклассный столик, ибо в противном случае нам пришлось бы жаться где-то в углу длинного зала. Мы принялись изучать меню, набранное золотыми буквами на плотной тисненой бумаге.

— Ну что, не будем выпендриваться и возьмем комплексный обед? Он здесь всегда очень вкусный.

— И никакого вина, — поддержал меня Десмонд. Только «Перье», если хочешь. А что это за милая женщина?

— Сибил Крейфорд. Она сделала много добра нам с женой. Приглашала на званые вечера и на ланч. Даже когда мы только-только приехали в Лондон и были неопытными провинциалами.

Ланч, как и следовало ожидать, оказался на редкость хорош. Мы почти не разговаривали, поскольку мне не хотелось особо засиживаться. Нам предстояла еще целая уйма дел. Было еще только чуть позже двух, а мы уже доели десерт — малиновый мусс со взбитыми сливками, — допили кофе, заплатили по счету, дали на чай официанту и собрались уходить.

— Алек, давай вызовем такси и дадим на чай старшему портье. Мне стыдно выходить бочком в рваных ботинках из такого шикарного места.

Я охотно согласился, но, когда мы уже ехали обратно, заметил:

— Кстати, о чаевых, здесь ходит байка об одном сказочно богатом восточном владыке, который месяцами жил в «Кларидже», но перед отъездом никогда не оставлял чаевых старшему портье, хотя горячо заверял его, что непременно упомянет его в своем завещании. Когда Магомет наконец призвал владыку к себе, завещание огласили. Угадай, сколько получил старший портье?

— Полмиллиона?

— Абсолютно ничего.

— Ну и здорово же его надули, — сочувственно прошептал Десмонд. — Но ведь не все богатые люди такие мерзавцы.

— Десмонд, я вовсе не богач, — засмеялся я. — Но мне нравится тратить деньги. И я

никогда-никогда не забуду, как вы с матушкой были добры ко мне, когда я ходил в рваных ботинках.

Мы оказались в конце Берлингтон-эркейд, так как водитель повез нас длинным путем по Сент-Джеймс. Но он сполна получил свои чаевые, ибо ни один коренной житель Лондона никогда не вступит в перебранку с таксистом — эту роковую ошибку совершают лишь туристы. На углу Берлингтон-эркейд и Пикадилли мы зашли в маленькое ателье, на вывеске которого значилось «Бадд». Здесь мы опять принялись за дело: осматривали, изучали, щупали и наконец выбирали самые разные ткани: шелк, поплин, хлопок. И с Десмонда снова сняли мерку.

— А теперь обувь, приятель, — сказал я, когда мы покинули ателье, где нас неоднократно заверили, что все будет доставлено в срок.

— Ради всего святого, Алек, — взмолился Десмонд. — Это уж чересчур. У меня такое чувство, будто меня отправляют в школу-интернат.

— Ты едешь в Голливуд, идиот несчастный! Ты что, хочешь придти туда босиком?! Я по собственному опыту знаю, что твои башмаки долго не протянут.

Через несколько дверей от сапожного ателье Лобба, поставщика двора его королевского величества, до которого я еще, слава богу, не дорос, находилось ателье Черчилля, не столь известное, но гарантирующее не менее высокое качество.

Мой статус постоянного клиента несколько уменьшил шок, вызванный устрашающей обувью Десмонда. Его усадили, сняли с него опорки и начали тщательно обмерять. Мне даже стало как-то спокойнее на душе, когда я заметил всего лишь одну маленькую дырочку у него на носке. Наконец, когда мы заказали две пары черных, две пары темно-коричневых ботинок и одну пару лакированных туфель для выхода в свет, Черчилль, проявив чрезвычайную деликатность, сказал:

— Мне кажется, у меня есть пара ботинок, которые этот джентльмен сможет носить, пока не будет готов ваш заказ.

Он прошел в подсобное помещение и вернулся с парой новеньких черных ботинок.

— Джентльмен, который их заказал, наш старый и уважаемый клиент, мы обслуживали его пятьдесят лет, а тут он скончался, не успев получить заказ. Мы, естественно, не стали требовать от родственников оплаты.

Ботинки оказались Десмонду как раз впору, хотя Черчилль и заметил пренебрежительно:

— Неплохо, сэр. Слишком свободно в ступне, но на первое время сойдет.

Я поблагодарил Черчилля, сказал, что мы их берем, и попросил включить стоимость и этих ботинок в счет.

— Уверен, те, что на вас, сэр, — произнес Черчилль, — очень хорошо носятся. Только не говорите мне, что отдавали их в починку!

— Боже упаси, Черчилль, конечно же, нет, — солгал я. — У меня и в мыслях такого не было.

— Я всегда использую кожу самого высокого качества, — сказал Черчилль и грустно добавил: — Моей обуви сносу нет.

Когда мы вышли из ателье, я спросил Десмонда:

— Ну как тебе в ботинках, шитых для покойника?

— Я будто заново родился. Ты даже представить себе не можешь, какое блаженство чувствовать, что у тебя на ногах добротная обувь!

Офис «Италиан лайн» был последним пунктом на сегодня. И здесь нам опять сопутствовала удача. Принадлежащий компании флагманский корабль «Христофор Колумб» через десять дней отплывал из Генуи. Я узнал девушку за стойкой регистрации.

— Скажите, у вас есть двухместная каюта в середине корабля, по левому борту?

Она внимательно изучила план судна.

— Если пожелаете, сэр, можно взять каюту Си-девятнадцать. В прошлом году вы с женой занимали именно ее.

— Это было бы замечательно.

— Зарезервировать для вас столик в ресторане, сэр?

— О, ради бога, не утруждайтесь! На борту я увижу Джузеппе. Не сомневаюсь, что он меня узнает.

Когда, закончив с делами, мы вышли на улицу, я повернулся к Десмонду и сказал:

— Вот теперь ты точно устал. Так что больше никаких автобусов. Все, домой, и не будем тратить бензин понапрасну!

Я поймал такси, и вскоре мы были дома, причем нам ужасно хотелось чаю, который я попросил миссис Палмер принести в кабинет — заставленную книжными полками уютную маленькую комнату, вход в которую был прямо с лестничной площадки первого этажа.

— Какие-нибудь сообщения, миссис Палмер? — поинтересовался я у нее, когда она вошла в кабинет с хорошо сервированным подносом в руках.

— Звонила мисс Рэдли из Меллингтона, сэр. Говорит, ничего срочного. Так, кое-какие контракты на подпись, мальчики вернулись в Эйлсфорд, у мадам все в порядке, и она надеется, что вы скоро приедете.

— Спасибо, миссис Палмер, особенно за эти аппетитные кусочки торта.

— Да всего и трудов, что испечь один торт, сэр. Совсем простой. Именно так, как вы любите.

— Ну, тогда еще раз благодарю вас за вашу заботу обо мне, — сказал я, и миссис Палмер прямо-таки зарделась от удовольствия.

Первую чашку чая мы выпили в полной тишине, наслаждаясь каждым глотком. После того как я налил Десмонду вторую чашку, он решил нарушить молчание.

— Алек, надо же, как здорово ты умеешь обращаться с людьми! Знаешь, как найти к ним подход. Я весь день за тобой наблюдал и еще тогда это заметил. И как счастливо и удачно складывается твоя жизнь!

— Да, и я каждый вечер благодарю за это Господа на коленях, — произнес я, уже в который раз заметив, что при одном упоминании о Всевышнем на лицо моего друга ложится тень.

— Так теперь ты, должно быть, очень богат, — продолжал Десмонд.

— Вовсе нет. Да, у меня неплохие доходы, но по доходам и расходы. Я трачу все до последнего пенни, — заявил я, решительно вставая с места и направляясь к двери. — А сейчас мне надо позвонить жене.

Спустившись в холл, я позвонил в Меллингтон. К телефону подошла мисс Рэдли.

— Ну что, Нэн, мамочка поблизости?

— Только-только вышла в сад. Позвать ее?

— Нет, Нэн, я просто хотел сказать, что завтра буду.

— Замечательно. У меня для вас тоже хорошие новости.

— Не может быть. Передай мамочке, что я привезу с собой друга. Мы пробудем только один день. А как там мой сад?

— Чудесно. Клубника почти созрела!

— Небось общипываешь потихоньку?

— Хозяин! Эта милая привычка свойственна только вам. А кроме того, Дугал накрыл ягоды сеткой.

— Нэн, я собираюсь приехать на большой машине и оставить ее там. Хочу взять «Моррис». Не возражаешь проехаться с нами, чтобы потом отогнать автомобиль обратно?

— Конечно же, нет, хозяин. Но... надеюсь, вы не собираетесь опять уезжать?

— Всего на три-четыре недели, Нэн.

— О боже! Здесь ведь в начале лета так хорошо. И мне будет не хватать наших прогулок по холмам.

— Я вернусь, Нэн. Отдыхай и береги себя. Когда я вернусь, у нас с тобой будет работы невпроворот. Может, попросишь мамочку приготовить нам завтра на ланч легкий овощной салат?

— С удовольствием, хозяин.

Я повесил трубку и подумал: какая же она все-таки прекрасная девушка — надежная и работающая. Задержавшись у подножия лестницы, я задрал голову и заорал:

— Хочешь поехать со мной завтра в Меллингтон?

— С удовольствием! — крикнул в ответ Десмонд.

Я прошел в комнату, закрыл дверь и прилег на кровать. Впереди меня ждали непрочитанные письма. Но сперва необходимо было хоть немного вздремнуть. III

На следующее утро после завтрака, состоящего из кофе со свежими булочками, мы отправились в Меллингтон. День обещал быть хорошим — теплым, солнечным и безоблачным. Я был счастлив, что наконец еду домой, ведь именно в Меллингтоне и был мой настоящий дом, а в Лондоне — всего лишь аванпост, мне хотелось петь, но меня сдерживало присутствие в машине маэстро. Какое счастье снова увидеть любимую жену и Нэн, поговорить о своих сорванцах и вместе с Дугалом проверить, как там мой любимый сад. Нет, я не мог не поддаваться охватившему меня порыву.

— Десмонд, спой что-нибудь. Что-нибудь мелодичное, трогательное и незамысловатое.

Десмонд никогда не отказывался от подобных предложений. Он любил петь. И мы ехали по дорогам Суссекса, где я знал все кратчайшие пути, под звуки «The Bonnie Banks of Loch Lomond»[53], обдавая облаком пыли ошеломленных сельчан, которые смотрели нам вслед, широко раскрыв рот, и гадали про себя, то ли это мираж, то ли передовой отряд артистов из цирка Барнума и Бейли.

Но все замерло в нетерпеливом ожидании, когда мы свернули на узкую дорогу на Меллингтон, въехали в распахнутые белые решетчатые ворота бывшей фермы, которые я решил сохранить, и остановились перед старинным домом викария. На меня тут же с радостным лаем бросился, чуть не сбив с ног, ирландский сеттер Пэдди, затем из дому вышла жена под руку с Нэн, за ними выбежала, широко улыбаясь, Энни, низенькая, пухленькая, но сильная деревенская девушка, которая сразу же поинтересовалась, надо ли нести багаж. За ними в тени портика я заметил Софи, кухарку из Австрии, а у сарая — Дугала, ни с того ни с сего набросившегося на клумбу с желтофиолью.

Я нежно обнял и поцеловал жену, порадовавшую меня своим цветущим видом, и пожал руку Нэн.

— Дорогая, наконец ты можешь познакомиться с Десмондом Фицджеральдом, — сказал я жене.

— О, муж столько о вас рассказывал, что мне кажется, будто мы давно знакомы, — улыбнулась она.

— Мадам, — поцеловал ей руку Десмонд. — Ваш муж говорит о вас с такой любовью, что я просто очарован встречей с вами.

— Очарованы? Десмонд, но я вовсе не колдунья. Так что поберегите красивые слова и изысканные манеры для Голливуда. Ну, а о нашей дорогой Нэн вы, наверно, тоже слышаны?

— Конечно, я слышал о мисс Рэдли, — прошептал Десмонд, самолюбие которого было явно уязвлено.

— Тогда пойдете в дом. Кофе хотите? Нет? Ладно, в таком случае можете посмотреть сад.

Мы начали с окруженного стеной сада — моей радости и гордости. Там под сенью прелестной розовой стены, построенной еще в восемнадцатом веке, Дугал холил и лелеял ранние растения. Цветочный бордюр радовал весенними красками, а на огороде уже созрели первые овощи: салат-латук, сельдерей, редис, цикорий, красная фасоль, горох и — предмет гордости уже Дугала — кабачки, которые зелеными воздушными шарами красовались на грядке, но наверняка будут срезаны безжалостной рукой Дугала, дабы быть представленными на деревенской выставке садоводов. Затем шли разноцветные кусты смородины, белой, красной и желтой, крыжовника, уже обобранного по вполне понятной мне причине, но все еще украшенные янтарными шариками, надежно огороженные кусты малины с тяжело свисающими спелыми ягодами, шпалерные персики — увы, пораженные типичной для этих мест болезнью, а потому редкие и незрелые, и, наконец, грядки с клубникой, наливающейся первой спелостью роскошной «Ройал соверен».

Я повернулся к Дугалу, который молча следовал за нами по пятам.

— Мои поздравления, Дугал! Все выглядит просто отлично. Особенно клубника.

— Да, ей здесь очень хорошо, сэр. Я знаю, вы ее страсть как любите. И мне пришлось

здорово попотеть, чтобы отогнать от нее двух леди, — улыбнулся он. — Я даже застукал мисс Рэдли, когда она пыталась просунуть свой маленький пальчик сквозь сетку.

— Дугал, за это она будет примерно наказана. Малина тоже великолепна.

— Да, сэр, шикарная малина. Особенно после того, как вы разрешили мне закрыть ее сеткой.

Я искоса посмотрел на Нэн, которая давилась от смеха.

— Да, Дугал, ты был прав, совершенно прав. А я нет. И вовсе она не выглядит такой уродской, — заметив довольное выражение его лица, решил я развить свой успех и, чтобы задобрить его, сказал: — Дугал, я знаю, что ты терпеть не можешь собирать незрелые ягоды, но не мог бы ты набрать хоть капельку клубники нам к ланчу? Мой гость — очень важный человек из Голливуда.

— Сэр, я сразу смекнул, что это важная персона. Как только увидел его старую-престарую одежду. Ладно, сэр, уж как-нибудь исхитрюсь набрать для вас корзинку. И еще, сэр, если у вас найдется свободная минутка, я бы хотел, чтобы вы собственными глазами увидели, что там приключилось возле сарая.

— Конечно, Дугал. Схожу прямо сейчас.

Я подошел к углу сарая и, чувствуя, как в душе закипает гнев, уставился на испорченную клумбу с желтофиолью.

— Черт бы их всех побрал! Кто это сделал? Пэдди?

— Я так и думал, сэр, что вы здорово разозлитесь. Совсем как я. Нет, сэр, не Пэдди. Это очень воспитанная собака. Это все ваши мальчишки, с этим их футболом. Я говорил им не озорничать, а они только смеялись и знай продолжали гонять мячик.

Я действительно здорово разозлился и даже счел уместным несколько преувеличить свой гнев.

— Моя чудесная желтофиоль! Ну я им задам! Они у меня получат! Уж это я гарантирую! Обещаю тебе, Дугал, впредь они будут играть в футбол исключительно на дальнем поле и больше нигде. А ты можешь хоть как-то подправить клумбу?

— Да запросто, сэр. Куплю в питомнике рассаду, пару дюжин новых ростков, и все заменю, — ухмыльнулся Дугал. — Сэр, а можно мне прикупить хоть дюжину для себя? Я тоже страсть как люблю желтофиоль!

— Разумеется, Дугал, — искренне обрадовался я. — Хоть две дюжины, если надо.

— Нет-нет, сэр. С меня и дюжины хватит. И не ругайтесь на ваших парней. Дети есть дети, что с них возьмешь! Сами знаете. И еще раз большое вам спасибо.

Я заметил, что он не только утихомирился, но и остался весьма доволен. Я пожал ему руку, и он тут же растворился среди грядок с клубникой. Дугал был бесценным подарком, полученным мною от старшего садовника большого поместья по соседству, которое, помимо прочего, снабжало меня фазанами. Прекрасный работник и настоящий трудяга, он пришел ко мне после того, как сцепился со старшим садовником, у которого в подчинении было еще пятеро таких. Я сразу по достоинству оценил Дугала и постарался приспособиться к его крутому нраву. Он любил меня за то, что я истинный шотландец, хотя и скрывающийся под ирландским именем. Теперь я знал наверняка, что он никогда меня не оставит. И уж конечно, не подведет. Действительно, не прошло и получаса, как он вручил моей жене полную корзинку спелой клубники.

А я тем временем присоединился к остальной компании, которая как раз показалась на тропинке, змеившейся по нашему лесочку.

— Скажи, Алек, почему ты называешь ее Тропой каноника? — поинтересовался Десмонд.

— Рассказывают, что прежний священник, каноник Херберт, каждый день ходил по тропинке и читал требник. Соседские фазаны тоже облюбовали тропинку. И в результате прямиком попадают на наш обеденный стол.

— Алек, а почему мисс Рэдли называет тебя хозяин?

— Дурацкая история, — рассмеялся я. — Когда Дугал еще только начинал здесь работать, он собирался накрыть малину проволочной сеткой. А я сказал «нет». И у меня был весомый аргумент, который я выложил ему на хорошем шотландском диалекте: «Не забывай, Дугал, что хозяин здесь я». Нэн присутствовала при нашем разговоре и сочла это весьма забавным. С тех пор она величает меня только так и никак иначе. Само собой, на следующий год Дугал уговорил меня поставить сетку, и был совершенно прав. Он отличный парень.

— Мисс Рэдли — тоже отличная девушка, — с тоской в голосе заметил Десмонд.

Когда мы вернулись в дом, ланч уже был готов. Мы сидели в залитой солнечным светом столовой и за обе щеки уплетали «Императорский» омлет, который приготовила нам Софи, и роскошный салат из только что сорванных овощей. Затем нам подали клубнику со свежими сливками, доставленными с соседней фермы. Сливки были просто пальчики оближешь! Завершил ланч прекрасный кофе.

Как ни странно, застольная беседа не клеилась, и мне теперь стало совершенно очевидно, что и моя жена, и моя секретарша явно не расположены к Десмонду, а он, бедняга, почувствовав напряженность, наоборот, всю старался им угодить.

Когда мы встали из-за стола, Десмонд вопросительно посмотрел на Нэн.

— Мисс Рэдли, если вы расположены немножко пройтись, не покажете ли мне меловые холмы?

Она посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

— Мистер Фицджеральд, у меня ни минутки свободной. Но если вы выйдете из ворот, повернете налево и пойдете прямо, через две минуты будете на холмах.

— Благодарю, — вежливо ответил Десмонд. — Алек, отпустишь меня на часок?

— Конечно, дорогой. Гуляй себе на здоровье, только к трем, пожалуйста, возвращайся.

Когда Десмонд ушел, я сказал своим дамам:

— Очень некрасиво. Вы откровенно его третируете. Относитесь к нему, как к пари. В чем дело?

— Что-то с ним не так, дорогой, — ответила моя жена. — У него какой-то надлом в душе.

Я вопросительно посмотрел на Нэн, которая тут же сказала извиняющимся тоном:

— Я согласна с мамочкой. И еще меня раздражают эти его китайские церемонии. Всякие там расшаркивания и целование ручек.

— Это оттого, что он чувствует себя не в своей тарелке. Бедняге дали подножку, он плюхнулся лицом в грязь и чувствует себя так, будто его выкинули на обочину жизни. И,

кроме того, я не могу забыть нашей детской дружбы. Я хочу помочь ему встать на ноги. И надеюсь, у меня получится.

— Дорогой, какой же ты у меня хороший! — вздохнула жена.

— Чепуха! А теперь иди, полежи часок, а потом съездим навестить мальчиков в Эйлсфорде, всего на пять минут.

— О, это было бы прекрасно, — ответила жена.

Мы с Нэн поднялись ко мне в кабинет, маленькую комнату окнами в сад. Выглянув во двор, я заметил Дугала, который самозабвенно копался в клумбе с желтофиолью. Все нужные бумаги были уже разложены на письменном столе. Я быстро их просмотрел и подписал, где нужно.

— Интересно, зачем итальянцам по четыре экземпляра каждого договора? Насколько я понимаю, некоторые из них — всего лишь договоры о намерениях.

— Хозяин, плохо, что вы опять уезжаете. Мамочке это не нравится. Нам здесь так одиноко, когда вас нет.

— Обещаю, что через две недели вернусь. А может, и раньше, если удастся продать права на экранизацию романа. И тогда тебе, бедняжке, придется терпеть меня ближайšie сто лет. Мы с мамочкой едем в Эйлсфорд. Так, туда и обратно. Хочешь прокатиться с нами?

В половине третьего мы всей компанией отправились в Эйлсфорд, до которого было всего шесть миль. Десмонд только-только успел вернуться, выглядел он слегка посвежевшим, но утомленным. Он сел со мной спереди, а мамочка с Нэн устроились на заднем сиденье. Мы и оглянуться не успели, как оказались в переделанном под школу большом загородном доме с просторными игровыми площадками и даже бассейном. Наши сорванцы были на поле для игры в крикет. Заметив нас, они тотчас же бросились к нам со всех ног.

— Ну что, были удачные иннинги? — поинтересовался я.

— Да нет. Не особо, — отозвался Роберт.

— Другими словами, — резюмировал Джеймс, — он был выведен из игры. А у меня двадцать семь пробежек.

— Просто мяч соскользнул с кончика биты. Я два раза пропустил, стоя в защите.

— А у меня мяч три раза вылетел за пределы поля, и мы получили шесть очков.

— Мальчики, мы ненадолго. Но мне хотелось вас повидать, а заодно предупредить, что если вы, паче чаяния, приедете домой до моего возвращения, то очень-очень вас прошу пощадить клумбу с желтофиолью. Если дадите мне такое обещание, то Нэн угостит вас чем-то вкусеньким.

— Обещаем, папочка, — в один голос ответили мальчики.

— А теперь скорее бегите, поцелуйте мамочку и скажите, что вы ее любите. А потом поздоровайтесь с мистером Фицджеральдом, который увозит меня с собой в Голливуд.

Когда все мои указания были выполнены, Нэн, тоже получившая свою порцию поцелуев, протянула им пакет с крыжовником.

— Вот здорово, Нэн! Джеймс, послушай, а я-то думал, что мы дочиста обобрали все кусты!

— За это время новые успели созреть, дурак!

— Мальчики, в машине не есть! Мне очень жаль, но нам уже пора ехать. Усаживайтесь под деревом и ешьте сколько душе угодно.

И вот в мгновение ока мы снова оказались в Меллингтоне.

Поставив машину в гараж, я первым делом пошел к Дугалу и радостно сообщил ему, что специально съездил в школу, чтобы приструнить мальчишек.

— О-хо-хо, не стоило этого делать, сэр, — сказал Дугал и, улыбнувшись, добавил: — Можете на меня положиться. Уж я присмотрю за вашим садом, покуда вас нет.

Теперь пора было подумать об отъезде, если мы хотели, чтобы Нэн вернулась до темноты. Припарковав у входных дверей «Моррис-Оксфорд», я отправился на поиски жены, которую обнаружил на диване в ее комнате.

— Прости, что так рано уезжаю, дорогая. Я вернусь буквально через три недели, и тогда мы сможем побыть вдвоем. Вид у тебя уже гораздо лучше. Ты должна больше о себе заботиться.

— Обо мне заботится Нэн. Она просто прелесть.

— Ты у меня тоже. И я очень тебя люблю.

Я нежно ее поцеловал; губы у нее были мягкие и нежные, как у ребенка. Не успел я выйти из комнаты, как она уже заснула.

Через пять минут мы тронулись в путь. Десмонд раскинулся на заднем сиденье, я сел за руль, Нэн устроилась рядом со мной. Ехал я быстро, очень быстро, правда, особо не рискуя, но, где можно, срезая путь. Я знал эту дорогу как свои пять пальцев, к тому же днем она бывала практически пустой. Ехали мы в полном молчании, за всю дорогу никто не проронил ни слова. Ровно в четыре мы подкатили к крыльцу моего дома в Кенсингтоне.

— Надеюсь, я не слишком тебя напугал? — спросил я Десмонда, когда мы, потягиваясь, вышли из машины.

— Алек, меня теперь невозможно напугать, — ответил он все с той же грустью в голосе. — Как бы то ни было, ты отличный водитель. За что бы ты ни взялся, ты все делаешь хорошо.

— Ладно, пошли, пошли. Это никуда не годится, ты срочно должен выпить чаю.

Когда мы поднялись на второй этаж, я попросил Нэн сказать миссис Палмер, чтобы та принесла в кабинет чай на троих.

— Я, пожалуй, быстренько попью чаю с миссис Палмер на кухне, — улынулась Нэн. — Хочу успеть домой, пока еще нет большого движения на дорогах. Мне забрать вашу почту?

— Будь добра, дорогая Нэн. И ответь на письма по своему усмотрению.

Я заглянул ей в глаза. Я знал, что нас с ней связывает глубокое чувство. Я любил ее, а она любила меня. Мне безумно хотелось сжать ее в объятиях.

— До свидания, дорогой хозяин, возвращайтесь скорее, — словно прочитав мои мысли, слегка улынулась Нэн.

— До свидания, моя ненаглядная Нэн. — Я нежно прикоснулся губами к ее щеке и направился к себе в комнату.

И только услышав шум отъезжающей машины, я зашел в кабинет. Десмонд был уже там,

впрочем, как и чайный поднос. Я налил чаю сначала ему, а потом себе.

— Десмонд, я очень сожалею, что идея отвезти тебя в деревню подышать свежим воздухом оказалась не слишком удачной. Только зазря проехали на машине туда-сюда. Словом, впустую потратили день.

— Вовсе нет, Алек. Я увидел твоё прекрасное поместье и оценил его по достоинству.

— Боже милостивый, дружище, я вовсе не за тем тебя туда возил.

— А ещё я увидел твоих замечательных мальчиков и тоже их оценил.

— Да заткнешься же ты, наконец! Что на тебя нашло?

— А ещё я познакомился с твоей милой женой, которая любит тебя, и любезной мисс Рэдли, которая тоже любит и уважает тебя. И я пришел к весьма грустному заключению, что для таких чистых и добропорядочных женщин я — не более чем самый заурядный, никчемный, распутный и отверженный Господом сукин сын.

Я уж собрался было ответить, что в Голливуде он едва ли встретит чистых и добропорядочных женщин, когда вдруг, к своему ужасу, увидел, что Десмонд прикрывает ладонью глаза, чтобы скрыть слезы, капающие прямо в чашку. Я бросился к нему и ласково обнял за плечи.

— Ну, пожалуйста, Десмонд, дружище, не надо! Ты прекрасно знаешь: что было, то прошло. Тебя ждет большое будущее, ты на пороге блестящей карьеры. Только не надо всех этих целований ручек, поклонов и расшаркиваний. Ты с этим кончай и снова становись самим собой. Дружище, к черту китайские церемонии! Вспомни, кто подталкивал тебя к успеху, кто с возился тобой и чего это стоило! Неужели ты способен все бросить именно сейчас, когда мы почти достигли земли обетованной?! Неужели ты, как жалкий слабак, спасуешь перед трудностями?!

Он медленно открыл глаза и протянул мне пустую чашку.

— А ну-ка плесни мне ещё чайку, ты — шотландско-ирландский католик, автор американских бестселлеров, ежедневный участник и невероятно хороший парень. Как только я попаду в Голливуд, мои раны тут же затянутся.

— Вот это правильно, Дес. Так держать!

— И я смогу отблагодарить тебя за все хорошее, что ты сделал для своего искренне любящего тебя друга!

— Хватит, Дес! Опять ты за старое! Пей чай, а я наконец-то допью свой. Когда ты хочешь ехать в Швейцарию проведать свою дочурку? До отправления «Христофора Колумба» не так уж много времени.

— Поехали прямо сейчас.

— Не будь дураком, мой заново обретенный, укрепившийся духом друг! Если ты завтра не поленишься встать пораньше, то к вечеру я уже доставлю тебя в Женеву.

— Заметано, — сказал он и протянул мне чашку, чтобы я подлил ему чаю. IV

На следующий день мы встали с первыми лучами солнца и сразу же отправились на вокзал Виктория. Накануне я рассчитался с миссис Палмер и отдал ей ключи от дома, чтобы она могла забирать почту и переправлять ее в Меллингтон.

Ежедневный поезд, согласованный с расписанием парохода, отправился вовремя, так же как и пароход из Дувра, отплывавший с опозданием в пять минут. Плавание через пролив прошло сравнительно легко, и уже в десять тридцать мы были на пристани в Кале, откуда отправились на вокзал, чтобы пересесть на парижский поезд. Здесь мы несколько задержались из-за погрузки багажа, но когда поезд под аккомпанемент пронзительных свистков наконец тронулся, то уже мчался без остановок. После прибытия на Северный вокзал мы сели в такси, которое доставило нас на Лионский вокзал, где у платформы уже пыхтел европейский экспресс. И точно в полдень поезд тронулся, сначала медленно, но постепенно развил вполне приличную скорость для своего почтенного возраста.

Мы позавтракали в вагоне-ресторане, где ланч так же разительно отличался от привычного английского, как отель «Риц» от «Трокадеро». У Десмонда, похоже, вообще не было аппетита, он задумчиво смотрел в окно и мысленно, несомненно, был со своей любимой дочуркой. Он без конца твердил мне слова благодарности, и мне это так надоело, что я в результате уже ничего не отвечал, а только улыбался и молча кивал. После ланча мы с Десмондом стали дружно клевать носом и окончательно стряхнули остатки сна лишь около четырех часов после чашки весьма посредственного чая. В пять тридцать пять поезд, окутанный клубами дыма, прибыл на вокзал Лозанны. Конечно, в наши дни самолеты позволяют сделать подобное путешествие детской забавой, давая возможность избежать всяких пересадок, нестыковок и лишних задержек. Но для тех лет это был, если можно так выразиться, вполне приличный результат, ибо поездка отняла у нас относительно немного времени.

По крайней мере, когда мы высадились на платформе Лозаннского вокзала, Десмонд пришел именно к такому выводу.

— Поверить не могу, что мы уже здесь, — улыбнулся он. — Что дальше?

— Возьмем такси до Бурье, это рядом с Веве. Надеюсь, нам удастся найти гостиницу неподалеку от Бурье, небольшую, но хорошую.

— Но если гостиница маленькая, там наверняка не будет свободных номеров, — заметил Десмонд.

— Ну, это мы еще посмотрим, — ответил я, решив не говорить Десмонду, что уже забронировал номер и даже получил подтверждение.

Нам удалось найти человека, согласившегося довезти нас до Бурье всего за тридцать франков. Мы ехали по весьма живописной местности: с одной стороны лежало озеро, с другой тянулись холмы, покрытые виноградниками. Солнце, клонившееся к закату, стояло очень низко, отражаясь в зеркальной поверхности озера. Мы проехали Веве, раскинувшийся на берегу озера, затем — деревушку Ла-Тур-де-Пельс (там в свое время жил и умер Курбе), украшением которой служил старинный замок. Здесь мы свернули с главной дороги на проселок, змеившийся среди лугов; она-то и привела нас в деревеньку Бурье, представлявшую собой горстку домишек на крутом склоне над озером. По другую сторону дороги виднелось увитое розами здание вокзала, а за ним — бескрайние зеленые пастбища.

— Надо же, какое чудное место! — прошептал Десмонд, когда мы подъехали к гостинице.

Гостиница, носившая гордое название «Рейн дю лак»[54], оказалась небольшим заведением без претензий, но, как мы обнаружили, действительно первоклассным. Из окон наших комнат с общей ванной открывался потрясающий вид на темно-розовые от закатного солнца заснеженные вершины Дан-дю-Миди.

— И эти изумительные просторы, о которых мы узнали благодаря госпоже Донован, — проговорил Десмонд.

Мы оба уже успели здорово проголодаться и решили пообедать пораньше. Нам отвели прекрасный столик у окна. В зале сидели исключительно состоятельные пожилые дамы, явно облюбовавшую эту тихую гостиницу. У одной на коленях восседал очень хорошо воспитанный пекинес, которого дама кормила крошечными кусочками со своей тарелки.

Обед был выше всяких похвал, особенно рыба на гриле, которая, если верить метрдотелю, «еще днем плавала в озере». Затем нам подали неизменного цыпленка, нежного и замечательно приготовленного, а на десерт — крем-карамель. И когда мы уже допивали кофе, на небо величаво выплыла луна, уже пошедшая на убыль, но еще достаточно полная и яркая, осветив нереально белым светом далекие горы.

— Давай проведем здесь остаток жизни, — сказал Десмонд.

— Именно это, похоже, и собирается сделать госпожа Донован. Насколько я понимаю, в Ирландии она проводит не больше трех месяцев в году.

— Давай прогуляемся и попробуем разузнать, где она живет.

На улице, благодаря этому призрачному свету, было светло как днем. Мы перешли через дорогу и направились к зданию вокзала под красной черепичной крышей, принимающего в лучшем случае три-четыре поезда в день. Начальник станции, которого мы узнали по форменной фуражке, дышал свежим воздухом в маленьком садике. Мы подошли поближе, и Десмонд поздоровался с ним по-французски. Жаль, что в переводе невозможно передать все забавные нюансы их беседы.

— Простите, пожалуйста, господин начальник станции, могу я вас побеспокоить и спросить кое о чем?

— Вы ничуть не беспокоите меня, сэр. Как вы, наверное, могли заметить, сейчас я свободен от своих профессиональных обязанностей, с которыми уже успел успешно справиться, и в данную минуту смотрю на свои артишоки, которые, увы, плохо растут.

— Сударь, весьма сожалею, что ваши артишоки растут плохо.

— Я тоже, сударь. Так о чем вы хотели меня спросить?

— Мы ищем одну даму. Ее зовут госпожа Донован.

— А, ту ирландку?

— Именно. Вы ее знаете?

— Кто не знает госпожу Донован?

— Неужели она здесь такая известная личность?

— А я разве непонятно выразился?

— А чем же она известна?

— Всем, сударь.

— Всем?!

— Только хорошим, сударь.

— Спрашивать дальше? — спросил уже меня Десмонд и, когда я кивнул, продолжил: — Скажите, пожалуйста, а что именно делает госпожа Донован?

— А разве я не сказал, сударь, что она дает деньги на все? На нужды деревни, школы, дома престарелых, что находится в конце улицы. Она думает даже о мелочах. Вон там растет старый дуб, под которым старики собираются поболтать. Так вот, как раз в этом месяце она распорядилась установить вокруг дерева крепкое сиденье, чтоб им было удобнее отдыхать.

Так можно было разговаривать до бесконечности, тем более что погода располагала, но тут Десмонд задал последний вопрос:

— А где живет эта замечательная ирландская дама?

Начальник станции вынул трубку изо рта и неопределенно взмахнул ею:

— Посмотрите туда, через дорогу от моей маленькой станции. Посмотрите направо, далеко-далеко, и налево, в сторону деревни. А потом посмотрите на тот высокий лес вдалеке, чуть левее, и на ферму, где на лугах пасутся коровы, чуть правее. А затем посмотрите на большой дом, окруженный стеной, там, на пригорке. Это и есть поместье госпожи Донован.

Десмонд молча посмотрел на меня, а потом с трудом выдавил:

— Благодарю вас, господин начальник станции.

— Всегда рад помочь, сударь. Вы что, собираетесь навестить госпожу Донован?

— Да, завтра. Спокойной ночи.

— И вам тоже спокойной ночи, сударь.

— Ничего себе поместье! — заметил я, когда мы немного отошли.

— Алек, нам непременно нужно туда проникнуть, — сказал Десмонд.

Вернувшись в гостиницу, мы по очереди приняли ванну и улеглись в постель, застеленную постиранным вручную безупречно чистым, хрустящим бельем. V

На следующее утро в семь часов меня разбудил стук в дверь. Это горничная принесла кофе в термосе и свежие булочки. Со словами: «Обслуживание номеров, месье» — она поставила поднос на столик. И немало удивилась, даже расстроилась, когда я сказал, что позавтракаю чуть позднее. На самом деле я тоже расстроился, так как кофе был горячим, а булочки не просто какими-то круглыми кусочками теста, а настоящими круассанами, какие подают только в первоклассных отелях.

Когда горничная ушла, я встал с кровати, принял холодный душ и быстро оделся. Затем спустился вниз и, следуя указаниям, полученным накануне от метрдотеля, быстрым шагом пошел в сторону Ла-Тур-де-Пельс.

На окраине этой очаровательной деревушки я обнаружил монастырь, куда в данный момент и направлялся. Боюсь, я несколько утомил своим религиозным рвением с утра пораньше тех из своих читателей, что еще до сих пор со мной. И все же не могу опустить рассказ о посещении монастыря, ибо когда я вошел в часовню, где уже собралось около двадцати монахинь, обнаружил, что на восьмичасовой мессе, кроме меня, присутствует еще одно лицо, не относящееся к духовенству.

Это была женщина лет сорока, возможно, старше, одетая строго, но дорого, во все черное, на плечи она накинула норковую пелерину, в руках держала молитвенник на английском языке. Ее, безусловно, можно было бы назвать красивой, если бы не отрешенное, замкнутое выражение лица, а потому ее набожность поражала сильнее ее красоты. Когда я увидел во дворе старомодный «Роллс-Ройс» в прекрасном состоянии с шофером в униформе на

переднем сиденье, то сразу догадался, что это ее машина, а она, скорее всего, англичанка.

Во время службы мы старались не смотреть друг на друга, хотя я пару раз поймал на себе ее взгляд. Но когда монахини причастились и мы с ней одновременно поднялись, чтобы принять евхаристию, я пропустил ее вперед, и она еле заметно улыбнулась мне.

По окончании мессы я бодрым шагом двинулся в сторону Бурье. Дама же остановилась поговорить с монахинями и несколько задержалась. Однако не прошло и нескольких минут, как меня нагнал старомодный «Роллс-Ройс».

— Молодой человек, может, вас подвезти? Вам куда?

— В гостиницу в Бурье.

На самом деле я с большим удовольствием прошелся бы пешком, но грех было упускать такую замечательную возможность. И я сел в машину.

— Вы англичанин? — поинтересовалась она.

— Нет, мадам. Наполовину шотландец, наполовину ирландец.

— И что же вы делаете в таком прекрасном, но таком отдаленном уголке Швейцарии?

— Заехал сюда по пути в Голливуд.

— Боже правый! Вы актер?

— Нет, мадам. Всего лишь автор. Но я помогаю другу, который в прежней жизни совершил роковую ошибку, за которую жестоко поплатился. И теперь у него появился шанс в буквальном смысле выбраться из грязи.

— В Голливуде?!

— Он певец. Исключительный голос, талант — единственное его достояние, — сказал я и, увидев в ее глазах искру понимания, продолжил: — Но перед отъездом он хочет повидаться со своим ребенком. Умоляю вас, разрешите ему. Всего на один день.

Она отпрянула, на лицо ее набежала тень.

— Так вон оно что. Он специально подослал вас в часовню, чтобы под предлогом фальшивого благочестия подобраться ко мне.

— Мадам, если вы полагаете, что я готов осквернить таинство причастия, — посмотрел я на нее в упор, — мне остается вас только пожалеть.

Теперь пришла ее очередь побледнеть. И когда машина подъехала к гостинице и я вышел, она еле слышно проронила:

— Пусть приходит.

Но на этом мои приключения не закончились. Когда «Роллс-Ройс» скрылся из виду, меня окликнул какой-то человек, протиравший во дворе ветровое стекло машины.

Это был крупный мужчина в очевидно дорогом коричневом костюме, а его машина разительно отличалась от той, из которой я только что вышел. «Альфа-Ромео» — низкая, шикарная и необычайно скоростная машина — лучший продукт итальянского автопрома.

— Доброе утро, — обратился он ко мне на безупречном английском. — Я вижу, вы знакомы с

госпожой Донован.

— Так, шапочно. Она просто подвезла меня из Ла-Тура.

— А я знаком с ее племянницей. И вовсе не шапочно, — улыбнулся он, продемонстрировав крупные белые зубы. — Меня зовут Мунцио. И я надеюсь жениться на ней, когда она получит развод.

— Мои поздравления, — отозвался я. — Какая у вас прекрасная машина! Вероятно, очень быстрая.

— Лучшая машина в мире. Быстрая? Я вам сейчас скажу. Завтракаю я обычно в отеле, так как держу машину здесь, затем еду в свою контору в Милане, путь лежит вокруг озера по узкой, извилистой и крайне опасной дороге, дальше через перевал Сен-Готтард, не через туннель, дальше через границу и по отвратительным дорогам в Милан, а потом, когда с делами покончено, второй завтрак — и обратно сюда, как раз к чаю.

Звучало это совершенно фантастично, но я ему поверил.

— Вы, должно быть, первоклассный водитель.

— Лучший из лучших, — снова ослепительно улыбнулся он. — Я вожу эту машину так, как объезжают чистокровного жеребца, работая коленями.

— Вы отправляетесь прямо сейчас?

— Конечно.

— Тогда увидимся за чаем.

— Я вас обязательно найду. Я вам покажу класс, — в очередной раз блеснул он зубами.

Я вернулся в гостиницу, чувствуя, что для одного утра событий многовато, и, выпив наконец кофе, решил рассказать обо всем Десмонду, который уже успел позавтракать и ждал меня в номере на балконе.

— Мне кажется, я уже видел этого парня, — спокойно сказал Десмонд. — Такой большой и сильный. Должно быть, родом с севера Италии. Только такой и сможет удержать Клэр в узде. И какая удача, что ты встретил госпожу Донован. Теперь нам не дадут от ворот поворот. Хотя, насколько я понимаю, она вряд ли меня примет.

Итак, в десять часов мы прошли по деревенской улице, миновали стариков, сидевших под старым дубом, и оказались перед массивными коваными воротами поместья, которые тотчас же распахнулись перед нами, хотя привратник и сказал Десмонду по-итальянски:

— Мадам сегодня не принимает, сударь. Но вы можете пройти на террасу.

Мы медленно пошли к дому между высоких деревьев, над которыми в лучах солнца кружили галдящие грачи. Идущая в гору подъездная дорожка была тщательно разровнена, а зеленый газон вокруг нее аккуратно подстрижен. Слева раскинулся окруженный стеной сад. Сам дом, сложенный из серого камня, отличался простотой и лаконичностью. Квадратный и очень большой, он был окружен крытой террасой — незаменимой защитой от холодных швейцарских зим.

В южной части террасы шли какие-то приготовления, заставившие Десмонда ускорить шаг. На покрытом ковром плиточном полу был установлен детский манеж, рядом с которым на стуле с высокой спинкой чинно восседала няня из швейцарских немцев, облаченная в

безупречное льняное форменное платье с часиками на груди и высоким тугим накрахмаленным воротничком, свидетельствующим о высоких моральных качествах обладательницы одеяния. А внутри манежа я увидел маленький живой агукающий комочек в ползунках, который умильно смотрел на Десмонда, стоявшего на коленях подле манежа.

— Она узнала меня, мое солнышко, — прошептал Десмонд, сглатывая катившиеся по щекам слезы. — Как только меня увидела, ее милое личико озарила улыбка.

И все же кто знает? Ведь он вынянчил это крохотное существо, купал и укладывал в колыбельку, и его образ мог вполне сохраниться в закоулках ее памяти. Десмонд пришел к своей малышке не с пустыми руками. Он принес ей в подарок серебряную со слоновой костью погремушку, которую предусмотрительно вручил няне. Та приняла игрушку со сдержанной улыбкой благодарности, внимательно осмотрела ее, тщательно протерла чистой белой тряпочкой и отдала ребенку. Воздух вокруг тотчас же наполнился счастливым детским смехом, сопровождаемым звяканьем погремушки. Я счел за лучшее оставить Десмонда наедине с дочкой; более того, я ни минуты не сомневался, что он наверняка сможет снискать расположение и даже доверие чопорной няньки, которая рано или поздно позволит ему взять на руки его дитя. Десмонд, похоже, уже сумел растопить лед, обратившись к ней на швейцарско-немецком диалекте.

Вернувшись в гостиницу, я попросил портье приготовить мне ланч для пикника и отправился к себе в номер, чтобы переодеться в шорты, джемпер и теннисные туфли. Когда я спустился вниз, на стойке портье меня уже ждал упакованный ланч. Да, «Рейн дю лак» — прекрасная гостиница.

Вернувшись в поместье, я оставил ланч на скамейке в парке под деревом и отправился на пробежку, успев за это время здорово соскучиться по физическим упражнениям.

И я начал разминку: пятьдесят ярдов трусцой, затем следующие пятьдесят ярдов быстрым шагом. Замечательный метод, позволяющий двигаться вперед сколь угодно долго и при этом не уставать. Кружа по парку, я выяснил, что Десмонду тоже в каком-то смысле удалось продвинуться вперед. Сперва ему предложили подушку, чтобы подложить под колени, затем — стул, на котором он устроился с ребенком на руках. Но меня не оставляло смутное ощущение, что за мной кто-то наблюдает из занавешенного окна верхнего этажа.

Я все еще продолжал пробежку, когда колокол прозвонил полдень, созывая стариков из дома престарелых, правда, не на молитву, а всего лишь на обед. Мне тоже пора было подкрепиться, тем более что Десмонда, няни и младенца уже не было на террасе. Вместо душа я наскоро обтерся салфеткой, в которую был завернут ланч, надел джемпер и присел на скамью.

Ланч оказался выше всяких похвал. Ничего лишнего, только великолепный сэндвич с ветчиной, кусочек эмментальского сыра между аппетитных бисквитов с маслом и фрукты: яблоко, апельсин и божественно сочная груша. После интенсивной пробежки еда показалась мне особенно вкусной. Затем я аккуратно завернул фруктовую кожуру в салфетку и с удовольствием растянулся на скамье в тени деревьев. Я был готов провести в этом райском уголке хоть все лето. И вообще, Десмонд уже изрядно меня утомил. Последнее время мы постоянно были вместе, а если учесть его озлобленность и неустойчивое душевное состояние, легко понять, что он был сейчас не самым приятным компаньоном. Но я дал бедняге честное слово и, как бы там ни было, был обязан его сдержать.

Должно быть, меня сморил сон, так как когда я проснулся, на часах было уже половина третьего. Неожиданно на аллее, ведущей к обнесенному стеной саду, я заметил совершенно очаровательную процессию: няню, Десмонда, толкавшего перед собой открытую коляску с ребенком, и двух керри-блю-терьеров.

Я несколько минут наблюдал за ними, весьма довольный тем, что все прошло тихо и мирно, без вспышек ярости и откровенной враждебности. Я понял, что моя помощь больше не требуется, и решил вернуться в гостиницу. Я уже пересек парк и вышел на центральную аллею, когда заметил на террасе женщину, сделавшую мне знак подойти поближе. И хотя мне не слишком хотелось снова встречаться с госпожой Донован, я не осмелился пренебречь ее приглашением.

— Я не могла вас отпустить, не извинившись за свое оскорбительное замечание сегодня утром.

— Ради бога, не волнуйтесь, мадам. Профессия сделала меня привычным к нападкам.

Она замялась и наклонилась вперед, словно желая доказать, что намерения у нее самые лучшие:

— Разрешите угостить вас чаем. Здесь, на террасе.

— Благодарю вас, мадам, — вежливо улыбнулся я, не в силах отказаться.

— Не сомневаюсь, вы просто умираете от жажды после такой пробежки. Посидите секундочку, пойду скажу Марии.

Она вернулась буквально через несколько минут в сопровождении дородной итальянки, которая несла хорошо сервированный чайный поднос. Взяв предложенную мне чашку, я задумался над тем, как лучше завязать разговор.

— Мадам, у вас прекрасное поместье. И очень большое.

— Да, когда я еще только приехала сюда, цены были не слишком высоки, и я решила не дробить поместье. Даже прикупила еще ферму и теперь нисколечко не жалею. У меня трудятся итальянцы, причем очень хорошо. Полагаю, вы знаете, что итальянцы едут в Швейцарию в поисках работы и приличной зарплаты.

— Мадам, так вы здесь навсегда обосновались?

— Я люблю Швейцарию. В основном, конечно, за красоту. Но в любом случае это со всех точек зрения замечательная страна. Здесь люди трудятся в поте лица, поезда ходят по расписанию и вообще всюду образцовый порядок, — произнесла она и, помолчав, добавила: — Естественно, раз в год я на три месяца уезжаю домой в Ирландию.

— Я уже не раз подумывал, чтобы переехать в Швейцарию. Причем по вполне тривиальной причине. Из-за налогов.

— Да, они очень добры к нам и к своим жителям тоже, — улыбнулась она. — А вы не хотите осесть в Голливуде?

— Ни за что на свете, мадам. Там не слишком уважают писателей. Смотрят на них с презрением. Как на прислугу.

— И тем не менее вы туда едете, причем уже завтра.

— Я еду по двум причинам. В первую очередь из-за Десмонда. Но хочу попробовать продать и свой последний роман.

— Какая жалость, что Десмонд не может вернуть себе доброе имя как-то иначе, более достойным способом, — помолчав, проронила она. — Как раз сегодня я снова читала о молодом священнике, который всю жизнь провел в самых удаленных и нищих китайских

провинциях, посвятив себя не пустым разговорам, а реальным делам — борьбе с болезнями, страданиями и голодом.

— К сожалению, мадам, подобная самоотверженность и искупление грехов таким способом — не в характере Десмонда. Он доберется не дальше Гонконга и вернется оттуда первым же судном с приличным запасом китайского фарфора. Нет, мадам, он может проложить себе дорогу к спасению исключительно своим волшебным голосом.

— Кто знает, что ждет любого из нас впереди. Будущее предсказать невозможно, — слабо улыбнулась она и добавила: — Но я никак не могу понять, почему вы так заботитесь о нем?

— Мы очень дружили в школе, и, когда у меня не было ни гроша, он вел себя по отношению ко мне исключительно благородно. Именно ему я обязан тем, что мог, сидя в партере Королевского театра, восхищаться бесподобным исполнением Джеральдиной Мур партии Тоски, — сказал я, подметив, что на ее лице ни один мускул не дрогнул. — А кроме того, с тех пор как он спутался с вашей смазливой племянницей, ему здорово досталось.

— Он сам сделал свой выбор. Вы, наверное, слышали, что Клэр добивается развода. Она уже живет с Мунцио.

— Это ничего не меняет. Завтра рано утром мы уезжаем в Геную. Он ее никогда больше не увидит.

На террасе повисло тягостное молчание, и меня внезапно потянуло к этой женщине, а еще мне стало ее ужасно жалко. Она не была создана для жизни весталки, и тем не менее все вышло именно так. И что тут можно было сказать?!

— Ну, мне пора, — решительно поднявшись с места, сказал я. — Полагаю, Десмонд еще задержится, чтобы увидеть, как купают малышку. Еще раз благодарю вас за доброту.

— Если все же решите переехать в Швейцарию, непременно дайте знать, — улыбнулась она. — И приезжайте ко мне в Ирландию.

— А вы, мадам, если окажетесь в Лондоне, приезжайте к нам в Суссекс. Жена будет счастлива познакомиться с вами. Она у меня немножко затворница, и для нее ваш визит будет большой радостью.

— Обязательно приеду, — ответила госпожа Донован. Эти простые слова положили начало чудесной дружбе.

Мы пожали друг другу руки, и я отправился обратно в гостиницу, где во дворе уже, естественно, стоял заляпанный грязью «Альфа-Ромео». Я прошел к стойке портье, заказал на шесть тридцать утра машину до Генуи, а также просил приготовить счет.

Я поднялся наверх, ощущая странную тяжесть на душе, возможно, из-за впустую потраченной недели. Поэтому решил написать длинное, подробное письмо домой, где между прочим поинтересовался, как поживает новая клумба с желтофиолью. Какое же это счастье — иметь свой дом, любящих жену и сыновей. У Десмонда ничего этого не было, а потому мне все же следовало проявлять большую терпимость к его чрезмерному восхищению своей дочуркой.

В гостиницу он вернулся поздно. Я уже заканчивал обедать. Десмонд едва притронулся к тарелке и за все время не проронил ни слова. Наконец он поднял на меня глаза, в которых стояла тоска.

— Я так понимаю, что моя жена собирается развестись и снова выйти замуж. Но если она предъявит права на ребенка, это конец.

И что я мог ему сказать? Ничего. А так как нам завтра надо было вставать с петухами, мы улеглись спать пораньше. VI

Пароход «Христофор Колумб», подняв флаги, выскользнул из широкой гавани под рев сирен и звон церковных колоколов. Мы прибыли в Геную, имея в запасе два часа, и без лишней спешки и суеты получили посылки в офисе «Италиян лайн». Там были все наши заказы — аккуратно упакованные и прошедшие таможенный досмотр. Настоящий триумф мастерства, опыта и согласованности лондонских умельцев. И если в те времена такое было в порядке вещей, можем ли мы сказать то же самое о нынешних временах? Даже и спрашивать-то бессмысленно.

Я оставил Десмонда в каюте распаковывать свертки, а сам поднялся на палубу, чтобы проводить глазами удаляющийся берег и возобновить знакомство с этим замечательным судном, на котором я уже однажды совершал морское путешествие. Мне ужасно нравились итальянские пароходы, и не только потому, что они плывут по южному морскому пути, но и потому, что они развивают хорошую скорость, отличаются комфортабельностью и поистине итальянской дружелюбной манерой обслуживания. Внизу старший стюард уже начал принимать заказы на резервирование столов, и я попросил оставить для нас боковой столик по левому борту, тот самый, за которым мы с женой сидели в прошлый раз. Затем я осмотрел маленькую корабельную церковь — важную и приятную особенность судов этой линии. А так как там уже молился итальянский падре, я понял, что мессы будут проводиться каждое утро. Мне осталось только посетить залитую солнцем палубу, чтобы закрепить за нами два удобно расположенных шезлонга. На сей раз, поскольку нас ждет жаркое южное солнце, никаких крытых палуб.

Вернувшись в каюту, я застал Десмонда за созерцанием разложенной на кровати новой одежды. Со времени отъезда из Швейцарии он пребывал не в лучшем, скорее в мрачном настроении. Именно поэтому я обратился к нему с наигранной веселостью:

— Ну что, примерил, как сидит? По цвету и размеру подходит?

— Нет! Боюсь, в таком наряде я буду похож на хлыща. Боже правый, уже второй раз за всю свою проклятую жизнь я получаю благотворительную помощь в виде одежды.

— Ну и ходи на здоровье в своих лохмотьях, если тебе так больше нравится, — рассмеялся я.

— И пустить насмарку все, что ты для меня сделал?! В любом случае все это пустые хлопоты.

— Да будет тебе, Десмонд! Соберись! В последнее время ты сам на себя не похож.

— А ты чего?! — Десмонд редко употреблял бранные слова, но сейчас не сдержался. — Мое дитя отдано на попечение засушенной старой деве, которая меня ненавидит. Жена каждую ночь трахается со здоровенным итальянским ублюдком. — Десмонд схватился за голову и застонал: — О господи, я все еще люблю эту дрянь, хотя она всегда была, есть и будет сухой. А кто я?! Грязная свинья. Я присосался к тебе, точно пиявка, обошелся тебе в целое состояние, и все впустую! Эта придурочная американка никогда не даст мне петь. А если и даст, то я обязательно шлепнусь мордой в грязь.

В такой ситуации мне оставалось только одно. Что я и сделал. Я вышел из каюты, аккуратно прикрыв за собой дверь. На душе кошки скребли. Если он сломался уже сейчас, что будет дальше? Я будто сидел верхом на лошади, упорно не желавшей дойти до финиша. И тем не менее я успел здорово проголодаться и в половине первого отправился на ланч. В кают-компании меня радостно приветствовал знакомый стюард, который явно не забыл о щедрых чаевых, полученных от меня в прошлый раз.

— Неужели вы один, сэр? — печально спросил он, усаживая меня в кресло.

— Вовсе нет. Я с другом.

И именно в этот момент вошел Десмонд, причем совершенно обновленный Десмонд — чисто выбритый, умытый, причесанный, в потрясающем новым сером костюме, рубашке с мягким воротничком, в галстук, похожем на старый добрый итонский галстук, новых коричневых ботинках ручной работы и шелковых носках. Стюард, потрясенный безупречным итальянским моего друга и его прекрасным знанием итальянских блюд, указанных в меню, принял заказ почти со священным трепетом и, осторожно пятясь, удалился.

— Алек, извини, — сказал Десмонд, разворачивая салфетку. — Правда, я ужасно сожалею. Но все. Больше такого не повторится. Обещаю.

И он действительно сдержал слово. За все путешествие он больше не впадал в мрачное отчаяние, хотя и не был прежним — легким и беззаботным Десмондом, которого я когда-то знал. Угрюмый и раздражительный, он, казалось, ушел в себя.

Дул легкий приятный ветерок, солнце светило вовсю, и Десмонд, предоставленный самому себе, в основном лежал, закрыв глаза, в шезлонге, решительно отвергая любые попытки завязать с ним дорожное знакомство. Я же старался придерживаться своего обычного распорядка: ранняя пробежка по палубе, легкие упражнения в гимнастическом зале, заплыв в бассейне и, наконец, месса и причастие в судовой церкви. После чего я был готов к сытному завтраку и длинному ленивому дню на жарком солнце. К несчастью, милый маленький падре прямо-таки прилепился ко мне. Он принадлежал к достойной всяческих похвал церковной организации в Риме, с которой я познакомился во время посещения несколько лет назад Вечного города; руководили организацией молодые священники, обучавшие бездомных мальчишек полезным ремеслам. Целью поездки падре в Америку был сбор средств в многочисленных итальянских общинах Нью-Йорка и других больших городов. И он наверняка все путешествие ходил бы за мной по пятам, если бы я не догадался пожертвовать на детей пятьдесят фунтов и доверительно шепнуть, что у меня больная печень и доктор предписал мне побольше отдыхать и поменьше говорить. Однако прежде, чем он ушел, я задал ему вопрос относительно Десмонда, вкратце описав его нынешнее состояние. И тут же получил вполне однозначный ответ.

— Он никогда не восстановит душевного спокойствия, если не вернется в лоно Церкви. Я уже много-много раз сталкивался с подобным. Коли уж ты поссорился с Всевышним, то должен переломить себя и испросить у Него прощения. Только так можно стать счастливым.

Очень скоро мы прибыли на место, шум двигателей стал стихать, и перед нашими глазами показалась статуя Свободы в нью-йоркской гавани. Как приятно сходить на берег без лишнего багажа! Держа в руках по небольшому чемоданчику, мы прошли мимо толпы пассажиров, сгрудившихся вокруг гор сундуков, колясок, кожаных сумок с клюшками для гольфа и других пожитков. На судно поднялись представители иммиграционной службы; мы же спокойно поймали такси, чтобы доехать до Пенсильванского вокзала, там мы должны были сесть на утренний поезд до Чикаго, состыкованный с экспрессом «Супершеф», где я забронировал двухместное купе.

Тем, кто знаком лишь с сугубо утилитарными современными поездами, нередко выбивающимися из графика из-за забастовок, или тем, кто привык летать самолетами, трудно даже представить себе комфорт и роскошь великолепных трансконтинентальных поездов того времени. В Чикаго мы перебрались на другой вокзал, где у платформы уже стоял «Супершеф», напоминающий мощную борзую, которая только и ждет, чтобы ее спустили с привязи. Перед пассажирами расстелили красную ковровую дорожку, и под звуки музыки — несколько нелепая, но вполне терпимая преамбула к миру Голливуда — мы вошли

в вагон. Наше купе было готово к приему гостей — безупречно прибранное, со свежими салфетками на сиденьях, двумя поднятыми откидными полками, сияющей чистотой ванной и улыбчивым проводником, который поинтересовался, не желаем ли мы позавтракать. Пока мы пили кофе, поезд медленно отошел от платформы, чтобы сверкающей молнией пересечь Америку.

Я уже дважды ездил этим поездом, но для Десмонда все было в новинку. Однако он всю дорогу отрешенно и мрачно смотрел в окно, и похоже, само путешествие несколько его не интересовало, а когда мы уже приближались к месту назначения, он стал проявлять признаки нервозности, которую лишь частично ослабила полученная через «Вестерн юнион» и переданная ему в Албукерке телеграмма следующего содержания:

ВЫХОДИТЕ В ПАСАДЕНЕ БУДУ ВСТРЕЧАТЬ ТАМ.

— По крайней мере, она нас ждет, — пробормотал Десмонд.

— Не нас, а тебя, — поправил я. — А мне дадут коленом под зад!

В Пасадене, где большая часть голливудской элиты сошла с поезда, мы, следуя указаниям, данным в телеграмме, сделали то же самое. И действительно, на перроне перед нами предстала сама Делия Би. Она обняла Десмонда и смачно поцеловала в щеку.

— Рада тебя видеть, дорогой. Все уже устроено. Выглядишь хорошо, — сказала она и, повернувшись ко мне, добавила: — А ты какого черта здесь делаешь, Рыжий?

— Я его слуга.

— Слуга так слуга. Я забронировала Десмонду одноместный номер в отеле «Бeverли-Хиллз».

— В таком случае придется мне обойтись четырехкомнатным коттеджем, который я снял в саду отеля «Бeverли-Хиллз», — сказал я.

— Твоя взяла, Рыжий, — расхохоталась она. — Ну как, Дес, останешься с ним?

— А вы как думаете?! — сухо ответил Десмонд. — Видите ли, если бы не Алек, меня бы здесь не было. Он заплатил за все, даже за одежду, что сейчас на мне.

— Неплохо, Рыжий, неплохо. А ты сюда зачем, по делам?

— Конечно. Я здесь, чтобы продать свой новый роман.

— Ага, что-то такое слышала. Как называется? Вроде «Кутикула»?

— Он самый, Делия Би. История о вросшем ногте на ноге.

Мы сели в машину — вопреки моим ожиданиям, вовсе не в роскошный автомобиль, а в потрепанный «Форд», который она вела со свойственной ей лихостью. Когда мы приехали в отель и зарегистрировались, Делия Би не поленилась дойти до коттеджа в саду, чтобы проверить, не обманываю ли я ее.

— Неплохо, Рыжий, неплохо. А у тебя губа не дура. Хотя это встанет тебе в кругленькую сумму.

— Мы с женой останавливались здесь в прошлом году.

— Так почему ж не сообщил мне, что ты в городе?! Ну да ладно. Дес, это как раз то, что тебе нужно. Ничего не делай, отдыхай до конца выходных. Великий день — не знаю, когда именно,

— очень скоро наступит.

Беделия уехала, а мы распаковали вещи и растянулись в шезлонгах на солнышке. В те времена, когда еще не было такого дикого прироста населения, такого количества машин, а многочисленные предприятия еще не превратили легкую дымку на побережье в густой смог, для многих Беверли-Хиллз было излюбленным местом отдыха, а отель, где мы остановились, считался одним из лучших.

Мы целый день провалялись на солнце. Но после обеда в отеле я позвонил своему агенту Фрэнку Халтону.

— Алек, как тебе твоя новая работа?

— Гораздо легче, чем писать бестселлеры.

— Ну, если тебе все же надоест без толку просиживать штаны, может, приедешь позавтракать со мной?

— С удовольствием, Фрэнк. Сегодня же начищу до блеска башмаки. Послушай, хочу привести тебе нового клиента. Сейчас он — всего лишь интересный проект, но, я уверен, со временем вырастет в нечто большее.

— Валяй, приводи. Слыхал, что за ним стоит Беделия Би. В любом случае с нетерпением тебя жду.

В ту ночь мы с Десмондом спали прекрасно, ибо «Супершеф», конечно, — прекрасный поезд, но от стука колес все равно никуда не деться.

На следующее утро мы отправились к Фрэнку Халтону, в деловую часть города. Я, естественно, оценил то, что он пригласил нас не в офис, а к себе домой. Фрэнк — человек высоких моральных качеств, никогда не нарушавший слова в делах с клиентами, — был помешан на здоровье, о чем недвусмысленно говорили и его предпочтения в еде. Поинтересовавшись, что бы мы хотели на завтрак, он позвонил на кухню, сделал заказ и сказал: «А мне как обычно».

Это «как обычно», которое принесли вместе с кофе и свежими булочками для нас, представляло собой впечатляющий набор приготовленных в сыром виде овощей: там была нарезанная редиска, зеленый лук, деликатесная мелкая морковь, салат-латук, кусочки цветной капусты и сельдерей — все прямо с рынка. Уже позже мы даже признались друг другу, что с удовольствием поменяли бы наши замечательные булочки с маслом на такую аппетитную еду.

Во время завтрака разговор сначала зашел о моей книге, затем — о Десмонде, суть дела которого я вкратце изложил очень внимательно слушавшему меня Фрэнку.

— Совершенно очевидно, — улыбнулся он Десмонду, — что Беделия Би запала на тебя. А это, надо сказать, редкая удача, ибо если уж Беделия Би составляет кому-то протекцию, то она все просчитывает наперед. Но, заметьте, королева все же не она. Этот титул принадлежит Луэлле Парсонз, которая разительно от нее отличается и к тому же настоящая леди. И тем не менее Беделия упорно карабкается вверх, и раз уж она вцепилась в кого-то зубами, то ни за что не отпустит. В последнее время она упорно бросает намеки, словно бумажки в игре «Заяц и собаки»[55], в основном в адрес съемочной группы фильма о Карузо. Итак, за ней следующий ход.

— И каков, по-вашему, будет следующий ход? — поинтересовался Десмонд.

— Ну, нетрудно догадаться. Беделия тесно связана с большими людьми из мира кино —

Селзником, Сэмом Голдуином, Майером, но особенно с Сэмом. Если в ближайшее время кто-нибудь из них устроит званый вечер, то вас, Десмонд, туда обязательно пригласят. И опять же нетрудно догадаться, что она устроит вам шумный дебют. Сможешь произвести впечатление, парень, и ты в обойме! А уж если попадете в обойму, не подписывайте не глядя никаких контрактов, или потом горько пожалеете! Я буду рядом и помогу вам сделать первый миллион.

Когда мы минут через двадцать ушли от Фрэнка, я понял, что он произвел на Десмонда сильное впечатление.

— Ну как, понравился тебе Фрэнк?

— Разве такой человек может не понравиться! — сухо улыбнулся Десмонд. — Меня только немного удивил его завтрак.

— Фрэнк сделал мне столько добра, и мне абсолютно все равно, что он ест на завтрак.

Теперь ничего больше не оставалось, только ждать. В те золотые дни было приятно нежиться на солнышке в саду отеля «Бeverли-Хиллз», а утром — нырнуть в большой бассейн и пройтись быстрым шагом до ближайшего прибежища верующих. Я постоянно, хотя, увы, напрасно предлагал Десмонду составить мне компанию: он упорно отказывался и лишь угрюмо глядел мне вслед. Он ждал меня, лежа в шезлонге на солнце, и встречал своим обычным мрачным взглядом.

— Ну что, получил отпущение грехов? — ехидно поинтересовался он, когда я как-то раз вернулся позже обычного.

— Нет, Десмонд! Но у меня был длинный и, надеюсь, полезный разговор с отцом Дэвисом.

К счастью, в этот момент принесли завтрак: хрустящий хлеб, завернутый в салфетку, мед, кофе в серебряном термосе и, что самое замечательное, уже разрезанные пополам большие розовые грейпфруты.

На пятый день нашего пребывания в отеле, когда я уже всерьез забеспокоился о счете, нам нанесла короткий, но незабываемый визит Беделия Би, которая упала точно орел с неба и вцепилась когтями в Десмонда. Повиснув у него на руке, она принялась прохаживаться взад-вперед и что-то быстро нашептывать ему на ухо. Десмонду ничего не оставалось, как время от времени согласно кивать. Наконец Беделия вернулась вместе с ним в коттедж, где театральным жестом протянула ему великолепно украшенную карточку.

— Десмонд, смотри не потеряй! Ты хоть и будешь звездой вечера, без этой штуки тебя не пропустят.

— А как насчет пригласительного билета для меня, Делия Би?

— Ну а тебе, Рыжий, приглашение без надобности. Вечеринки у Сэма — важные мероприятия. И писателям туда вход заказан, — добродушно сказала она.

— Да ладно тебе, Ди Би. Я имею полное право посмотреть на веселье. Я буду сидеть тихо-тихо как мышка.

— Мышам тоже вход заказан, Рыжий, — засмеялась она, протягивая мне пригласительный билет. — Думаю, ты заслужил право присутствовать. Но только постарайся одеться поприличнее и даже не вздумай произносить слово «книги», а то тебя живо вышвырнут вон.

После ухода Делии Би мы с Десмондом изучили прекрасно оформленные билеты, представлявшие собой отпечатанные на бумаге с золотым обрезом приглашения на званый

вечер, который устраивал Сэм Голдуин в своем доме в Беверли-Хиллз двенадцатого июня.

— Всего каких-то четыре дня осталось! — жизнерадостно воскликнул я; после такого долгого путешествия для меня это был не срок. — Ты уже выбрал, что будешь петь? Полагаю, как всегда, арию Вальтера?

— Боже правый! Неужели я похож на школьника, выучившего одну-единственную паршивую песню?! Нет, я исполню то, что взбредет в мою дурную голову, — сказал Десмонд и, помолчав, добавил: — У меня эта чертова ария уже в печенках сидит, да и у тебя, наверное, тоже. Алек, давай не будем об этом. Просто пойдем, а там видно будет.

И мы строго соблюдали данный нами обет молчания, хотя мысль о важности предстоящего мероприятия тяжелым грузом давила на сердце. И когда наконец знаменательный день настал, мы, следуя указаниям Делии Би, постарались одеться поприличнее. Мне в любом случае не дано выглядеть изысканно элегантным, но Десмонд, чисто выбритый, в темном костюме и во всем том, что полагается к такому костюму, смотрелся потрясающе. Не мужчина, а мечта старлетки. В нем была какая-то особая чувственность, а благодаря хорошим условиям в Беверли-Хиллз вид у него стал вполне цветущим.

Мы уже были совсем готовы, но поскольку согласно строжайшей инструкции Делии Би Десмонд должен был появиться позже других, нам приходилось сидеть и ждать. Десмонд казался спокойным, на лице его застыла ставшая привычной для него маска полного безразличия. Я даже грешным делом подумал, не принял ли он транквилизатор. Но если и так, я его не виню. Ведь это был его момент истины, и от сегодняшнего вечера зависело, что его ждет впереди: триумфальный успех или падение в пропасть. Даже мне, которому была уготована лишь роль зрителя, ожидание давалось с большим трудом.

В половине одиннадцатую, после нескольких фальстартов, мы наконец прошли через холл отеля к ожидающему нас такси. Несколько минут езды — и перед нами возник сверкающий всеми огнями огромный дом. Наше скромное такси вызвало подозрение у дежуривших на входе полицейских, но после проверки пригласительных нас провели в дом, где уже другой полицейский, переодетый дворецким, приняв наши шляпы, проводил нас в гостиную. На пороге мы с Десмондом посмотрели друг другу в глаза и, сделав глубокий вдох, смело шагнули вперед.

Громадная гостиная, ярко освещенная двумя огромными люстрами венецианского стекла, была обставлена и декорирована с роскошью, которую диктуют колоссальные деньги. Вокруг двух роялей фирмы «Стейнвей» в разных концах комнаты группами стояли гости, человек сорок, не меньше, разделившиеся, как это принято в Америке, по половому признаку. Так, стайки нарядно одетых женщин щебетали в одном углу, а мужчины, и среди них хорошо узнаваемые кинозвезды, рассеянно бродили по залу, неосознанно разыгрывая из себя альфа-самцов.

В центре между этих двух групп в окружении близких друзей сидел хозяин всего этого великолепия — несравненный Сэм; рядом с ним стояла парочка суровых мужчин, а еще Делия Би собственной персоной, в полной боевой раскраске и с алым страусиным пером в волосах. За одним из роялей сидел сам Ричард Таубер[56], за другим — к моему величайшему облегчению, Джон Маккормак, рядом с ним на диванчике расположилась его жена Лили. Эти чудесные люди были моими друзьями, и я подсел к Лили, которая приветствовала меня мягкой улыбкой. Я еще не встречал в Голливуде женщины тоньше и милее ее.

— Джон говорит, нас ждет что-то особенное, — шепнула она мне.

Десмонд, одиноко стоявший в дверях, не мог не привлечь всеобщего внимания, и тогда, продемонстрировав отменную выдержку, он обвел глазами комнату и, найдя уголок, где не

толпился народ, уселся в позолоченное кресло времен Людовика XVII и принялся рассматривать огромную картину Андрео дель Сартро[57] «Похищение сабинянок». По тому, как Десмонд скептически приподнял левую бровь, я понял, что, по его просвещенному мнению, эта картина отнюдь не кисти великого мастера, а скорее, одного из его учеников, возможно, Джакомо Феллини.

Не знаю, может, мне и показалось, но женские голоса в комнате смолкли, поскольку все взгляды были прикованы к элегантному, сдержанному человеку, одиноко сидевшему в кресле. В Голливуде ничто не привлекает женщин больше, чем красота, особенно если речь идет о незнакомом красивом мужчине. И естественно, здешние красотки сразу же устремили изучающие взоры на Десмонда. Все они были всемирно известными кинозвездами, причем некоторые — совершенно бездарными, но натасканными опытными режиссерами, которые научили их изображать нужные эмоции. Но были и выдающиеся актрисы. Я заметил Грейс Мур, Кароль Ломбард, Джейн Новак, Лила Ли, а несколько поодаль — Этель Бэрримор и Норму Ширер[58].

Вот и все. По правде говоря, больше никого особо интересного в комнате и не было. Таубер и Джон исполняли отрывки из опер, устроив нечто вроде соревнования: один начинал играть, а другой продолжал, и наоборот. Самая обычная голливудская вечеринка, когда уже все говорено-переговорено и гости ждут перед ужином чего-то эдакого.

Вдруг одна из сидевших на диване женщин встала и медленно подошла к Десмонду. Это была Грейс Мур — молодая, стройная, привлекательная и уже хорошо известная певица. Приблизившись к Десмонду, который тут же вскочил с кресла, она протянула ему руки. В этот момент Джон Маккормак заиграл Пуччини, и Грейс, вплотную приблизившись к Десмонду, начала несравненную арию Чио-Чио-сан из «Мадам Баттефляй»:

Quest' obi pomposa

Di scioglier mi tarda

Si vesta la sposa.

Она прекрасно исполнила начало любовного дуэта, и тогда вступил Десмонд:

Con moti di scoiattolo

I nodi allenta e scioglie!

Pensar che quel giocattolo

u mia moglie...

Не вдаваясь в подробности, хочу только добавить, что они продолжили этот прекрасный и трогательный дуэт, сопровождая его соответствующими любовными жестами. Гости, пораженные столь неожиданно изящным исполнением, равно как и сдержанной красотой мужского голоса, наградили певцов аплодисментами.

— Десмонд, это было изумительно. И с вашей стороны было очень любезно петь вполсилы,

чтобы не заглушать меня. Ну а теперь, чтобы заработать ужин, вы должны спеть уже без меня, — сказала Грейс и, улыбнувшись, вернулась на свое место.

Десмонд тоже улыбнулся с напускной скромностью. Он прекрасно начал и уже ничем не рисковал. Я знал, сейчас он исполнит что-то особенное.

— Если это не слишком утомит уважаемую публику, — начал Десмонд, — я хотел бы предложить вашему вниманию великую арию, которую еще ребенком слышал в исполнении человека, чей голос, безусловно, куда лучше моего, — в исполнении великого Энрико Карузо.

Блестящий ход. С самого начала Десмонд все спланировал идеально. В комнате послышался сдавленный женский смешок, потом наступила мертвая тишина. И тогда Десмонд, сохранявший полное самообладание и выказывавший крайнее безразличие — то душевное состояние, что было свойственно ему в последнее время, — начал петь. В глубине души я очень надеялся, что он все же подстрахуется и исполнит арию Вальтера, но ошибся.

Десмонд выбрал неистовую, душераздирающую арию Каварадосси перед казнью из «Тоски»:

Amaro sol per te m'era il morire

Da te prende la vita ogni splendore...

Я уже несколько раз слышал эту арию раньше, но никто не исполнял ее так, как Десмонд, который вложил в нее всю накопившуюся у него в душе горечь.

Теперь уже гости не только не хихикали и не перешептывались, а, казалось, даже не дышали. А когда последний крик Каварадосси «Avra sol da te voce e colore», взмывая к потолку, разнесся по комнате, аплодисменты — для вечеринки такого уровня — были оглушительными. Все повскакали с мест, Джон Маккормак вышел из-за рояля с криками: «Браво! Брависсимо!» Таубер, сидевший за роялем, в восторге нажимал на басовые клавиши. Делия Би, сложив руки рупором, старалась перекрыть шум. Я тоже орал во все горло, одновременно потихоньку пробираясь к двери. Десмонд смог! И так, я здесь больше не нужен, ибо стал всего лишь бесполезным приложением. Замешкавшись на пороге, я услышал голос Делии Би:

— Дес, а теперь спой арию Вальтера!

— Да уж, пожалуйста, Десмонд, — крикнул Джон Маккормак. — Но сперва, раз уж Каварадосси умер, порадуй наших дам чем-нибудь нежным и трогательным. Спой «Та, что прошла мимо меня».

Десмонд несколько секунд стоял в задумчивости, держа гостей в напряжении, а затем улыбнулся Джону. Я очень надеялся, что Десмонд выберет пленительную песню на музыку Эдуарда Перселла, лучшую из всех на эту тему. Что он и сделал. Повернувшись вполоборота к дамам, Десмонд запел:

Однажды девушка жила,

Та, что милей других была.

Она прошла мимо меня,

Но не забыть мне того дня.

Ни одна другая песня не могла сравниться с этой по задушевности и чарующему воздействию на слушателей. И какой разительный контраст с арией Каварадосси! Одного взгляда на восхищенные лица гостей было достаточно, чтобы понять, что Десмонд сделал идеальный выбор.

И тогда я тихонько двинулся к выходу. VII

Я вышел из роскошной, залитой огнями комнаты, чувствуя, что у меня закладывает уши от стоявшего там восторженного гула, и быстрым шагом направился в сторону отеля. Я понимал, что здорово рискую, поскольку одинокий пешеход — явление, нетипичное для этих мест, но мне необходимо было пройти, чтобы справиться с бурей одолевавших меня эмоций.

Десмонд сделал это; более того, смог, наконец, самоутвердиться, и теперь его будущее виделось мне в розовом цвете. Сейчас, несмотря на царящее в душе ликование, я хотел только одного: поскорее вернуться домой — поездом, пароходом, лишь бы быстрее. Я сделал все, что собирался: помог другу в некотором смысле даже в ущерб себе, и теперь от меня больше ничего не требуется. Я не мог думать ни о чем, кроме своего чудесного загородного дома, любимого сада и близких мне людей. Малина и смородина, должно быть, уже созрели, так же как и сливы — венгерка «Виктория», а розы в самом цвету.

Вернувшись в отель, я у стойки регистрации навел справки о расписании поездов. На экспресс «Супершеф» я, к сожалению, уже не попадал, но обычный чикагский поезд отходил в шесть утра, а сейчас было уже четыре. Я оплатил коттедж до конца недели, завоевав тем самым расположение портье, который тут же позвонил на вокзал Лос-Анджелеса и заказал мне билет в купе первого класса. Изучив расписание трансатлантических судоходных линий из Нью-Йорка, я понял, что, если повезет, смогу попасть на борт парохода «Куин Мэри», отплывающего в ближайшую субботу.

Тогда я заплатил портье щедрые чаевые и, сообщив ему, что мой друг еще вернется, но только позже, прошел через сад в коттедж.

Я быстро упаковал вещи и написал записку Десмонду, оставив ее у портье. Затем позвонил Фрэнку, который, как ни странно, сразу же снял трубку.

— Фрэнк, — начал я. — Знаю, ты ненавидишь, когда тебя будят ни свет ни заря, но мне срочно нужно было с тобой связаться.

— Не волнуйся, Алек. За последний час мне уже четыре раза звонили.

— Ну тогда ты в курсе, что он все-таки сделал это. Причем грандиозно.

— Да, в курсе. Теперь осталось только подождать выхода утренних газет.

— Фрэнк, я звоню, чтобы сказать, что уезжаю шестичасовым поездом. Я внес свою скромную лепту и надеюсь, что теперь ты позаботишься о нашей восходящей звезде.

— Непременно. Но послушай, Алек, теперь, когда ты сделал для этого парня все, и даже больше того, может, тебе стоит остаться, чтобы получить свои дивиденды?

— Я так не думаю, Фрэнк. Я уже сыт Десмондом по горло. Мне необходимо вернуться домой

и немного передохнуть.

— Понимаю, Алек. Кстати, твои романы пользуются большим спросом в книжных магазинах, да и в библиотеках тоже. Положись на меня и позволь получить для тебя дивиденды хотя бы с этого.

— Фрэнк, большое тебе спасибо. Удачи тебе и до свидания.

— И тебе тоже, Алек.

Да, ничего не скажешь, голливудский стиль общения засасывает. Я повесил трубку, чувствуя приятное тепло в области сердца. Мне уже не сиделось, и я попросил портье вызвать такси. Что он и сделал. И когда принесли мой багаж, я захлопнул за собой дверцу такси и отчалил.

На вокзале я заплатил за билет, оставленный для меня в кассе. Поезд уже стоял под парами у платформы номер два. Конечно, не «Супершеф», но вполне надежный трудяга. Тем не менее я остался стоять на перроне, решив дождаться утренних газет. Перед самым отходом поезда мне все же удалось схватить номер «Голливуд стар», и прямо на первой полосе я увидел громкий заголовок: «НОВАЯ ЗВЕЗДА ВСХОДИТ НА ГОЛЛИВУДСКОМ НЕБОСКЛОНЕ».

«Вчера вечером на устроенном королем Голливуда, нашим горячо любимым Сэмом Голдуином, роскошном приеме, где присутствовали самые яркие звезды королевства Сэма, Десмонд Фицджеральд, необычайно привлекательный, можно сказать, красивый молодой человек, доселе никому не известный и работавший в Дублине на черной работе, буквально заморозил и очаровал слушателей, многие из которых по праву считаются мировыми знаменитостями, своим волшебным голосом, проложив дорогу к их сердцам исполнением арий из великих опер на итальянском и немецком языках и, по настойчивой просьбе публики, трогательных песен его родной Ирландии.

Когда наконец в силу обстоятельств сольный концерт закончился, несмотря на желание слушателей, все, кто присутствовал в этой роскошной гостиной, включая нашего горячо любимого Сэма, встали, устроив Десмонду настоящую овацию и тем самым открыв для него свои сердца. Со времени покорения США великим Карузо Америка не слышала голоса, сравнимого с голосом великого маэстро, а может быть, и превосходящего его».

Ну и все в таком же духе, причем чем дальше, тем цветистее. Тем не менее я прочел буквально каждую строчку, и не могу не признаться, что по мере чтения на сердце становилось теплее и теплее. Безусловно, это целиком и полностью заслуга нашего маленького трубача, но ведь и я тоже помог ему выбраться из пропасти глухого отчаяния и безнадежности.

Тем временем поезд уже набрал приличную скорость. Я завернулся в плащ и, поставив ноги на противоположную полку, к счастью пустую, забылся беспокойным сном. Конечно, после роскоши «Супершефа» поездка на этом поезде была сущим наказанием. Но во мне сильна была мазохистская жилка: мне нравилось преодолевать трудности и препятствия. Молчаливые страдания были, с моей точки зрения, чем-то вроде прекрасного испытания на прочность.

На этом я заканчиваю описание своего путешествия на чикагском поезде. Хочу только добавить, что я благополучно пересел на нью-йоркский экспресс, доставивший меня на Пенсильванский вокзал как раз вовремя, чтобы я успел попасть на борт «Куин Мэри», чтобы в роскошной обстановке снова по достоинству оценить прелести путешествия со всеми удобствами.

Оказавшись в каюте, я первым делом принял горячую ванну. Затем попросил стюарда найти

мне английские газеты. Он принес «Таймс», «Дейли телеграф» и «Дейли мейл». Именно то, что надо, поскольку только эти издания могли мне помочь мужественно выдержать критику моего последнего романа. Но в первую очередь мне, конечно, хотелось узнать, дошли ли слухи о Десмонде до Англии. И вот пожалуйста, на первой полосе «Дейли мейл» я увидел вполне сносную фотографию Десмонда и несколько озадачившую меня заметку следующего содержания:

«Молодой ирландский тенор Десмонд Фицджеральд, который при поддержке своего друга и покровителя писателя Алека Шеннона на прошлой неделе, как бомба, взорвал Голливуд, только что подписал контракт на главную роль в фильме „Молодой Карузо“, к съемкам которого кинокомпания „Парамаунт“ намерена приступить немедленно. Но есть одна маленькая загвоздка. По общему мнению, Фицджеральд поет лучше, чем Карузо!»

Хорошие новости, позволившие поставить наконец жирную точку в конце нашего совместного приключения. А уж Фрэнк Халтон постарается, чтобы контракт Десмонда, пользуясь выражением самого Фрэнка, был на бумаге с золотым обрезом, то есть стал бы для Десмонда золотым дном.

Я не захотел портить себе радостное настроение и решил не заглядывать на страницу с литературным обозрением. В приступе какой-то необъяснимой трусости я решил, что сначала займусь физическими упражнениями, а рецензии отложу на потом. Наветренная сторона прогулочной палубы оказалась практически пустой, дул свежий бриз, а потому было очень приятно пройти быстрым шагом. Ни одно судно не было приспособлено для этого лучше, чем замечательная «Куин Мэри». Я, конечно, не могу поручиться за точность измерений, но прогулочная палуба «Куин Мэри» была длиной с футбольное поле. Когда я поравнялся со старшим стюардом, бросавшим в мою сторону любопытные взгляды, тот с улыбкой заметил:

— Мистер Шеннон, вы прекрасный скороход, сэр. Я запомнил вас еще по прошлому разу, когда два года назад вы плыли в Штаты. Мой помощник даже признался, что у него такое чувство, будто вы пешком дошли до Нью-Йорка.

— Просто я немного нервничаю, стюард.

— В жизни не видел человека в такой прекрасной форме, — рассмеялся он. — Между прочим, сэр, вам, вероятно, было бы небезынтересно прогуляться по палубе по левому борту.

— А что такое?

— Утро сегодня не слишком-то солнечное. И тем не менее там, на палубе, человек тридцать лежат в шезлонгах, и все как один читают одинаковую книгу. Почему бы вам не взглянуть?

Я пошел и действительно обнаружил, что стюард не ошибся. Тогда я пошел обратно, чтобы в одиночестве насладиться минутой, ради которой стоило предпринять столь утомительное путешествие.

Увидев улыбающегося стюарда, я грустно сказал:

— Черт возьми! Они уже начали потихоньку закрывать книги!

Потом я спустился вниз и, устроившись за своим любимым столиком, в гордом одиночестве со вкусом поел. Вернувшись в каюту, я неохотно потянулся за газетами. Неожиданно мое внимание привлекла заметка, заставившая меня напрочь забыть о литературных критиках: «Две смерти в результате несчастного случая на перевале Сен-Готтард.

Вчера рано утром итальянская чета — сеньор и сеньора Мунцио, — двигаясь через перевал

Сен-Готтард в спортивной „Альфа-Ромео“, попали в автокатастрофу со смертельным исходом в результате внезапной снежной бури.

Сеньора Мунцио, пользовавшегося репутацией опытного, но рискованного водителя, неоднократно предупреждали об опасности перевала и настоятельно советовали воспользоваться идущим по туннелю поездом. Но поскольку шлагбаум был поднят, сеньор Мунцио решил поспорить с непогодой. Оба тела уже удалось извлечь. Автомобиль восстановлению не подлежит». VIII

Новости о головокружительной карьере Десмонда мы узнавали в основном из печатных изданий. За его первым фильмом «Молодой Карузо», имевшим оглушительный международный успех, тотчас же последовала не менее успешная голливудская интерпретация «Риголетто». Одновременно вышли грамзаписи с лучшими оперными ариями, ирландскими песнями и романсами, и голос Десмонда, передаваемый по радио, наполнил буквально каждый дом.

От самого Десмонда сведения, причем очень отрывочные, поступали крайне нерегулярно, в основном в виде нескольких торопливых фраз на почтовой открытке: «Много работаю, идут натурные съемки, все надоело» и «После трех пересъемок под юпитерами мир кажется таким темным. Я вымотан до предела, но полон решимости держаться до конца».

Я уж грешным делом решил, будто он забыл меня и все, что я для него сделал, когда в один прекрасный день, почти год спустя, в Меллингтон из Нью-Йорка был доставлен обитый металлом огромный ящик. Мы с Дугалом открыли ящик в сарае, и, развернув несчетное число слоев оберточной бумаги, я увидел потрясающую картину Дега «Après le Bain»[59], относящуюся к позднему и лучшему периоду творчества художника, когда тот не жалел красок, чтобы передать всю прелесть обнаженной женской фигуры, грациозно выходящей из ванны и тянувшейся к полотенцу, что держит служанка.

Мы молча смотрели на картину, которая даже Дугала не оставила равнодушным, не говоря уже обо мне. Я чувствовал, что от радости сердце бьется как сумасшедшее и вот-вот выпрыгнет из груди.

— Должно быть, стоит кучу денег, сэр, — наконец произнес Дугал.

— Целое состояние, Дугал. На самом деле ей нет цены. По крайней мере, мне она явно не по карману. И именно этой картины не хватало в моей коллекции.

— Красивая вещь, сэр. Даже я вижу. Только вот, — застенчиво посмотрел он на меня, — что скажут дамы, когда вы ее повесите?

— Ну, придется повышать уровень их образования, Дугал, — рассмеялся я, живо представив замечания, которые мои дамы будут отпускать по поводу попки прекрасной купальщицы.

Войдя в дом, я написал Десмонду длинное восторженное письмо, где поблагодарил за чудесный подарок и попросил все же выбрать время и черкнуть хоть пару слов о себе, ибо мы слышаны о его успехах, но ничего не знаем о его личной жизни. Затем сообщил ему последние новости, которые могли представлять для него интерес. Меня посетила госпожа Донован, и я могу смело утверждать, что его дочь в полном порядке. А вот каноник Дейли нездоров и даже получил отпуск по болезни. Мои сорванцы совершили очередной налет на клумбу с желтофиолью. Я взялся за новый роман, который Нэн сейчас срочно печатает на машинке. Жене моей после недавнего приступа, заставившего нас здорово поволноваться, сейчас гораздо лучше.

И в конце я снова настоятельно попросил его написать мне как можно скорее.

Запечатав письмо, я позвал Нэн, обожавшую длительные прогулки, пройти со мной до деревни, чтобы отправить письмо.

— Нэнно, что скажешь о последнем шедевре? — спросил я ее.

— Очень красиво, — немного подумав, ответила она. — Но, честно говоря, хозяин, на мой вкус даже чересчур.

— А что, тебя больше устроил бы вид на приходскую церковь в Слифорде?

— Да, если его напишет Утрилло, — со смехом ответила она.

— Ну, хватит о картинах, — взяв ее за руку, сказал я. — Я ужасно рад, что Десмонд наконец объявился. Хотя мне почему-то кажется, что он не слишком счастлив.

— Уверена, что несчастлив.

— Почему так?

— Когда он был священником, служителем Господа, он действительно был счастлив. А теперь он служит американской киноиндустрии.

— Какая жалость, что Десмонд тогда встретил эту девицу и влюбился в нее! Хотя о мертвых плохо не говорят.

— Какая жалость, что он оказался настолько слаб, чтобы увлечься ею. Любовь — это совсем другое, хозяин.

— Профессор, может быть, в таком случае вы сообразите растолковать мне природу сего нежного чувства?

— Непременно. Так вот, я люблю вас и осмелюсь надеяться, что вы любите меня. Но у нас обоих хватает силы духа, нравственности и понятия о приличиях, не говоря уже о любви к нашей дорогой мамочке, чтобы не запятнать себя. Десмонд же, как слабый человек, не прошел испытания на прочность. Теперь он изгой и обвиняет Всевышнего в том, в чем виноват исключительно сам. Он никогда не обретет мира в душе, пока не упадет ниц, чтобы молить о прощении.

— Это же сказал мне и итальянский падре на борту «Христофора Колумба», когда я заговорил с ним о Десмонде.

Мы дошли до деревни, отправили письмо, и я спросил Нэн:

— Как насчет того, чтобы попить кофе в «Коппер кетл»? И полакомиться чудесными домашними пряниками?

— О, замечательно. Принесем мамочке пряников. Она их обожает.

Обратно мы шли по Тропе каноника, молча держась за руки.

Надежда в скором времени получить ответ от Десмонда таяла с каждым днем. Из популярных еженедельников я узнал, что он занят, очень занят на съемках уже третьей картины, и перестал ждать. И действительно, более трех месяцев от него не было ни слуху ни духу, пока в один прекрасный день я не получил от него длинное и престранное послание. Мой дорогой Алекс!

Я так долго не отвечал тебе, поскольку просто-напросто не мог сообщить ничего хорошего. Мое душевное состояние, поверь, оставляет желать лучшего. Я постоянно подавлен и

чувствую себя несчастным, а мне не хочется обременять тебя своими невзгодами.

Знаешь, по-моему, бытующее романтическое представление о Голливуде — не более чем миф, взлелеянный для того, чтобы чарующая сила кинематографа заставляла людей толпиться у билетных касс. Могу с уверенностью заверить тебя, что на самом деле кино съемки — это тяжелая, изнурительная работа на износ, когда в слепящем белом свете приходится из раза в раз повторять какое-то действие, или диалог, или эпизод, который в фильме займет всего минуту, а иногда и вовсе может быть вырезан. А если на тебя в данную минуту не направлены слепящие огни юпитеров, ты сидишь в продуваемой всеми ветрами студии и уныло ждешь, когда тебя вызовут, или просматриваешь ежедневные газеты, чтобы узнать, что происходит в мире. Именно нечеловеческие условия толкают многих актеров — если, конечно, так можно назвать марионеток, которых дергает за ниточки режиссер с мегафоном, — к безумным ночным эскападам, описание которых попадает потом на первые полосы газет, в очередной раз подкрепляя общепринятые представления о яркой и шикарной жизни в кино.

Все это мне пришлось испытать на себе, когда я начал сниматься в первом фильме. И я решил, что мне надо продержаться три года, чтобы сыграть в трех фильмах, на которые у меня подписан контракт, и заработать хорошие деньги, что позволит мне незаметно исчезнуть навсегда из этого фальшивого города с его мишурным блеском.

И сейчас я живу, стараясь держаться выбранной линии, а Фрэнк Халтон, один из моих немногих друзей в этой пустыне, дает мне хорошие советы и прекрасно ведет мои дела. Фрэнк постоянно уговаривает меня хоть чуть-чуть расслабиться, поиграть в гольф в Бель-Эр или вступить в теннисный клуб в Палм-Спрингс. Он даже посоветовал мне выбрать хорошую девушку из толпы смазливых старлеток — бедных пустоголовых кукол, — которые постоянно вьются вокруг меня в тщетной надежде привлечь мое внимание и тем самым проложить себе дорогу к деньгам и славе. Увы, со мной им абсолютно ничего не светит. Я хорошо запомнил тот горький, очень горький урок. Именно поэтому я решительно отказываюсь от всех приглашений на вечеринки.

Так как же тогда я провожу свободное время, когда меня отпускают большие боссы? Живу я в одном из коттеджей в Беверли-Хиллз и полностью свободен от хозяйственных забот. В выходные дни сажусь в свой скромный «ровер», еду в Малибу, оставляю там машину и иду пешком вдоль побережья, по широкой песчаной полосе, о которую неустанно бьются волны Тихого океана. Людей здесь совсем мало, ибо здесь нет цивилизованных пляжей или пляжных домиков, и я обычно встречаю только двух любителей пеших прогулок: Чарли Чаплина, настолько ослепленного своей гениальностью, что он никого, кроме себя, не замечает, и еще высокого, атлетически сложенного человека, который гуляет с книгой в руках, а завидев меня, кивает и улыбается. Вот и все. Больше здесь нет абсолютно никого, и никто не может помешать мне бороться со своими невеселыми мыслями.

Как тебе прекрасно известно, поначалу я разуверился в религии из-за горькой обиды, ибо мне казалось, что я был слишком жестоко и несправедливо наказан за грех, в котором, собственно, не был виновен. Но постепенно ярость моя улеглась, да и обида уже проходит, и, должен тебе признаться, у меня вдруг возникла сперва слабая, но затем все более острая потребность ощутить спокойствие и тишину той церкви в Беверли-Хиллз, причем не для молитвы, а из желания проверить, как это на меня подействует и поможет ли унять сосущую боль в груди.

Но самое интересное, Алек, было дальше, причем, ты ведь знаешь, я никогда не лгал и не лгу. Все три раза, когда я подходил к церкви и поднимался по ступеням с твердым намерением войти, у меня вдруг начинались дикие спазмы, потом я чувствовал ужасную слабость, неукротимую дрожь, и мне казалось, что меня вот-вот стошнит. Борясь с недомоганием, я открывал рот — и оттуда извергался словесный поток. Как тебе, наверное,

известно, я не употребляю бранных слов. Но эти слова были поистине грязными, нечестивыми и непотребными. Корчась от чудовищных спазмов, я поворачивался и шел обратно. И только ступив на тротуар, я успокаивался и переставал браниться. Кровообращение в руках и ногах восстанавливалось, и уже через несколько секунд я снова становился самим собой.

Когда такое приключилось со мной в первый раз, я, естественно, насторожился; более того, я был настолько потрясен, что твердо решил впредь не повторять подобных экспериментов. И все же меня мучило любопытство по поводу природы такого внезапного приступа, хотя я и решил, что, скорее всего, это какая-то физиологическая реакция, возможно связанная с сердечной недостаточностью.

Чтобы проверить свою теорию, я отправился на вершину Бель-Эр. Припарковав машину, я спустился с горы, а примерно через сотню ярдов повернул обратно и быстро вскарабкался на крутой склон. Добравшись до машины, я почувствовал, что слегка запыхался, но не более.

Тогда я вернулся домой и, хорошенько обдумав сложившуюся ситуацию, действительно встревожился. Я стал жертвой странной фобии, связанной с церковью в Беверли-Хиллз. Ведь, как ты, наверное, помнишь, я наотрез отказывался сопровождать тебя туда.

Следующие несколько недель я был занят на киностудии, изображая страсть в любовных сценах голливудской постановки «Аиды». Но в первую же свободную субботу я отправился в новую католическую церковь на бульваре Сансет в Лос-Анджелесе. Припарковался, встал лицом к храму, постарался внушить себе, что и душевно и физически абсолютно здоров, сжал зубы и стал медленно подниматься по ступеням, ведущим в церковь.

Боже мой, Алекс! Я не в силах даже описать того, что мне пришлось пережить. Было еще хуже, чем в первый раз. Мне стало так плохо, что я упал и скатился со ступенек. Очнулся я среди толпы зевак, а какой-то полицейский осторожно придерживал меня за голову.

К счастью, он меня узнал и понял, что я абсолютно трезвый.

— Вы здорово кувыркнулись, сэр. Причем не вы первый. Уж больно крутые здесь ступеньки.

Я поднялся с земли, поблагодарил его и заверил, что ничуть не ушибся. Но на обратном пути в Беверли-Хиллз понял, что это уже начинает меня серьезно беспокоить.

В таком вот настроении я вернулся на студию, где мне предстояла пересъемка дурацких любовных сцен с ведущей актрисой, которая уже давно тщетно пыталась меня заарканить.

На следующий день, в воскресенье, я поехал в Малибу и, отойдя подальше, присел, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию. Не было никаких сомнений, что в определенных условиях я начинаю терять контроль над своими эмоциями и поведением. Мне почему-то вспомнилась строка из выученного еще в детстве стихотворения: «Я был хозяином его души». Я больше не был хозяином своей души. А если так, что ждет меня впереди?

Раздавленный и напуганный, я обхватил голову руками, отчаянно пытаюсь взять себя в руки. Похоже, мне необходимо с кем-то посоветоваться. С психиатром? Среди моих знакомых таких не было. И тут я услышал чей-то голос.

— Вам нехорошо? Могу я вам чем-то помочь? — склонился надо мной высокий мужчина, которого я видел на берегу с книгой в руках.

— Нет... нет, благодарю вас. Через минуту я буду в полном порядке.

Он посмотрел на меня с сомнением, затем присел рядом.

— Если не ошибаюсь, вы Десмонд Фицджеральд? Кинозвезда.

Я лишь молча кивнул. Этот сильный человек с изборожденными морщинами умным лицом не был похож на охотника за автографами. Неожиданно у меня возникло предчувствие, что наша встреча — не случайное совпадение.

— Мне очень понравился ваш первый фильм. Может быть, потому, что в свое время я слышал Карузо в Италии. И признаюсь, мне трудно сказать, чей голос лучше — ваш или его, — произнес он и, помолчав, добавил: — Мне кажется, что в свое время вы тоже пели в Италии.

Теперь у меня уже не оставалось и тени сомнения. Этот человек меня знал. Причем знал о всех перипетиях моей жизни. Неожиданно у меня возникло непреодолимое желание снять камень с души. Я был в беде, и чем черт не шутит — вдруг это именно тот, кто сумеет мне помочь. Но меня тут же стали одолевать сомнения, ибо не хотелось выглядеть полным дураком в глазах совершенно незнакомого человека. Я быстро вскочил на ноги.

— Пожалуй, пора возвращаться, — сказал я.

— Если не возражаете, я пройду с вами. Мне уже давно хотелось с вами заговорить, так как я уже давно замечал, что вы чем-то опечалены и очень несчастны.

— Вы что, врач?

— В некотором роде.

— Похоже, вы очень много обо мне знаете.

— Да, это правда, — ответил он. — Я пастырь церкви Святого Беды в Беверли-Хиллз. Ваш друг, писатель и бывший врач, приходил ко мне. Он очень переживает за вас. И очень обеспокоен тем, что у вас изменился характер, и не в лучшую сторону, вы стали вести себя по-другому. Мы с ним долго разговаривали. Конечно, я не имею права вмешиваться. Наша встреча произошла совершенно случайно, но, осмелюсь сказать, была predeterminedена свыше. Я часто прихожу сюда подготовиться к проповеди и подышать морским воздухом. Но раз уж мы встретились, давайте посидим в вашей машине или в моей и немного поболтаем.

Моим первым желанием было послать его к черту, но я все же сел в его старенький «Форд». Мой собеседник подавлял меня силой своей личности, и я в результате сдался, выложив ему свою историю от начала до конца.

— Что со мной? Я одержим дьяволом или просто схожу с ума?

— Все. Больше ни слова, — сказал он. — Садитесь в машину и следуйте за мной.

Я молча повиновался. Куда он направлялся? Во двор пресвитерии Святого Беды. Там мы оба вышли. Он взял меня за руку и волоком подтащил к лестнице, ведущей в церковь. Не дав опомниться, он схватил меня и чуть ли не на руках внес в церковь, прямо к алтарю, где неожиданно отпустил.

Я упал лицом вниз и остался лежать, извиваясь и дергаясь в бесконечных конвульсиях, а пот ручьями стекал по лицу. Наконец последний спазм — и я застыл.

— Не шевелись, Десмонд.

Священник обтер мне полотенцем губы, лоб и помог сесть.

Мы молча сидели рядом минут пять, не меньше, потом он сказал:

— Десмонд, ты все еще очень слаб. И тем не менее приказываю тебе выйти из церкви и спуститься по лестнице. Затем ты должен снова подняться и вернуться ко мне.

Я сделал все, как он сказал, и без особых усилий поднялся по ступеням, подошел к алтарю и опустился возле него на колени.

Здесь рассказ Десмонда обрывался. Но ниже он сделал приписку:

«Все. Пора заканчивать. Надо возвращаться на студию. Надеюсь, мое пространное послание не слишком тебя утомило. Мне действительно необходимо было поделиться с тобой, мой дорогой, дорогой друг. О том, что было дальше, напишу потом».

Дочитав до конца, я протянул письмо Нэн, которая была растрогана не меньше меня. Наконец она спросила:

— Боже правый, неужели он действительно был одержим?!

— Кто знает? У сатаны множество самых разных уловок. Хотя все можно объяснить с рациональных позиций. После неудачного брака в нем накопилось слишком много ненависти. Ненависти, отвратившей его от Церкви и Господа.

— Какой ужас!

— Да, но такое случается. Я рад, что догадался поговорить с отцом Дэвисом.

— Это было Божьим произволением.

— А теперь нам остается только ждать и надеяться. IX

И вот я снова встречал Десмонда, но уже не на Юстонском вокзале, а на вокзале Виктория, и снова приехал слишком рано. Чтобы пропустить поток пассажиров и носильщиков, что спешили на поезд, согласованный с расписанием парохода компании «Пи энд Оу», я решил пройти в зал ожидания и снова еще раз прочитать удивительное письмо, написанное в типичном для Десмонда сентиментальном и витиеватом стиле. Письмо, высланное неделю назад, хотите верьте, хотите нет, было отправлено из семинарии Святого Симеона, Торрихос, Испания. Мой драгоценный Алек,

На коленях молю тебя об отпущении моих грехов, умоляю простить меня за непростительную задержку с рассказом о том, что произошло с твоим старым другом: о его злоключениях и несчастьях и, наконец, о чудесном разрешении — или, скорее, о посланной ему Небесами решительности, которая позволила ему поднять склоненную голову, вдохнула в него жизненные силы, энергию и вдохновение. Я снова стал прежним Десмондом и теперь точно знаю, что меня ждет новый этап жизни и прекрасное будущее, направленное на служение страдающему человечеству и Господу. Дорогой Алек, как мне отблагодарить тебя за твою мудрость? Как предусмотрительно с твоей стороны было предупредить отца Дэвиса, что мне может понадобиться его помощь! Он позволил мне снова стать самим собой, каким я был раньше, и, хотя мне более не суждено вернуть себе сан священника, я снова активный, кающийся сын Церкви.

Ты даже представить себе не можешь, с каким бесконечным терпением и добротой отец Дэвис направлял мою жизнь в нужное русло, куда я безотчетно стремился еще в бытность в семинарии Святого Симеона в те далекие горячие юношеские дни. И кто бы тогда мог поверить отцу Хэкетту, любившему повторять: «Я еще сделаю из тебя миссионера, Фицджеральд!»?

Ты понимаешь, что мне уже никогда больше не разрешат стать священником, а если и разрешат, что может ждать меня в ирландском или английском приходе, где о моем прошлом

будут судачить на каждом углу. Отец Дэвис сделал особое ударение на этой проблеме, и мне волей-неволей пришлось согласиться с ним. Итак, мы решили, что свои грехи я должен искупать только за рубежом. Именно тогда отец Дэвис произнес судьбоносные для меня слова: «Ты должен поехать к отцу Хэкетту, чтобы узнать, что он может для тебя сделать».

И я, естественно, согласился, ибо был полностью согласен с отцом Дэвисом.

С огромным трудом мне удалось покинуть голливудскую киностудию, где у меня не было ни одной счастливой минуты. Они изо всех сил пытались заарканить меня новым контрактом, но мне удалось избежать ловушки с помощью отца Дэвиса под тем предлогом, что моему голосу нужен отдых. И вот я поехал, как кающийся грешник, в семинарию Святого Симеона. В знак смирения и примирения с собой я вез точную копию Золотого патира, который всего лишь год находился на хранении в семинарии.

Дорогой Алек, я хочу избавить тебя от сантиментов драматического возвращения в свою альма-матер. Нет нужды говорить тебе, что я был тронут до глубины души тем, что келья, где я когда-то жил, была специально приготовлена к моему приезду.

Добрейшего отца Петита, увы, уже больше нет на этом свете. Я оплакал своего учителя на его могиле. Мой давний враг, отвратительный Дафф, на поверку оказался гораздо лучше меня. Сейчас он в Конго, не в самом уютном месте для свершения подвигов во имя Христа.

Отец Хэкетт, несмотря на то что вынужден терпеть адские муки от непрерывных приступов лихорадки, не сильно изменился. Он не только очень отважный, но и удивительно терпеливый человек. Принял он меня весьма сдержанно, но был несказанно рад получить в дар Золотой патир.

Мы обсудили с ним мою проблему, и решение далось ему нелегко.

— Теперь я точно знаю, Десмонд, что мне с тобой делать, — наконец сказал отец Хэкетт. — Поскольку ты уже не священник, на миссионерской ниве от тебя проку мало. В любом случае со своими физическими данными для джунглей Центральной Африки ты не годишься. И все же, — продолжал он, пристально посмотрев на меня, — у тебя есть возможность, и весьма подходящая, найти приложение своим силам в Индии. Десмонд, ты ведь знаешь о том, какую работу я вел в Мадрасе среди детей неприкасаемых, этих едва прикрытых лохмотьями несчастных, что живут прямо на мостовой, можно сказать в сточных канавах этого города, всеми презираемые, отвергнутые и без крыши над головой. Я организовал для них бесплатную амбулаторию и школу, а когда мне пришлось уехать, этот нелегкий труд взял на себя замечательный священник из Америки, отец Сибер. Он прекрасно справляется со своими обязанностями, и сейчас у него уже большая школа, где беспризорных детей одевают, обучают и постепенно превращают в счастливых и полезных членов общества. Некоторые даже становятся учителями, священниками и докторами.

Но сейчас отец Сибер уже далеко не молод. Из его писем я знаю, что это бремя стало для него непосильным. И он будет рад помощнику, особенно такому, который любит ребятишек и умеет найти с ними общий язык. Для него будет большой удачей найти нужного человека, способного расширить и усовершенствовать школу, да к тому же помочь финансово, ибо, уверяю тебя, ему вечно не хватает денег. — Тут отец Хэкетт замолчал и посмотрел на меня со значением. — Ну что, хочешь я телеграфирую ему насчет тебя?

Алек, не описать словами радость, вспыхнувшую в моей душе.

Это дар, ниспосланный мне Небесами! Ты ведь знаешь, что я всегда любил детей и, как говорили в Килбарраке, «умел найти к ним подход». И вот мне выпал шанс найти применение своим талантам, да еще и в чужой стране, что придаст моей работе привкус новизны и приключений. Естественно, я стал умолять отца Хэкетта поскорее отправить телеграмму в

Мадрас. Что он и сделал.

Весь день, да и следующий тоже я, мучаясь неизвестностью, нетерпеливо расхаживал по саду семинарии. Затем пришел ответ. Меня берут. И выезжать надо немедленно. Я тут же пошел в церковь и прочел благодарственную молитву.

Затем начались приготовления к отъезду. Уверяю тебя, Алек, это оказалось довольно хлопотным делом, поскольку ничего нельзя было упустить из виду. Лайнер судоходной компании «Пи энд Оу» отплывает из Саутгемптона в Бомбей уже через шесть дней, и я спешно, по телеграфу, забронировал каюту. В Мадриде мне придется прикупить кое-какую одежду, пригодную для тропиков, оттуда я отправляюсь прямо в Париж, потом — в Лондон, где очень надеюсь встретиться с тобой. Думаю, будет разумнее не предпринимать поездку в Ирландию, но когда я искуплю свою вину, то непременно когда-нибудь туда вернусь. Итак, вперед в Лондон, где я смогу хоть немного побыть с тобой! Какой радостной будет наша встреча после разлуки!

Должен сообщить тебе, что мое пребывание в Голливуде — в этом чистилище — было не столь уж небесполезным, и заработанное там состояние, благодаря руководству Фрэнка Халтона, было разумно инвестировано, что обеспечило мне годовой доход, позволяющий не только заниматься благотворительностью, но и с большим удовольствием выполнить определенные моральные обязательства.

Тебе может быть интересно, что я определил своей дочери ренту, способную обеспечить ее будущее. Я также послал подарок госпоже Донован, который, надеюсь, она оценит по достоинству. Это восхитительная старинная серебряная статуэтка Девы Марии, подлинный пятнадцатый век; автор, конечно, не Бенвенуто Челлини, но скульптор, не уступающий ему в мастерстве. Статуэтку я нашел в Нью-Йорке, на Пятьдесят седьмой улице, перед отплытием в Геную. На той же улице я случайно обнаружил изумительную Мари Кассат — естественно, мать и дитя, — перед которой не смог устоять. Я уже отправил тебе картину, дорогой Алек, и уверен, она тебе понравится. Не забыл я и о миссис Мален с Джо, которые были так добры ко мне в Дублине. Доброта их достойно вознаграждена. Вот с каноником Дейли дело обстоит труднее. Я мог бы послать ему «Маунтин дью», но знаю, что уж чего-чего, а этого добра у него всегда хватает, и потому послал, вместе с наилучшими пожеланиями, великолепно расшитый алтарный покров.

О Господи, как больно вспоминать то блаженное и счастливое время в Килбарраке, которое я по недомыслию бросил на ветер! Но я смогу искупить вину в труппах и вонючих переулках Мадраса. Я даже взял у отца Хэкетта англо-хиндустанский разговорник.

Но все, Алек, заканчиваю. Я обязательно сообщу тебе телеграммой дату своего приезда, а также где и как мы можем встретиться. Надеюсь, ты сможешь дать приют счастливому путнику и своему любящему другу.

Сложив это сентиментальное и выпренное послание, столь характерное для Десмонда, я положил его в карман, где уже лежала телеграмма следующего содержания:

«ЗАДЕРЖИВАЮСЬ НА ДЕНЬ ИЗ-ЗА ПРИВИВОК ПРОТИВ ЖЕЛТОЙ ЛИХОРАДКИ В ПАРИЖЕ ВСТРЕЧАЙ МЕНЯ НА ВОКЗАЛЕ ВИКТОРИЯ ДЛЯ ПОСЛЕДНЕГО ПРОЩАЙ ДЕСМОНД».

Поезд уже подходил к платформе, и вот-вот должен был появиться Десмонд. Я встал и покинул зал ожидания.

На перроне внимание мое неожиданно привлекла странная личность в низко надвинутом на лоб черном сомбреро, чем-то средним между головным убором священника и бандита, но ближе к последнему, в широкополом коротком черном пальто, препоясанном широким кожаным поясом, черных узких брюках до щиколотки и мягких кожаных башмаках. С видом

первооткрывателя человек шагал за двумя носильщиками, согнувшимися под тяжестью огромного, обитого медью сундука. Ну конечно же, это был Десмонд. Он уже вошел в новую роль и явно хотел извлечь из нее максимум удовольствия.

Заметив меня, он протянул ко мне руки.

— Мой дорогой, дорогой Алек! Какое счастье вновь видеть тебя! Жаль только, что наша встреча будет такой короткой. Ох уж эти проклятые прививки! — Он посмотрел на огромные наручные часы со знаками зодиака, которые, похоже, могли служить также и компасом. — Пошли! У нас еще есть в запасе десять минут! — воскликнул он и, подтолкнув меня в сторону зала ожидания, добавил: — Я заплатил носильщикам, чтобы поставили багаж прямо в вагон. — А ты ничуть не изменился, Алек. Ни капельки не постарел, — произнес Десмонд, внимательно оглядев меня. — Это, наверное, благодаря твоим ужасным холодным ваннам. А как ты меня находишь?

Передо мной был все тот же Десмонд, что послал торт отцу Бошампу, однако я сказал:

— Ну, ты вроде изменил манеру одеваться.

— Алек, мне пришлось пройти через все круги ада, но теперь я уже совершенно другой человек, — расплылся он в довольной улыбке.

— Ты, должно быть, добирался сюда в жуткой спешке. Позавтракать хоть успел?

— Да так, *chota hazri*[60] в дуврском поезде, — с нарочитой небрежностью бросил Десмонд. — Одним словом, позавтракал. Кстати, ты получил Мари Кассат?

— Да, Десмонд. Спасибо тебе огромное. Прелестная картина.

— Я надеялся, что она понравится мисс Рэдли.

— Очень понравилась. И моей жене тоже. Это ее даже немного взбудрило. Последнее время ей что-то нездоровится.

— Сочувствую, Алек, — вздохнул Десмонд, после чего, слегка распахнув пальто, продемонстрировал мне внушительный нож в ножнах, прикрепленный к бедру.

— Десмонд, а ты, оказывается, вооружен! — удивился я.

— *Dacoits*[61], — лаконично ответил Десмонд. — В Мадрасе их полным-полно. Так что надо быть ко всему готовым. Жутко неудобно, натирает кожу, но я хочу привыкнуть его носить. — И после небольшой паузы спросил: — Есть какие-нибудь новости из Ирландии?

— Да, Десмонд. Последнее время мы довольно часто встречались с госпожой Донован. Мы продолжили наше швейцарское знакомство, и, оказавшись в Лондоне, она специально приехала повидаться с моей женой. Они очень друг другу понравились. Госпожа Донован любезно пригласила меня половить лосося в реке Блэкуотер. Могу доложить тебе, что она в порядке, а твоя дочь растет настоящей красавицей и умницей. И добрейший каноник держится молодцом.

— Пожалуйста, расскажи им, каким я тебе показался, — немного помолчав, произнес Десмонд с несколько драматическим надрывом в голосе. — Как я в боевой раскраске решительно и бесстрашно иду в наступление.

Я с трудом сдержался, чтобы не улыбнуться. В этом был весь Десмонд, который, похоже, никогда так и не повзрослеет. Ему еще здорово повезло, что в Голливуде он встретил таких замечательных людей, как Фрэнк Халтон и, естественно, отец Дэвис. Иначе голливудские

волки просто-напросто сожрали бы его. Не сомневаюсь, в Индии у него все будет хорошо, если, конечно, найдутся подходящие поклонники его талантов. Возможно, какой-нибудь юной магарани[62] понадобится учитель для расширения кругозора. Но я отбросил эту крамольную мысль и сказал:

— Ты непременно должен рано или поздно вернуться в Ирландию.

— Обязательно, Алек. Но только тогда, когда, подобно Клайву[63], покорю Индию.

Теперь уже я посмотрел на часы, никелированные и не хуже, чем у Десмонда.

— Десмонд, как думаешь, тебе не пора? Твой поезд...

— Ах да, — сказал он, вставая. — Проводи меня до турникета, мой дорогой Алекс.

Я подчинился и последовал за Десмондом, который размашисто шагал впереди, словно Каварадосси, идущий навстречу своим палачам. А потом на глазах парочки изумленных контролеров нежно обнял меня и, расцеловав в обе щеки, направился в сторону своего вагона.

Я чувствовал, что просто обязан ему подыграть и подождать, пока поезд не скроется из виду. Но долгое ожидание изрядно меня утомило, жена была нездорова, новый роман продвигался с большим трудом, а поскольку я вышел рано и без *chota hazri*, я решил, что лучше будет пойти домой. X

Мы как раз заканчивали традиционный воскресный ланч: зеленый салат и твердый сыр «Грюйер» с хрустящими хлебцами, фрукты и кофе, — приготовленный на скорую руку после посещения церкви и сервированный на застекленной террасе, из окна которой открывался потрясающий вид на склоны Дан-дю-Миди вдалеке и Женевское озеро внизу. На прозрачно-голубом небе сияло солнце, холодный ветер гнул тонкие ветви деревьев. И я уже в который раз подумал, как нам повезло пять лет назад найти это чудесное место: удобный одноэтажный дом с садом, засаженным сортовыми кустами и деревьями. В свое время госпожа Донован, узнав о продаже дома, соблазнила нас переехать в Швейцарию.

— Еще чашечку? — спросила Нэн. — Хозяин, вам просто необходимо глотнуть еще кофе, а то вы сейчас заснете.

— Успокойся, детка. Ты же знаешь, что я обещал подрезать азалии. Если этого не сделать, в будущем году они не зацветут.

— Я как раз собиралась вам сказать, что уже подрезала. Но пионы требуют прополки.

— Ну вот, я уже настроился на азалии, а ты оставила меня без работы.

— Ой, смотри, какая хорошенькая синичка сидит на кормушке!

— Твоя хорошенькая синичка склюет всю мою вишню. Вот дурашка! А твой жирный черный дрозд, мистер Пиквик, с которым ты так носишься, портит газон.

Неожиданно раздался звонок в дверь.

— Проклятье!

— Я открою, — сказала Нэн. — У Джинны сегодня выходной.

— Даже не вздумай! Это, наверное, опять кто-то хочет посмотреть наш сад. Не отвечай, и они сами уйдут.

Но в дверь позвонили еще раз, уже более настойчиво.

— Ничего не поделаешь. Придется открыть, — вздохнула Нэн и поспешила в холл.

Я услышал, что она с кем-то беседует в дверях, но слов разобрать не смог. Вскоре Нэн вернулась, вид у нее был встревоженный.

— Хозяин, — неуверенно начала она, — там какой-то странный человечек, весь в черном и с косматой седой бородой. Хочет вас видеть. Похоже, священник. Какой-то отец Кивер.

— Кивер? — Я живо вскочил со стула и бросился к двери. — А может быть, Сибер?

Так оно и было! Я в любом случае узнал бы его. Причем не только по описанию отца Сибера в письмах Десмонда, но и по фотографиям, вложенным в его забавные письма с просьбами о денежной помощи.

— Пожалуйста, входите, святой отец, — произнес я, протягивая ему руку. — Какая приятная неожиданность!

— Да-да, обязательно войду, — улыбнулся он. — Но чтобы вы не слишком переживали, сразу скажу, что я ненадолго. Я был в Кельне, навещал брата, но специально сделал крюк, чтобы на обратном пути заехать к вам.

— Вы просто обязаны погостить у нас.

— Нет-нет, доктор, не могу. У меня самолет из Женевы в шесть тридцать. Но от кофе не откажусь.

Нэн тут же налила ему чашку кофе, которую он принял с улыбкой.

— Мисс Рэдли, если не ошибаюсь? Наслышан, наслышан о вас от Десмонда. Похоже, вы его недолюбливаете. Это правда?

— Не его лично. А всякие поклоны и расшаркивания, которые он так любит.

— Ну, от этого его отучить невозможно, — рассмеялся отец Сибер. — Последнее время вы что-нибудь о нем слышали?

— Нет, вот уже целую вечность от него ни слуху ни духу.

— Сейчас услышите. Но сперва я хочу узнать, как вы поживаете. Вы оба здоровы?

— А разве наш цветущий вид ни о чем не говорит?

— Конечно, говорит. А как ваша несчастная жена?

— Физически она чувствует себя хорошо. Но... не более. Она уже не узнает ни меня, ни детей. Хотя вполне счастлива. А так как ей запрещено жить дома, она находится в прелестном загородном доме, где за ней ухаживают две сиделки и наблюдает опытный врач. Лучшее лечебное заведение для больных в таком состоянии.

— Боже мой! Боже мой! Какое несчастье! — вздохнул он и добавил: — И наверное, стоит это удовольствие уйму денег?

Вопрос был чисто риторическим, но на самом деле именно поэтому я и перебрался в Швейцарию. В комнате повисла неловкая тишина.

— А вы, мои дорогие, теперь живете здесь совсем одни... — остановил на нас взгляд умных

добрых глаз наш собеседник. — Скажите, вы ходили в церковь сегодня утром?

— Конечно, святой отец. В Веве. Наши церкви находятся буквально в сотне метров друг от друга. Я хожу к Святой Терезе, а Нэн — в англиканскую церковь Всех Святых.

— Хорошо, — кивнул он. — Значит, вы не утратили веру. И крепость не пала.

— Да, святой отец, крепостные стены много раз атаковали, но решетку на воротах пробить так и не смогли. Днем мы наслаждаемся обществом друг друга, а на ночь расходимся по своим комнатам. Я, конечно, несу всякий вздор и напеваю Нэн эту ужасную строку из «Прощай» Тости[64]: «Прощай, последнее мгновенье, час расставанья настает».

— Да, нелегко вам приходится, — улыбнулся отец Сибер. — Но вы от этого станете только лучше. А любовь — сильнее. К тому же вам есть за что благодарить Небеса. У вас чудесный сад и прекрасный дом. Здесь так хорошо и спокойно. *Domus parva, magna quies*[65]. — Отец Сибер обвел одобрительным взглядом комнату и воскликнул: — Но где же картины? Десмонд так много рассказывал о вашей замечательной коллекции импрессионистов. Я что-то ее не вижу.

— Картины забрала швейцарская полиция.

— Боже правый! Неужели за долги?

— Ну что вы! Просто в последнее время участились кражи ценных картин, а так как мы часто уезжаем, чтобы навестить мою жену, то меня вынудили, можно сказать обязали поместить картины в надежное место. Сейчас они в хранилище банка «Креди Суисс», куда мы можем приходить полюбоваться ими, когда захотим.

— Да, — кивнул отец Сибер и, подумав, добавил: — Конечно, осторожность никогда не помешает. И куда только катится мир?! Нет, не буду рассказывать об этом Десмонду. Он так гордится картинами, которые вам подарил.

— Да уж, пожалуйста, не говорите, святой отец. И уж конечно, не рассказывайте ему, что Мари Кассат, которую он мне прислал, не подлинная.

— Что?! Неужто подделка?

— Да, и очень качественная. Картина нигде не упоминается, и у нее нет даже провенанса.

— Нет, ни за что не скажу. А то он в качестве компенсации возьмет да и пришлет вам что-нибудь безумно дорогое.

Мы с Нэн с изумлением уставились на отца Сибера.

— Вы что, шутите, святой отец?! — воскликнул я.

В ответ он покачал головой и, улыбнувшись, произнес:

— Понимаю, вам не терпится узнать, как там Десмонд. Хорошо, сейчас я все расскажу. Итак, выслушайте мое повествование о том, что можно считать грандиозным финалом его полной перипетий непростой карьеры. — И после многозначительной паузы отец Сибер продолжил: — Когда Десмонд только приехал ко мне, он был энергичным, пылким и горел желанием проявить себя, словом, жаждал как можно скорее искупить грехи. Его тактично уговорили разоружиться, объяснив, что нож ему здесь не понадобится, разве только на кухне, ветчину нарезать. Затем мы представили Десмонда детям из его класса. Ему очень понравились мальчишки, и он им тоже явно понравился. Правда, его несколько обескуражило, что дети, вопреки его ожиданиям, совсем не готовы изучать латынь и греческий, поскольку сперва их

надо было научить хотя бы читать и писать. Еще одним потрясением для Десмонда оказался наш режим питания. Пища была сытной, но простой: *ragi* и *vaagudi*[66], естественно, не рассчитанные на изысканный вкус. — Здесь отец Сибер позволил себе слегка усмехнуться. — Надо было видеть лицо Десмонда, когда ему подали такую еду. И все же он с трудом, но проглотил то, что лежало на тарелке. Решительности ему было не занимать, тем более что уже в первую свободную субботу он, по словам очевидцев, стараясь не привлекать к себе внимания, направлялся в сторону коммерческого отеля.

Вы, наверное, прекрасно понимаете, что Десмонд не собирался останавливаться на том, как пишется слово «кот» и сколько будет дважды два. И что же он сделал? Конечно же, принялся учить мальчиков петь. Что им чрезвычайно понравилось. И очень скоро они уже всюю распевали гимны и детские песенки. И что, думаете, Десмонд на этом остановился? Ничуть не бывало. Он отобрал восемь мальчиков с самыми красивыми голосами и после уроков занимался с ними в церкви или в пустом классе. Таким образом он начал создавать хор. Ну и как по-вашему, преуспел он в этом деле? Сейчас скажу. В конце каждой четверти мы собираемся в актовом зале. Так вот, во время такого собрания он устроил показательное выступление своего хора. И смею заверить, успех был огромный. Господи помилуй, они спели две его любимые песни — «Часто безмолвной ночью» и «Та, что прошла мимо меня», — заработав бурные аплодисменты. Даже я был тронут, тронут до глубины души этими прекрасными чистыми юными голосами, так слаженно взмывающими ввысь.

Тут отец Сибер замолчал. Мы слушали его затаив дыхание, поскольку понимали, что это еще не все.

— Продолжайте, продолжайте, пожалуйста! — воскликнула Нэн. — Может, еще кофе? Пока не остыл.

Отец Сибер с удовольствием взял чашку горячего кофе и продолжил рассказ.

— Да, как вы, наверное, догадываетесь, после этого остановить Десмонда было уже невозможно. Мадрас — большой город, но новости там распространяются быстро. Слава о хоре Десмонда разошлась, как круги по воде, и очень скоро хор пригласили выступить на благотворительном концерте в правительственном колледже искусств. С моего согласия Десмонд принял приглашение. Конечно же, дети не могли идти в своей убогой заплатанной одежде. И тогда Десмонд сам взялся за дело и заказал для них... нет, ни за что не угадаете... восемь маленьких алых сутан и восемь красных шапочек. С тех пор хор стал называться «Маленькие кардиналы».

Я сразу понял, что в названии, несомненно, нашли выражение подавленные желания Десмонда. Мы уже не могли дождаться, когда отец Сибер допьет кофе.

— Ну а теперь я хочу испытать ваше терпение рассказом об успехах «Маленьких кардиналов», — сказал отец Сибер. — Мы с Десмондом решили, что будем принимать лишь некоторые приглашения от самых избранных. В Мадрасе, третьем по величине городе Индии, наряду с ужасающей бедностью можно встретить и неслыханное богатство, особенно в больших домах и поместьях, расположенных в аристократическом районе Адьяр. Многие из этих богачей — христиане, и нередко «Маленьких кардиналов» приглашали развлечь гостей на приемах, устраиваемых в саду, или на других светских мероприятиях. И их учитель Десмонд, наш кардинал *manchi*?[67], естественно, сопровождал своих питомцев, чтобы проследить не только за тем, как они поют, но и за тем, чтобы их не заласкали и не закармлили сладостями. Десмонда, конечно, неизменно приглашали к столу, и все как один находили его очаровательным и гораздо более интересным, чем его питомцы. — Здесь отец Сибер сделал паузу и улыбнулся, погружившись в воспоминания.

— Ради бога, святой отец, не дразните нас, — взмолился я. — Что вы нас мучаете!

И тогда, все с той же загадочной улыбкой на губах, он продолжил:

— Самый горячий и постоянный интерес к «Маленьким кардиналам» проявляла хозяйка одного из адьярских домов, дама евроазиатского происхождения, госпожа Луиза Пернамбур, христианка, но настоящая рани[68], вдова члена Верховного суда Мадраса, которая унаследовала от отца — владельца процветающих бумагопрядильных фабрик и сотни ткацких станков в Калькутте — колоссальное состояние. Луиза Пернамбур — тридцатипятилетняя хозяйка не только роскошного поместья в Адьяре, но и дома в Пуне, куда она обычно удалялась на время жаркого мадрасского лета, — отличается восхитительной медлительностью движений, приятной округлостью форм, и, с ее кремовой кожей и томными черными глазами, подобно всем женщинам евроазиатского происхождения, чрезвычайно привлекательна. Но, как очень скоро обнаружили ее поклонники, сонный взгляд мгновенно становится очень жестким. Госпожа Пернамбур знала себе цену и дешево не продавалась. А потому казалось весьма похвально, хотя и несколько странно, что столь жесткая, богатая и красивая женщина проявляет нежную заботу о восьми маленьких хористах. Более того, даже когда «Маленькие кардиналы» не выступали, их учитель обязательно получал приглашение на обед или на ужин, во время которого изысканный стол был сервирован на террасе в саду под огромной яркой луной. — Неожиданно отец Сибер замолчал и взглянул на часы: — Боже милостивый, уже почти половина четвертого! За мной должна приехать машина, и я, кажется, даже слышу шум мотора на подъездной дорожке. Ладно, не буду вас больше дразнить. В любом случае вы уже и так все поняли. Словом, хотя она еще в этом и не призналась, Луиза по уши влюбилась в Десмонда. Итак, в один прекрасный субботний день, приехав в Адьяр на встречу с одним из наших попечителей, я решил воспользоваться случаем и заглянуть к госпоже Пернамбур. Я знал, что она пригласила Десмонда на чай, а поскольку сам страшно взмок и ужасно хотел пить, то решил, что и мне перепадет чашечка освежающего чая с булочкой. Было уже половина четвертого, погода стояла прекрасная, и ничто не напоминало о дождях и наводнениях, терзавших штат Бихар на севере. Итак, поскольку я принят в этом доме и мне все там хорошо знакомо, я вошел через дверь на террасу и по коридору прошел в гостиную. И, никем не замеченный, остановился в дверях. На большом низком диване, под опахалом, которым ритмично взмахивал мальчик-слуга, сидели Десмонд и хозяйка дома: мадам в прелестном голубом неглиже из тончайшего газа. Тут следует отдать должное Десмонду. Он сидел на приличном расстоянии от мадам, которая, вероятно повинуясь таинственным законам гравитации, придвигалась к нему все ближе и с обожанием заглядывала ему в глаза. Неожиданно она что-то прошептала ему на ухо. В ответ Десмонд вежливо улыбнулся, не в силах скрыть выражение усталости, можно даже сказать скуки на лице, и тогда она вдруг протянула руку и нажала на кнопку. Я сразу понял, что сейчас будет, ибо недавно из Нью-Йорка доставили огромный электроорган с записями песен в исполнении Десмонда и установили в дальнем конце гостиной. И вот послышалось какое-то гудение, а потом:

Ты — моего сердца отрада,

Я не могу без тебя...

И когда несравненный юный голос заполнил комнату, мадам придвинулась к Десмонду еще ближе. Может, я раньше и не видел в женских глазах готовность связать себя узами брака, но сейчас я увидел именно это и ошибиться не мог, так как слишком хорошо знал Луизу, которая всегда хотела или все, или ничего. Итак, я повернулся и на цыпочках пробрался туда, откуда пришел, затем, сделав круг, подошел к главному входу, где попросил дворецкого передать мадам, что я приходил.

Отец Сибер умолк, а мы с Нэн смотрели на него в немом удивлении.

— Ну, — с трудом выдавил я. — Желаю Десмонду мягкой посадки. Надеюсь, он будет счастлив.

— Погодите! — воскликнул отец Сибер. — Не будем обгонять события. Итак, в тот вечер Десмонд вернулся раньше обычного и сразу же прошел в свой класс, где его уже ждали маленькие ученики. Когда он вошел, они встретили его песней собственного сочинения — строфами, полными любви и признательности, которые в милом детском исполнении звучали по-настоящему трогательно. Я заметил, что, выходя из класса, Десмонд вытирал глаза. Потом он прошел в часовню. Я знал, что он непременно ко мне зайдет, и действительно, через полчаса он постучался в мою дверь.

«Входи, Десмонд».

Он вошел и тут же упал передо мной на колени.

«Отец, я должен вам кое-что сказать».

«Вставай сейчас же, дуралей, и садись в кресло, — произнес я и, когда он встал с колен, добавил: — Не нужно мне ничего говорить. Я уже в курсе, и тебе некого винить, кроме себя. А все твоя манера целовать ручки и бросать томные взгляды. В результате бедная женщина решила, что ты безумно влюблен, но слишком застенчив, чтобы признаться. А потому сделала это за тебя. Ну что, не прав я?»

«Да, святой отец, — ответил он убитым голосом. — Она хочет увезти меня в Пуну, где мы сможем без лишнего шума сочетаться браком».

«А ты сам-то этого хочешь?»

«Нет, я не хочу кончить свою и без того несчастную жизнь в ее будуаре, — печально покачал головой наш дурачок и промямлил: — К тому же мне не нравится, как от нее пахнет».

Нам с Нэн жутко хотелось смеяться, но под строгим взглядом отца Сибера мы сдержались.

— Десмонд был просто сам не свой, — продолжил он. — И мне ничего не оставалось, как твердо объявить ему, что если он не хочет лишних неприятностей, ему надо убираться отсюда, и поскорее. В Бихаре, где во время наводнения река вышла из берегов и смыла целую деревню, остро требуются помощники. Я велел ему отправляться туда и прихватить с собой матрац, поскольку путь до Калькутты неблизкий.

«Святой отец, но я не хочу покидать вас и своих мальчиков!»

«В таком случае мадам никогда в жизни не оставит тебя в покое!»

И тогда он нехотя встал, молча прошел к себе в комнату, собрал дорожную сумку и послушно свернул матрац. В тот же вечер, в половине одиннадцатого, я посадил его на мадрасском вокзале на почтовый поезд, идущий на север.

На этом отец Сибер закончил свой длинный, но крайне интересный рассказ, и в комнате воцарилась тишина.

— Так он все-таки добрался до Бихара или нет? — спросила Нэн.

— Добрался. И если судить по поступающим оттуда телеграммам, держался он удивительно мужественно и достойно.

— А как же госпожа Пернамбур? — поинтересовался я.

— Я счел, что в моем положении будет благоразумнее совершить поездку к брату, которую так долго откладывал, — мягко улыбнулся отец Сибер. — Когда я вернусь, она уже будет в своем прекрасном доме в Пуне, куда я и отправлю длинное, умщенное лестью послание с объяснениями.

Подъехавшая к дому машина нетерпеливо загудела, и отец Сибер встал.

— Жаль, что не удалось погостить подольше. А сейчас мне пора прощаться. Я очень рад, что нашел вас обоих в добром здравии и хорошем расположении духа. Так и передам Десмонду.

Мы проводили его до дверей. Он остановился и, взяв Нэн за руку, что-то с улыбкой прошептал ей на ухо. Затем попрощался, забрался в такси и уехал.

— Какой чудесный человек! — воскликнула Нэн. — Такой славный.

— Что правда, то правда, — согласился я. — Надо будет послать ему чек на приличную сумму. Но, боже правый, ох уж этот Десмонд! Ну и дела! Кстати, что там тебе шепнул на ушко отец Сибер?

— «Оставайся хорошей, доброй девушкой, и вы оба будете жить долго и счастливо», — потупившись, тихо сказала Нэн.

Примечания

1

Стоунихерст — католический колледж, расположенный в графстве Ланкашир.

(Здесь и далее прим. перев.).

2

«Нужно есть, чтобы жить». — «Но не жить, чтобы есть»

(лат.).

3

Роксбургский клуб — общество библиофилов в Лондоне (основан в 1912 году), члены которого брали на себя обязательство перепечатывать книги за свой счет.

4

Даунсайд — одна из старейших католических британских школ-пансионов, возглавляемых монахами-бенедиктинцами.

5

Старый союз — военно-политический и культурный альянс (1295–1560 гг.) Шотландии и Франции, направленный на сдерживание внешнеполитических амбиций Англии.

6

«Скромный маленький цветок» — строфа из стихотворения Р. Бернса «Горной маргаритке, которую я примял своим плугом».

(Перевод С. Я. Маршака).

7

Старший четвертый класс (upper fourth form) — соответствует 10-му классу российской школы.

8

Соответственно герои опер «Дон Жуан» В. А. Моцарта, «Тоска» и «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини.

9

Baton sinister — буквально «левая перевязь». В геральдике это полоса на гербе от верхнего правого угла до нижнего левого угла, свидетельствующая о незаконном рождении.

10

Лиффи — река в Ирландии, протекающая через центр Дублина.

11

Юджин Сэндоу — пионер в области современного бодибилдинга.

12

Пьета — в изобразительном искусстве сцена оплакивания Христа Богородицею.

13

Борстал — исправительное заведение в Англии для преступников от 14 лет до 21 года.

14

Намек на враждебное отношение шотландцев к ирландцам; зеленый цвет является символом Ирландии.

15

Из цикла «Ирландские мелодии» Томаса Мура,
перевод А. Голембы.

16

Из цикла «Ирландские мелодии» Томаса Мура,
перевод А. Н. Плещеева.

17

Мучной понедельник — второй понедельник февраля.

18

Fidus Achates — верный Ахат, то есть верный друг, наперсник; выражение пошло от имени друга и спутника Энея.

19

Entrée — пропуск

(фр.).

20

Пелота — традиционная баскская игра в мяч, прообраз сквоша.

21

Лимерик — шуточное стихотворение из пяти строк, где две первые рифмуются с последней; слово пошло от названия города Лимерик в Ирландии.

22

Евангелие от Матфея, 28:19.

23

Послание к Коринфянам, 9:16.

24

Via dolorosa — путь скорби

(ит.).

25

Евангелие от Матфея, 28: 16–20.

26

Fille de joie — девушка легкого поведения

(фр.).

27

Полента — итальянское блюдо из кукурузной муки, напоминает кашу или мамалыгу.

28

Buona notte — спокойной ночи

(ит.).

29

Aficionado — любитель, знаток, истинный ценитель искусства

(исп.).

30

Донегал — город в Ирландии.

31

Shamrock — трилистник, символ Ирландии

(англ.) .

32

Зеленый остров — неофициальное название Ирландии.

33

Ковры «керман» — ковры, изготавливаемые в одноименном городе южной Персии. Стиль «лавар» — это сад, дерево жизни, ваза и множество цветочных узоров.

34

Джон Лавери (1856–1941) — ирландский и шотландский художник, мастер портретной и пейзажной живописи.

35

Фома Кемпийский (1380–1471) — католический монах; считается наиболее вероятным автором знаменитого трактата «О подражании Христу».

36

«Споуд» — марка тонкого фарфора, названная по имени основателя фирмы Дж. Споуда.

37

«Ан-ту-ка» — название различных спортивных сооружений, обычно теннисных кортов, одноименной строительной фирмы.

38

Композитор Мануэль де Фалья (1876–1946); в России опера шла под названием «Девушка из предместья».

39

Джаспер Маскелайн и Дэвид Девант — знаменитые иллюзионисты.

40

Франческо Кавалли (1602–1676) — итальянский композитор и органист, внесший большой вклад в развитие итальянской оперы.

41

Faux pas — ложный шаг

(фр.).

42

Пьер Абеляр (1079–1142) — французский философ, богослов и поэт, неоднократно осуждавшийся католической церковью за еретические воззрения.

Элоиза (ок. 1100–1163) — возлюбленная, тайная супруга и ученица Абеляра. Поскольку их брак был тайным, отец Элоизы в наказание, как он считал, за бесчестье дочери оскотил Абеляра, после чего оба приняли постриг, всю оставшуюся жизнь обмениваясь друг с другом письмами, исполненными нежности и любви. Подробно эти злоключения описаны в сочинении Абеляра «История моих бедствий». Известна также их переписка, хотя у историков литературы есть сомнения в ее подлинности.

43

«Высокая церковь» — направление англиканской церкви, тяготеющее к католицизму.

44

Трильби — героиня одноименного романа Джорджа Дюморье (1834–1896), натурщица, полностью лишенная слуха, которую с помощью гипноза таинственный человек по имени Свенгали превратил в выдающуюся европейскую певицу, причем петь Трильби могла, только находясь рядом с Свенгали и исключительно под его гипнотическим взглядом.

45

Орден «Хибернианз» — ирландская католическая благотворительная организация.

46

Дуэйская библия — английский перевод Библии для католиков XV–XVII вв.; по названию города Дуэ во Франции.

47

«Зеленый плащ» — старинная патриотическая ирландская баллада.

48

Боллсбридж — юго-восточный (фешенебельный) район Дублина.

49

Джон Фрэнсис Маккормак (1884–1945) — тенор школы бельканто, один из величайших певцов двадцатого века.

50

Сноудон — самая высокая гора Уэльса.

51

Хов — курорт к западу от Брайтона на побережье Ла-Манша.

52

Имеется в виду Фрэнсис Мэрион (1888–1973) — американская актриса, режиссер, сценарист, продюсер. В 1930 году получила «Оскар» за сценарий к фильму «Казенный дом».

53

«Прекрасные берега Лох-Ломонд» — известная шотландская песня.

54

«Владычица озера»

(фр.).

55

Игра, в которой убегающие оставляют за собой клочки бумаги как след.

56

Ричард Таубер (1891–1948) — австрийский оперный певец, актер, композитор, продюсер.

57

Андрео дель Сартро (1486–1530) — итальянский живописец флорентийской школы эпохи Высокого Возрождения.

58

Грейс Мур (1898–1947) — американская певица сопрано и актриса.

Кароль Ломбард(1908–1942) — американская актриса.

Джейн Новак (1896–1990) — американская актриса.

Лиля Ли (1901–1973) — американская актриса, получившая популярность как актриса немого кино.

Этель Бэрримор (1897–1959) — американская актриса, обладательница премии «Оскар».

Норма Ширер (1902–1983) — американская актриса, обладательница премии «Оскар».

59

После ванны

(фр.).

60

Chota hazri — легкая закуска перед завтраком

(хинди).

61

Dacoit — грабитель, бандит

(хинди).

62

Магарани — супруга магараджи.

63

Клайв Роберт (1725–1774) — британский генерал, правитель индийской части Британской империи.

64

Тости Франческо Паоло (1846–1916) — итальянский композитор. Вальс «Прощай» написан на стихи шотландского поэта Джорджа Уайт-Мелвилла (1821–1878).

65

Малое жилище — великий покой

(лат.).

66

Ragi и varagu — разновидности проса.

67

Manqu? — несостоявшийся

(фр.).

68

Рани — супруга раджи.